ТРИДЦАТИЛѢТІЕ ЕВРОПЫ

ВЪ

ЦАРСТВОВАНІЕ

ИМПЕРАТОРА

НИКОЛАЯ I.

Сочиненіе Р. Зотова.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ЮЛІУСА ШТАУФА.
1857.

С. 2.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С. Петербургъ, 12-го Іюля 1856 года.

Ценсоръ *В. Бекетовъ.*

ТРИДЦАТИЛѢТІЕ ЕВРОПЫ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ

ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.

ТРИДЦАТИЛѢТІЕ ЕВРОПЫ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ

НИКОЛАЯ I-го.

ГЛАВА I-я.

1848 годъ. *Иностранныя происшествія:* Франція.—Революція 22-24 февраля. Отреченіе Лудовика Филиппа. — Отъѣздъ его.—Временное правленіе. — Республика. — Созваніе конституціоннаго собранія. — Возстаніе 18-го мая. — Битва четырехъ-суточная въ іюнѣ. — Кавеньякъ диктаторъ и временной президентъ. —Италія.— Возстаніе Сициліи. — Происки Англіи. — Революція въ Вѣнѣ.— Возстаніе въ Миланѣ. — Піемонтъ объявляетъ войну Австріи. — Венеція.— Республика.— Кампанія графа Радецкаго. — Сраженіе при Сомма-Кампаньи.—Перемиріе.—Германія.—Гейдельсбергское собраніе. — Пріуготовительный парламентъ. — Собраніе Франкфуртскаго національнаго сейма. — Избраніе Намѣстника. — Эрцгерцогъ Іоаннъ.—Дѣйствія парламента. — Познань. — Шлезвигъ и Голстейнъ.—Бунтъ во Франкфуртѣ.—Пруссія.— Бунтъ 17-го и 18-го марта.—Прокламаціи короля.— Германское знамя, кокарда и цвѣта.

Въ исторіи народовъ есть эпохи, когда цѣлое поколѣніе обхватывается какою нибудь несбыточною, сумасбродною мыслію, и народные корифеи пользуются ею для личныхъ своихъ видовъ. Наводнится ли потоками крови шаръ земной, гибнутъ ли тысячьми невинные и увлечен-

ные люди, падаетъ ли вѣра, просвѣщеніе и всеобщая нравственность, кому какое дѣло! лишь бы заставить восторжествовать свою идею. Когда же пройдетъ этотъ періодъ ослѣпленія, когда наступитъ эпоха отрезвленія, когда стихіи вѣчнаго порядка и добра воспріимутъ опять силу и власть надъ отуманенными головами, все человѣчество съ изумленіемъ оглядывается на минувшія заблужденія, на совершившіеся перевороты, и съ недоумѣніемъ отыскиваетъ побудительныя причины всѣхъ событій. Увы! остаются только печальныя послѣдствія; происхожденіе же состояло въ одной идеѣ, которой лживость очевидна для каждаго. Западная Европа часто была позорищемъ подобныхъ явленій. Такъ, напримѣръ, въ концѣ 999 года по Р. Х. обуяла всю Европу мысль, что міру суждено только существовать тысячу лѣтъ, и всѣ готовились къ неминуемой смерти. Такъ происходила 30-ти-лѣтняя война за вопросъ: можно ли допустить инымъ народамъ молиться по своему? Такъ въ концѣ XVIII вѣка вспыхнула ужасная французская революція, и зараза основной мысли ея распространилась далеко на сосѣдственныя страны: надобно ли повиноваться какимъ либо законамъ? должно ли имѣть надъ собою владыку? и есть ли въ природѣ какой либо Богъ? Демагоги Франціи отвѣчали на эти три вопроса отрицательно и доказали это.

Такъ съ двадцатыхъ годовъ XIX столѣтія народами запада овладѣла мысль, что лучшій родъ правленія *представительный*, и всѣ стали требовать конституцій, палатъ, народныхъ правъ, забывая, что всякое человѣческое общество основано на обязанностяхъ; что первымъ залогомъ безопасности порядка и спокойствія служитъ повиновеніе законамъ и исполненіе долга.

Развитіе дурными и злонамѣренными истолкователями идеи *конституціонныхъ правъ* произвело и революцію 1848 года, описаніе которой мы намѣрены теперь представить читателямъ. Когда же мы дойдемъ до эпохи 1853–

1854 годовъ, то будемъ имѣть еще печальный примѣръ заблужденій человѣческихъ, — всеобщаго увлеченія запада къ ложной идеѣ, что для спасенія и безопасности христіанской Европы необходимо поддержать силою оружія разрушающійся остовъ мусульманъ, расположившихся станомъ въ лучшихъ странахъ Европы, и что для этого поддержанія нужно ослабить Россію, которая защищаетъ христіанъ на востокѣ и требуетъ для этого исполненія договоровъ.

Наблюдательные умы, кромѣ этихъ главныхъ эпохъ человѣческихъ заблужденій, найдутъ въ исторіи человѣчества много еще подобныхъ примѣровъ. Они нераздѣльны съ земною слабостію людей. Истинный свѣтъ только по ту сторону гроба. Здѣсь же руководствуетъ въ мракѣ заблужденій и въ лабиринтѣ страстей одна вѣра.

Въ событіяхъ 1847 года видѣли мы начинающійся разгаръ страстей и волненій въ одной Италіи, гдѣ папа подалъ примѣръ нововведеній въ ѳеократической формѣ правленія и гдѣ явное повсемѣстное выраженіе ненависти противъ австрійцевъ заставило уже австрійскія войска вступить въ римскую область. Слѣдственно въ Италіи уже кипѣла лава возстанія. Одинъ подземный ударъ, и она должна была вылиться изъ кратера. Этотъ ударъ произошелъ во Франціи, которая всегда имѣла историческую привиллегію начинать революціи въ Европѣ. Теперь, восемь лѣтъ спустя, любопытно прослѣдить всѣ документы, чтобъ найти первоначальные источники этого переворота, потрясшаго почти всю Европу. Странное дѣло! Въ первую минуту революціонной вспышки никто не думалъ, не хотѣлъ итти такъ далеко. Слабость правительства сама рѣшила судьбу династіи. Успѣхъ революціи заставилъ всѣхъ хвастать, что все это давно приготовлялось и ожидалось, а когда наступила эпоха реакціи, то есть возвращенія къ порядку, всѣ отпирались отъ соучастія въ заговорахъ. Конечно, республиканцы съ 1830 года (и

еще ранѣе) составляли свои сходки и замыслы, какъ теперь и всегда, но число ихъ было вовсе не такъ значительно, чтобъ низвергнуть короля и изгнать его изъ Франціи. Все было конечно готово къ вспышкѣ, какъ и всегда въ легкомысленной и непостоянной Франціи, но опредѣленной, близкой цѣли никто не имѣлъ, не предугадывалъ. Постараемся разсказать все событіе въ простомъ, ежедневномъ и постепенномъ его ходѣ.

Въ Парижѣ была мода на банкеты. Это было подражаніе англійскимъ митингамъ. И тѣ и другіе служили къ выраженію общественнаго мнѣнія въ публичныхъ дѣлахъ. Въ парижской законодательной палатѣ была тогда сильная оппозиція противу министерства Гизо. Всѣ горячія головы обвиняли его въ униженномъ положеніи Франціи. Онъ уступилъ Англіи въ дѣлѣ Причарда; онъ не помогъ бунту въ Галиціи; онъ дозволилъ присоединеніе Кракова къ Австріи, онъ наконецъ допустилъ австрійцевъ въ Феррару и на берега По. Предводителями оппозиціи были Одильонъ Барро и Тьеръ. Въ палатѣ требовали они умѣренной реформы въ образѣ правленія. Въ банкетахъ говорили сильнѣе и обвиняли министровъ въ лихоимствѣ, измѣнѣ, неспособности. Въ палатѣ предложенія о реформѣ были отвергнуты большинствомъ голосовъ, а банкеты были запрещены.

Послѣдняя мѣра была искрою, брошенною въ порохъ. Право политическихъ сходбищъ дозволено было конституціею, слѣдственно министры нарушали ее своимъ запрещеніемъ. Правда, что они ссылались на законъ 1790 года, но тогда хартія 1814—1815 годовъ и конституція 1830 года несуществовали, и оппозиція отвергала права министерства стѣснять свободу банкетовъ.

Центральный комитетъ сенскихъ избирателей рѣшилъ, что послѣдній банкетъ данъ будетъ 19-го января 1848 года отъ имени 12-го округа. Но 14 числа получено было учредителями банкета объявленіе полиціи, что онъ за-

прещается; оппозиція тотчасъ же собралась, и первое рѣшеніе ея состояло въ томъ, чтобъ всѣмъ членамъ ея подать въ отставку, и пока будутъ во Франціи вновь избирать сто депутатовъ вмѣсто ихъ, они успѣютъ передать все дѣло суду общественнаго мнѣнія и взволновать всю Францію. Это рѣшеніе ясно доказываетъ, что тогда еще слѣдственно не могло быть намѣренія о возстаніи и революціи.

При вторичной сходкѣ депутатовъ оппозиціи, первое рѣшеніе было однакоже отмѣнено и положено составить протестъ противъ запрещенія банкетовъ, а какъ въ самое это время надобно было представлять королю адресъ, то рѣшено, чтобы всѣ оппозиціонные члены отказались отъ поднесенія его. Между тѣмъ продолжались приготовленія къ банкету, не смотря на запрещеніе.

Повсемѣстное объявленіе этого рѣшенія взволновало весь Парижъ. Всѣ благоразумные люди опасались кровопролитія. Нѣкоторые изъ министровъ представили королю: непозволитъ ли онъ окончить дѣло примиреніемъ. «Нѣтъ, отвѣчалъ Лудовикъ-Филиппъ, (*) я нехочу унизить своей короны сдѣлкою съ толпою говоруновъ. Всѣ толкуютъ о реформѣ; я никогда несоглашусь на эту слабость. Реформа—значитъ управленіе оппозиціи, а управленіе оппозиціи значитъ всеобщая война и начало конца; нѣтъ! какъ скоро оппозиція приметъ бразды правленія, я оставлю Францію и тронъ.»

Твердая рѣшимость эта поддерживаема была начальникомъ національной гвардіи, который ручался за преданность ея; въ арміи никогда несомнѣвались. Еслибъ нужно было укрощать народъ силою, всѣ окружающіе короля увѣряли, что побѣда будетъ несомнѣнно на

(*) Abdication du roi Louis-Philippe, racontée par lui même et recueillie par Ed. Lemoine.

его сторонѣ. Дни шли за днями, и ни которая сторона нехотѣла уступить, но не рѣшалась и начинать явнаго боя. Оппозиція обнародовала наконецъ, что банкетъ будетъ 22-го февраля въ одной улицѣ у Елисейскихъ полей.

Еще разъ испытали всѣ средства къ примиренію. Г. Морни пріѣзжалъ къ Одильону Барро, и предложилъ слѣдующую сдѣлку, отъ имени правительства. Оппозиція можетъ безпрепятственно отправиться къ мѣсту банкета; ни на пути своемъ, ни у дверей банкета не встрѣтитъ она никакого сопротивленія. Но когда всѣ члены соберутся, полиція придетъ и пригласитъ ихъ разойтись, а въ случаѣ неповиновенія запишетъ имена ихъ, чтобъ предать суду. Оппозиція приняла эти условія. Дѣло клонилось къ примиренію.

Но когда король узналъ объ этой мировой между министерствомъ и оппозиціею, то выразилъ чрезвычайное неудовольствіе, и явно жаловался, что вокругъ него все слабые и боязливые люди, что ему дурно служатъ, измѣняютъ. Слова эти заставили министровъ отказаться отъ прежней сдѣлки, не сообщивъ о томъ членамъ оппозиціи, которые между тѣмъ напечатали программу своего банкета, приглашая всѣхъ жителей соблюдать тишину и порядокъ.

По донесеніямъ полиціи, до 100,000 парижанъ сбирались провожать депутатовъ на банкетъ. Это испугало дворъ и министерство. Г. Морни опять явился для переговоровъ и представилъ, что подобное стеченіе народа опасно и неможетъ быть допущено. Для разсѣянія толпы положено было объявить именемъ оппозиціи, что она вовсе не приглашаетъ никого провожать ее и не желаетъ народныхъ сходбищъ и манифестацій. Но этого казалось недостаточно королю, и министерство отказалось отъ всякихъ соглашеній съ оппозиціею.

Это было наканунѣ банкета. Одильонъ Барро публично въ палатѣ потребовалъ у министровъ объясненій по

этому дѣлу; и министръ Дюшатель повторилъ, что оппозиція можетъ итти къ своему банкету, но будетъ потомъ отвѣчать за нарушеніе законовъ.

Члены банкета собрались между собою для совѣщанія, и большинство рѣшило совсѣмъ отказаться отъ банкета, для избѣжанія междоусобій. (Новое доказательство, что плана революціоннаго не было еще въ виду).

22-го февраля вывѣшены были на улицахъ двѣ прокламаціи, одна къ національной гвардіи, другая отъ префекта полиціи. Въ обѣихъ правительство объявило о воспрещеніи банкета, угрожая употребить силу оружія противу сходбищъ. Оппозиція со своей стороны публиковала въ газетахъ, что отказывается отъ банкета, но будетъ преслѣдовать министерство всѣми законными средствами.

Дѣйствительно, въ тотъ же день подписали всѣ члены этой партіи и подали палатѣ слѣдующее представленіе:

Предлагаемъ предать министерство суду:

«1) За то, что во внѣшнихъ сношеніяхъ оно измѣнило чести и выгодамъ Франціи. 2) За то, что нарушило конституцію, свободу и права гражданъ. 3) За то, что систематическимъ подкупомъ старалось продавать выраженіе общественнаго мнѣнія въ пользу частныхъ выгодъ, искажая представительныя права. 4) За то, что продавало за деньги всѣ публичныя должности и права верховной власти. 5) За то, что разстроило государственные финансы, обезсиливъ этимъ могущество и величіе націи. 6) За то, что насильственно лишило гражданъ права, сопряженнаго со всякою свободною конституціею и обезпеченнаго хартіею и всѣми законами. 7) Наконецъ за то, что противуреволюціонною политикою лишило Францію всѣхъ правъ, пріобрѣтенныхъ ею первыми двумя революціями и повергла ее въ волненіе.»

Съ зарею 22-го числа началъ народъ собираться по улицамъ кто изъ любопытства, кто изъ желанія участвовать въ шумѣ и безпорядкахъ. Правительство

со своей стороны собрало большія силы для подавленія мятежа, хотя никто его не ожидалъ. Король былъ доволенъ тѣмъ, что оппозиція отказалась отъ банкета; всѣ его увѣряли, что никакой борьбы не могло произойти.

Толпа школьниковъ и рабочихъ, распѣвая марсельскую пѣсню и возглашая: «да здравствуетъ реформа! Долой министровъ!» прошла до палаты депутатовъ и отправилась къ дому Барро. Войско, при появленіи своемъ, встрѣчено были свистками и камнями, но неотвѣчало на эти дерзкіе вызовы. Вскорѣ однакоже главныя улицы заняты были кавалеріею и толпа оттѣснена была во внутренніе кварталы, гдѣ устроила себѣ на-скоро барикады, изъ–за которыхъ произведено было нѣсколько выстрѣловъ.

Тѣмъ кончился день 22–го февраля. На слѣдующее утро народъ опять явился на улицахъ и снова сталъ строить барикады. Начались сильныя перестрѣлки. Національная гвардія, которую никто еще не созывалъ, сама явилась въ дѣлѣ и стала кричать: «да здравствуетъ реформа!» Этотъ крикъ поразилъ войска недоумѣніемъ. Сражаться ли ему противу національной гвардіи? Этого не было ни приказано, ни предусмотрѣно. Съ этой минуты возмущеніе быстро распространилось. Вездѣ раздались крики: «Да здравствуетъ реформа! Долой министровъ!»

Это извѣстіе дошло и до короля. Всѣ являющіеся во дворецъ подтверждали это; всѣ были въ унынія. Гизо подалъ отставку, и король принялъ ее. Тотчасъ же новость эта распространилась въ Парижѣ; всѣ поздравляли другъ друга, всѣ непріязненныя дѣйствія прекратились; наступила ночь, всѣ домы освѣтились иллюминаціею. Всѣ успокоились. Вдругъ изъ толпы, окружавшей домъ министерства иностранныхъ дѣлъ (Гизо), послѣдовалъ выстрѣлъ; отрядъ пѣхоты, защищавшій этотъ домъ, вообразилъ себѣ, что на него готовится нападеніе и сдѣлалъ залпъ въ густыя массы народа. До 50–ти человѣкъ было убито. Крики ярости раздались въ народѣ. Убитыхъ сло-

жили на телѣги и повезли напоказъ по всему Парижу. Въ одно мгновенiе принялись опять за постройку баррикадъ. Войско, не получая приказанiй, не препятствовало этимъ постройкамъ.

Лудовикъ Филиппъ въ это время рѣшился употребить величайшiя военныя усилiя для потушенiя бунта. Маршалъ Бюжо былъ назначенъ главнокомандующимъ всѣми войсками. Объявленiе это было вездѣ прибито, но оно усилило только народное буйство. Неизвѣстно, какiя бы послѣдствiя произошли отъ ожесточеннаго боя, но король вдругъ передумалъ, и принялся за миролюбивыя мѣры. Онъ хотѣлъ составить министерство, прiятное народу, и послалъ за графомъ Моле; тотъ неявился. Онъ потребовалъ Тьера, и тотъ прибылъ въ первомъ часу ночи. Когда же король поручилъ ему составить новый кабинетъ, онъ объявилъ, что безъ Одильона Барро не можетъ ручаться за большинство палаты. Лудовикъ Филиппъ и на это согласился. Позвали Барро, но тотъ неиначе соглашался вступить въ министерство, какъ уволивъ сейчасъ маршала Бюжо и приказавъ ему прекратить сопротивленiе народу. Король и въ этомъ уступилъ.

Тьеръ и Барро тотчасъ же обнародовали слѣдующую прокламацiю:

«Граждане Парижа! Дано приказанiе прекратить огонь. Намъ поручено королемъ составить министерство. Палата будетъ распущена. Генералъ Ламорисьеръ назначенъ главнокомандующимъ парижскою нацiональною гвардiею. Одильонъ Барро, Тьеръ, Ламорисьеръ, Дювержье де-Гораннь назначаются министрами.

Свобода, порядокъ, согласiе, реформа.

Одильонъ Барро. Тьеръ.»

Въ 8 часовъ утра 24-го числа обнародована была эта прокламацiя. Но бунтовщики уже не хотѣли ни читать, ни вѣрить. Самъ Барро явился посреди толпы; его слова не подѣйствовали.

Королевская фамилія рано собралась въ Діаниной галереѣ; подали завтракъ. Вдругъ вошли Ремюза и Дювержье де-Гораннь. Они объявили, что войска переходятъ въ ряды черни. Король всталъ изъ-за стола и повелъ депутатовъ въ кабинетъ.

«Ваше величество, сказала ему королева. Сядьте верхомъ, поѣжайте къ войскамъ, и если нужно умѣйте умереть. Жена и дѣти ваши будутъ смотрѣть на васъ съ балкона.»

Король послушался, и вскорѣ въ военномъ мундирѣ сошелъ на Тюльерійскій дворъ, сѣлъ на лошадь и произвелъ смотръ нѣсколькимъ войскамъ, собраннымъ тутъ; но половина встрѣтила его криками: «да здравствуетъ реформа!» Этого было довольно, чтобъ неѣхать далѣе, а возвратиться во дворецъ.

Тутъ собрались къ нему всѣ депутаты и сановники. Произошелъ шумъ, споры; всѣ совѣтовали отреченіе; одна королева несоглашалась. Она восклицала, что всякая революція—преступленіе, а отреченіе—стыдъ; что король долженъ защищать свою корону, и не отдавать ее по востребованію черни. Лудовикъ Филиппъ былъ увлеченъ этими словами и хотѣлъ снова итти. Вдругъ приходитъ вѣсть, что Ламорисьеръ раненъ, и бунтовщики рвутся уже къ Тюльери. Лудовикъ Филиппъ схватилъ перо и подписалъ отреченіе.

«Слагаю корону, врученную мнѣ націею и принятую мною только для сохраненія мира и спокойствія во Франціи. Видя себя не въ силахъ исполнить этого долга, я передаю эту корону внуку моему, графу Парижскому. Да будетъ онъ счастливѣе меня.

Лудовикъ Филиппъ.»

Нѣсколько минутъ спустя прибито было по улицамъ объявленіе.

«Король сложилъ корону въ пользу графа Парижскаго,

съ регентствомъ герцогини Орлеанской. Общее всепрощеніе. Распущеніе палатъ. Воззваніе къ Франціи.»

Подписавъ отреченіе, королю оставалось бѣжать. Король, королева съ нѣкоторыми членами своего семейства и свита прошли чрезъ Тюльерійскій садъ и вышли къ рѣшеткѣ на площадь Согласія. Здѣсь у обелиска должна была ожидать ихъ карета, но ее небыло, а вся площадь была наполнена вооруженнымъ народомъ. Со страхомъ двинулась королевская фамилія къ этой толпѣ. Кирасирскій полкъ, стоявшій на площади, хотѣлъ служить королю конвоемъ, но трудно было пробиться сквозь толпу. Одинъ офицеръ подъѣхалъ къ народу и сказалъ: «Господа, пощадите короля!»—«Мы не убійцы, отвѣчалъ одинъ изъ толпы. Пусть его ѣдетъ.»—«Да, да, пусть ѣдетъ!» повторили тысячи голосовъ.

Нѣсколько печальныхъ минутъ простоялъ тутъ король, ожидая каретъ, но онѣ уже были сожжены чернью; послали за другими, и наконецъ въ двѣ двумѣстныя кареты въ одну лошадь и въ одинъ кабріолетъ усѣлись пятнадцать человѣкъ, и подъ защитою конвоя кавалерійскаго полка Реньо Сенъ-Жанъ д'Анжели двинулись въ путь.

У заставы пересѣли они въ два публичные дилижанса и поѣхали въ Тріанонъ. Но и оттуда надобно было бѣжать. Рѣшились ѣхать въ Версаль и тамъ выжидать дальнѣйшихъ происшествій. Въ эту минуту вспомнили, что ни у кого нѣтъ денегъ. Король выходя оставилъ на столѣ 330,000 франковъ банковыми билетами. Генералъ Дюма долженъ былъ занять 1200 франковъ, и съ этимъ богатствомъ отправился король, считавшійся первымъ богачемъ въ Европѣ.

Ночь бѣгствующіе провели въ Дрё, и ждали по утру вѣстей изъ Парижа. Тамъ осталась герцогиня Орлеанская, регентша съ юнымъ королемъ, графомъ Парижскимъ и братомъ его. Король надѣялся, что умы успокоятся и что

ему можно будетъ поселиться въ Нельи или Дрё. Увы! и эта надежда исчезла.

Когда король и королева отправились изъ Тюльери на площадь Согласія, герцогиня орлеанская пошла съ дѣтьми своими въ палату депутатовъ. Но туда уже вторгся народъ и угрожалъ смертію ораторамъ. Палата объявила посреди криковъ и волненій, что не можетъ располагать трономъ Франціи, а учредитъ временное правленіе для возстановленія порядка; потомъ будетъ сдѣлано воззваніе Франціи, чтобъ она сама рѣшила какую форму правленія избираетъ. Напрасно герцогиня орлеанская и защитники ея старались представить права графа парижскаго. Крики и угрозы толпы заставили ихъ замолчать и искать личнаго спасенія.

Съ величайшею опасностью вышла она съ дѣтьми и отправилась въ изгнаніе. Король со своей стороны успѣлъ съ трудомъ и страхомъ достигнуть Гавра, откуда на англійскомъ пароходѣ поѣхалъ въ Англію.

Таковъ былъ конецъ іюльской монархіи. Кто именно ниспровергъ ее и для чего? на этотъ вопросъ исторіи отвѣчать трудно. Несчастный банкетъ и оппозиція палаты депутатовъ были поводомъ къ возмущенію. Тьеръ и Одильонъ Барро, бывшіе предводителями оппозиціи, вовсе не участвовали въ бояхъ на барикадахъ. Ихъ даже отвергли при выборѣ членовъ временнаго правленія. — Когда оно было объявлено въ ратушѣ, съ балкона провозглашали имена избираемыхъ членовъ, и народъ тысячьми голосовъ одобрялъ или отвергалъ выборъ. Такъ были избраны Дюпонъ президентомъ, Ламартинъ, Кремьё, Франсуа Араго, Ледрю-Ролленъ, Гарньэ Паже, Мари, Арманъ Марастъ, Луи Бланъ, Флоконъ и мастеровой Альберъ.

Еще 22-го февраля всѣ желали реформы и другаго министерства. О ниспроверженіи трона никто не смѣлъ и думать. Народъ сталъ строить барикады по всегдаш-

ней своей привычкѣ. Изъ-за барикадъ начались выстрѣлы, и уличный бой распространился. Но 23-го числа ввечеру была минута, когда все казалось конченнымъ миролюбиво. Прокламацiя Одильона Барро и Тьера всѣхъ успокоила, удовлетворила; всѣ помирились, обнялись въ толпѣ и праздновали побѣду народа. Одинъ несчастный выстрѣлъ изъ толпы и послѣдовавшiй за тѣмъ залпъ караула произвели новую вспышку, которую уже невозможно было остановить иначе, какъ сильнымъ и единодушнымъ дѣйствiемъ войскъ; но оно уже побраталось съ чернiю и начало переходить въ ряды барикадниковъ.

Говорятъ, что выстрѣлъ этотъ сдѣланъ былъ республиканцемъ, чтобъ помѣшать возстановленiю мира и спокойствiя. Можетъ быть; но это былъ личный, отдѣльный разсчетъ, который могъ имѣть и другiя послѣдствiя. Караулъ могъ и не отвѣчать на выстрѣлъ. Толпа могла выдать безразсуднаго нарушителя возстановившагося согласiя. О республикѣ тогда никто еще и недумалъ.

Конечно, эта партiя существовала во Францiи во всѣ времена и не разъ производила возмущенiя; но большинство народа никогда не было на ея сторонѣ. Память первой республики Робеспьера и Марата слишкомъ была жива у всѣхъ, чтобъ повторять подобные опыты. Въ уличныхъ битвахъ 22 — 24 февраля, конечно, было много и республиканцевъ, но они никогда бы не восторжествовали, еслибъ нацiональная гвардiя, а потомъ и войско своею слабостью и измѣною не придали толпѣ непреодолимой силы. Первый республиканецъ Ламартинъ самъ сознается, что онъ до послѣдней минуты не воображалъ о возможности учрежденiя республики, и только когда король такъ легко подписалъ свое отреченiе, а герцогиня Орлеанская скоро уѣхала изъ Францiи, онъ убѣдился, что въ эту минуту не возможно было придумать никакого другаго рода правленiя, кромѣ республиканскаго.

Такимъ образомъ, отвергнувъ регентство герцогини Орлеанской и наслѣдіе графа Парижскаго подъ предлогомъ, что палата не имѣла права располагать трономъ Франціи, временное правленіе рѣшило судьбу Франціи, провозгласивъ республику.

Въ ту же минуту сообщено было объ этомъ по телеграфу во всѣ города, и вездѣ приняли эту внезапную перемѣну безпрекословно.

Но уже съ первой минуты этого провозглашенія всѣ люди, имѣющіе какое нибудь имущество, увидѣли, что республика ведетъ ихъ не къ какому либо правильному управленію и общественному порядку, а къ ниспроверженію всѣхъ естественныхъ связей и общественныхъ правъ собственности и семейства. Корифеи новой республики заговорили о поданіи голосовъ всѣмъ міромъ, объ уничтоженіи бѣдности сравненіемъ всѣхъ имуществъ, о правѣ бѣдныхъ получать общественную работу и плату. Чернь съ восторгомъ приняла эти новыя правила, выгодныя для тунеядства и разврата. Но уже съ первой минуты все благоустроенное общество стало принимать мѣры противъ этихъ *красныхъ республиканцевъ*, уступая пока ихъ требованіямъ.

Учреждены были національныя мастерскія, и казна ежедневно платила слишкомъ 100,000 работникамъ за то, что они не имѣли или не хотѣли имѣть собственной работы.

4-го мая созвано было учредительное собраніе для составленія конституціи республики. Это собраніе впервые еще составлено было всеобщимъ поданіемъ голосовъ; но не смотря на слѣпоту и невѣжество большинства избирателей, большинство собранія вышло охранительное. Оно избрало, 11-го мая, *исполнительную коммиссію* (Араго, Мари, Гарнье-Паже, Ламартина, Ледрю-Роллена) которая и была первою правильною властью, порожденною революціею, хотя тоже была временнымъ

учрежденіемъ, пока конституція окончательно опредѣлитъ главу республики.

Впрочемъ, эта коммиссія не долго пользовалась своею властью; красные республиканцы день ото дня усиливались и видимо угрожали всякому благоустроенному обществу. 15-го мая сдѣлали они первую попытку, вторгшись въ палату депутатовъ, требуя установленія *соціализма*, то есть уничтоженія собственности и семейства. Но національная гвардія и войско были на этотъ разъ на сторонѣ правительства, и красные были побѣждены, разсѣяны, перехвачены.

23-го іюня вспыхнуло сильнѣйшее возмущеніе, какое когда либо было въ Парижѣ. Самый кровопролитный и ожесточенный бой продолжался *четверо сутокъ*. ***Красные*** собрали всѣ свои силы, настроили по всѣмъ улицамъ барикадъ и снабжены были хорошимъ оружіемъ. Сраженіе наиболѣе сосредоточивалось на лѣвомъ берегу Сены и въ предмѣстьяхъ. Національное собраніе объявило Парижъ въ осадномъ положеніи. Исполнительная коммиссія сложила власть и передала диктаторство въ руки военнаго министра, генерала Кавеньяка, и подъ его управленіемъ войско и національная гвардія одолѣли мятежниковъ. Вытѣсненные мало по малу изъ всѣхъ улицъ Парижа и окруженные въ предмѣстьи Св. Антонія, они сдались безусловно, и спокойствіе было наконецъ возстановлено. Кавеньякъ избранъ былъ за это временнымъ президентомъ республики. Съ этой минуты порядокъ и тишина возстановились въ Парижѣ и во Франціи.

По составленіи конституціи, главнымъ дѣломъ было избраніе постояннаго президента республики на четыре года (по примѣру Соединенныхъ Штатовъ.)

Всѣ должностныя лица, болѣе или менѣе обязанныя своими мѣстами генералу Кавеньяку, дѣйствовали въ его пользу, но газеты, управлявшія тогда общественнымъ мнѣніемъ во Франціи, были во враждѣ съ Кавеньякомъ

и во всѣхъ листкахъ убѣждали народъ подавать голосъ въ пользу Лудовика Бонапарте (Страсбургскаго и Булонскаго претендента, недавно еще бѣжавшаго изъ Гамской тюрьмы). Сперва его выбрали депутатомъ, чтобъ дать поводъ пріѣхать во Францію и быть кандидатомъ (онъ не былъ французскимъ подданнымъ), а потомъ, разгорячивъ умы именемъ Наполеона, предложили его и въ президенты. Болѣе всѣхъ содѣйствовала газета *Presse*, и Лудовикъ Наполеонъ былъ избранъ семью милліонами голосовъ.

Ламартинъ и Каверьякъ, управлявшіе до него Франціею, были конечно не государственные люди, но Лудовикъ Наполеонъ гораздо менѣе ихъ имѣлъ опытности, чтобъ быть главою сильной державы. Тѣ успѣли спасти Францію и Европу отъ красной республики. Въ концѣ 1848 года все уже начало возвращаться къ идеямъ порядка и спокойствія, а выборъ Лудовика Наполеона заставлялъ опять опасаться за будущность Европы. Страсбургъ, Булонь, Гамъ немного предвѣщали успокоительнаго.

Но мы увидимъ, что произошло; взглянемъ теперь на прочую Европу.

Февральская революція грозно отразилась на прочихъ странахъ Европы, начиная съ Италіи.

Мы уже видѣли, что примѣръ нововведеній Пія IX увлекъ и другихъ владѣтелей Въ Италіи. Неаполѣ и Сициліи прежде всего народъ сталъ ходить толпами по улицамъ и восклицать: «да здравствуетъ Пій IX!» Это означало—желаніе конституціи. Но Сицилія, всегда отдѣльная отъ Неаполя, и вѣчно враждовавшая съ нимъ, объявила и другія требованія. Она хотѣла независимости. Англія всѣми силами подстрекала ее къ этому требованію, и 2-го января вспыхнуло сильное возмущеніе въ Палермѣ. Неаполитанскій король, видя всеобщее волненіе умовъ въ Италіи, согласился дать конституцію своему государству и объявилъ Сицилію независимою отъ Неаполя въ судеб-

номъ отношеніи. Для административнаго же управленія назначилъ принца крови графа Аквилу. Этого было мало для Сициліи. Она вновь возстала, и королевскія войска приступили къ жестокой бомбардировкѣ Палермо и Мессины. Иностранные консулы остановили это междоусобіе и временно примирили обѣ стороны. По внушенію Англіи, Сицилія обнародовала у себя конституцію 1812 г., которою пользовалась во время владычества Англіи надъ этою страною, и 13-го Марта торжественно открытъ былъ въ Палермо первый парламентъ. Король Фердинандъ, видя что Англія поддерживаетъ это движеніе, что Франція уже объявила себя республикою, что вся Италія волнуется, уступилъ временной силѣ. Англія начала даже пріискивать отдѣльнаго государя для Сициліи и нашла его въ лицѣ сына Сардинскаго короля, герцога Генуэзскаго. Но на это Фердинандъ никакъ несоглашался добровольно. Новыя обстоятельства отклонили это дѣло и заставили всѣхъ обратить вниманіе на прочую Италію.

Пальмерстонъ давно уже отправилъ въ Италію своего агента лорда Минто. Тотъ явно обѣщалъ все содѣйствіе Англіи въ дѣлѣ независимости Италіи. Вездѣ его встрѣчали какъ освободителя; вездѣ восхваляли великодушную Англію, которая между тѣмъ имѣла въ виду только собственныя свои торговыя выгоды и желаніе повсемѣстнаго политическаго вліянія. Вездѣ предоставлялись ему народныя депутаціи, съ выраженіемъ благодарности. Толпы черни собирались у его дома, и благородный лордъ съ важностію возглашалъ съ балкона: «да здравствуетъ независимость Италіи!»

Еслибъ европейскія державы были тогда соединены прежними узами обще-охранительной системы, то увидѣли бы ясно всѣ происки и планы Англіи, но это была минута всеобщаго ослѣпленія (мы неговоримъ о Россіи: она въ это время непринадлежала къ Европѣ). Непостижимое головокруженіе объяло всѣ умы.

Въ Піемонтѣ и Тосканѣ тоже даны были конституціи. Луккскій герцогъ еще раньше отказался отъ престола, и владѣнія его присоединены были къ Тосканѣ.

Въ Римѣ Пій IX готовъ былъ на всѣ политическія уступки. Оставались Ломбардія и Венеція, но тамъ царствовала Австрія, отъ которой не могли ожидать уступокъ. Вдругъ совершилось неожиданное событіе. Австрія сдѣлалась конституціонною державою.

Новое поколѣніе, выросшее въ правилахъ чести, долга и порядка, съ трудомъ повѣритъ всѣмъ точнѣйшимъ разсказамъ тогдашнихъ происшествій. Потомки подумаютъ, что авторъ разсказываетъ мечты взбалмошныхъ сновидѣній, и однакоже, все это были факты грустные, но неотрицаемые.

Парижская революція принесла горькіе плоды во всѣхъ государствахъ. Низверженіе династіи, которую уже начинали почитать законною, подъ ничтожнымъ предлогомъ отказа въ банкетахъ, посредствомъ незначащей вспышки уличнаго возстанія—такъ легко, такъ безнаказанно поразило всѣхъ изумленіемъ.

Вездѣ было много на западѣ идеологовъ и демагоговъ, но до сихъ поръ они только мирно воевали въ шинкахъ краснорѣчивымъ потокомъ фразъ; теперь же вдругъ вообразили себѣ, что стоило явиться съ оружіемъ на улицѣ и прокричать свою глупую волю и—все имъ покорится.

Увы! правители дѣйствительно растерялись при извѣстіи объ изгнаніи орлеанскаго дома изъ Франціи; имъ пришелъ на память 1793 годъ, и французская революція, какъ кровавый призракъ, заставила ихъ содрогнуться. До сихъ поръ всѣ престолы Европы опирались на вѣрное и преданное войско, созданное для ограды троновъ. Теперь, послѣ слабости французской арміи и измѣны національной, гвардіи 22—24 февраля, всѣ европейскіе государи усомнились, можно ли и имъ надѣяться на содѣй-

ствіе своихъ войскъ? Исторія не въ правѣ никого упрекать, разсказывая только событія. Русскій историкъ даже непойметъ возможности подобныхъ происшествій. Но онъ въ правѣ выставить эту непостижимую слабость и ослѣпленіе, объявшія всю Европу. Владѣтели могли усомниться въ людяхъ, но они должны были твердо вѣрить въ свои права, дарованныя имъ отъ Бога и защищать ихъ. Защита эта представляла тогда личную большую опасность; но самое паденіе и смерть за долгъ свой и святыя обязанности—честно и велико! Случай, сила могутъ низвергнуть человѣка, но не его права.

Германія всегда славилась учеными своими отвлеченностями. Нѣтъ гипотезы самой несбыточной, которую бы незащищалъ какой нибудь нѣмецкій философъ. Правила Французской революціи давно имѣли въ Германіи своихъ приверженцевъ, и теперь, при удивительномъ торжествѣ февральскихъ дней, они убѣдились въ непреложности этихъ правилъ. Менѣе всего заражена была ими Австрія, и однакоже 13-го марта вдругъ вспыхнуло и тамъ народное возмущеніе. Толпы народа собрались ко дворцу и кричали: конституцію! конституцію!

Полиція робко дѣйствовала: войско было малочисленно и ни кѣмъ не управляемо. Какъ сильная лавина бунтъ ежеминутно усиливался и опасность возрастала. Первый министръ князь Меттернихъ, 34 года управлявшій дѣлами Австріи, дѣйствовалъ всегда какъ дипломатъ, но тутъ нужна была энергія воина. Онъ зналъ, что народъ нелюбитъ его; онъ слышалъ въ толпахъ крики и угрозы противъ себя, и спѣшилъ въ ту же ночь уѣхать, а на другой день правительство обнародовало, что внимая желанію націи, объявляетъ свободу тисненія, составленіе національной гвардіи и созваніе палаты депутатовъ.

Эта чудовищная уступка успокоила всѣхъ на время, потому что самыя жаркія головы незнали, чего еще требовать. Но какъ Австрія всего менѣе состоитъ изъ нѣм-

цевъ, а болѣе содержитъ въ себѣ стихій славянскаго, мадьярскаго и италіянскаго племенъ, то вскорѣ эти требованія выразились повсюду и, смотря по національностямъ, каждое изъ этихъ племенъ составило собственную свою революцію.

Мы ихъ постепенно опишемъ. Теперь возвратимся опять къ Италіи, гдѣ мы остановились на Ломбардо-Венеціи, которыя, по примѣру прочихъ владѣній полуострова, волновались для полученія конституціи, но немогли ожидать ее отъ Австріи.

Февральская революція въ Парижѣ ободрила италіянцевъ. Французская республика не могла уже заодно дѣйствовать съ австрійскою монархіею. Теперь или никогда! было общимъ лозунгомъ революціонныхъ газетъ. Но въ Миланѣ все еще боялись. Графъ Радецкій еще въ январѣ мѣсяцѣ, при первыхъ признакахъ волненія, объявилъ городъ въ осадномъ положеніи, и прокламаціи его грозили строгимъ наказаніемъ за всякую попытку къ бунту. Вдругъ узнали въ Миланѣ о революціи, происшедшей въ Вѣнѣ 13-го числа и о дарованной Австріи конституціи. Съ этой минуты ударъ былъ неизбѣженъ.

Чтобъ предупредить его, графъ Радецкій обнародовалъ 18-го марта объявленіе, что австрійскій императоръ рѣшился уничтожить цензуру, издать новый законъ о тисненіи, и не позже 3-го іюля созвать центральную конгрегацію Ломбардо-Венеціянскаго королевства. Но уже въ этотъ самый день улицы покрылись барикадами и народъ, едва имѣя какое нибудь оружіе, но благословляемый архіепископомъ, бросился на австрійскій гарнизонъ въ 18,000 человѣкъ, снабженный огромною артиллеріею.

Пять дней продолжался ожесточенный бой. Графы Литти и Баромея привели инсургентамъ помощь, и наконецъ австрійцы принуждены были очистить Миланъ. Восторгъ побѣды распространился по всей Италіи, и общій крикъ ея былъ: fuori i barbari! (вонъ варваровъ!)

Въ Туринѣ, въ Генуѣ толпы народа явились ко дворцу и требовали войны противъ Австріи. Карлъ Альбертъ принужденъ былъ поставить свою армію на военную ногу, а между тѣмъ австрійцы отступили къ Мантуѣ и Веронѣ, гдѣ гарнизоны успѣли удержаться, не смотря на возстаніе жителей. Опираясь на эти двѣ крѣпости, а равно на Пескіеру и Леньяго, они могли теперь выжидать смѣло всякаго нападенія, въ ожиданіи подкрѣпленій изъ Австріи.

Въ Миланѣ составилось временное правленіе, образовались волонтерные баталіоны; всѣ города Италіи послали вспомогательные корпуса; даже папа отправилъ корпусъ генерала Дурандо. Но послѣдній остановился на границѣ, въ слѣдствіе приказаній папы, чтобъ защитить только римскія области. Когда же потомъ принудили Пія IX къ приказанію, чтобъ Дурандо дѣйствовалъ вмѣстѣ съ сардинскимъ королемъ, то онъ такъ неохотно и медленно шелъ, что все дѣло кончилось безъ него.

Венеція тоже послѣдовала примѣру Милана въ возстаніи, но не выжидая никакихъ переговоровъ, объявила себя республикою.

На помощь Ломбардіи послалъ было корпусъ войскъ и неаполитанскій король, но какъ въ это самое время произошло въ Неаполѣ еще возстаніе, то онъ и отозвалъ тотъ корпусъ для собственной своей защиты.

Наконецъ явился и Карлъ Альбертъ, давшій себѣ пышное наименованіе *мечъ Италіи*. Прежде всего нужно ему было знать, за кого и за что онъ сражается? Что такое Ломбардія: австрійская ли провинція, италіянская ли республика, часть ли піемонтскаго королевства? Чтобъ удовлетворить его честолюбію, собраны были голоса всѣхъ общинъ Ломбардіи, и большинство рѣшило приступить къ сардинскому королевству.

Началась кампанія; король Альбертъ перешелъ черезъ Минчіо и разбилъ одну австрійскую бригаду; 9-го апрѣля

овладѣлъ онъ переправою у Модзанбао, а графъ Радецкій отступилъ къ Веронѣ. Тутъ съ обѣихъ сторонъ произошло продолжительное бездѣйствіе.

20-го апрѣля Карлъ Альбертъ совершилъ смѣлое фланговое движеніе, а 30-го числа аттаковалъ австрійцевъ у Бусоленго и принудилъ ихъ отступить на лѣвый берегъ Адижа. 6-го мая Карлъ Альбертъ напалъ на укрѣпленную позицію Радецкаго при Веронѣ и овладѣлъ высотами Санта-Лучіи. Съ другой стороны, когда австрійцы напали на Роведжіо, піемонтцы, не выждавъ ихъ, разбѣжались, а австрійцы не преслѣдовали ихъ.

Послѣ этого наступило опять бездѣйствіе, продолжавшееся три недѣли. Военныя дѣйствія возобновились 29-го мая ночнымъ нападеніемъ Радецкаго противъ піемонтскихъ укрѣпленій Куртаноне и Монтаноре. Австрійцы выбили непріятеля изъ укрѣпленій. Но на другой день аттака австрійцевъ на Гоито неимѣла успѣха, и Радецкій отступилъ къ Виченцѣ, которую и успѣлъ взять при этомъ отступленіи. Тутъ же графъ Радецкій заключилъ конвенцію съ папскими войсками, чтобъ они три мѣсяца не служили противъ него. Этого срока казалось ему достаточно, чтобъ кончить кампанію. Онъ кончилъ ее скорѣе.

13-го іюня піемонтцы аттаковали австрійцевъ у Вероны и были отражены. Произошло опять бездѣйствіе, но уже послѣднее. Австрійцы получили подкрѣпленія, а Карлъ Альбертъ видѣлъ всю несбыточность своихъ мечтаній и безуміе миланскихъ возмутителей. Жаръ прочихъ италіянцевъ уже простылъ; неаполитанцы ушли, римляне обязались не драться; революціонный хаосъ начиналъ успокоиваться.

У Кустоцца произошелъ, 23-го іюля бой, который принудилъ Карла Альберта рѣшиться на генеральное сраженіе. Оно было 25-го числа при Соммо-Кампаньѣ. Піемонтцы долго оспаривали побѣду, но наконецъ отступили,

Карлъ Альбертъ упалъ духомъ и послалъ просить перемирія. Но условія графа Радецкаго показались ему такъ тяжки, что онъ продолжалъ отступать съ разстроенною арміею. Въ видѣ бѣглеца явился онъ въ свой городъ Миланъ, и бунтовщики непростили ему неудачи. Еще недавно встрѣчали его какъ избавителя Италіи, а теперь называли измѣнникомъ и хотѣли умертвить его. Съ большимъ трудомъ и опасностью успѣлъ онъ уѣхать изъ Милана, а 6-го августа вступили туда австрійцы.

9-го августа заключено было съ ними перемиріе чрезъ посредство англійскаго генерала Аберкромби. Кампанія 1848 года кончилась, но Италія все еще была не усмирена.

Ломбардія возвратилась подъ законное владычество Австріи; оставалась Венеція. Тамъ 17-го марта получено было извѣстіе о революціи, совершившейся въ Вѣнѣ и конституціи, дарованной императоромъ всѣмъ областямъ австрійской имперіи; губернаторъ въ тотъ же вечеръ возвѣстилъ эту новость въ театрѣ, и толпа встрѣтила ее радостными криками.

На другой день народъ собрался на площади св. Марка и требовалъ освобожденія *двухъ патріотовъ*, взятыхъ за два мѣсяца предъ тѣмъ подъ стражу, за возмутительныя прокламаціи. Видя, что правительство неисполняетъ этого требованія, толпы вломились въ тюрьму и сами освободили арестантовъ.

Черезъ два дня потомъ народъ потребовалъ обнародованія обѣщанной конституціи, и губернаторъ объявилъ, что это вскорѣ будетъ исполнено. Вдругъ раздались въ толпѣ крики: a basso il governo! (долой правительство). Тутъ явились солдаты и начали перестрѣлку, но толпа слишкомъ была многочисленна, и войско было принуждено удалиться. На слѣдующій день взятъ былъ арсеналъ и умерщвленъ комендантъ. Съ этой минуты раздались всеобщіе крики «да здравствуетъ республика!» и все на-

родонаселеніе Венеціи устремилось къ жилищу начальника военныхъ силъ графа Зичи, требуя, чтобъ онъ съ войскомъ очистилъ Венецію; по непостижимой слабости тотъ согласился на это и подписалъ конвенцію.

Провозглашена была республика и президентомъ назначенъ Манини. Эта первая мѣра вооружила противъ Венеціи всю Италію, обвинявшую ее въ желаніи отдѣлиться отъ общихъ революціонныхъ усилій. Никто въ Европѣ непризнавалъ ее. Даже Англія, содѣйствовавшая всѣмъ бунтамъ въ Италіи, съ недовѣрчивостью смотрѣла на вліяніе Венеціи на Іоническіе острова. Внутри же новая республика видѣла ежедневныя возстанія солдатъ и безумныя требованія народа. Видя себя всѣми оставленною, Венеція собрала депутатовъ со всѣхъ провинцій и въ засѣданіи 3-го іюля рѣшено было, что она присоединяется къ Ломбардіи и Піемонту. За это присоединеніе Карлъ Альбертъ прислалъ ей на помощь 2,000 человѣкъ и 800,000 франковъ денегъ. Но вскорѣ получены были въ Венеціи извѣстія о разбитіи піемонтцевъ, объ отступленіи ихъ, о занятіи Милана австрійцами и наконецъ о заключенномъ перемиріи между воюющими. О Венеціи не было ни слова сказано въ перемиріи. Такимъ образомъ она осталась одна, и учредя у себя тріумвиратъ, продолжала возстаніе. Вскорѣ мы увидимъ, какъ оно кончилось.

Перейдемъ теперь къ Германіи. Тутъ вліяніе февральской революціи произвело совершенно неожиданное дѣйствіе.

Со временъ кровавой французской республики 1790 года, съ грозной эпохи наполеоновскаго владычества надъ Германіею, всѣ при-рейнскія области съ ужасомъ глядѣли на противуположный берегъ, и при малѣйшемъ волненіи въ Парижѣ ждали новыхъ революцій и нападеній. Переворотъ 24-го февраля изумилъ германцевъ. Они восемнадцать лѣтъ привыкли почитать Лудовика Филиппа умнѣйшимъ государемъ Франціи, который успѣлъ столько

лѣтъ обуздывать демагоговъ. Вдругъ въ два дня его не-стало: онъ изгнанъ; это извѣстіе взволновало германцевъ. Первою ихъ мыслію было неподражать Франціи, а искать средствъ къ общему соединенію всѣхъ силъ Германіи, чтобъ противиться революціонному разливу Франціи, котораго ежеминутно ожидали.

Тотчасъ же по всей линіи Рейна составились народныя собранія. 27-го февраля открылось въ Мангеймѣ самое значительное, подъ предсѣдательствомъ Ицштейна, и 400 человѣкъ подписали просьбу великому герцогу, чтобъ вооружить весь народъ въ Германіи обнародовать безусловную свободу тисненія и, тотчасъ же составить общенаціональный германскій парламентъ, на которомъ рѣшить мѣры будущаго состава Германіи и ея политики. Великій герцогъ согласился на эти требованія. Гессенъ-Дармштадтскій герцогъ послѣдовалъ его примѣру. Въ гессенскомъ курфиршествѣ произошли тѣже событія. Жители Ганау вооружились, и курфирстъ уступилъ. Виртембергъ тоже волновался. Народное собраніе въ Штутгартѣ представило, 28-го февраля, тѣже требованія, какъ мангеймское и дармштадтское. Въ Нассаускомъ герцогствѣ, въ при-рейнской Пруссіи, въ Висбаденѣ, Франкфуртѣ, Кёльнѣ, вездѣ гдѣ вліяніе французской революціи быстро отразилось, представлены были тѣже требованія и приняты правительствами. Саксонія и Пруссія, Австрія и Баварія изъявили тѣже желанія и получили требуемыя реформы, въ ожиданіи бурныхъ революціонныхъ вспышекъ, ознаменовавшихъ эту эпоху.

Но у германцевъ возникла другая, исполинская мысль. Они хотѣли составить одну, нераздѣльную Германію. 5-го марта, посреди волненій, потрясавшихъ всѣ области, вдругъ пятьдесятъ одинъ ни кѣмъ неизбранныхъ и не созванныхъ депутатовъ собрались въ Гейдельбергѣ, открыли засѣданіе германскаго собранія и составили слѣдующую программу своей политики: «Германскія правительства не

«будутъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Франціи. Гер-«манія не будетъ посягать на свободу прочихъ госу-«дарствъ, рѣшась и сама сохранять свою независимость «противъ всѣхъ. Если нужно будетъ обнажить мечъ, то «германскіе владѣтели ввѣрятся вѣрности и мужеству на-«родовъ, не прибѣгая къ союзу съ Россіею. Собраніе «депутатовъ всей Германіи соберется въ наискорѣйшемъ «времени, какъ для огражденія ея отъ опасностей извнѣ, «такъ и развитія всѣхъ ея силъ и сокровищъ Германской «національности.»

Подписавъ эту программу, назначили комитетъ изъ семи членовъ, которымъ поручено было приготовить созваніе національнаго собранія. Этотъ комитетъ обнародовалъ, 12-го марта, прокламацію, которою созывалъ, 30-го марта, во Франкфуртъ всѣхъ членовъ германскихъ конституціонныхъ палатъ, чтобъ на другой день открыть засѣданіе пріуготовительнаго парламента (Vor-parlament). Пруссія прислала 141 депутата, Гессенъ-Дармштадтъ 84. Баденъ 72, Виртембергъ 51, Баварія 44, другія области соразмѣрное число; одна Австрія только двухъ, къ которымъ потомъ присоединила еще столько же. Шлезвигъ-Голстейнъ прислалъ 9; принятіе послѣднихъ было вызовомъ Даніи.

Въ первое же засѣданіе этого парламента, члены перессорились между собою. Радикалы требовали всеобщей германской республики, охранители—монархіи. Оказалось, что большинство было на сторонѣ послѣднихъ. Рѣшивъ предварительно этотъ важный вопросъ, оставалось опредѣлить: какія области и государства составятъ будущую германскую имперію. Начали съ принятія Шлезвига, то есть съ отнятія его у Даніи, потомъ рѣшили изъ познаньскаго герцогства принимать только депутатовъ германскаго народонаселенія. Австрія должна была тоже участвовать однѣми своими германскими провинціями. Наконецъ рѣшено, что всякая область можетъ выбирать

себѣ депутата изъ всѣхъ другихъ, потому что «между германцами не должно быть различія.»

Даже составлено было предложеніе, что всякая область, гдѣ живутъ нѣмцы, должна принадлежать къ великой германской имперіи. Такимъ образомъ Курляндія, Эстляндія, Лифляндія вошли бы тоже въ составъ Германіи.

Впрочемъ, эти добрые люди хлопотали не объ одной Германіи: они сдѣлали тоже предложеніе, чтобъ всѣми усиліями возстановить Польшу, какъ она была въ 1772 году.

Надобно вспомнить, что пока все это совершалось во Франкфуртѣ, въ этомъ же городѣ находился прежній германскій сеймъ, учрежденный въ 1814 году и обезпеченный въ своемъ существованіи трактатами всей Европы. Безъ него, безъ германскихъ государей, рѣшали участь областей ихъ и всей Германіи люди, которымъ никто не поручалъ этого дѣла. Но этотъ Сеймъ уже зналъ, что всѣ германскіе государи уступили народной бурѣ, и потому предсѣдатель сейма, графъ Коллоредо (австрійскій уполномоченный) прислалъ новому франкфуртскому парламенту объявленіе, что всѣ члены сейма подали отставку. Это развязало руки непрошеннымъ распорядителямъ, которые теперь съ большимъ жаромъ принялись за свои преобразованія.

18-го мая собрался наконецъ и самый парламентъ, долженствующій рѣшить участь Германіи.

На этотъ разъ это было уже собраніе дѣйствительныхъ депутатовъ, отправленныхъ съ согласія самихъ правительствъ всей Германіи. Хотя каждый изъ владѣтелей явно видѣлъ всю мечтательность, все сумасбродство этихъ представителей современной революціи, но ни одинъ изъ нихъ не чувствовалъ себя въ силахъ, или не имѣлъ твердой рѣшимости противиться этому всеобщему потоку. Выиграть время значило тогда по истинѣ выиграть все, потому что самое безуміе мечтателей ручалось, что ли-

хорадочный жаръ, обуявшій всю Европу, не долго продолжится и здравый разсудокъ вступитъ въ свои права.

Засѣданія открылись въ церкви св. Павла. Было до 409 членовъ. Гагернъ былъ избранъ президентомъ. Первымъ рѣшеніемъ парламента было то, что всѣ германскія государства имѣютъ право составлять себѣ конституціи, но онѣ должны были потомъ быть представлены въ Франкфуртскій парламентъ для утвержденія.

Въ это самое время возникли кровавыя столкновенія въ Майнцѣ между прусскими войсками и толпою бунтовщиковъ. Парламентъ отправилъ туда коммиссію для произведенія слѣдствія, и всѣ признали власть и право его судить войска и правительства. И однако же этотъ майнцскій бунтъ имѣлъ полезные результаты. Франкфуртскій парламентъ, взявшись за слѣдствіе, объявилъ, что онъ желаетъ только поддержать правительства, ослабленныя революціями и утвердить вездѣ конституціонныя монархіи, поразивъ возстаніе демагоговъ.

Начались пренія объ учрежденіи центральной исполнительной власти. Нѣкто Финке предложилъ, чтобъ до избранія главы германской имперіи назначить намѣстника, чтобъ онъ былъ безотвѣтственнымъ, чтобъ избранъ былъ собраніемъ, а не государями; чтобъ бывшій германскій сеймъ объявленъ былъ распущеннымъ со дня избранія намѣстника. Всѣ эти предложенія были утверждены большинствомъ голосовъ.

Избраніе Намѣстника.

28-го іюня избранъ былъ и намѣстникъ: австрійскій Эрцгерцогъ Іоаннъ, братъ послѣдняго германскаго Императора Франца II, сражавшійся полжизни противъ ластолюбія Наполеона и удалившійся потомъ отъ двора въ скромное убѣжище, (потому что былъ во враждѣ съ первымъ министромъ Метернихомъ). Онъ былъ чистый германецъ, прозванный всѣми *Der brave Mann,* и избраніе его тотчасъ же провозглашено.

Немедленно отправили къ нему депутацію въ Вѣну, и

11-го іюля онъ уже торжественно въѣхалъ во Франкфуртъ, при звонѣ всѣхъ колоколовъ, при громѣ пушекъ, въ тріумфальныя арки, посреди войскъ, національной гвардіи, всѣхъ жителей. Онъ вступилъ въ парламентъ, сказалъ тамъ увлекательную рѣчь, осыпанную рукоплесканіями, и весь городъ, вся Германія были въ восторгѣ; всѣ твердили, что начинается новое лѣтосчисленіе Германіи.

Теперь едва вѣрится, что это дѣлалось и принималось серьознымъ образомъ. Тогда всѣ искренно вѣрили въ дѣйствительность этихъ мечтаній, въ прочность этихъ созданій. Бывшій сеймъ былъ закрытъ, и намѣстникъ остался одинъ главою всей Германіи. Сеймъ явился къ нему съ поздравленіемъ отъ имени всѣхъ государей, отъ которыхъ каждый членъ былъ уполномоченъ. Король Виртембергскій, великіе герцоги Баденскій, Гессенскій, Гессенъ-Дармштадтскій лично прибыли къ нему для поздравленія, и намѣстникъ избралъ себѣ тотчасъ же трехъ министровъ.

Такимъ образомъ установилась небывалая власть: законодательпая парламента, и исполнительная намѣстника. Единство Германіи было провозглашено. Франкфуртское собраніе вообразило, что всѣ государи Германіи сдѣлались его вассалами, и стало поступать самымъ самовластнымъ образомъ.

Самовластіе Франкфуртскаго парламента.

Вскорѣ это самовластіе запуталось въ собственномъ своемъ произволѣ. Лимбургское герцогство принадлежало Голландіи, но числилось въ Германскомъ союзѣ. Оно имѣло депутатовъ въ Нидерландской палатѣ; но когда открылся Франкфуртскій парламентъ, оно прислало и туда депутатовъ, требуя своего присоединенія къ Германіи. Парламентъ тотчасъ же объявилъ, что Лимбургъ неможетъ уже больше принадлежать Голландіи и приказалъ министрамъ намѣстника окончить это дѣло.

Познаньское герцогство опять вобудило новыя бури въ

парламентѣ. Всѣ охранительные ораторы требовали исключенія этой области изъ Германскаго союза, говоря, что Польша не заслуживаетъ никакого участія, потому что уже десять лѣтъ доставляетъ воиновъ всѣмъ народнымъ бунтамъ въ Европѣ. Однакоже большинство рѣшило присоединеніе Познани къ Германіи. Это было сильнымъ яблокомъ раздора для будущаго. Поляки Пруссіи, Славяне Австріи не хотѣли соединиться съ Германіею. Они твердили, что скорѣе всѣ между собою соединятся, нежели примутъ себѣ нѣмцевъ господами.

Вопросъ о Шлезвигъ–Голстейнѣ былъ еще важнѣе. Затрудненія въ этомъ герцогствѣ начались уже за четыре года предъ тѣмъ. Датской монархіи угрожала участь выморочнаго имѣнія. Единственный сынъ короля Христіана VIII два раза былъ женатъ и два раза разводился бездѣтнымъ. Датское королевство состоитъ изъ полу–острова Ютландіи и герцогствъ: Голстейнскаго, Лауэнбургскаго и Шлезвигскаго. Но Голстейнъ и Лауэнбургъ причислены къ Германскому союзу, а Шлезвигъ содержитъ въ себѣ большинство народонаселенія изъ нѣмцевъ. Но какъ Христіанъ VIII скончался въ январѣ 1848 года, то Германія и вздумала присвоивать себѣ герцогство. Новый король Фридрихъ VII составилъ уже конституцію для тѣснѣйшаго соединенія всѣхъ своихъ владѣній.

Вдругъ 17–го марта вспыхнула Берлинская революція, и разлившійся потокъ дошелъ до Даніи, вспыхнувъ во всѣхъ германскихъ ея провинціяхъ. Онѣ составили временное правленіе въ Килѣ, и Пруссія тотчасъ же рѣшилась поддерживать ихъ.

Безъ объявленія войны, прусская армія вступила, 6-го апрѣля, въ Голстейнъ, и Данія мужественно встрѣтила это неожиданное нападеніе. Швеція, Россія, Англія, даже Франція вступились за нее. Начались переговоры; заключено были перемиріе, и франкфуртскій парламентъ вмѣшался въ это дѣло. Сперва Англія предложила Пруссіи переми-

ріе, но оно было отвергнуто. Впрочемъ чтобъ доказать свое миролюбіе, Пруссія очистила Ютландію. Это очищеніе взволновало франкфуртскій парламентъ. Онъ предписалъ принять центральной власти самыя сильныя мѣры, чтобъ сохранить честь Германіи. Черезъ мѣсяцъ гнѣвъ парламента еще сильнѣе обнаружился. 2-го іюля заключено было перемиріе между Пруссіею и Даніею при посредничествѣ Швеціи и содѣйствіи Англіи и Россіи. Въ силу перемирія пруссаки должны были очистить герцогство. Вдругъ главнокомандующій прусскою арміею, генералъ Врангель, съ дерзостью отказался отъ этого перемирія, сообщивъ министерству намѣстника германской имперіи, что онъ никогда не утвердитъ условій, противныхъ чести общаго германскаго отечества.

Взволнованный парламентъ послалъ тотчасъ приказаніе остановить всякое отступательное движеніе пруссаковъ. Но самое предложеніе, чтобъ отвергнуть мальмёское перемиріе, неполучило въ парламентѣ большинства голосовъ.

17-го сентября произошло во Франкфуртѣ возмущеніе. До 20,000 демократовъ вооружились и требовали уничтоженія разныхъ званій и сословій, прекращенія правъ собственности и утвержденія прочихъ правъ парижскихъ демагоговъ. Болѣе всего угрожали они парламенту, но тотъ былъ окруженъ 3000 прусскихъ войскъ, и при первомъ появленіи толпы бунтовщиковъ началось сраженіе. Артиллерія опрокинула всѣ барикады и очистила улицы. Городъ объявленъ въ осадномъ положеніи; новые отряды явились изъ Гессена и Виртемберга, и бунтъ былъ пораженъ. Много было убитыхъ и раненыхъ съ обѣихъ сторонъ (между прочимъ злодѣйски умерщвлены были князь Лихновскій и генералъ Ауэрсвальдъ.)

Остановимся на этихъ дѣйствіяхъ франкфуртскаго парламента. Составленіе конституціи, избраніе германскаго императора и печальный конецъ всѣхъ этихъ воздушныхъ

замковъ о единствѣ Германіи и существованіи германскаго парламента, принадлежитъ уже къ 1849 году; обратимся къ Пруссіи и къ роли, какую она играла въ эту горестную эпоху.

Мы уже видѣли, что при первомъ извѣстіи о чрезвычайномъ переворотѣ, совершившемся въ Парижѣ, при-рейнскіе города начали двояко волноваться. Одни вообразили, что республиканская Франція ринется съ арміями демагоговъ на всю Европу; а какъ весь періодъ бѣдствій Германіи произошелъ отъ разъединенія ея, то и стали придумывать средства къ составленію изъ всѣхъ германскихъ государствъ одной имперіи. Другіе же, обольщенные мнимою свободою, пріобрѣтенною французами, начали составлять сходбища и адресы для испрошенія себѣ подобныхъ же выгодъ.

Берлинская революція.

Эти волненія дошли и до Берлина. Прусская армія всегда славилась своею преданностью къ королямъ и престолу. Да и большинство народа, особливо въ высшихъ слояхъ, было привязано къ монархическому и охранительному началу. Но изъ молодаго поколѣнія было много демократическихъ и либеральныхъ головъ, а чернь легко всегда увлекается случаями къ своеволію и безнаказанности.

Составились тотчасъ же и въ Берлинѣ сходбища. 15-го марта собрались большія толпы передъ замкомъ и вопіяли о дарованіи Пруссіи конституціи и свободы тисненія.

Нѣсколько разъ убѣждали ихъ разойтись по домамъ, наконецъ вывели кавалерію и очистили площадь. Вытѣсненная оттуда, чернь засѣла въ разныхъ улицахъ, но ее выгнали, и къ ночи водворена была тишина (*).

На другой день явилась депутація города Берлина и поднесла адресъ о дарованіи Пруссіи новой конституціи,

(*) Сѣв. Пч. № 57 и далѣе.

свободы тисненія и о созваніи національныхъ палатъ. Король отвѣчалъ, что о скорѣйшемъ созваніи палатъ далъ уже приказаніе министрамъ, и что этимъ палатамъ предложены будутъ проекты новаго уложенія.

Но чернь не удовольствовалась этимъ отзывомъ; она 17-го и 18-го марта возобновила свои сходбища на площади, съ тѣми же криками и угрозами. Принуждены были употребить военную силу. На этотъ разъ сопротивленіе было уже сильнѣе, борьба ожесточеннѣе, и кровопролитіе не прежде прекратилось, какъ послѣ двухъ-дневнаго боя на улицахъ.

Вслѣдъ за тѣмъ издалъ прусскій король воззваніе къ своей націи и ко всей Германіи, въ которомъ объявлялъ, что «Германія находится во внутреннемъ броже-«ніи и что ей угрожаетъ внѣшняя опасность съ разныхъ «сторонъ. Спасеніе отъ этой двойной опасности можетъ «произойти только искреннѣйшимъ соединеніемъ между со-«бою германскихъ государей и народовъ подъ однимъ «управленіемъ. Это управленіе король Прусскій принимаетъ «на себя, изъявляя надежду, что Германія присоединится «къ нему съ довѣренностію. Прусскіе національные цвѣта «(черный и бѣлый) онъ замѣняетъ древнимъ германскимъ «(черный, красный и золотой) и поставляетъ народъ свой «подъ знамя нѣмецкой имперіи. Пруссія идетъ впереди «всей Германіи. По случаю созванія палатъ ко 2-му ап-«рѣля, будетъ дарована всѣмъ государямъ и сословіямъ «Германіи возможность къ образованію общаго совокуп-«ленія ихъ.» За тѣмъ король указывалъ на необходимость собранія всеобщаго германскаго народнаго войска и объявленія вооруженнаго нейтралитета. Собранію депутатовъ всей Германіи сказалъ онъ, что будутъ предложены мѣры къ перерожденію и основанію новой Германіи, въ которой бы преобладало стремленіе къ единству.

21-го марта король разъѣзжалъ по городу верхомъ, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ принцевъ, съ повязкою на

рукѣ изъ трехъ германскихъ цвѣтовъ. Передъ нимъ несли германское знамя; онъ нѣсколько разъ останавливался и обращался къ окружавшимъ его гражданамъ съ радостными выраженіями, въ которыхъ излагалъ новыя предположенія, высказанныя въ воззваніи и между прочимъ сказалъ: «Не попираю ни чьихъ правъ, чувствую себя «призваннымъ къ спасенію германской свободы и единства. «Клянусь Богомъ, что не хочу свергать съ престола ни «одного государя, но буду защищать единство Германіи.» Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ народъ, при проѣздѣ его, кричалъ: «Да здравствуетъ германскій императоръ!»

Вслѣдъ за тѣмъ приказано было прусской арміи замѣнить прусскую кокарду германскою.

Изъ всего этого видно, что увлеченная всеобщимъ обаяніемъ, Пруссія слѣдовала за идеею франкфуртскаго парламента и поддерживала систему единства Германіи, повинуясь даже его распоряженіямъ. Такъ, напримѣръ, мы уже видѣли, что когда новосозданной центральной власти вздумалось однимъ почеркомъ пера отнять у Даніи Шлезвигъ и Голстейнъ, то Пруссія двинула туда свои войска, говоря въ обнародованной декларации, что не ведетъ войны съ Даніею, а защищаетъ только германскія области. Подобная фраза показалась бы теперь насмѣшкою; тогда же вся Германія увѣрена была въ справедливости присвоенія Шлезвига и Голстейна. И если бъ не вступились Швеція, Англія и Россія, конечно Данія потеряла бы ихъ. Посредничествомъ этихъ трехъ державъ заключено было перемиріе въ Мальме, и прусскій генералъ Врангель до того увлекся духомъ тогдашняго времени, что приказаніе франкфуртскаго парламента считалъ выше повелѣнія своего короля. Непостижимая эпоха!

Въ будущемъ году увидимъ мы все разочарованіе этихъ идей. Теперь остается намъ описать событія въ главной державѣ Германіи, въ Австріи. Тамъ они были гораздо важнѣе и сложнѣе.

ГЛАВА II.

1848 годъ. *Продолженіе. Иностранныя происшествія.*— Австрія.— Прагская революція.—Новая Вѣнская революція 15-го мая.—Возстаніе въ Прагѣ. — Бомбардировка князя Виндишгреца. — Венеція.—Пріобрѣтеніе ею политическихъ правъ.— Протестъ славянскихъ племенъ. — Іеллашичъ. — Бунтъ въ Пестѣ. — Разрывъ съ Австріею.—Бунтъ въ Вѣнѣ. —Отъѣздъ императора. — Прокламація его.—Отреченіе отъ престола.—Императоръ Францъ Іосифъ.— Взятіе Вѣны.— Кампанія Виндишгреца и Іеллашича противъ венгерцевъ.—Англія.—Россія. —Приказъ военному министру. —Декларація. —Нота къ германскимъ дворамъ. —Состояніе умовъ въ Европѣ. — Дѣйствія Россіи. —Внутреннія происшествія: холера; бракосочетаніе великаго князя Константина Николаевича.— Война на Кавказѣ. —Пожары.—Новыя узаконенія.—Александровскій лицей.

Мы выше видѣли, что 13-го и 14-го марта, при вспыхнувшемъ возстаніи въ Вѣнѣ, паническій страхъ напалъ на правителей. Главный министръ, управлявшій до тѣхъ поръ политикою Австріи, князь Меттернихъ, внезапно уѣхалъ для личной безопасности. Вновь вступившее министерство тотчасъ же обнародовало конституцію, свободу тисненія, національную гвардію и созваніе палатъ. Но и до тѣхъ поръ жители всѣхъ провинцій уже волновались.

Австрія не вполнѣ германская держава. Большинство ея жителей славяне, венгерцы, италіянцы. Главное же народонаселеніе состоитъ изъ первыхъ. Богемія, долго составлявшая отдѣльное королевство, соединилась наконецъ съ Австріею, и мало по малу всѣ первоначальныя права Чеховъ подошли подъ уровень общихъ адмистративныхъ правъ въ Австріи. Февральская революція вдругъ пробудила у всѣхъ мысли о возвращеніи старыхъ правъ, или о пріобрѣтеніи новыхъ. 11-го марта составилось на вонцеславскихъ водахъ (Праги) первое политическое сходбище. Оно написало просьбу къ императору: объ уравненіи правъ чеховъ и нѣмцевъ, объ обязанности должностныхъ лицъ говорить по чещски, о соединеніи Богеміи, Моравіи и Силезіи подъ одинъ общій народный сеймъ, о расширеніи избирательныхъ правъ,

Бунтъ въ Прагѣ.

*

и публичности судопроизводства, о свободѣ тиснения, объ учрежденіи особой правительственной канцеляріи въ Прагѣ; о національной гвардіи; объ уничтоженіи феодальныхъ правъ, объ обязательности военной службы для всѣхъ, обезпеченіи личной свободы; о свободномъ отправленіи всѣхъ вѣроисповѣданій.

Число подписавшихся подъ просьбою было въ первые два дня весьма ограниченно. Но когда пришло вдругъ извѣстіе о вѣнской революціи, всѣ сословія спѣшили участвовать въ ней. А между тѣмъ, чтобъ обуздать своеволіе писателей, сама Прага, подъ президентствомъ извѣстнаго писателя Шаффарика, составила между собою союзъ для надзора за литературою.

Составилось еще братство Согласія (сворность), которое требовало употребленія одного чешскаго языка. Но вообще однакоже большинство требовало тѣснаго соединенія Богеміи съ Австріею. Депутаты отправились въ Вѣну съ подписанною всѣми просьбою, но тамъ уже приняли систему медленія, чтобъ не рѣшать ничего, а выигрывать время, и дали на прагскую просьбу уклончивый отвѣтъ, обѣщая все въ будущемъ.

Сильно взволновались чехи, получивъ этотъ отвѣтъ. Составился вторичный митингъ, и написали еще просьбу, убѣдительнѣе первой. Съ другой стороны и вѣнское министерство пригласило къ себѣ Шаффарика для объясненій, а наконецъ рескриптомъ императора 8-го апрѣля удовлетворены были всѣ пункты просьбы. Наслѣдникъ престола Францъ Іосифъ (нынѣшній императоръ) назначенъ былъ намѣстникомъ Богеміи. Она вдругъ сравнялась въ правахъ съ Венгріею, получивъ отдѣльное и отвѣтственное управленіе.

Во всѣхъ насильственныхъ переворотахъ всякая уступка влечетъ за собою новыя требованія, всякая побѣда пораждаетъ новыя мечты честолюбія. Богемія достигла однимъ разомъ и безъ малѣйшаго труда сымыхъ неожидан-

ныхъ правъ, и однакоже нашлось множество чеховъ, которые возмечтали отдѣлиться совсѣмъ отъ Австріи и составить независимую державу. Часто по улицамъ раздавались крики «вонъ нѣмцевъ!» Были въ низшихъ сословіяхъ и демагоги, которые хотѣли только анархіи и грабежа.

Съ этой минуты начали нѣмцы пробуждаться отъ революціоннаго угара. Добродушные вѣнскіе жители (зло и остроумно прозванные *бѣшеными баранами moutons enragés*) вздумали подражать французамъ, запѣли *Marseillaise*, воздвигли барикады и заставили Фердинанда явиться съ германскимъ знаменемъ въ рукахъ. Но совершивъ весь этотъ переворотъ, они догадались, что вся польза революціи не для нихъ, а для иноземцевъ. Венгрія сдѣлалась независимою; Богемія созывала около себя славянскія племена; Италія бунтовала, а франкфуртскій сеймъ объявилъ, что разнородная Австрія не можетъ принадлежать къ Германіи. Такимъ образомъ имперія Габсбурговъ распадалась на части. И однакоже остававшаяся тѣнь Австрійскаго правительства ласкала чеховъ за то, что они возстали на франкфуртскій парламентъ. Когда въ богемскихъ городахъ приказано было дѣлать выборы въ депутаты для франкфуртскаго собранія, чехи вездѣ кричали: не надо выборовъ! не надо ничего общаго съ Германіею! Да здравствуетъ Австрія и императоръ Фердинандъ!

Австрія отброшена отъ Германіи.

Составились вооруженныя общины для защиты чешскихъ правъ. *Сворность* имѣла до 10,000 человѣкъ во всей Богеміи. *Славія*, подъ начальствомъ Шаффарика, образовала сильный легіонъ; національную гвардію прозвали философическимъ легіономъ. Для дополненія комедіи былъ отрядъ амазонокъ, въ красной шапочкѣ, синемъ корсетѣ, бѣлой юбкѣ, съ пистолетами за поясомъ.

Узнавъ, что германскій сеймъ не принимаетъ Австріи въ составъ новой имперіи, богемскіе корифеи составили исполинскій планъ основать славянскую имперію, соединивъ

всѣхъ славянъ Венгріи, Сербіи, Валахіи, Молдавіи, отъ Адріатическаго до Чернаго моря; провозгласить императоромъ Франца Іосифа и вступить въ тѣсный союзъ съ Россіею, подавивъ франкфуртскую имперію.

Вдругъ произошла новая революція въ Вѣнѣ 15-го мая. За два дня предъ тѣмъ изданъ былъ законъ, которымъ распускался, самовольно составившійся, комитетъ (политическій) національной гвардіи, а также новый законъ о выборахъ. Едва эти мѣры были обнародованы, какъ толпы бунтовщиковъ явились передъ дворцемъ и требовали, чтобъ эти законы были отмѣнены, и чтобъ караулы въ Вѣнѣ были ввѣрены національной гвардіи. Правительство спѣшило исполнить требованіе бунтовщиковъ, и спокойствіе водворилось, но императоръ, видя эти неистовства, рѣшился удалиться въ Тироль, гдѣ народъ былъ искренно преданъ австрійскому владѣтельному дому. Богемія тотчасъ составила адресъ императору и отправила къ нему депутацію, которая и явилась въ Инспрукъ съ выраженіями самыхъ преданныхъ чувствъ и предложеніемъ всей крови чеховъ для защиты Фердинанда.

Между тѣмъ 2-го іюня открылась въ Прагѣ палата депутатовъ, по совершеніи богослуженія въ соборѣ славянскихъ апостоловъ Святыхъ Кирила и Меѳодія. Приглашенъ былъ кроатскій Банъ Іеллашичъ, который со своей стороны просилъ своихъ чешскихъ братьевъ прислать депутатовъ на кроатскій сеймъ.

Но демагоги тоже не дремали. Открытіе чешскихъ палатъ воспламенило всѣ умы, и всѣ стали явно требовать отдѣленія Богеміи отъ Австріи. Начальникъ военныхъ силъ въ Прагѣ князь Виндишгрецъ видѣлъ, что весь разгаръ сумасбродныхъ страстей кончится возстаніемъ, приготовилъ войска. Дѣйствительно, 12-го іюня толпа рабочихъ и студентовъ начала уличный бой съ солдатами; воздвиглись тотчасъ же барикады; французы и поляки, бывшіе въ городѣ, мгновенно сдѣлались учителями чеховъ въ ис-

кусствѣ построенія барикадъ. Пять сутокъ продолжалась рѣзня; князь Виндишгрецъ бомбардировалъ городъ и наконецъ побѣдилъ возстаніе. Это еще была первая побѣда законной власти надъ бунтомъ съ 24-го февраля, и Австрія отдохнула впервые послѣ всѣхъ пораженій и уступокъ. Съ тѣхъ поръ всѣ волненія прекратились въ Богеміи, все возвратилось къ прежнему порядку.

За то съ другой стороны разразилась сильнѣйшая буря. Венгрія возстала.

Венгрія была совсѣмъ въ другихъ отношеніяхъ къ Австріи, нежели Богемія. Венгрія составляла всегда отдѣльное управленіе, и австрійскій императоръ былъ тамъ только король, присягающій во время коронованія соблюдать древнія права мадьяровъ. Посредникомъ между центральною властію и Венгріею былъ всегда палатинъ. Политическія обстоятельства заставляли часто Австрію то ограничивать эти права, то расширять ихъ.

Возстаніе Венгріи.

За полгода до мартовской революціи въ Вѣнѣ, пресбургскій сеймъ съ жаромъ занимался реформами, на которыя австрійскій кабинетъ давно согласился. Вдругъ произошелъ этотъ гибельный переворотъ, и первая мысль венгерцевъ состояла въ томъ, чтобъ требовать больше. Адвокатъ Кошутъ былъ тогда вліятельнѣйшимъ членомъ оппозиціи, и онъ предложилъ палатѣ представить императору адресъ, составлявшій цѣлую революціонную программу, а именно: назначеніе отдѣльнаго венгерскаго министерства, отвѣтственнаго предъ сеймомъ во всѣхъ дѣйствіяхъ власти; новую систему выборовъ въ депутаты, учрежденіе національной гвардіи; перенесеніе сейма изъ Пресбурга въ Пестъ и наконецъ общую конституцію для всѣхъ прочихъ областей имперіи. Въ программѣ сказано было, что Венгрія намѣрена непоколебимо и неразрывно составлять часть имперіи.

Тысяча венгерскихъ дворянъ назначены были для представленія императору этой просьбы. Дѣло было въ концѣ

марта 1848 года, и Фердинандъ на все согласился. Съ торжествомъ возвратилась депутація въ Пестъ. Кошутъ сдѣлался душею новаго министерства. Съ перваго шага обнаружились его планы. Въ числѣ новыхъ министровъ потребовалъ онъ военнаго и иностранныхъ дѣлъ отдѣльныхъ для Венгріи. Какимъ образомъ могло быть два министра иностранныхъ дѣлъ въ одномъ государствѣ, независимыхъ другъ отъ друга? Отдѣленіе Венгріи отъ Австріи было уже очевидно.

Пріобрѣтя всю эту національную независимость добровольнымъ согласіемъ императора, Венгрія погубила себя тѣмъ, что не умѣла ею воспользоваться. Независимость мадьяровъ необходимо влекла за собою и другія племена, входящія въ составъ этого королевства. Славяне, Валахи, Нѣмцы требовали тѣхъ же правъ, говоря, что иначе они будутъ невольниками Венгровъ.

Въ числѣ правъ, пріобрѣтенныхъ уступками Австріи, дозволено было мадьярамъ употреблять языкъ свой во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ, на сеймѣ и въ богослуженіи. Кроаты первые возстали противъ этого. Кроаты, славянское племя, занимаютъ всю южную Венгрію отъ Дравы и Дуная. Ихъ до 800,000. Они тоже всегда пользовались особыми административными правами; они въ соединительномъ своемъ союзѣ съ Венгріею играли ту же роль, какъ венгры съ Австріею. У нихъ были отдѣльные штаты и свой сеймъ въ Аграмѣ, отправлявшій сверхъ того трехъ депутатовъ на венгерскій сеймъ. Главою области избирался туземный банъ, съ утвержденіемъ императора.

Всѣ славяне страстно любятъ свой языкъ и свою національность. До тѣхъ поръ общимъ офиціальнымъ языкомъ въ Венгріи былъ латинскій, и кроаты покорились этому древнему закону, но теперь ни какъ нехотѣли его мѣнять на венгерскій. Славяно-кроатскій сеймъ избралъ въ то время баномъ барона Іеллашича-Букшича. Онъ первый явно возсталъ на преобладаніе венгровъ надъ кроа-

тами, и Кошутъ объявилъ сейму, что Кроація взбунтовалась противъ Венгріи.

Послѣ новой революціи въ Вѣнѣ и отъѣзда императора въ Инспрукъ, поручено было разобрать ссоры кроатовъ съ венграми эрцгерцогу Іоанну, а когда послѣдній избранъ былъ во Франкфуртѣ намѣстникомъ германской имперіи, то къ Іеллашичу посланъ былъ графъ Баттіани для переговоровъ.

Мудрено было сойтись. Венгрія, пріобрѣтя независимость, хотѣла тиранствовать надъ кроатами и славянами, получивъ сама права, она не хотѣла удѣлить ихъ другимъ; народная гордость видѣла во всякомъ не венгерцѣ подчиненнаго. Кроаты хотѣли быть равны съ ними. Венгерскій сеймъ рѣшилъ покорить ихъ силою оружія.

Въ началѣ сентября Іеллашичъ принялъ начальство надъ всѣми войсками трехъ комитатовъ Кроаціи и Славоніи.

Возникли также ссоры между Венгріею и Австріею. Для вооруженія національной арміи, Сеймъ рѣшилъ выпустить на 200 милліоновъ гульденовъ ассигнацій. Императоръ не утвердилъ этого выпуска. Сеймъ отправилъ къ нему депутацію, но онъ далъ уклончивый отвѣтъ. Сеймъ на отказъ императора отвѣчалъ объявленіемъ смертной казни всякому, кто не приметъ этихъ ассигнацій. Эрцгерцогъ Палатинъ, видя это волненіе, уѣхалъ изъ Венгріи, а Банъ Іеллашичъ, 11-го сентября, перешелъ съ своею арміею чрезъ Драву, достигъ вскорѣ до Далатонскаго озера, и остановился не доходя Песта, въ одномъ переходѣ.

Тогда открыта была и въ Вѣнѣ палата депутатовъ. Венгерскій сеймъ отправилъ къ ней депутацію, съ обвиненіемъ центральной власти, которая помогаетъ возстанію кроатовъ, и требовалъ помощи палаты противъ бунтовщиковъ. Палата, на обсуждая еще самаго требованія, собрала голоса: принять ли ей присланную депутацію? большинство отвѣчало отрицательно. Это была горькая обида для мадьяровъ.

Тогда сеймъ опредѣлилъ дѣйствовать, не требуя утвержденія императора и собралъ войска для защиты столицы Венгріи.

До сихъ поръ вѣнское министерство хитрило съ венгерцами и въ жалобахъ сейма на кроатовъ, и на Іеллашича, обвиняло послѣднихъ, обѣщая содѣйствовать къ укрощенію ихъ. Но когда увидѣло, что вѣнскія палаты приняли такъ холодно и обидно венгерскую депутацію, и что Іеллашичъ уже двинулся къ Песту, тогда какъ у венгерцевъ не было еще собрано войска, то и австрійское правительство рѣшилось дѣйствовать. Графъ Лембергъ былъ назначенъ главнокомандующимъ войсками въ Венгріи и уполномоченнымъ при сеймѣ. Впрочемъ, въ декретѣ назначенія его было только сказано, что онъ долженъ примирить обѣ враждующія стороны. Сентября 29-го прибылъ графъ Лембергъ въ Пестъ—и злодѣйски былъ умерщвленъ изступленною чернью.

Это было послѣднею каплею въ сосудѣ терпѣнія. Негодованіе было всеобщее. Императоръ манифестомъ 3-го октября обнародовалъ, что: 1-е венгерскій сеймъ распущенъ и засѣданія его прекращаются; 2-е Всѣ рѣшенія его, не утвержденныя верховною властію, считать недѣйствительными; 3-е. Всѣ войска поручаются начальству барона Іеллашича; 4-е. До возстановленія спокойствія Венгрія объявляется въ осадномъ положеніи.

На этотъ манифестъ венгерскій сеймъ отвѣчалъ объявленіемъ, что онъ составляетъ безсмѣнное національное собраніе и учреждаетъ, подъ начальствомъ Кошута, *комитетъ общественной безопасности*. Вмѣстѣ съ тѣмъ приказано всѣмъ венгерцамъ вооружиться. Мессаросъ первый выступилъ изъ Песта противъ Іеллашича. Произошла небольшая стычка у Штульвейсенбурга, гдѣ кроатская кавалерія пострадала отъ артиллеріи венгерцевъ, и Іеллашичъ двинулся къ Раабу, чтобъ сохранить сообщеніе съ Вѣною, откуда онъ ожидалъ подкрѣпленій.

Увы! этихъ подкрѣпленій не могли ему прислать. Произошла 5-го и 6-го октября новая и самая кровавая революція въ Вѣнѣ. Часть національной гвардіи соединилась съ войскомъ, другая перешла къ вооруженной черни, которая узнавъ, что правительство намѣрено послать отрядъ венгерцевъ, намѣрена была силою воспротивиться этому; жестокій бой произошелъ между обѣими сторонами, и военный министръ графъ Латуръ былъ звѣрски умерщвленъ, а войска, защищавшія порядокъ и законы, принуждены были очистить городъ. Императоръ, который недавно еще по просьбѣ вѣнскихъ жителей возвратился въ Шенбруннъ, вторично долженъ былъ уѣхать и на этотъ разъ въ крѣпость Линцъ, чтобъ сблизиться съ Радецкимъ, который составлялъ въ Италіи единственный оплотъ австрійской монархіи. На Іеллашича нельзя уже было надѣяться по незначительному числу его войска, котораго положеніе между поголовнымъ вооруженіемъ Венгріи и торжествующими демагогами въ Вѣнѣ сдѣлалось весьма опасно.

Новая революція въ Вѣнѣ.

Чрезвычайно трогательна была прокламація императора Фердинанда, оставленная имъ по отъѣздѣ изъ Вѣны.

«Я сдѣлалъ все, что государь могъ сдѣлалъ для блага своего народа. Я уступилъ неограниченную власть, полученную мною отъ предковъ моихъ. Въ маѣ мѣсяцѣ принужденъ я былъ оставить свою столицу; но по просьбѣ жителей возвратился въ нее и вполнѣ ввѣрился своему народу. Сильная и дерзновенная партія довела безпорядки до крайности. Грабежъ и убійство царствуютъ въ Вѣнѣ; военный министръ умерщвленъ. Вся моя надежда на Бога и на мое право. Оставляю столицу, чтобъ пріискать средства къ поданію помощи угнетенному моему народу. Кто любитъ Австрію и свободу, да соединится вокругъ императора.» Шенбруннъ, 7-го октября 1848 года.

Всѣ событія, совершившіяся съ марта мѣсяца, до того поразили императора, что онъ рѣшился отречься отъ короны (2-го декабря) и 20-го ноября подписалъ актъ

этого отреченія въ пользу юнаго своего племянника эрцгерцога Франца Іосифа, который и вступилъ на престолъ подъ именемъ Франца–Іосифа I-го.

Іеллашичъ, видя себя оставленнымъ, рѣшился на смѣлое и геніяльное движеніе. Узнавъ, что австрійскія войска, вѣрныя своему долгу, вытѣснены изъ Вѣны и ждутъ подкрѣпленій, собираемыхъ главнокомандующимъ княземъ Виндишгрецомъ, Іеллашичъ, вмѣсто того, чтобъ заниматься отдѣльною борьбою съ венграми, двинулся вдругъ самъ къ Вѣнѣ, чтобъ сперва спасти столицу отъ демагоговъ и доставить помощь небольшому корпусу вѣрныхъ войскъ. 12–го октября явился онъ внезапно передъ Вѣною и атаковалъ переднюю линію бунтовщиковъ, владѣвшихъ городомъ, которымъ Кошутъ обѣщалъ скоро привести на помощь 30,000 венгерцевъ.

Но пока венгерцы сбирались, прибылъ и Виндишгрецъ со всѣми войсками, которыя могъ собрать въ Богеміи, и соединясь съ кроатами Іеллашича, принудилъ послѣ двухъдневнаго боя, сдаться Вѣну и водворилъ въ ней порядокъ.

Странное зрѣлище представляетъ этотъ 1848 годъ! Война, объявленная Венгріею кроатамъ, превратилась въ войну между Австріею и Венгріею. Союзники венгерцевъ въ самой Вѣнѣ и мадьяры спѣшатъ къ нимъ на помощь. Но кроаты уже у стѣнъ столицы. А Виндишгрецъ, недавно еще бомбардировавшій Прагу, набралъ войско изъ тѣхъ же самыхъ чеховъ, и вмѣстѣ съ Іеллашичемъ овладѣлъ Вѣною. Два славянскіе героя спасли австрійскую имперію на Дунаѣ, а третій (Радецкій) на поляхъ Ломбардіи.

Съ этой минуты начинается уже настоящая государственная война. Австрія уже существуетъ. Столица ея свободна. У нея есть армія, которая 3–го декабря двинулась для укрощенія венгерцевъ. (*) 4–го числа 1–й

(*) Всѣ свѣдѣнія о венгерской кампаніи почерпнуты изъ книги: Очеркъ венгерской войны 1848—1849 годовъ, переводъ съ нѣмецкаго гг. Богдановича и Лебедева.

корпусъ (Іеллашича) быстро пошелъ впередъ, и вступилъ около Парендорфа и Нейдорфа въ схватку съ авангардомъ главной венгерской арміи, шедшей къ Вѣнѣ. Инсургенты въ числѣ 30,000 человѣкъ занимали пространство отъ дуная до Нейзидлерскаго озера и мало сопротивлялись, Все дѣло ограничилось канонадою. Быстрое наступленіе бана уничтожило предположеніе непріятеля. Инсургенты спѣшили сняться съ позиціи. Батальоны у Энгерая отступили чрезъ понтонный мостъ къ Пресбургу, а войска у Китце отступили на Карлсбургъ и Рандорфъ.

5-го декабря 2-й корпусъ (графа Врбна) двинулся къ Пресбургу. Гарнизонъ его не думалъ объ упорномъ сопротивленіи. Въ тотъ же день онъ изъявилъ готовность покориться.

Генералъ Симоничъ 4-го числа подошелъ къ м. Тюрнау и послѣ двухъ-часоваго боя овладѣлъ имъ, взявъ въ плѣнъ около 700 человѣкъ.

28-го ноября генералъ Шликъ двинулся чрезъ Дуклу къ Бартфельду, взялъ съ боя Эперіесъ и узнавъ, что Мессаросъ намѣревается при Кашау съ 30-ю тысячьми и 32-мя орудіями отбросить австрійцевъ за Карпаты, принялъ смѣлое намѣреніе итти самому на Мессароса.

Около полудня 29-го числа Шликъ подошелъ къ непріятельской позиціи и послѣ краткаго дѣла заставилъ непріятеля отступить.

15-го декабря, въ 7 часовъ вечера, фельдмаршалъ получилъ извѣстіе, что непріятель очистилъ городъ Раабъ и отошелъ къ Офену. Въ половинѣ 2-го часа пополудни князь Виндишгрецъ вступилъ въ Раабъ.

17-го декабря банъ узналъ, что корпусъ Перцеля сосредоточился у Моръ и оттуда готовился направиться къ Офену. 18-го числа банъ выступилъ со всѣми войсками для преслѣдованія непріятеля и встрѣтилъ его въ полумилѣ у Моръ, на весьма выгодной позиціи. Видя, что непріятель отступаетъ, онъ повелъ атаку, которая была произ-

ведена съ блистательною храбростію. Непріятель былъ разбитъ и захвачено 1000 человѣкъ плѣнныхъ. Остатки Перцелева корпуса отступили къ Штульвейсенбургу.

23-го декабря австрійскіе корпуса стали передъ Офеномъ, желая съ нетерпѣніемъ вступить въ бой, но Гёргей, сообразивъ, что городъ не можетъ долго держаться, сдалъ его безъ боя.

22-го декабря Мессаросъ снова двинулся къ Кашау, но генералъ Шликъ одержалъ надъ нимъ блистательную побѣду.

Князь Виндишгрецъ быстро преслѣдовалъ Гёргея и Перцеля до Пресбурга, и безъ сопротивленія овладѣлъ Буда-Пестомъ. Но эти удачи были первымъ поводомъ къ неблагопріятному обороту дѣлъ. Князь Виндишгрецъ, не зная силъ непріятеля и не вѣря въ ихъ многочисленность, не обращалъ вниманія на предостереженія опытныхъ военныхъ людей, которые еще въ началѣ похода утверждали, что по достиженіи Тиссы начнется труднѣйшая часть кампаніи. Отрядъ инсургентовъ, подъ командою Перцеля, отступивъ изъ Буда-Песта, обратился на Солнокъ, чтобы, перейдя чрезъ Тиссу, сблизиться съ подкрѣпленіями, шедшими изъ Дебречина и Гроссъ-Вардейна. Соединившись съ ними, Перцель принудилъ австрійцевъ отступить къ Ценгледу.

3-го января былъ посланъ генералъ Чорихъ съ своею дивизіею на Иполь-Шагъ; 9-го числа онъ настигъ венгерцевъ у с. Виндшахтъ, атаковалъ ихъ, взялъ селеніе Виндшахтъ штурмомъ и опрокинулъ непріятеля на всѣхъ пунктахъ.

10-го января австрійцы вступили въ Шипницъ въ одно время съ арріергардомъ инсургентовъ.

7-го января авангардъ графа Шлика наткнулся на непріятеля и вогналъ его въ Токай. 10-го числа Шликъ предпринялъ общее нападеніе. Долго колебалась участь боя; мятежники удержались между Токаемъ и Корештуромъ, а генералъ Шликъ принужденъ былъ отступить къ

Тальвѣ. Получивъ тамъ подкрѣпленіе, Шликъ снова началъ наступательныя дѣйствія на Токай. Между тѣмъ Гёргей, узнавъ о движеніи Шлика на Токай, немедленно двинулся на Эперіесъ, овладѣлъ имъ и Камау и успѣлъ соединиться съ Дембинскимъ, отчего силы ихъ возрасли до 50,000 человѣкъ съ 150-ю орудіями.

Фельдмаршалъ принялъ смѣлое намѣреніе разбить непріятеля, не смотря на его многочисленность. Графу Шлику приказано было дѣйствовать противъ праваго фланга непріятеля. 14-го февраля графъ Врбна двинулся на Капольну, а князь Шварценбергъ къ Калю. Въ 2 часа пополудни обѣ колонны столкнулись съ непріятелемъ. Онъ былъ выбитъ изъ сильной полиціи, но пытался прорвать центръ австрійскихъ войскъ своею конницею. Кавалерія уничтожила эту попытку. Послѣ того непріятель сталъ отступать на всѣхъ пунктахъ къ Капольнѣ и Калю.

14-го числа Шликъ двинулся къ Цейтигау и встрѣтилъ при Штрокѣ непріятеля. Послѣ упорнаго боя, Шликъ вытѣснилъ венгерцевъ, но это помѣшало ему соединиться съ главною арміею, съ которою онъ только 15-го числа могъ сблизиться. Между тѣмъ непріятель снова укрѣпился подъ Верпелетомъ и упорно сопротивлялся. Несмотря на это, селеніе было взято. Часть венгерцевъ отступила къ Эрлау. Два раза пытались они снова овладѣть Капольною, но безуспѣшно, и къ вечеру отступили на позицію у Маклара.

16-го числа фельдмаршалъ началъ наступать всѣми войсками; инсургенты отступили къ Тиссѣ а венгерцы, укрывшіеся послѣ Капольскаго сраженія за Тиссу, собрали около 15,000 съ 40 орудіями, переправились чрезъ Тиссу и стремительно напали на этотъ городъ. Генералъ Каргеръ долженъ былъ съ большимъ урономъ отступить къ Цеглебу. 6-го марта слабые отряды Өедоровича и Лейнингена были атакованы отрядомъ инсургентовъ и оттѣснены къ Дунаю.

9-го января Бемъ подступилъ къ Германштадту, впереди котораго стоялъ генералъ Турнеръ. Непріятель приблизился на пушечный выстрѣлъ и открылъ сильный огонь. Колонны Пухнера бросились впередъ и опрокинули первую линію. Послѣ 7-ми-часоваго боя непріятель началъ отступать; одна бригада преслѣдовала его до Штольценбурга.

10-го числа Пухнеръ пошелъ атакой на Штольценбургъ, но положеніе его становилось затруднительно.

Бемъ успѣлъ соединиться съ инсургентами и тѣмъ прервалъ единственное сообщеніе между Вѣною и австрійскою арміею, дѣйствовавшею въ Венгріи.

Секлеры тоже возстали и въ числѣ 15,000 перешли границу Секлерланда, чтобы, по овладѣніи Кронштадтомъ, направиться къ Германштадту.

Жители Кронштадта обратились къ русскимъ съ просьбою о помощи. Пухнеръ, понимая важность обстоятельствъ, собралъ военный совѣтъ, на которомъ рѣшили, что не только саксонскую часть Трансильваніи, но даже и одинъ Германштадтъ австрійцы не въ состояніи отстоять. Тогда обратились къ генералу Лидерсу, командующему русскими войсками въ Валахіи, съ просьбою о помощи, которая съ готовностью и была оказана.

Чтобъ не прерывать разсказа о ходѣ военныхъ дѣйствій, мы уже перешли нѣсколько за 1848 годъ. Въ слѣдующемъ году увидимъ новыхъ дѣйствователей на этомъ поприщѣ.

Много еще событій надобно было бы разсказать о печальномъ 1848 годѣ. Всѣ страны запада заплатили болѣе или менѣе дань этой эпохѣ безумія и несчастій. Мы описали Францію, Италію, Піемонтъ, Германію, Пруссію, Австрію, Данію, но не могли сообщить еще многихъ отдѣльныхъ подробностей. Рама нашей исторіи посвящена Россіи и Императору Николаю I-му. Исторія 1848 и 1849 г., акціи и реакціи, требуетъ отдѣльнаго, добросо-

вѣстнаго, исполинскаго труда; цѣль ея принадлежитъ страницамъ всемірной исторіи.

Во всемъ этомъ водоворотѣ страстей, событій, происковъ и кровопролитій видѣли мы, что не участвовали только двѣ державы Англія и Россія. Но Англія, отдѣленная моремъ отъ своихъ буйныхъ сосѣдей, не только небоялась революціонной пропаганды, но сама безпрестанно посылала къ нимъ и къ другимъ народамъ политическихъ поджигателей. До эпохи первой французской революціи (1789) Англія была вовсе не первенствующею державою на морѣ, а еще менѣе въ европейской политикѣ. Но когда силы Франціи пали подъ гильотиною демагоговъ, когда безденежье казны заставило забросить флотъ, когда Франція лишилась торговли, промышлености, мануфактуръ, Англія вдругъ поднялась. Вооружась будто бы противъ революціи, она хлопотала только объ истребленіи флотовъ своей вѣчной соперницы, и поняла съ тѣхъ поръ, что распространеніе возмущеній въ Европѣ составляетъ главный рычагъ ея силъ и богатства. Наполеонъ понялъ ее, и не въ силахъ будучи бороться съ нею на морѣ, вооружился противъ ея торговли и мануфактуръ. Его континентальная система едва не погубила Англію. Еще нѣсколько лѣтъ, и она пала бы на грудахъ своего безполезнаго золота. Съ тѣхъ поръ не пропускала она ни одного волненія въ Европѣ, чтобъ не вмѣшаться въ него и не разжечь его еще болѣе. Агенты ея твердили всѣмъ націямъ, что онѣ должны требовать конституцій. Въ Испаніи, въ Португаліи поддерживали они долголѣтнюю междоусобную войну, чтобъ раззорить ихъ въ конецъ. 1830 годъ былъ для нихъ источникомъ радости. Повсюду возмущенія разстроивали всѣхъ, но Англія отъ этого богатѣла и усиливалась. Съ тѣхъ поръ преобладаніе ея на всѣхъ моряхъ сдѣлалось исключительнымъ, и Европа, лишенная флотовъ, поздно увидѣла свои ошибки, дозволившія усиленіе новаго Карѳагена. Одна

Францiя начала развивать силы свои, въ сравненiи съ нею. Лудовикъ Филиппъ много сдѣлалъ для этого. Но Англiя наблюдала за нимъ. Цѣлыя 18 лѣтъ окружала она его всѣми возможными опасностями, волненiями и заговорами. Исторiя со временемъ разскажетъ ея участiе во всѣхъ замыслахъ. Наконецъ ничтожный вопросъ о банкетахъ низвергъ орлеанскую династiю. Разразилась революцiя 1848 года, и Англiя первая признала республику, помня хорошо, сколько пользы приносятъ ей всѣ возмущенiя. Тотчасъ же разсыпались по Европѣ, и болѣе всего по Италiи, агенты Пальмерстона.

Политика Англiи.

Вездѣ произошли бунты, которые Англiя принимала подъ свое покровительство. Въ Сицилiи прiискала она уже отдѣльнаго короля. Въ войнѣ Сардинiи съ Австрiею предлагала она вѣнскому кабинету посредничество для уступки Ломбардiи (и онъ уже соглашался! По счастiю, побѣды Радецкаго спасли его отъ этого стыда). Отдѣленiе Венгрiи требуемо было открыто въ парламентѣ; австрiйскихъ генераловъ (Гайнау) публично оскорбляли въ Лондонѣ. Однимъ словомъ, вездѣ Англiя раздувала пламя бунта. Это была ея жизненная стихiя, ея система политики.

Но минута реакцiи, минута пробужденiя народовъ и государей отъ зловѣщаго сна была уже близка.

Была другая держава, не участвовавшая во всеобщемъ опьянѣнiи 1848 года—Россiя!

Едва прошло столѣтiе, какъ она явилась на сценѣ европейской политики. Только со времени семилѣтней войны положила она свой мечъ на вѣсы, и судьба Фридриха Великаго была на волоскѣ. Съ тѣхъ поръ возрастало ея влiянiе въ дѣлахъ Европы. Екатерина II-я и Павелъ I-й тогда еще проникли Англiю и создали сѣверный вооруженный нейтралитетъ. Еслибъ онъ былъ сохраненъ, Англiя никогда не достигла бы колоссальнаго своего могущества. Александръ I-й возвелъ Россiю на

высшую степень политическаго могущества, но это возвышеніе было самымъ благодѣтельнымъ дѣломъ для Европы. Оно было не завоевательное, не насильственное. Оно спасло всю Европу отъ тяготѣвшаго надъ нею ига. Оно возстановило всѣ законные троны; оно создало между государями христіанской Европы знаменитый Священный Союзъ, и пока онъ сохранялся, Европа была счастлива и спокойна.

Благословенія народовъ послѣдовали и за гробомъ Благословеннаго. Преемникъ его вполнѣ доказалъ, что онъ вполнѣ сохраняетъ тѣже великія правила соблюденія порядка и законности въ Европѣ. Онъ не искалъ завоеваній; ему довольно было своего. Но онъ строго наблюдалъ, чтобъ и всѣ слѣдовали этому примѣру. Онъ видѣлъ всѣ нововведенія, которыми волновали умы въ Европѣ и не опасался, чтобъ они проникли въ Россію. Народы Европы, гордясь своими конституціями, называли русскихъ варварами, отсталою націею, рабами. Они не понимали основнаго состава Россіи. Они не постигали, что Россія не только государство, но и огромная семья; что Государь нашъ не только верховный судія и законодатель, но и отецъ нашъ; что въ семействѣ между дѣтьми и отцемъ не можетъ быть общественнаго договора, потому что власть отца дана Богомъ и природою, а не письменными условіями; что между русскимъ царемъ и народомъ его общи и не раздѣльны горе и бѣды, счастіе и радости, труды и пожертвованія.

И вдругъ, когда въ 1848 году разразилась повсемѣстная революція, Николай I-й сожалѣлъ о заблудшихся и готовился отразить нападеніе безумныхъ,—еслибъ они вздумали напасть на него,—или помогать слабымъ и угнетеннымъ. Прекрасная роль для всемірной исторіи и великодушнаго его сердца. Можно было представить себѣ, какъ демагоги Европы ненавидѣли его и осыпали проклятіями. А какъ въ то время демагоги владѣли всею Ев-

ропою, то малѣйшее слово, мысль о союзѣ съ Россiею навлекало бѣдствiя на тѣхъ, которые видѣли въ ней одно свое спасенiе и сохраненiе.

Манифестъ Императора Николая.

Едва въ Россiи узнали о революцiонномъ разливѣ, какъ Государь Императоръ (приказомъ военному министру 24-го февраля) повелѣлъ слѣдующее:

«На Западѣ Европы послѣдовали событiя, обличающiя злоумышленiя къ ниспроверженiю властей законныхъ. Дружественные трактаты и договоры, связующiе Россiю съ сопредѣльными державами, поставляютъ намъ священною обязанностiю принять благовременныя мѣры для приведенiя въ военное положенiе нѣкоторой части войскъ нашихъ съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ если обстоятельства потребуютъ, противупоставить надежный оплотъ пагубному разливу безначалiя.» (За тѣмъ слѣдуютъ пункты о сборѣ безсрочно-отпускныхъ и прочiя мѣры для сформированiя резерва.) Вслѣдъ за этимъ приказомъ обнародованъ былъ слѣдующiй Высочайшiй манифестъ (14-го марта):

«Послѣ благословенiй долголѣтняго мира, западъ Европы внезапно взволнованъ нынѣ смутами, грозящими ниспроверженiемъ законныхъ властей и всякаго общественнаго устройства.

«Возникнувъ сперва во Францiи, мятежъ и безначалiе скоро сообщились сопредѣльной Германiи и разливаясь повсемѣстно съ наглостiю, возрастающею по мѣрѣ уступчивости правительствъ, сокрушительный потокъ сей прикоснулся наконецъ и союзныхъ намъ, имперiи Австрiйской и королевства Прусскаго. Теперь не зная болѣе предѣловъ, дерзость угрожаетъ въ безумiи своемъ и нашей, Богомъ намъ ввѣренной Россiи.

«Но да не будетъ такъ!

«По завѣтному примѣру Православныхъ нашихъ предковъ, призвавъ въ помощь Бога Всемогущаго, мы гото-

вы встрѣтить враговъ нашихъ, гдѣ бы они ни предстали, и не щадя себя, будемъ въ неразрывномъ союзѣ съ святою нашею Русью, защищать честь имени русскаго и неприкосновенность предѣловъ нашихъ.

«Мы удостовѣрены, что всякій русскій, всякій вѣрноподданный нашъ отвѣтитъ радостно на призывъ своего Государя; что древній нашъ возгласъ: за вѣру, царя и отечество, и нынѣ предукажетъ намъ путь къ побѣдѣ; и тогда въ чувствахъ благоговѣйной признательности, какъ теперь въ чувствахъ святаго на него упованія, мы всѣ вмѣстѣ воскликнемъ:

«Съ нами Богъ! разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ!»

Можно вообразить, себѣ какое дѣйствіе произвелъ этотъ манифестъ въ угорѣлыхъ головахъ западной Европы. Демагоги указывали всѣмъ націямъ, что Россія и Императоръ Николай служатъ вѣчною преградою всякой свободѣ въ прочихъ державахъ; что этотъ манифестъ составляетъ явную угрозу противъ всѣхъ конституціонныхъ правительствъ, и что воззваніе Николая I-го—означаетъ наступательную войну Россіи на Западъ для потушенія всеобщей вольности. Всѣ газеты Запада возопили на Россію и волновали общественное мнѣніе, увѣряя легковѣрныхъ, что она вѣчный и непримиримый врагъ Европы.

Конечно, Россія и великодушный царь ея могли бы презирать пустые возгласы презрѣнныхъ демагоговъ, но въ Европѣ большинство добрыхъ и миролюбивыхъ жителей только паническимъ страхомъ отъ демагоговъ принуждено было склонить покорныя головы и ожидало только перваго появленія порядка и законности, чтобъ отречься отъ гнусныхъ правилъ возмутителей. Это-то большинство надобно было успокоить, а вмѣстѣ съ тѣмъ указать всѣмъ кабинетамъ на истинную цѣль и намѣренія Николая I-го.

А потому обнародована была слѣдующая декларація (*):

Дополнительная декларація.

«Мы на дняхъ сообщили Высочайшій манифестъ, изданный по случаю смутъ, волнующихъ нынѣ Западную Европу. Всякій вѣрноподданный Царя конечно понялъ значеніе его манифеста. Это языкъ вѣры, возгласъ отечества, намъ сродный; языкъ, которымъ русскіе Цари въ дни испытанія обыкновенно взываютъ къ своему народу. Но за границею, какъ дѣйствія, такъ и объявленія нашего правительства часто перетолковываются въ совершенно превратномъ смыслѣ, и потому мы считаемъ неизлишнимъ войти въ нѣкоторыя объясненія, дабы предупредить тѣ ложныя заключенія, которыя иностранцы вздумали бы выводить изъ означеннаго манифеста.

«Весьма заблуждались бы тѣ, которые полагали бы, что въ этомъ манифестѣ заключается что либо могущее возбудить опасеніе касательно нарушенія мира. Ничего подобнаго нѣтъ въ помыслахъ нашего отечества. Но при непріязненныхъ чувствахъ, явно возбуждаемыхъ противъ насъ за границею, ничего не могло быть естественнѣе воззванія Царя къ русскимъ сердцамъ. Въ самомъ дѣлѣ, но токмо во Франціи, гдѣ самыя власти принимаютъ участіе въ замыслахъ польскихъ выходцевъ, но и въ Венгріи, Пруссіи и Германіи вездѣ раздавались враждебные противъ Россіи клики. Эти клики повторяемы были въ публичныхъ совѣщаніяхъ разныхъ сословій, въ представительныхъ собраніяхъ, даже полуофиціальныхъ газетахъ. Правительствамъ, кои низвергнуты были или преобразованы мятежемъ, ставили въ вину, что они находились въ дружественныхъ сношеніяхъ съ нашимъ дворомъ. Лишь только узнали о событіяхъ, имѣвшихъ послѣдствіемъ провозглашеніе республики во Франціи, намъ тотчасъ стали приписывать воинственные замыслы. Громогласно отвергали союзъ съ Россіею, тогда когда не могли даже знать, намѣрены ли мы проливать кровь за чужія распри. Россію старались представить какимъ-то страшилищемъ. Тогда какъ мы никому недумали грозить, стали угрожать намъ самимъ, какъ бы желая тѣмъ предупредить всякое со стороны вашей вмѣшательство.

(*) Сѣвер. Пч. № 64.

«Мы можемъ только удивляться подобнымъ изъявленіямъ, ибо мы непомнимъ, чтобъ въ нашъ вѣкъ Россія когда либо нарушила права Германіи, или въ чемъ либо посягнула на ея независимость.

«Достопамятныя событія 1812 года свидѣтельствуютъ о томъ, съ чьей стороны предпринято было непріязненное нападеніе. Исторія указываетъ: въ пользу или во вредъ германскимъ народамъ послужило участіе, принятое тогда Россіею въ ихъ дѣлахъ. Пусть же успокоятся напрасно встревоженные умы. Ни въ Германіи, ни во Франціи Россія не намѣрена вмѣшиваться въ правительственныя преобразованія, которыя уже совершились, или могли бы еще послѣдовать. Россія не помышляетъ о нападеніи. Она желаетъ мира нужнаго ей, чтобъ спокойно заниматься постояннымъ развитіемъ внутренняго своего благосостоянія.

«Пусть народы запада ищутъ въ революціяхъ того мнимаго благополучія, за которымъ они гоняются. Пусть каждый изъ этихъ народовъ по своему произволу избираетъ себѣ тотъ образъ правленія, который признаетъ наиболѣе ему свойственнымъ. Россія, спокойно взирая на таковыя попытки, не приметъ въ нихъ участія, не будетъ противиться онымъ; она не позавидуетъ участи сихъ народовъ даже и въ томъ случаѣ, еслибы изъ нѣдръ безначалія и безпорядковъ возникла наконецъ для нихъ лучшая будущность.

«Чтоже касается до Россіи, то она спокойно ожидаетъ дальнѣйшаго развитія общественнаго своего быта, какъ отъ времени, такъ и отъ мудрой заботливости своихъ царей.

«Всякое общественное устройство, невозможныя, даже самыя усовершенствованныя формы правленія, имѣютъ свои недостатки. Зная это, Россія почитаетъ для себя первымъ благомъ незыблемость существующаго въ оной законнаго порядка. Такъ какъ безъ этого не можетъ существовать ни политическаго могущества внѣ государства, ни кредита, ни торговли, ни промышлености, ни народнаго богатства внутри онаго, то Россія не попуститъ, чтобъ поколебали благонадежныя и прочныя ея узаконенія, столь для нея драгоцѣнныя. Она не потерпитъ, чтобъ чужеземные возмутители раздували въ предѣлахъ ея пламя мятежа, чтобъ подъ предлогомъ возстановленія изчезнув-

шихъ народностей покусились отторгнуть какую либо изъ частей, составляющихъ въ совокупности своей цѣлость и единство имперіи.

«Если наконецъ изъ хаоса всѣхъ политическихъ переворотовъ, всѣхъ возбужденныхъ нынѣ вопросовъ и взаимныхъ правъ, всѣхъ противуположныхъ стремленій суждено возникнуть войнѣ, то Россія въ свое время разсмотритъ, соотвѣтственно или нѣтъ ея выгодамъ вмѣшаться и до какой именно степени въ распри между тѣмъ и другимъ государствомъ, тѣмъ и другимъ народомъ.

«Но она не упуститъ изъ виду, что распредѣленіе границъ между государствами основано на взаимныхъ правахъ владѣнія, кои освящены ея ручательствомъ и рѣшительно не потерпитъ, чтобы въ случаѣ измѣненія политическаго равновѣсія и инаго какого либо распредѣленія областей, подобное измѣненіе обращалось къ ущербу имперіи.

«Дотолѣ она будетъ соблюдать строгій нейтралитетъ; не предпринимая ни какихъ непріязненныхъ дѣйствій, она будетъ бдительно слѣдить за ходомъ событій. Однимъ словомъ Россія не станетъ нападать ни на кого, если только на насъ самихъ нападать не будутъ; она строго воздержится отъ всякаго посягательства на независимость и неприкосновенность сосѣдственныхъ областей, если и сосѣдственныя области съ своей стороны не посягнутъ на собственную ея неприкосновенность и независимость.»

Увы! объявленіе это при всемъ своемъ благородствѣ, убѣждало только тѣхъ здравомыслящихъ, которые и безъ него знали прямодушіе Россіи. Прочіе видѣли въ этомъ одну уступку современному духу революціи. Благородныя чувства никогда не постигаются тѣми, у кого ихъ нѣтъ. Но если для демогоговъ декларація эта была безполезна, то для исторіи она важна, свидѣтельствуя передъ безпристрастнымъ потомствомъ все величіе и прямоту души Николая.

Вскорѣ обнародованъ былъ еще важнѣйшій документъ. Россійскій министръ иностранныхъ дѣлъ сообщилъ русскимъ посольствамъ въ Германіи циркуляръ слѣдующаго содержанія:

Нота Россіи Упомянувъ о нападкахъ газетъ, перетолкованіи ими всѣхъ

мѣръ, принимаемыхъ Россіею и о выходкахъ нѣкоторыхъ законодательныхъ собраній, циркуляръ продолжаетъ: къ германскимъ дворамъ.

«Вамъ извѣстно, что съ самаго начала происшествій, разстроившихъ среднія страны Европы, Государь Императоръ принялъ въ дѣйствіяхъ своихъ правило, отъ котораго донынѣ не отступалъ ни на одно мгновеніе: не вмѣшиваться ни какимъ образомъ во внутреннія дѣла земель, которыя бы желали измѣнить свое устройство; предоставить народамъ совершенную свободу пускаться безъ всякаго препятствія съ его стороны въ какіе имъ угодно политическіе и соціальные опыты; не нападать ни на какую державу, которая сама на него не нападала; но въ тоже время рѣшительно отражать всякое покушеніе противъ внутренней своей безопасности и наблюдать, чтобъ въ случаѣ нарушенія или измѣненія гдѣ либо равновѣсія въ распредѣленіи границъ, не произошло вреда нашимъ законнымъ пользамъ. Такова система, которой Государь Императоръ слѣдовалъ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, которой слѣдуетъ и нынѣ.

«Между тѣмъ, ограничиваясь сею нейтральною и выжидательною системою, Его Величество не могъ не обращать вниманія на всѣ случайности, которыми произведены быстрыя перемѣны въ существовавшемъ доселѣ порядкѣ вещей въ Европѣ, какъ и на духъ непріязненности, который въ одно время съ изступленною страстію къ перемѣнамъ возникъ противъ насъ по всей Германіи.

«Въ самомъ дѣлѣ, лишь только въ сей обширной странѣ занялись рѣшеніемъ задачи о единствѣ ея, первою мыслію ея было распространеніе предѣловъ союза и первымъ воплемъ—вопль войны. Во Франкфуртскомъ собраніи, въ клубахъ, въ брошюрахъ, въ журналахъ провозглашали, что война съ Россіею есть одна изъ необходимостей нынѣшняго времени.

«Для приведенія въ исполненіе сей мысли явно проповѣдовали о заключеніи наступательнаго и оборонительнаго союза Германіи съ Франціею. Доходили даже до того, что угрожали поглощеніемъ нашихъ остзейскихъ провинцій великою нѣмецкою національностію; предполагали возстановить прежнюю Польшу 1772 года, чтобъ она служила вѣчнымъ оплотомъ Европѣ противъ того, кого называли общимъ врагомъ... Нужно ли

упомянуть еще о пріемѣ, оказанномъ польскимъ выходцамъ, о дарованіи безденежнаго проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ, даже на счетъ германскихъ правительствъ, этимъ шайкамъ, которыя ринулись изъ Франціи, объявляя намѣреніе свое внести въ наши предѣлы опустошеніе и мятежъ?

«Еслибъ мы дѣйствительно искали предлоговъ къ нападенію, одинъ этотъ случай подалъ бы удобный поводъ. Вскорѣ достойная сожалѣнія война, предпринятая противъ одной сѣверной монархіи (Даніи), которой цѣлость обезпечена нами и сохраненіе которой важно для равновѣсія Европы, стала угрожать нарушеніемъ всеобщаго мира, вредомъ коммерціи и выгодъ прибрежныхъ съ Балтійскимъ моремъ государствъ, столкновеніями, которыя она могла причинить и помыслами о владычествѣ на морѣ, возникшемъ по ея поводу въ народѣ.

«Въ тоже самое время возстаніе въ великомъ герцогствѣ Познаньскомъ и положеніе Галиціи могло имѣть вредное вліяніе на внутреннее спокойствіе собственныхъ нашихъ провинцій.

«При такихъ случайностяхъ и особенно при такихъ замыслахъ самое простое благоразуміе заставляло принять надлежащія мѣры.

«....Но система наша въ семъ случаѣ чисто оборонительная и охранительная. Въ нашихъ мысляхъ она никогда не имѣла и теперь не имѣетъ другаго характера.

«Вмѣсто того, чтобъ смотрѣть на нее съ этой точки зрѣнія и признаться въ умѣ своемъ, что если мы были принуждены вооружиться, то главный къ тому поводъ заключается въ безпрерывныхъ противъ насъ вызовахъ; демократическая партія предпочитаетъ обвинять насъ въ помыслахъ о нападеніи. Ежедневно въ нѣмецкихъ журналахъ разглашаются на нашъ счетъ самые нелѣпые слухи, самыя гнусныя клеветы. Неоднократно уже говорили въ журналахъ, что наши войска перешли чрезъ границу, а они не двигались съ своихъ квартиръ. Нѣтъ такого коварнаго замысла, котораго бы намъ не приписывали; нѣтъ возстанія, нѣтъ мятежа въ странахъ нѣмецкихъ или славянскихъ, которыхъ бы не возбуждали подъ рукою нашимъ золотомъ или нашими агентами. Непріязненность, которую предполагаютъ въ насъ къ Германіи, равняется той, которую

чувствуютъ, или по крайней мѣрѣ хотятъ внушить противъ насъ самой Германіи.

«....Въ самомъ дѣлѣ, когда Германія могла на насъ жаловаться? Когда замышляли мы противъ ея независимости? Когда угрожали ей нашествіемъ? Какую часть земли мы взяли или желали взять?

«Въ продолженіе тягостнаго владычества завоевателя, Россія проливала свою кровь для вспомоществованія Германіи, для охраненія ея цѣлости и независимости. Русская земля давно уже была освобождена, а Россія поддерживала германскихъ союзниковъ на всѣхъ поляхъ сраженій въ Европѣ. И еще недавно въ 1840 году, когда нѣсколько времени казалось, что война возгорится на берегахъ Рейна, мы отдали въ ея распоряженіе наши нравственныя и военныя силы. Въ продолженіе 33-хъ-лѣтняго мира, благодѣянія котораго такъ легко оспориваются безпокойнымъ духомъ нынѣшняго поколѣнія, мы не преставали совѣтовать и вспомоществовать Германіи въ сохраненіи ея согласія и единства, разумѣется не того вещественнаго единства, о которомъ мечтаетъ нынѣ демократія, жаждущая уравненія и распространенія и которое, еслибъ оно могло осуществиться по властолюбивымъ теоріямъ, ранѣе или позже вовлекло бы Германію въ войну со всѣми ея сосѣдями, но единства нравственнаго, искренняго единогласія видовъ и намѣреній во всѣхъ вопросахъ политическихъ. Единственно къ поддержанію сего союза, къ укрѣпленію узъ, присоединяющихъ германскія владѣнія одно къ другому, стремилась наша политика, потому что мы всегда желали сохраненія мира въ Европѣ, и въ нашихъ глазахъ самая сильная порука этого мира заключилась всегда въ искреннемъ согласіи всѣхъ владѣній, составляющихъ германскій союзъ.

«Чего мы желали тогда, того желаемъ и нынѣ. Никакіе вызовы и оскорбленія не могутъ измѣнить нашего расположенія. Посреди этихъ буйныхъ возгласовъ умѣемъ мы отличать друзей порядка отъ безумцевъ, простодушное легковѣріе отъ коварной злобы; мы принимаемъ во вниманіе даже минутное упоеніе и изступленіе, причиненныя такими неожиданными и крутыми происшествіями, никѣмъ не ожиданными и не предвидѣнными.

«Нынѣ, какъ и всегда, ни мало не желая смятеній, не помышляя о причиненіи раздоровъ, мы желаемъ Германіи единственно согласія между правительствами и народами. Мы можемъ сомнѣваться и опасаться касательно послѣдняго труднаго опыта, на который она отваживается въ нынѣшнее время, чтобъ придать своей національности болѣе силы и связи; но сомнѣнія и опасенія остаются въ предѣлахъ частныхъ нашихъ желаній.

«Искренно желаемъ, чтобъ насъ вскорѣ успокоили, и если Германія въ самомъ дѣлѣ рѣшитъ задачу своего преобразованія, не вредя внутреннему своему спокойствію, не тревожа спокойствія другихъ государствъ новыми формами своей національности, мы чистосердечно тому порадуемся по тѣмъ же причинамъ, которыя заставили насъ желать ей силы и единства при прежнемъ образѣ ея правленія.

«Таковы наши расположенія, мирныя и дружелюбныя. Сожалѣемъ, что на нихъ отвѣчаютъ противоположными чувствами.

«Еслибъ намъ слѣдовало опровергать только обвиненія демократической партіи, мы не занялись бы тѣмъ и не стали бы приписывать имъ болѣе важности, нежели сколько они заслуживаютъ. Эта партія твердо рѣшилась опровергать съ самаго начала всѣ наши добрыя намѣренія и во чтобъ то ни стало ссорить съ нами свое отечество, чтобъ возбудить въ немъ войною смятенія, среди которыхъ она могла бы привести въ исполненіе свои анархическіе замыслы.

«Видя, что она рѣшилась отказывать намъ въ правосудіи и зная, что напрасно убѣждать того, кто убѣдиться не хочетъ, мы ограничились бы молчаніемъ, предоставивъ времени уничтожить всѣ эти ложныя слухи, всѣ клеветы, ими распространяемыя.

«Но среди этихъ демагоговъ живутъ люди добросовѣстные, которые по невѣдѣнію или легковѣрію принимаютъ съ довѣрчивостію и безъ разбора сообщаемыя имъ лживыя показанія и участвуютъ, сами того незная, въ дѣлахъ революціи.

«Вотъ чего хочетъ крайняя демократическая партія, и вотъ чего должно избѣгать, если это можно. Посему предлежитъ правительствамъ, пользуясь законнымъ своимъ вліяніемъ, образумить на счетъ Россіи заблудшееся общее мнѣніе, и откло-

нить его отъ направленія, которое, ранѣе или позже поведетъ къ неисчислимымъ бѣдствіямъ.

«Государь Императоръ именно поручаетъ вамъ указать имъ сію необходимость, ссылаясь для убѣжденія ихъ на разсужденія и доводы. Повторяйте имъ, старайтесь внушить всѣмъ благоразумнымъ людямъ, что намѣренія Государя Императора въ отношеніи къ Германіи были и будутъ искренно миролюбивыя; что наши вооруженія имѣли доселѣ цѣль строго оборонительную: быть готовыми къ встрѣчѣ одного изъ тысячи тѣхъ непредвидѣнныхъ случаевъ, которыхъ никто не можетъ опредѣлить въ шаткомъ положеніи, вдругъ произведенномъ въ мірѣ послѣдними происшествіями; что касательно Германіи въ особенности, доколѣ она не нападетъ на насъ, доколѣ германскій союзъ, какую бы форму онъ ни принялъ, будетъ уважать сосѣдственныя государства и не станетъ стараться о насильственномъ распространеніи своихъ границъ, или законной своей власти внѣ предѣловъ, предписанныхъ трактатами, установившими сей союзъ, Императоръ равномѣрно будетъ уважать его внутреннюю независимость и не помыслитъ выходить изъ положенія, въ которомъ пребываетъ по нынѣ.»

Этотъ замѣчательный документъ служитъ наилучшимъ изображеніемъ современной эпохи. Революція торжествовала во всей Европѣ. Россія была сильнѣйшимъ противникомъ революцій и разрушительныхъ правилъ ея. Слѣдственно она должна была быть предметомъ всеобщей ненависти и ругательствъ. Благонамѣренные люди понимали, что этотъ разгаръ страстей непродолжителенъ, что правда возьметъ верхъ, что все возвратится къ прежнему порядку, что охранительныя правила Россіи будутъ спасеніемъ всѣхъ троновъ и народовъ; но въ это время владычествовалъ вездѣ бунтъ; всѣ боялись демагоговъ, одно слово, сказанное противъ ихъ и въ пользу Россіи было величайшимъ преступленіемъ. Россія была объявлена главнымъ и вѣчнымъ врагомъ западной Европы и *прогресса*.

Напрасно Императоръ Николай ободрялъ упавшіе духомъ кабинеты и увѣщевалъ ихъ противиться потоку ре-

волюціи, никто не смѣлъ тогда и подумать объ этомъ. Уступая во всемъ бунтовщикамъ, могли ли кабинеты искать защиты Россіи, осыпаемой проклятіями всѣхъ газетъ? (а онѣ составляли тогда первый органъ революцій).

Послѣ великихъ событій 1812–1815 годовъ Европа, спасенная Россіею, превозносила ее до небесъ, и благословенія народовъ заставляли кабинеты видѣть въ ней главную свою ограду и охраненіе. Теперь, при печальныхъ событіяхъ постыднаго 1848 года, кабинеты продолжали почитать Россію своимъ якоремъ спасенія въ буряхъ революцій, но обезумѣвшіе народы видѣли уже въ Россіи страшилище, подавляющее всякую свободу дѣлъ и мысли, и кабинеты безмолствовали предъ этимъ революціоннымъ ареопагомъ. Съ этой минуты распространилась на западѣ какая-то боязнь, ненависть къ Россіи, какая то недовѣрчивость ко всѣмъ ея словамъ и поступкамъ. Вѣчныя правила порядка и законовъ названы тиранствомъ абсолютизма; охраненіе своей имперіи и народовъ отъ пагубнаго вліянія демагоговъ представлены китайскою стѣною, воздвигнутою между Европою и Россіею, для отраженія всякой цивилизаціи и прогресса; дружескіе совѣты дворамъ, издревле союзнымъ съ нами, названы камариллою и заговоромъ реакціи, а преданность къ престолу, это неизмѣнное качество русскихъ, названо рабствомъ, и даже святыя чувства вѣры, пережившія въ сердцахъ народа всѣ вѣка бѣдъ и гоненій, прозваны фанатизмомъ. Однимъ словомъ Россію надобно было уничтожить, а иначе свобода Европы погибла.

Странное, непостижимое ослѣпленіе человѣчества! Разбойникъ, идущій на грабежъ, конечно почитаетъ злѣйшимъ своимъ врагомъ всякаго человѣка, вооруженнаго на защиту правъ собственности и законнаго порядка. И демагоги, стремившіеся ниспровергнуть не только всѣ троны и власти, но собственность и семейство, должны были естественно ненавидѣть Россію и видѣть въ ней сво-

его непримиримаго врага. Но какъ могли повѣрить имъ прочія сословія обществъ въ Европѣ, видѣвшія столько доказательствъ прямодушія и доброжелательства со стороны Россіи? Повторяемъ, это былъ одинъ страхъ, внушаемый демагогами. Они предвидѣли, что царство ихъ скоро кончится—и что Россія нанесетъ имъ главный и сильнѣйшій ударъ.

Хотя правило невмѣшательства во внутреннія дѣла было главною системою Россіи въ это время, но мы уже видѣли выше, что когда франкфуртскій парламентъ однимъ почеркомъ пера рѣшилъ отнять у Даніи Шлезвигъ и Голстейнъ и приказалъ исполнить это Пруссіи, то Императоръ Николай, обще съ лондонскимъ и стокгольмскимъ кабинетами вступился въ это явное нарушеніе всѣхъ народныхъ правъ. Будучи по Вѣнскому трактату поручителемъ цѣлости и независимости Даніи, Императоръ Николай не могъ допустить до раздробленія этой монархіи въ пользу мечтательнаго единства Германіи.

Шведскій король даже послалъ ей вспомогательный корпусъ, и дипломатическія настоянія петербургскаго и лондонскаго кабинетовъ довершили примиреніе и сохранили цѣлость Даніи.

Вторымъ политическимъ дѣйствіемъ Россіи было введеніе войска въ Молдавію и Валахію, 2-го іюля, въ Яссы, а 28-го сентября въ Букарестъ, куда западные демагоги также отправили своихъ агентовъ для возмущенія жителей (*), но это было тогда вовсе не враждебное дѣйствіе противъ Порты, напротивъ болѣе дружественное и вспособительное. По трактатамъ съ Турціею Россія имѣла право, въ случаѣ волненій и возмущеній въ Дунайскихъ княжествахъ, ввести туда войска до прекращенія безпорядковъ.

(*) 17-го марта произошло въ Яссахъ возмущеніе, но сильными мѣрами было прекращено.

Мы уже видѣли подобныя мѣры и въ прежніе годы. Теперь же, со вступленіемъ русскихъ въ княжества, оставались тамъ турецкія войска и начальства, дѣйствуя съ общаго согласія съ русскими войсками.

Противъ прочей Европы Россія сохранила выжидательное положеніе, оградивъ только западныя свои границы войсками. Всѣ конституціи Германіи не касались до нея. Республиканскую Францію, вмѣсто іюльской монархіи, тоже могла она принять равнодушно, если февральскіе герои останутся только хозяйничать у себя, не разнося съ оружіемъ въ рукахъ революціонной своей пропаганды въ другія страны. Франкфуртскій парламентъ былъ покуда для Россіи утопіею мечтателей и попыткою къ новому *единству*. Она выжидала только, чѣмъ кончится окончательное избраніе главы новой германской имперіи, и тогда, еслибы избраніе это было принято и утверждено, Россіи предстояло уже избрать другую систему своей политики, потому что тогда всѣ прежніе договоры уже разрушались и началась бы новая эра германской имперіи. Въ будущемъ году увидимъ мы, что до этого не дошло.

Взглянемъ и на внутреннія событія Россіи въ 1848-мъ году.

Внутреннія извѣстія.

Спасенная провидѣніемъ отъ нравственной язвы, посѣтившей западъ, Россія была въ этомъ году вновь опустошена холерою.

Холера.

Сильно свирѣпствовала она во многихъ городахъ, и какъ горькая опытность никогда не дѣлаетъ людей умнѣе, то и теперь повторились опять тѣже явленія, тѣже подозрѣнія объ отравленіи, тѣже слухи о ядахъ, бросаемыхъ въ воду и припасы. Газеты наши (*) вразумляли, успокоивали заблудшихся, но закоренѣлую идею трудно

(*) Сѣвер. Пч., № 137.

истребить; жертвы падали, а наука оставалась все въ томъ же невѣдѣніи на счетъ происхожденія и причинъ болѣзни. На этотъ разъ болѣе половины заболѣвающихъ спасались, но медицина все еще не знала редикальнаго леченія болѣзни. Убѣдились только, что благоразумный образъ жизни и спокойствіе духа служатъ лучшимъ охранительнымъ средствомъ, и что если кто почувствуетъ какое либо разстройство пищеваренія, то не теряя ни минуты долженъ принимать мѣры противъ болѣзни. Убѣдились, что въ началѣ холеры, уступаетъ она всякимъ домашнимъ средствамъ — чистительнымъ, потогоннымъ и возбудительнымъ. Упустивъ же время, всѣ средства уже недѣйствительны.

6–го февраля послѣдовалъ манифестъ, объявляющій о совершеніи муропомазанія Принцессы Саксенъ–Альтенбургской, пріявшей наименованіе Великой Княжны Александры Іосифовны и о предстоящемъ бракѣ ея съ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ — 30–го же августа совершено было и самое бракосочетаніе.

Въ 1848 году было нѣсколько русскихъ подвиговъ и на Кавказѣ. Такъ 12–го мая, 40 казаковъ донскаго № 39 полка, близъ крѣпости Грозной отрѣзаны были четырьмя стами Чеченцовъ. Донцы, подъ предводительствомъ хорунжаго Погожаго, скопясь въ кружокъ съ непоколебимою стойкостью отстрѣливались отъ непріятеля и удержались безъ разстройства, пока подоспѣли къ нимъ войска на помощь.

7–го іюля въ Дагестанѣ русскіе заняли укрѣпленный аулъ Гергебиль. Въ продолженіе осады, начавшейся съ 16–го іюня, этотъ аулъ былъ разрушенъ огнемъ русскихъ батарей и взятъ.

9–го числа, на Лабинской линіи сильная партія Абадзеховъ, сдѣлавшая нападеніе на Тенгинскую станицу, была отбита съ большимъ урономъ.

14–го сентября Шамиль, съ сильнымъ отрядомъ мюридовъ, началъ осаду Ахтинскаго укрѣпленія на правомъ

берегу Самары и до 22-го дѣлалъ нѣсколько приступовъ, но былъ всякій разъ отбитъ съ большимъ урономъ, а 22 числа подошедшими русскими войсками совершенно разбитъ и прогнанъ.

31-го октября 1500 закубанцевъ перешли черезъ Кубань и напали на Сангилеевскую станицу, но отбиты русскими и преслѣдованы съ большимъ урономъ.

Въ 1848 году было въ Россіи много пожаровъ. 15-го апрѣля выгорѣлъ Ярославской губерніи городъ Борисоглѣбскъ; 26-го мая сильный пожаръ истребилъ въ Орлѣ 1327 домовъ; 4 церкви и до 100,000 пудъ пеньки; 28-го іюля сгорѣло въ Кременчугѣ 350 домовъ и множество товаровъ на пристани; 8-го августа въ Астрахани истреблено пожаромъ 50 домовъ; 11-го августа въ Миргородѣ (Полтавской губерніи) сгорѣло 28 домовъ; 14-го августа сильнымъ пожаромъ истреблено въ Казани 586 домовъ.

Замѣчательнѣйшія узаконенія 1848 года:

1) Уставъ сохранной казны въ городѣ Либавѣ. 2) Учрежденіе въ Архангельскѣ морской и рѣчной страховой компаніи. 3) Въ Архангельскѣ—училище для образованія дѣвицъ. 4) Новый уставъ императорскаго Александровскаго лицея. Александръ I-й болѣе всего заботился о просвѣщеніи своихъ подданныхъ, зная что образованность облагороживаетъ людей, очищаетъ ихъ понятія и дѣлаетъ ихъ болѣе привязанными къ долгу, исполненію законовъ, къ отечеству, Вѣрѣ и престолу. Россія, конечно, во всѣ времена имѣла доблестныхъ воиновъ и государственныхъ мужей, которыхъ имена сохранены въ исторіи. Всѣ великіе Лицей. вѣнценосцы умѣли избирать себѣ знаменитыхъ содѣйствователей. Царствованія Петра I-го и Екатерины II наиболѣе прославились цѣлою фалангою героевъ и администра-

тивныхъ знаменитостей. Но все это были счастливыя случайности, вызванныя геніемъ самихъ государей. Александръ I-го почувствовалъ, что для Россіи нуженъ разсадникъ, гдѣ бы съ малолѣтства образовались люди, способные для управленія всѣми государственными отраслями. Для благосостоянія, порядка и силы монархіи нужны не одни геніяльные министры. Слѣдующіе за ними второстепенные исполнители по управленію государства гораздо важнѣе, и многіе опыты доказали, что выборъ этихъ лицъ чрезвычайно труденъ, потому что они не подготовлены первоначальнымъ образованіемъ къ разнымъ административнымъ частямъ, а достигаютъ пріобрѣтаемыхъ свѣдѣній одною рутиною.

Александръ I-й возъимѣлъ высокую мысль создать подобный разсадникъ будущихъ государственныхъ людей, и въ 1810 году основалъ *царскосельскій лицей* подъ собственнымъ своимъ отеческо-монаршимъ надзоромъ. Въ 1817 году былъ первый выпускъ изъ этого превосходнаго заведенія, и вскорѣ оказались прекраснѣйшіе плоды великой мысли Императора. Всѣ эти воспитанники достигли значительныхъ степеней, сдѣлавшись по уму, образованности и благороднымъ правиламъ лучшими и твердѣйшими подпорами службы. Одного имени Пушкина было бы достаточно для прославленія всякаго учебнаго заведенія. Но тутъ по служебной части вышло столько отличныхъ мужей, что исчисленіе ихъ было бы даже трудно. Сколько мы можемъ вспомнить, вотъ замѣчательнѣйшія лица перваго выпуска: Пушкинъ, Баронъ Корфъ (дѣйствительный тайный совѣтникъ, членъ государственнаго совѣта), Масловъ (тайный совѣтникъ, директоръ департамента разныхъ податей и сборовъ, извѣстный законовѣдецъ, бывшій статсъ-секретаремъ при департаментѣ законовъ въ государственномъ совѣтѣ), Корниловъ (сенаторъ, бывшій губернаторомъ въ разныхъ губерніяхъ), баронъ Гревеницъ (тайный совѣтникъ, директоръ общей канцеляріи мини-

стерства финансовъ), Стевенъ (бывшій товарищъ министра статсъ-секретаря великаго княжества финляндскаго; князь Горчаковъ (Тайный совѣтникъ, извѣстный дипломатъ вѣнскихъ конференцій, нынѣ министръ иностранныхъ дѣлъ), Ломоносовъ (тайный совѣтникъ и посланникъ при бразильскомъ дворѣ), Матюшкинъ (контръ-адмиралъ), Данзасъ (полковникъ) (*).

Послѣ перваго выпуска происходили они каждые полтора года, и число полезныхъ служащихъ лицъ безпрестанно возрастало, и теперь во всякой администраціи слово *лицеистъ*, конечно, служитъ наилучшею рекомендаціею. Въ 1848 году благоугодно было Государю Императору перевести царскосельскій лицей въ С. Петербургъ и наименовать его, въ честь великаго основателя этого заведенія, *Александровскимъ*.

5) Учреждено воспитательное заведеніе для бѣдныхъ и нравственно-испорченныхъ дѣтей въ городѣ Нарвѣ. 6) Уставъ странно-пріимной больницы.

ГЛАВА III.

1849 годъ.—*Европейскія событія:* Франкфуртскій парламентъ.—Избраніе прусскаго короля.—Отвѣтъ его.—Конституція имперіи.—Волненія.—Отъѣздъ виртембергскаго короля.—Дрезденскія кровопролитія.—Увольненіе Намѣстника. — Окончаніе парламента.—Италія.—Война Піемонта съ Австріею.—Разбитіе короля Карла-Альберта.—Отреченіе его.—Отъѣздъ.—Австрія.—Венгерская война.—Опасное положеніе Австріи.—Просьба о помощи русскому Императору. — Ходъ военныхъ дѣйствій. — Побѣды русской арміи.—Гергей положилъ оружіе.—Италія. — Данія. — Франція въ Римѣ.—Россія.—Манифестъ о венгерской войнѣ.—Декларація.—Свиданіе монарховъ въ Варшавѣ.— Государь провожаетъ войска

(*) Масловъ, Корниловъ и Стевенъ уже скончались во время составленія этой исторіи.

до границы.—Манифестъ объ окончаніи войны.—Кончина Великаго Князя Михаила Павловича.—Манифестъ.—Приказъ по военно-учебнымъ заведеніямъ. — Заговоръ тайнаго общества. — Дѣйствія на Кавказѣ.—Кончина Великой Княжны Александры Александровны. — Замѣчательные законы.

Насталъ 1849 годъ, а положеніе Европы было по прежнему самое печальное. Еще недавно во Франкфуртѣ былъ бунтъ и потушенъ былъ удачно, но онъ вскорѣ повторился въ Кельнѣ и Баденѣ. По счастію кельнскія баррикады взяты были прусскими войсками, а въ Баденѣ волонтеры-бунтовщики успѣли только разграбить нѣсколько деревень и объявить всенародно, что они учредили въ Баденѣ республику. Атакованные баденскими войсками, они тотчасъ же бѣжали въ Базельскій кантонъ.

Но за то въ Берлинѣ демагоги день отъ дня усиливались. Національное собраніе хотѣло тамъ удивить своимъ буйствомъ и требованіями франкфуртскихъ демократовъ. Наконецъ король, утомленный всѣми этими волненіями и безпорядками, распустилъ эту палату, которая была созвана для составленія конституціи, а самъ по собственной своей волѣ далъ, 5-го декабря, Пруссіи новое уложеніе, самое либеральное, какого только могли желать мечтатели личной свободы (по странной случайности, это произошло въ самый день отреченія императора австрійскаго.)

Въ Вѣнѣ, послѣ революціи 6-го октября, князь Виндишгрецъ взялъ столицу и началъ войну съ венгерцами.

Посмотримъ теперь на продолженіе франкфуртскаго парламента. Онъ составилъ наконецъ свою знаменитую государственную конституцію. При первомъ же чтеніи поразили всѣхъ пункты 2-й и 3-й. Во второмъ было сказано: «Никакая часть германской имперіи не можетъ соединена быть съ не-германскими землями.» Въ 3-мъ пунктѣ дополнено: Если германская страна находится подъ скиптромъ государя, владѣющаго не-германскими обла-

стями, то сношенія между обоими владѣніями должны быть установлены на правахъ личнаго союза.

Эти два пункта разрушали Австрію, которая вся почти состоитъ изъ не-германскихъ областей. Какіе странные перевороты! Центральная власть Германіи, признанная всѣми владѣніями германскаго союза, отвергала первую и сильнѣйшую державу, Австрію, а племена Славянъ шли защищать ее! Вдругъ посреди этихъ преній франкфуртскій парламентъ получилъ извѣстіе, что одинъ изъ членовъ его, Блумъ, разстрѣлянъ Виндишгрецомъ въ Вѣнѣ, которая взята войсками юнаго императора, и что вновь созванной прусской Палатѣ велѣно засѣдать въ Бранденбургѣ.

Можно себѣ вообразить изступленіе демагоговъ. Тотчасъ же парламентъ рѣшилъ отправить къ прусскому королю приказаніе, чтобъ: «1-е, смѣнить новое министерство, и 2-е возвратить палату изъ Бранденбурга въ Берлинъ, какъ скоро обстоятельства позволятъ.» О казни же Блума парламентъ предписалъ намѣстнику имперіи принять самыя энергическія мѣры, чтобъ наказать виновныхъ въ убійствѣ его. Блумъ былъ въ Вѣнѣ въ ту самую минуту, какъ Виндишгрецъ осаждалъ ее и публично подстрекалъ чернь къ самому отчаянному сопротивленію. Когда городъ былъ взятъ, Виндишгрецъ предалъ его военному суду, который по законамъ и приговорилъ его къ смертной казни. Парламентъ называлъ эту казнь убійствомъ и велѣлъ наказать Виндишгреца и весь военный судъ.

Но тогда въ управленіе австрійскимъ министерствомъ вступилъ князь Шварценбергъ, человѣкъ твердый и вовсе не зараженный современными либеральными идеями. Онъ не только не думалъ повиноваться приказаніямъ этой мнимой центральной власти, но и объявилъ даже, что не признаетъ ея конституціи. Это былъ первый и рѣшительный ударъ, нанесенный франкфуртскому парламенту. Первая и силь-

нѣйшая держава Германіи объявила, что: «не возможно превратить Германію въ одно государство, что нельзя подчинить великія державы, составляющія Германію, центральной власти, которая бы ихъ уничтожила, и что Австрія съ своей стороны никогда не покорится этой власти, кто-бы ни назначенъ былъ главою.» Вмѣсто же этого мечтательнаго единства, Австрія предлагала составить директорію изъ девяти членовъ. Въ этой директоріи Австрія и Пруссія имѣли бы по два голоса, Баварія одинъ, а остальные четыре распредѣлены были бы прочимъ второстепеннымъ государствамъ. Пруссія тотчасъ же изъявила согласіе вести переговоры на этомъ основаніи.

Но франкфуртское собраніе было тогда подъ вліяніемъ демагоговъ. Оно узнало, что и австрійскій императоръ, подражая Фридриху Вильгельму IV, распустилъ свою кремсирскую палату, и по собственной волѣ далъ конституцію своей монархіи. Это былъ отвѣтъ на конституцію франкфуртскаго парламента, которою Австрія была исключена изъ Германіи.

Со своей стороны и парламентъ отвѣчалъ подобнымъ же ударомъ. 12-го марта депутатъ Велькеръ предложилъ вдругъ избрать германскимъ императоромъ прусскаго короля, и хотя въ тотъ день предложеніе было отвергнуто, но двѣ недѣли спустя (22-го) было принято. Замѣчательно, что изъ 538 депутатовъ 290 падали голосъ въ пользу Фридриха Вильгельма IV, а остальные 248 вовсе не хотѣли подавать голосовъ, нежелая имѣть императора. 2-го апрѣля явилась въ Берлинъ франкфуртская депутація, для объявленія королю о избраніи его, но Фридрихъ Вильгельмъ отвѣчалъ, что онъ не прежде объявитъ свое рѣшеніе, какъ по совѣщаніи со всѣми кабинетами Германіи и по полученіи ихъ отзывовъ.

Избраніе прусскаго короля германскимъ императоромъ.

Отвѣтъ короля взволновалъ всѣхъ. Австрія видѣла, что это не отказъ и не откровенная рѣшимость, а франкфуртскій парламентъ усматривалъ въ этой отсрочкѣ окончательный

Отвѣтъ его.

разрывъ Пруссіи съ парламентомъ. Съ обѣихъ сторонъ вспыхнула буря. Князь Шварценбергъ первый объявилъ, что парламентъ нарушилъ всѣ свои обязанности; что вмѣсто соединенія Германіи, онъ разрывалъ ее; что вмѣсто составленія конституціи для предложенія ея на обсужденіе всѣхъ кабинетовъ, парламентъ самъ себѣ присвоилъ власть создавать власти и законы; что германскія правительства не могутъ далѣе слѣдовать за парламентомъ по незаконному пути его; что для вѣнскаго кабинета Франкфуртское собраніе не существуетъ уже, а австрійскіе депутаты должны почитать свои полномочія оконченными.

Такимъ образомъ, будучи оставленъ Австріею и Пруссіею, парламентъ предался насильствамъ, внушаемымъ отчаяніемъ. Съ одной стороны предписалъ онъ, чтобъ вся Германія признала его конституцію, а съ другой сообщилъ, что Прусское правительство незаконно поступило, объявя Берлинъ въ осадномъ положеніи.

Въ отвѣтъ на это король, 27-го апрѣля, закрылъ палаты, а 28-го числа рѣшительно отказался отъ короны германскаго императора, приглашая всѣхъ владѣтелей Германіи составить конгресъ.

Между тѣмъ первое предписаніе парламента о повсемѣстномъ признаніи его уложенія произвело повсюду революціонные взрывы. Въ Дрезденѣ, Карлсруэ, Мюнхенѣ палаты признали его и демагоги воспользовались этимъ волненіемъ, чтобъ вездѣ ниспровергать власть. Въ Штутгартѣ кризисъ былъ самый сильный. Палата, голосъ общественнаго мнѣнія, само министерство просили короля признать эту конституцію. Король отказался и отвѣчалъ депутаціи палатъ: «Какъ я могу признать конституцію, которая еще не кончена, которую не принялъ даже тотъ, кого избралъ парламентъ главою имперіи! Я готовъ принять всякое уложеніе, кромѣ верховнаго владычества дома Гогенцоллерна; я не покорюсь ему; я обязанъ сдѣлать это для моего народа и для своего званія. Если всѣ гер-

Бунтъ демагоговъ.

Отвѣтъ короля Виртембергскаго.

манскіе владѣтели согласятся на это, я одинъ не буду противиться; но съ сокрушеннымъ сердцемъ покорюсь. Революціонной же силѣ не буду повиноваться, и если вы насильно исторгнете мое согласіе, то въ первую же минуту свободы я возьму его назадъ. Я знаю, что масса народа добра и вѣрна. Здѣсь дѣйствуютъ одни клубы, и я имъ не уступлю; я старъ; мнѣ недолго жить, и я говорю это для чести моего государства, моего дома, моего семейства. Пусть случится, что угодно будетъ Богу; я говорю и дѣйствую по совѣсти.»

Однако же все готовилось къ кровавой борьбѣ, и король 23-го апрѣля уѣхалъ въ Лудвигсбургъ, откуда 25-го числа прислалъ свое согласіе на признаніе конституціи парламента.

Между тѣмъ въ Саксоніи и Ганноверѣ палаты уже были распущены и вездѣ чувство порядка преобладало. Тамъ стали неодобрять насильственныя мѣры парламента. Наконецъ въ немъ самомъ начали рѣдѣть ряды членовъ, которые, собравшись для благовидной цѣли, не видѣли теперь законнаго исхода своему собранію. Оставшіеся демагоги усилили свою дерзость и издавали приказанія за приказаніями. Они составили воззваніе всѣхъ народовъ къ оружію для защиты свободы; они разослали приказанія, чтобъ всѣ арміи въ Германіи присягнули франкфуртской конституціи въ вѣрности; они объявили, что всѣ распущенныя палаты могутъ собираться въ другихъ мѣстахъ; наконецъ требовали они, чтобъ объявили войну Австріи и Россіи.

Въ тоже время произошло кровопролитное возмущеніе въ Дрезденѣ и Лейпцигѣ. Въ послѣднемъ городѣ національная гвардія успѣла подавить бунтъ, но въ Дрезденѣ безъ прибытія прусскихъ войскъ, красные восторжествовали бы. Битва продолжалась тамъ шестеро сутокъ.

Зато франкфуртскій парламентъ объявилъ свое неудовольствіе прусскому правительству, которое осмѣлилось

разсѣять бунтовщиковъ въ Дрезденѣ. Во всѣхъ этихъ безпорядкахъ самая печальная роль принадлежала намѣстнику, эрцгерцогу Іоанну, который тоже соскучился наконецъ покоряться этому безумному собранію.

Увольненіе намѣстника.

19-го мая парламентъ рѣшилъ отставить намѣстника. Этотъ революціонный ударъ довершилъ паденіе парламента. На другой же день 90 депутатовъ сложили съ себя свое званіе.

30-го мая было послѣднее засѣданіе этого собранія. О дальнѣйшемъ его существованіи въ Штутгартѣ и Галлѣ не стоитъ и говорить. Это уже была революціонная шайка, на которую никто не обращалъ вниманія.

Такъ кончилась эта мечта германскаго единства. Посмотримъ теперь на прочую Европу въ 1849 году. Мы видѣли, что въ 1848 она представляла всеобщее смѣшеніе революціонныхъ вспышекъ, распространившихся отъ Сены до Одера, отъ Стокгольма до Палерма, какъ повальная тлетворная болѣзнь, убивающая все высокое, благородное, священное. Всѣ основанія правительства, общества, вѣры, законовъ, семейства и собственности были до того потрясены, что устрашенные правители рѣшились во многихъ мѣстахъ сдѣлать послабленія и уступки толпамъ демагоговъ.

Совсѣмъ другое открывается въ 1849 году. Это уже такъ называемая реакція, то есть спасительный переломъ болѣзни, возвращеніе къ порядку, къ чувствамъ долга, чести, правды и законовъ. Возмутители все еще сильны, многочисленны, дерзки; но правители уже сильною рукою подавляютъ ихъ. Головы гидры все еще пускаютъ ядовитые отростки, но ихъ уже истребляютъ. Общественная безопасность, спокойствіе начинаютъ возникать, утверждаться. Благонамѣренные уже не боятся обнаруживать своихъ истинныхъ чувствъ. Изъ стихій хаоса создается новый твердый и прочный порядокъ.

Будущая исторія откроетъ Европѣ, что она и на этотъ разъ обязана была своимъ спасеніемъ Россіи.

Мы видѣли въ 1848 году какимъ образомъ графъ Радецкій окончилъ свою первую кампанію противъ демагогической Италіи, подкрѣпленной войсками Карла-Альберта. Самохвальное изрѣченіе италіянцевъ: Italia fara da se доказало только ихъ ничтожную самонадѣянность. Ломбардія возвратилась подъ власть законнаго своего монарха, испытавъ только, что всякое сопротивленіе правительству и законамъ неминуемо влечетъ за собою наказаніе.

Но броженіе умовъ было еще слишкомъ сильно. Демагоги не могли простить правительствамъ своего пораженія. Чувствуя свое безсиліе къ явной борьбѣ, они стали по прежнему работать во мракѣ и подкапываться подъ общественный порядокъ въ тайныхъ и преступныхъ обществахъ. Венгерское возстаніе кипѣло во всемъ своемъ разгарѣ, и италіянскіе бунтовщики воображали, что Австрія не въ силахъ будетъ вести войны въ двухъ пунктахъ. Они употребляли всѣ возможные происки, чтобъ обольстить и увлечь легковѣрныхъ къ новому возстанію. Для этого надобно имъ было имѣть сперва во власти своей всѣ правительства въ Италіи.

Сардинскій король такъ хорошо опутанъ былъ сѣтями революціонеровъ, занимавшихъ у него даже самыя палаты депутатовъ и значительныя государственныя должности, что они увѣрены были въ невольномъ повиновеніи его, когда настанетъ минута новаго возстанія. Тоскана, Модена, Парма кипѣли происками тайныхъ обществъ, старавшихся распространить безумныя идеи къ низверженію прежнихъ законныхъ правительствъ и къ учрежденію республикъ. Наконецъ Римъ, управляемый Піемъ IX, тѣмъ самымъ первосвященникомъ, который еще такъ недавно пользовался не только всеобщею любовію народовъ, но даже обожаніемъ его, началъ покоряться вліянію заговорщиковъ и съ легкомысленностью, свойствен-

ною этому народу, забылъ всѣ благодѣянія и снисхожденія, сдѣланныя папою. Всякій день толпа черни, подстрекаемая демагогами, требовала новыхъ правъ своеволія и безнаказанности. Когда же Пій IX-й началъ сопротивляться безумнымъ требованіямъ черни, то потерялъ народную любовь, и одинъ изъ министровъ его, графъ Росси, хотѣвшій противупоставить революціонному потоку силу законовъ и рѣшимость правительственныхъ правъ, былъ злодѣйски умерщвленъ. Эта черта гнуснаго злодѣянія лучше всего доказывала цѣль и средства заговорщиковъ, и была послѣднею точкою терпѣнія и снисхожденія папы. Онъ съ ужасомъ и отвращеніемъ увидѣлъ, что люди, которымъ онъ хотѣлъ столько добра, не понимали ни намѣреній его, ни сердца; что они хотѣли не свободы, а необузданнаго своеволія, не благодѣтельныхъ законовъ, а безнаказанности. Онъ рѣшился оставить этотъ неблагодарный народъ, будучи увѣренъ, что самымъ жестокимъ наказаніемъ его будетъ то, чтобъ предоставить Римъ во власть людей, которые предприняли ниспровергнуть всѣ законы и правительства. Тайно уѣхалъ онъ въ Гаэту, а Римъ провозгласилъ себя республикою. Жалкая насмѣшка надъ тѣнями Коллатиновъ, Камилловъ и Юніевъ Брутовъ.

Такимъ образомъ вся Италія обхвачена была невидимою сѣтью тайныхъ обществъ и революціонеровъ. Король Карлъ Альбертъ опять долженъ былъ повиноваться ихъ внушеніямъ и вызвать въ бой Австрію. А они, съ своей стороны увѣряли, что при первомъ шагѣ его за Течино (границы Піемонта) мгновенно возстанутъ Ломбардцы, Моденцы, жители Пармы, Лукки и пр. Это было повтореніе тѣхъ же обѣщаній, какія были и въ прошломъ году. Далѣе увидимъ мы, что исполнено было еще меньше. По чувствамъ сердца, Карлъ Альбертъ охотно бы отказался отъ новой попытки къ борьбѣ съ Радецкимъ, но консти-

туціонный король долженъ былъ повиноваться говорунамъ палатъ своихъ.

Съ самой печальной минуты пораженія его въ 1848 году при Сомма-Кампаньѣ, Франція и Англія взялись быть посредниками въ дѣлѣ примиренія его съ Австріею. Но послѣдняя держава отклоняла постороннее вмѣшательство, котораго первоначальными условіями было то, чтобъ Австрія уступила Піемонту Ломбардію, или покрайней мѣрѣ большую часть ея. Подобное посредничество видимо было не безпристрастно, и Австрія постоянно отказывалась отъ всѣхъ конгресовъ, предлагаемыхъ для рѣшенія этого вопроса. Въ глазахъ Австріи тутъ не о чемъ было разсуждать. Трактаты 1814 и 1815 годовъ существовали. Всѣ подписавшіе ихъ не думали отказываться отъ правъ и земель, принадлежащихъ имъ. Почему же должна была Австрія лишиться Ломбардіи? Въ угожденіе горсти бунтовщиковъ, заговорщиковъ и по дружбѣ къ посредникамъ? Піемонтскій король вздумалъ почему-то принять подъ защиту свою и покровительство ломбардо-венеціянское возстаніе, объявилъ войну Австріи, былъ разбитъ и заслуживалъ бы со стороны побѣдителей хорошаго урока. Но Австрія оставила это дѣло на судъ потомства, и не потребовала ничего отъ побѣжденнаго. Странно же было требовать и отъ нее, чтобъ она этого побѣжденнаго наградила землями за то, что онъ началъ несправедливую войну.

Франція и Англія вполнѣ понимали справедливость словъ Австріи, но долго настаивали на конгресѣ, чтобъ угодить партіи возмутителей. Между тѣмъ однако же, узнавъ, что король Карлъ Альбертъ готовитъ сильную армію, обѣ посредничествующія державы объявили ему, что если онъ рѣшится вновь начать войну съ Австріею, то будетъ предоставленъ своей участи и подвергнется всѣмъ послѣдствіямъ своего поступка.

Вся Италія предвидѣла, что война должна возобновить-

ся. Пышное исчисленіе силъ Карла Альберта и изступленные возгласы ломбардскихъ заговорщиковъ, увѣрявшихъ, что вся область возстанетъ поголовно, какъ скоро піемонтцы вступятъ въ Ломбардію, убѣждали всѣхъ, что театръ военныхъ дѣйствій произойдетъ около Милана, и что австрійцы захотятъ лучше защищать собственныя свои владѣнія ломбардо-венеціянскаго королевства, нежели идти наступательною войною въ Піемонтъ, оставя за собою весь край въ возмущеніи. Въ этомъ случаѣ они должны были выжидать нападенія своихъ противниковъ, прикрывшись рѣкою Навильо, текущею параллельно съ Тессиномъ. Тутъ много хорошихъ тактическихъ позицій, изъ которыхъ легко караулить движенія непріятеля и устремляться на него при каждомъ оплошномъ шагѣ. Въ случаѣ же наступательной войны, австрійцамъ предстояло много дорогъ: одна чрезъ Оленджіо для сосредоточенія силъ въ Манджентѣ; другая по правому берегу По на Алессандрію; третья чрезъ Павію на Мортаро; четвертая черезъ мостъ Буффалора на Новарру. Первыя двѣ были невыгодны въ стратегическомъ отношеніи; надобно было выбрать изъ двухъ послѣднихъ. Но третья дорога, то есть на Павію была чрезвычайно смѣлая. Австрійская армія, рѣшась на битву въ этой позиціи, имѣла бы въ тылу одну рѣку, а на правомъ флангѣ другую. Она должна была силою взять переходъ Гравеллонскій, и, въ случаѣ отступленія, у ней оставался бы одинъ мостъ въ Павіи и мосты, какіе бы она успѣла навести на Тессинѣ и Гравелонѣ.

И однакоже эту самую смѣлую и опасную дорогу выбралъ графъ Радецкій.

Около арміи графа Радецкаго волновалось возстаніе, старавшееся распространить свои губительныя правила даже въ рядахъ австрійскихъ солдатъ. Легкомысленные люди есть вездѣ, и потому чтобъ разъединить свое войско со всѣми агентами пропаганды, Радецкій съ удовольствіемъ выбралъ позицію, фланкированную двумя рѣками, гдѣ шай-

ки инсургентовъ немогли нападать на него ни явно, ни тайно. При томъ же мѣстность Ломбардіи, перерѣзанная каналами, рядами деревьевъ, рѣками—весьма затрудняетъ всякое наступательное движеніе. Наконецъ, предпринимаемымъ имъ движеніемъ надѣялся онъ, въ случаѣ успѣха, отрѣзать піемонтскую армію отъ операціонной ея линіи, отбросивъ ее къ Лаго-Маджіоре и открывъ себѣ однимъ ударомъ путь въ Туринъ и Алессандрію. Сверхъ того, владѣя обоими берегами Тессина въ Павіи, ему ненадобно было производить силою переправу черезъ эту рѣку. Что же касается до вторженія въ Піемонтъ черезъ мостъ Буффалора, то хотя оно было и не столь опасно, какъ движеніе черезъ Павію, но тогда надобно было бы сражаться съ піемонтскою арміею параллельнымъ фронтомъ. Въ прошедшемъ году Карлъ Альбертъ командовалъ самъ лично арміею, но палатные говоруны послѣ пораженія при Сомма-Кампанья, твердили, что онъ слишкомъ неопытный полководецъ противъ графа Радецкаго и что австрійскому полководцу надобно противупоставить людей, знакомыхъ съ революціонною войною. Къ несчастію своему, король послушался этого, такъ называемаго общественнаго мнѣнія, и ввѣрилъ главное начальство надъ своею арміею польскому генералу Хржановскому, а одну изъ отдѣльныхъ дивизій другому поляку Ромарино. Могли ли піемонтцы имѣть болѣе довѣренности къ иноземцамъ, непрославившимся никакими военными подвигами, нежели къ своему королю!

Чтобъ уразумѣть послѣдствія предстоявшей битвы, надобно указать на несогласіе въ дѣйствіяхъ между военнымъ начальствомъ и гражданскимъ правительствомъ. Хотя первое и совершенно было готово къ войнѣ, но министерство и палаты боялись, чтобъ Карлъ Альбертъ какънибудь не раздумалъ, и потому, безъ предварительнаго сообщенія главнокомандующему и не смотря на его возраженія, министерство послало объявить графу Радецкому,

что перемиріе прервано и военныя дѣйствія возобновляются. Когда Хржановскій узналъ объ этомъ, то австрійцы уже двинулись впередъ, и онъ не имѣлъ времени притянуть къ себѣ дивизіи генерала Ламармора, расположенной у Сарцаны. Это обстоятельство имѣло самыя пагубныя послѣдствія.

У піемонтцевъ, сосредоточенныхъ у Тессино, было во фронтѣ отъ 60 до 65-ти тысячъ человѣкъ съ 132 орудіями, до 12,000 въ отдѣльной дивизіи Ламармора; у австрійцевъ же, двинувшихся къ Піемонту, около 70,000 человѣкъ. Слѣдственно числительныя силы были равны, но нравственныя силы, происходящія отъ дисциплины и опытности солдатъ, давали австрійцамъ большой перевѣсъ.

Хржановскій видѣлъ однако, по скопленіямъ массъ непріятельскихъ, что графъ Радецкій можетъ выбрать только двѣ дороги, если рѣшится на наступательное движеніе; онъ взялъ свои мѣры, ожидая нападенія черезъ мостъ Буффалора. На самомъ же опасномъ пунктѣ противъ Павіи поставилъ онъ дивизію Ромарино.

Такимъ образомъ у моста Буффалора, откуда ждали нападенія, стояли три дивизіи, къ которымъ могла тотчасъ же примкнуть вся армія. Если бы, сверхъ ожиданія, австрійцы двинулись чрезъ Павію, Ромарино долженъ былъ сражаясь дать знать главной арміи, дабы она тотчасъ же явилась по этому направленію. Но все это были только предположенія при оборонительной войнѣ. На самомъ дѣлѣ піемонтцы хотѣли сами сдѣлать наступательное движеніе и явиться въ Миланѣ.

20-го марта въ полдень, Карлъ Альбертъ перешелъ Тессинъ, и незначущіе отряды австрійцевъ, оставленные тутъ, скрылись. Къ вечеру піемонтцы узнали, что Радецкій двинулся къ Лоди или къ Павіи, слѣдственно дорога въ Миланъ была свободна. Это показалось очень страннымъ, но отгадка уже была готова.

Графъ Радецкій, чтобъ скрыть свой планъ, двинулся

въ ночь съ 19-го на 20-е марта быстрымъ фланговымъ маршемъ и притянувъ къ себѣ отдѣльные отряды свои изъ Кремы и Лоди, сосредоточился въ Павіи. Въ полдень 20-го числа навелъ онъ два моста и устремился къ Павіи. Какъ удивился онъ, когда не встрѣтилъ никакого сопротивленія. Генералъ Ромарино вовсе недумалъ исполнять полученныхъ предписаній. Онъ на лѣвомъ берегу По оставилъ только небольшой отрядъ, а самъ отступилъ на правый берегъ и очень спокойно отправился обѣдать въ Страделлу. Это явное неповиновеніе погубило піемонтцевъ. Карлъ Альбертъ уже поздно ввечеру узналъ объ этомъ, смѣнилъ его и приказалъ дивизіи его возвратиться въ прежнюю позицію, а самъ на другой день надѣялся поспѣть туда, чтобъ встрѣтить австрійцевъ.

Во второмъ часу пополудни раздались выстрѣлы у Санчиро, и піемонтцы храбро встрѣтили непріятелей, но уже надобно было измѣнить первоначальные планы и вмѣсто того чтобъ думать о наступательныхъ движеніяхъ, стараться о собственной защитѣ. Въ 4 часа произвели австрійцы на тотъ пунктъ сильное нападеніе, но были отбиты и поверхность осталась на сторонѣ піемонтцевъ. Тѣмъ и кончилось дѣло на этомъ пунктѣ, и Карлъ Альбертъ воображалъ, что ему на другой день останется только тѣснить и преслѣдовать графа Радецкаго.

Правда, въ половинѣ шестаго была слышна пушечная пальба со стороны Мортары, а ружейная продолжалась до ночи. Но какъ тамъ было 18,000 человѣкъ съ 48 пушками, то Хржановскій и былъ спокоенъ, надѣясь, что австрійцы будутъ и тамъ отражены. Вдругъ во второмъ часу ночи получилъ онъ извѣстіе о правомъ своемъ крылѣ. Австрійцы напали на него, въ 6-мъ часу вечера, такъ сильно и неожиданно, что піемонтцы были опрокинуты и приведены въ величайшее разстройство; австрійцы вмѣстѣ съ бѣгущими ворвались въ Мортару, изъ которой піемонтцы успѣли выйти съ большими потерями только

около двухъ часовъ ночи, оставя въ рукахъ непріятелей 2,000 человѣкъ плѣнныхъ и 5 пушекъ.

Это извѣстіе поразило Карла Альберта какъ громомъ. Составился на-скоро военный совѣтъ; было предложено нѣсколько смѣлыхъ плановъ, но разумѣется большинство потеряло уже бодрость и объявило, что большая часть солдатъ съ неудовольствіемъ смотритъ на эту политическую войну. Послѣ этого оставалось только отступать, и Карлъ Альбертъ приказалъ двинуться къ Новаррѣ.

Движеніе графа Радецкаго, столь смѣлое и неожиданное, имѣло величайшій успѣхъ, потому что произведено было опытными и дисциплинированными солдатами.

22-го числа прибыли піемонтцы въ Новарру и произвели всѣ проготовленія къ генеральному сраженію. Они все еще надѣялись, что дивизія Ла-Марморы, узнавъ о происшедшихъ событіяхъ, двинется въ тылъ австрійцевъ и произведетъ полезную диверсію. Но самая главная армія Карла Альберта была уже ослаблена до 44,000 человѣкъ съ 111-ю орудіями.

Въ десятомъ часу начали австрійцы нападеніе. Піемонтцы встрѣтили ихъ мужественно и отражали всѣ ихъ атаки до пятаго часа пополудни. Это приносило величайшую честь ихъ неустрашимости; но графъ Радецкій чувствовалъ уже все свое превосходство. Онъ безпрестанно возобновлялъ нападенія, и наконецъ утомленные, ослабленные и лишенные всякой надежды на успѣхъ, піемонтцы стали отступать, будучи съ живостію преслѣдуемы австрійцами. Въ семь часовъ уже стемнѣло, и сраженіе кончилось. Министръ Кадорна отправился къ графу Радецкому и просилъ перемирія. Но на этотъ разъ побѣдитель былъ не такъ снисходителенъ, какъ послѣ Сомма-Кампаньи. Піемонтъ безнаказанно нарушилъ миръ въ 1849 году, и новая снисходительность могла бы увѣрить народы Италіи, что они могутъ, когда имъ угодно, нарушать миръ и возмущать подданныхъ другихъ державъ противъ законныхъ

ихъ государей. Теперь графъ Радецкій хотѣлъ уже обезпеченій къ сохраненію мира и вознагражденій за двухълѣтнюю кампанію.

Когда Карлу Альберту донесли объ условіяхъ графа Радецкаго, онъ созвалъ принцевъ, генераловъ и министра Кадорна и сказалъ имъ. «Господа! Я жертвовалъ «собою для пользъ Италіи; для нея готовъ я былъ по«терять жизнь, семейство и тронъ. Успѣхъ не увѣнчалъ «моихъ желаній. Особа моя можетъ теперь быть единст«веннымъ препятствіемъ къ заключенію мира. На полѣ бра«ни я не могъ умереть, принесу послѣднюю жертву «моему отечеству: я слагаю корону и отрекаюсь въ поль«зу моего сына, герцога Савойскаго.»

Черезъ часъ король уже отправился въ добровольное изгнаніе по дорогѣ къ Верчелли, а оттуда черезъ Генуя поѣхалъ въ Португалію, гдѣ вскорѣ и скончался.

На престолъ Сардиніи вступилъ Викторъ Эммануэль, и посредничество Англіи и Франціи, какъ равно и собственное великодушіе и благоразуміе австрійскаго кабинета даровали побѣжденному снисходительныя условія мира.

Теперь обратимся къ болѣе важной войнѣ, гдѣ дѣло шло о существованіи самой Австріи, а именно къ венгерской.

Мы въ 1848 году видѣли, что князь Виндишгрецъ и Іеллашичъ не только спасли Вѣну и укротили внутренній бунтъ, но побѣдоносно устремились на Венгрію. Первый періодъ войны былъ совершенно въ ихъ пользу, но второй тѣмъ болѣе былъ невыгоденъ и опасенъ. Эти неудачи начались въ Трансильваніи. Тамъ австрійцы вынуждены были просить временной помощи русскихъ для защиты Германштата и Кронштата. Русскіе явились, и 20-го января (1-го февраля) полковникъ Скарятинъ занялъ Германштатъ.

Австрійскій генералъ Пухнеръ напалъ у Зальцбурга на Бема и принудилъ его отступить, атаковалъ городъ Сасъ-Варошъ и взялъ его. Но когда Бемъ получилъ подкрѣ-

пленія, то снова оттѣснилъ австрійцевъ и бросился съ 14,000 человѣкъ на Германштатъ, гдѣ тогда было 1,500 русскихъ. Послѣ упорнаго, геройскаго сопротивленія, Скарятинъ отступилъ на Бойценъ. Другой русскій отрядъ Энгельгардта, бывшій въ Кронштатѣ, не могъ оставаться въ разъединенномъ положеніи и перешелъ въ Валахію.

Въ главной арміи австрійцевъ дѣла были въ столь же дурномъ положеніи. 50,000 инсургентовъ двинулись къ Вайцену, а 20,000 на Буду-Пестъ. Князь же Виндишгрецъ, узнавъ объ этомъ сосредоточеніи силъ, началъ отступать на Албертъ. Графъ Шликъ, дѣлая рекогносцировку на Гатванъ, отброшенъ былъ Дембинскимъ за рѣку Загиву. Видя необходимость дальнѣйшей ретирады, князь Виндишгрецъ собралъ военный совѣтъ, и рѣшено было отступить на Пестъ.

Венгерцы быстро преслѣдовали отступавшихъ. При Таніо-Бичке банъ окруженъ былъ многочисленнымъ непріятелемъ и долго выдерживалъ отчаянныя его нападенія; наконецъ появленіе графа Шлика освободило Іеллашича, и венгерцы были отражены, но и побѣдители должны были продолжать ретираду.

Въ эту минуту послѣдовала смѣна главнокомандующаго: вмѣсто Виндишгреца вступилъ баронъ Вельденъ.

Гергей изъ Вайцена направился къ Леве, и напавъ на пять бригадъ генерала Вольгемута, заставилъ его отступить за Нитру, а новый главнокомандующій рѣшился продолжать отступленіе до Пресбурга, бана же Іеллашича отправилъ командовать южною арміею, гдѣ имя его имѣло большое вліяніе между славянами.

Гергей атаковалъ, 14-го апрѣля (26) генерала Симонича, который уже былъ въ самомъ опасномъ положеніи, но подоспѣвшій графъ Шликъ спасъ его и отразилъ непріятеля. И однакоже самъ отступилъ за Раабъ и снялъ осаду крѣпости Коморна.

Между тѣмъ венгерскій сеймъ объявилъ императора ли-

шеннымъ венгерской короны, а Венгрію республикою. До сей минуты война производилась будто-бы между венгерцами и славянами, которымъ помогали. австрійцы. Но со 2-го апрѣля (14-го), когда Кошутъ и шайка сообщниковъ его осмѣлилась произнесть мятежническое низверженіе дома Габсбурговъ, венгерцы были уже бунтовщиками и теряли всѣ права.

9-го мая взятъ былъ инсургентами Офенъ, и Гергей потянулся всѣми силами на рѣку Ваагу, чтобъ оттуда проникнуть въ сердце Австріи. Едвали когда эта имперія была въ такомъ критическомъ положеніи. Нѣсколько переходовъ, и венгерцы могли быть въ Вѣнѣ.

Вдругъ раздалась въ Австріи родостная вѣсть, что русскіе идутъ къ нимъ на помощь. Дѣйствительно, склонясь на убѣдительную просьбу австрійскаго правительства, князь Паскевичъ, не выждавъ даже повелѣнія Императора Николая I-го, послалъ въ Градишъ русскую дивизію генерала Панютина.

Вскорѣ потомъ обнародованъ былъ и Высочайшій манифестъ о дарованіи помощи Австріи.

Еще въ мартѣ мѣсяцѣ 1849 г. австрійское правительство обратилось къ Государю Императору съ просьбою о военной помощи противъ мятежныхъ венгровъ.

Сначала австрійское правительство просило только, чтобы русскія войска были стянуты на границѣ Галиціи и Буковины съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ надобности, по требованію его, вступили въ австрійскіе предѣлы для содѣйствія къ укрощенію мятежа.

Императоръ Николай I-й повелѣлъ увѣдомить австрійскій кабинетъ, что 3-й и 4-й пѣхотные корпуса дѣйствующей арміи стянуты къ южной границѣ царства польскаго и къ западной границѣ Волынской и Подольской губерній. Въ тоже время Государь Императоръ положилъ, что просимая военная помощь можетъ быть доставлена на слѣдующихъ главныхъ основаніяхъ: 1) Что образъ и

мѣра этой помощи будутъ опредѣлены самимъ Государемъ Императоромъ; 2) Что русскія войска будутъ дѣйствовать отдѣльно отъ австрійскихъ. Основанія эти приняты австрійскимъ кабинетомъ съ признательностью.

Государь предположилъ занять русскими войсками Галицію и Буковину, чтобы дать австрійскимъ войскамъ, занимавшимъ эти области, возможность дѣйствовать въ Венгріи и Трансильваніи, и назначилъ Дуклу пунктомъ вступленія главной массы нашихъ войскъ изъ Галиціи въ Венгрію.

Первоначальный планъ военныхъ дѣйствій.

По настоятельнымъ просьбамъ австрійскаго министерства о скорѣйшей помощи, 18-го апрѣля (30-го) главнокомандующій приказалъ тронуться 3-му и 4му пѣхотнымъ корпусамъ и слѣдовать по направленію къ Дуклѣ.

Затѣмъ русскія войска начали переходить границу Галиціи и Буковины у Кракова 23-го апрѣля (5-го мая); у Тарнограда 27-го апрѣля (9-го мая); у Раздивилова 26-го апрѣля (8-го мая); у Волочиска и Гусятина 1-го мая (13-го) и у Боянъ, противъ Черновица, 6-го мая (18-го).

Движеніе отряда генералъ-лейтенанта Засса.

Главнокомандующій приказалъ отряду, подъ начальствомъ генерала Засса, двинуться вправо къ Іорданову и дѣлать оттуда демонстраціи по направленію къ р. Ваагѣ.

Съ 20-го апрѣля князь Варшавскій началъ получать увѣдомленія, что австрійская армія находилась въ весьма затруднительномъ положеніи. Силы мятежниковъ простирались до 137 баталіоновъ, 144 эскадроновъ и 350-ти орудій, всего около 190,000 человѣкъ, не считая мѣстныхъ ополченій. Изъ числа этихъ войскъ, около 50 тысячъ подъ начальствомъ Гергея, находились на обоихъ берегахъ Дуная, опираясь на Коморнъ; авангардъ ихъ занималъ Рабъ; Клапка съ 18-ю тысячами былъ около Нейзоля и Розенбурга; Дембинскій съ 20 тысячами около Лейтшау; Даміаничъ съ 15 тысячами около Кашау; Бемъ съ 30 тысячами въ Банатѣ; Перчель съ 20 тысячами около Замбора.

Силы мятежниковъ.

При такомъ положеніи, самая столица Австріи могла быть взята мятежниками.

Сообщая князю Варшавскому о крайне затруднительномъ положеніи австрійской арміи, первый министръ князь Шварценбергъ и главнокомандующій этою арміею, генералъ баронъ Вельденъ просили немедленно прислать на помощь австрійской арміи русскій отрядъ въ 25 тысячъ человѣкъ по желѣзной дорогѣ въ Гедингъ.

Князь Варшавскій рѣшился отправить по желѣзной дорогѣ въ Вѣну 13 тысячъ пѣхоты съ 48-ю орудіями.

Генералъ-лейтенантъ Панютинъ былъ назначенъ начальникомъ этого отряда. Предполагалось, не останавливая этого отряда въ Гедингѣ, довезти его по желѣзной дорогѣ: или въ Вѣну для обороны столицы, или же въ Пресбургъ для составленія резерва австрійской арміи.

1-го мая (13-го) отрядъ, направленный къ Іорданову, расположился у самаго входа въ Карпаты, близъ села Шпатковица и началъ партіями своими дѣлать поиски по долинѣ Арвы. Первая встрѣча нашихъ войскъ съ венграми послѣдовала 4-го мая (16-го) близъ села Новой Ломши. Казаки донскаго 45 полка прогнали тутъ передовые посты мятежниковъ и убили у нихъ нѣсколько человѣкъ.

Прибытіе Государя Императора въ Варшаву.

5-го мая (17-го) Государь Императоръ прибылъ въ Варшаву, а 9-го (21) пріѣхалъ туда же и императоръ австрійскій. При этомъ свиданіи Государей положены ими общія основанія для предстоявшихъ дѣйствій союзныхъ армій; 11-го (23-го) числа австрійскій императоръ отправился въ обратный путь въ Вѣну.

27-го мая (7-го) генералъ-лейтенантъ Зассъ, получивъ извѣстіе, что мятежники готовятся сжечь мостъ на рѣкѣ Арвѣ въ деревнѣ Янеженахъ, двинулся противъ нихъ со всѣмъ отрядомъ, и непріятель былъ опрокинутъ.

2-го іюня (14-го) Государь Императоръ прибылъ въ Змиградъ и въ продолженіе слѣдующихъ дней произ-

велъ смотръ войскамъ, сосредоточеннымъ въ окрестностяхъ Дуклы.

Въ тотъ же день прибылъ къ Его Величеству австрійскій эрцгерцогъ Вильгельмъ.

4-го іюня (16-го) главныя силы, составлявшія общую лѣвую колонну россійской арміи, стянулись на пространствѣ между Дуклою и Гржибовымъ, и были въ полной готовности вступить въ Венгрію четырьмя путями, соединяющимися у Бартфельда.

Стычка подъ Бартфельдомъ.

5-го іюня (17-го) главныя силы русской арміи начали свое движеніе, но мятежники нигдѣ не показывались въ силахъ, и кромѣ незначительныхъ стычекъ 4-го и 5-го іюня не встрѣчено никакого сопротивленія.

Переходъ чрезъ Карпатскія горы при с. Грабъ.

6-го іюня (18-го) войска наши двинулись далѣе за перевалъ горъ. Государь Императоръ осчастливилъ своимъ присутствіемъ войска, шедшія чрезъ Грабъ и довелъ ихъ до самаго рубежа Венгріи на вершинѣ Карпатовъ.

Генералъ графъ Ридигеръ вступилъ въ Венгрію 3-го іюня (15-го) у Нейпарка, и тогоже числа дошелъ до селенія Уйфалу. Остальнымъ войскамъ своимъ, состоявшимъ подъ начальствомъ генерала Засса у Альзо-Кубино, онъ предписалъ, по смѣнѣ ихъ отрядомъ генералъ-адъютанта Граббе, слѣдовать на присоединеніе къ корпусу чрезъ Уйфалу. 4-го іюня, не смотря на крайне затруднительную дорогу, графъ Ридигеръ дошелъ до Липника, а 5-го іюня прибылъ въ Лубло и занялъ казаками Полочко. Съ переходомъ нашихъ войскъ чрезъ Карпаты, жители Словаки встрѣчали ихъ вездѣ какъ избавителей. Въ ночи съ 6-го на 7-е іюня Государь изъ Змигрода отправился въ обратный путь въ Варшаву, оставя при арміи Великаго Князя Константина Николаевича.

Распоряженія сдѣланныя въ Бартфельдѣ.

По прибытіи въ Бартфельдъ, 7-го іюня, главнокомандующій приказалъ шести кавалерійскимъ полкамъ и коннымъ № 3-й и 8-й батареямъ, которыя были временно оставлены за Карпатами, идти на присоединеніе къ арміи.

Тогоже числа утромъ фельдмаршалъ отправился съ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ для обозрѣнія непріятеля, расположеннаго на шоссе близъ Лофальву. Проѣхавъ за цѣпь нашихъ передовыхъ постовъ, главнокомандующій остановился на высотѣ лѣваго берега рѣки Лункавачи.

Ночью непріятельскій авангардъ покинулъ позицію при Лофальву. Главныя силы его стянулись между Эперіэсомъ и тѣсниною при селеніи Хемети, въ которой расположился большой арріергардъ.

Дѣло при с. Гетарсѣ.

8-го графъ Ридигеръ получивъ извѣстіе, что непріятельскій отрядъ, занимавшій Кишъ-Зебенъ, тревожитъ казаковъ, стоявшихъ у Гетерса, выслалъ къ нимъ на подкрѣпленіе два баталіона Полоцкаго егерскаго полка. Въ семь часовъ вечера мятежники въ числѣ 3 тысячъ пѣхоты, приблизясь къ Гетарсу, наткнулись на нашу пѣхоту и орудія, скрыто поставленныя. Встрѣченный неожиданнымъ огнемъ нашей артиллеріи, непріятель смѣшался; баталіоны Полоцкаго полка, не давъ ему устроиться, двинулись на него, и передній изъ сихъ баталіоновъ смѣло ударилъ въ штыки. Венгры были опрокинуты и обращены въ бѣгство. Непріятель отступилъ 5 верстъ за Кишъ-Зебенъ.

Занятіе Эперіэса; дѣло подъ Самосомъ.

11-го Іюня утромъ передовыя войска вошли почти въ одно время въ Эперіэсъ съ трехъ сторонъ: отъ Терне, Кишъ-Зебена и Капи.

Немедленно по занятіи города, войска начали вытягиваться по дорогѣ отъ Эперіэса на Кашау. Донской казачій №46-го полкъ открылъ непріятеля, недоходя селенія Самоса. Венгры замѣтивъ, что онъ значительно отдѣлился отъ прочихъ войскъ, двинулись на него въ числѣ трехъ баталіоновъ и трехъ эскадроновъ съ 6-ю орудіями; казаки стали отступать и дали знать о томъ генералъ-маіору Багговуту, который съ гусарскимъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Ольги Николаевны полкомъ и конно-легкою батареею двинулся на выручку дон-

цовъ. Удачное дѣйствіе нашихъ орудій и обходное движеніе казаковъ принудили венгровъ отступить. Для довершенія ихъ пораженія генералъ-маіоръ Багговутъ пустилъ въ атаку эскадронъ гусарскаго полка, который опрокинулъ кавалерію мятежниковъ и ворвался въ ихъ пѣхоту. Казаки ударили съ своей стороны, и прогнанный непріятель былъ преслѣдованъ за сел. Самосъ до р. Тарчи. Ночью съ 11-го на 12-е іюня получено было извѣстіе, что непріятель остановился, не доходя Кашау и занялъ сильную позицію на высотѣ Будамеръ. Но при первомъ извѣстіи о приближеніи нашемъ, венгры поспѣшно отступили за Кашау и остановились только въ 20-ти верстахъ за этимъ городомъ, близъ селенія Гидасъ-Немети.

Войска наши заняли Кашау въ полдень и расположились по обѣимъ сторонамъ города.

Дѣйствія отряда генералъ-адъютанта Граббе.

10-го іюня, по полученіи извѣстія, что въ селѣ Туранѣ находится шайка мятежниковъ, вербующая насильно жителей, генералъ-адъютантъ Граббе выступилъ противъ нее съ 4-мя баталіонами Нижегородскаго пѣхотнаго полка, 8-ю орудіями № 6-го батареи и 4 тысячами казаковъ. Мятежники, заблаговременно сдѣлавшіе на дорогѣ завалы, не осмѣлись однакоже оборонять ихъ и отступили за рѣку Ваагу. Достигнувъ Турана, покинутаго непріятелемъ и получивъ свѣдѣніе, что мостъ въ Шуманѣ приготовленъ къ сожженію, генералъ-адъютантъ Граббе послалъ туда полковника Сычева съ казаками на рысяхъ. Непріятель бѣжалъ, неуспѣвъ зажечь мостъ. Сычевъ погнался за непріятелемъ до г. Сей-Мартона, гдѣ встрѣченъ былъ ружейнымъ огнемъ. Генералъ-Маіоръ Бетанкуръ отправленъ былъ съ баталіономъ для начальства надъ войсками, но казаки одолѣли одни, взявъ 46 человѣкъ въ плѣнъ.

10-го Іюня генералъ-адъютантъ Гротенгельмъ выступилъ противъ непріятеля. Прибывъ къ Борго-Прундъ, онъ поставилъ 8 орудій и построилъ войска въ три линіи. Послѣ продолжительной канонады, мятежники отступили

за Быстрицу. Австрійская кавалерія и казаки преслѣдовали ихъ до села Альдорфъ. Генералъ-маіоръ Павловъ встрѣтился въ Фельдро съ мятежниками, опрокинулъ и преслѣдовалъ ихъ до с. Непосъ, гдѣ получивъ приказаніе, возвратился въ Иллова-Мика.

14-го Іюня генералъ-лейтенантъ Гротенгельмъ получилъ извѣстіе, что Бемъ намѣренъ сдѣлать нападеніе въ окрестностяхъ Быстрицы на нашу позицію съ 12-ю тысячами при 14 орудіяхъ. На другой день Бемъ атаковалъ насъ; но каждый разъ русская артиллерія встрѣчала непріятеля сильнымъ огнемъ и отбивала съ большимъ урономъ. Бемъ послѣ упорнаго боя двинулъ свой резервъ въ обходъ нашего праваго фланга; но наши баталіоны Томскаго полка 4-й и 1-й ударили въ штыки и опрокинули непріятеля. Наконецъ мятежники обратились въ бѣгство за село Яаръ. На другой день генералъ Гротенгельмъ самъ атаковалъ Бема при Альдорфѣ и выбивъ его изъ первой позиціи, преслѣдовалъ на 30 верстъ. Венгерцы отступили чрезъ Быстрицу и Гейендорфъ къ Текендорфу.

Дѣйствіе корпуса генерала-отъ инфантеріи Лидерса.

Корпусъ генерала Лидерса вступилъ въ Трансильванію 6-го іюня (18-го); 7-го іюня генералъ-маіоръ Дикъ двинулся съ авангардомъ къ монастырю Предялу. При нашемъ приближеніи, венгерцы открыли огонь изъ орудій. Они остановились пройдя Предялъ, за завалами и старались удержаться, но были выбиты и отступили; казаки преслѣдовали ихъ до села Верхній Темишъ. На слѣдующій день генералъ Лидерсъ началъ атаку двумя колоннами. Послѣ нѣсколькихъ пушечныхъ выстрѣловъ, венгерцы стали отступать. По приближеніи нашемъ къ непріятельской позиціи, они открыли пушечный огонь, такъ что не взирая на подкрѣпленіе полковника Остроградскаго, усилія нашихъ войскъ были сначала тщетны.

Генералъ Лидерсъ приказалъ полковнику Ланскому для окончанія дѣла двинуться съ баталіономъ Люблинскаго полка, а полковнику Вранкену поддерживать его съ 3-мъ ба-

таліономъ Прагскаго полка. Наша рѣшительная атака увѣнчалась полнымъ успѣхомъ; венгерцы обратились въ бѣгство такъ поспѣшно, что даже наши казаки не могли ихъ догнать. Непріятель бѣжалъ къ селенію Георги.

Генералъ Лидерсъ въ часъ по полудни прибылъ въ Кронштатъ и нашелъ его не занятымъ, только цитадель находилась въ рукахъ мятежниковъ.

Генералъ Лидерсъ приказалъ построить батарейную батарею. Съ помощію стрѣлковъ, расположенныхъ на ближайшихъ пунктахъ, наши войска овладѣли цитаделью 10-го іюня, послѣ однодневной продолжительной канонады. 7-го Іюня генералъ-маіоръ Энгельгардъ двинулся въ Трансильванію. Но венгры, узнавъ о взятіи Кронштата, отступили въ числѣ 3-хъ тысячъ человѣкъ, при 6-ти орудіяхъ за рѣку Ольту.

Отрядъ генерала Гасфорта, выступивъ изъ Кронштата, встрѣтилъ 11-го іюня непріятеля, въ числѣ 5,000 человѣкъ. Гасфортъ приказалъ двумъ баталіонамъ перейти рѣку Фекетъ. Непріятель, боясь быть отрѣзаннымъ, отступилъ изъ Кеджи-Вашаргели къ Чикъ-Чередѣ. Жители Кеджи-Вашаргели вышли навстрѣчу отряду съ бѣлымъ знаменемъ, прося пощады.

Дѣйствія сводной дивизіи генералъ-лейтенанта Панютина.

Генералъ-лейтенантъ Панютинъ выступилъ, 16-го мая (28-го), изъ Унгришъ - Бреда; 26-го числа расположился онъ вдоль подножія малыхъ Карпатовъ, а 6-го іюня перешелъ къ Вартберягу и Шаифе; 8-го числа получилъ онъ извѣстіе, что непріятель сильно тѣснитъ австрійцевъ, которые и просятъ его двинуться къ нимъ на помощь какъ можно скорѣе. Не теряя ни минуты пошелъ онъ къ Токгонѣ, и нашелъ тамъ австрійцевъ въ совершенномъ разстройствѣ. Появленіе нашихъ войскъ оживило ихъ. Въ рядахъ ихъ раздались радостные крики: «да здравствуетъ россійскій Императоръ!» Генералъ Панютинъ, построивъ свою дивизію въ боевомъ порядкѣ впереди села Деаки, лѣвымъ флангомъ къ селу Передъ, выдвинулъ ее

до полосы кустовъ; въ $9^1/_2$ часовъ венгры открыли огонь съ своихъ батарей и завязалась сильная канонада съ обѣихъ сторонъ.

Чтобы атаковать непріятеля и вмѣстѣ съ тѣмъ отвлечь вниманіе его отъ праваго фланга, гдѣ они не имѣли кавалеріи, генералы: Панютинъ и Вольгемутъ рѣшились двинуть три полка русской дивизіи прямо для рѣшительнаго натиска съ фронта. Венгры, замѣтивъ наше движеніе, послали изъ резерва нѣсколько баталіоновъ и повели кавалерійскую атаку на генерала Панютина. Огонь легкой № 8-го батареи разстроилъ три эскадрона венгерскихъ гусаровъ; ихъ опрокинули и преслѣдовали до лѣса, гдѣ австрійскіе уланы заставили отступить ихъ съ большею потерею.

Генералъ Панютинъ, для поддержанія австрійской кавалеріи, выстроилъ дивизіонъ той же батареи подъ прикрытіемъ двухъ баталіоновъ пѣхотнаго полка фельдмаршала графа Дибича-забалканскаго. Шесть непріятельскихъ эскадроновъ снова пошли въ атаку, но дѣйствіе нашей артиллеріи смѣшало ихъ. Фельдмаршалъ-лейтенантъ Буричъ самъ повелъ противъ венгровъ своихъ кирасировъ, опрокинулъ и прогналъ ихъ съ большимъ урономъ. Послѣ двухъ атакъ, отбитыхъ огнемъ нашей батареи, венгры прекратили нападеніе. Между тѣмъ въ отрядѣ полковника Семякина, бригада генерала Пота, подкрѣпленная бригадою генерала Перена, завязала дѣло противъ праваго крыла непріятеля.

Генералъ Панютинъ, видя, что огонь непріятеля сталъ слабѣть, двинулся для рѣшительной атаки на село Передъ; два баталіона съ 6-ю орудіями двинулись къ рощѣ и овладѣли ею, а два баталіона, лично ведомые генераломъ Панютинымъ, ворвались на штыкахъ въ село Передъ. Непріятель, упорно защищавшій это село, былъ изъ него вытѣсненъ съ большимъ урономъ и потерею 4-хъ орудій.

Потерявъ эту деревню, мятежники отступили къ селу Загарду; Панютинъ двинулся за ними.

Между тѣмъ полковникъ Семякинъ, получивъ подкрѣпленіе, удержался на мѣстѣ, выдвинулся впередъ и открылъ огонь по непріятелю, отступавшему чрезъ сады села Передъ къ селу Зигардъ. Чтобы задержать полковника Семякина, мятежники выстроили батарею изъ 16-ти орудій, которая пошла къ Зигарду, а гусарскій полкъ къ селу Киралиревъ, гдѣ дѣло неожиданно приняло для союзниковъ неблагопріятный оборотъ. Непріятель, замѣтивъ удаленіе Брянскаго баталіона, двинулся опять на Киралиревъ, выбилъ бригаду генерала Тейсинга и преслѣдовалъ ее кавалеріею съ 12-ю орудіями.

Генералъ Герцингеръ самъ пріѣхалъ къ отряду полковника Семякина и поручилъ ему овладѣть селомъ Киралиревъ. Три баталіона Брянскаго полка немедленно двинулись, и опять завязалась канонада. Венгры, видя себя подъ перекрестнымъ огнемъ, начали сниматься съ позиціи. Брянскій полкъ овладѣлъ деревнею въ $4\frac{1}{2}$ часа вечера.

Генералъ Панютинъ продолжалъ наступать къ Зигарду, но непріятель съ приближеніемъ русской дивизіи поспѣшно отступилъ къ Нееледу, занявъ впереди лежащую деревню Фаркашдъ, чтобы задержать наше наступленіе.

9-го Іюня (21-го) генералъ графъ Коллоредо двинулся съ частію одной изъ дивизіи 2-го корпуса австрійской арміи къ селу Аморъ. Мятежники, узнавъ о приближеніи его, перешли на правый берегъ Нейгейзельскаго рукава и выстроились противъ графа Коллоредо. Сей послѣдній, не бывъ достаточно силенъ, не могъ атаковать венгерцевъ и дѣло кончилось одною канонадою.

10-го Іюня (22) генералъ Герцингеръ, узнавъ, что мостъ у села Шерегъ-Акола не уничтоженъ, послалъ полковника Минутоли съ однимъ баталіономъ. Отрядъ этотъ сжегъ мостъ, прогналъ партію мятежниковъ и ночью возвратился въ село Киралиревъ.

Получивъ извѣстіе о побѣдѣ 9-го іюня, главнокомандующій австрійскою арміею сосредоточилъ свои силы къ наступленію на городъ Раабъ.

Въ Раабѣ находился 7-й корпусъ мятежниковъ, подъ начальствомъ Клапки. Авангардъ его былъ у села Абда; въ одной верстѣ отъ Рааба была непріятельская главная позиція. Въ городѣ Патъ была дивизія Кмети изъ 8-ми тысячъ человѣкъ.

16-го іюня австрійская армія выбила непріятеля при Раабѣ и овладѣвъ городомъ, принудила отступить непріятеля къ Коморну.

Бригада Герстнера двинулась къ городу Папа, противъ дивизіи Кмети. Атакованная на половинѣ дороги дивизіею Кмети, она разбила ее и отбросила къ Штульвейсенбургу.

Бригада Шнейдера, найдя венгровъ въ Чанакѣ, штурмомъ взяла его и обратила непріятеля въ бѣгство.

Въ 4 часа пополудни войска, подъ начальствомъ генерала Шлика, приступили къ рѣшительному нападенію. Прибывшій 14-го числа императоръ австрійскій самъ повелъ своихъ воиновъ въ сраженіе. Генералъ Шликъ двинулся съ первымъ корпусомъ по главной дорогѣ чрезъ Гохштрассъ къ Абдѣ. Въ тоже время генералъ Вольгемутъ съ резервнымъ корпусомъ двинулся къ Раабу, угрожая непріятелю отрѣзать переправу. Мятежники сожгли мостъ и отступили въ укрѣпленіе. Тогда оба австрійскіе корпуса пошли въ атаку на эти укрѣпленія. Непріятель сопротивлялся упорно, но храбрость нашихъ войскъ заставила Клапку отступить къ Ячу. По взятіи Рааба, австрійская армія вмѣстѣ съ дивизіею генерала Панютина двинулась къ Коморну.

Баронъ Гайнау занялъ позицію на правомъ берегу Дуная, между Раабомъ и Коморномъ, ожидая окончанія постройки моста у Геніе, чтобы открыть дѣйствія на обоихъ берегахъ.

Когда австрійская армія явилась подъ Коморномъ, Гер-

гей выдвинулъ впередъ 50 орудій подъ прикрытіемъ 20-ти эскадроновъ гусаръ. Хотя отдано было приказаніе не предпринимать рѣшительныхъ дѣйствій противъ венгерцевъ, однако когда одна изъ непріятельскихъ батарей выдвинулась впередъ, легкоконный полкъ князя Лихтенштейна сдѣлалъ на нее блистательную атаку; четыре эскадрона венгерскихъ гусаръ, кинувшіеся на помощь, были опрокинуты съ урономъ.

Гергей, раздраженный смѣлыми нападеніями австрійскихъ войскъ, и узнавъ, что противъ него остался только слабый корпусъ генерала Шлика, сдѣлалъ внезапно вылазку изъ Коморна, сильно атаковалъ этотъ корпусъ, занялъ лѣсъ и оттѣснилъ генерала Шлика до Ача.

Шликъ, опасаясь за свое положеніе, потребовалъ у генерала Панютина помощи. Генералъ Панютинъ, не дожидаясь разрѣшенія барона Гайнау, поспѣшилъ съ своею дивизіею. Появленіе его и искусное дѣйствіе артиллеріи нашей принудило непріятеля скрыться въ укрѣпленіяхъ. Съ равнымъ же успѣхомъ была отражена вылазка инсургентовъ, сдѣланная 19-го іюня.

Гергей 20-го іюня перемѣнилъ свой планъ и двинулся по лѣвому берегу Дуная къ Вайцену, для соединенія съ корпусомъ Дембинскаго.

29-го іюня непріятель сдѣлалъ сильное нападеніе на австрійцевъ и опрокинулъ ихъ. Панютинъ прибылъ на мѣсто сраженіи въ самую затруднительную минуту. Инсургенты наступали смѣло, но рѣшительная атака русской дивизіи заставила ихъ отступить.

Въ тотъ же день австрійскій партизанскій отрядъ занялъ Офенъ, а двѣ сотни казаковъ вступили въ Пестъ, открывъ такимъ образомъ сообщеніе между обѣими союзными арміями.

Баронъ Гайнау, узнавъ о выходѣ корпуса Гергея изъ Коморна и о наступленіи главной русской арміи, приказалъ обложить Коморнъ, а самъ съ дивизіею Панютина

двинулся къ Буда-Песту, предоставляя князю Паскевичу дѣйствоватъ противъ Гергея.

Получивъ извѣстіе, что главныя силы непріятельской арміи выступили изъ Коморна къ Вайцену, авангардъ 3-го пѣхотнаго корпуса, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Засса, былъ направленъ отъ Гатвана къ Вайцену.

3-го іюля генералъ-маіоръ Бебутовъ настигъ непріятеля и послалъ противъ него 6 сотень мусульманскаго полка. Непріятель атаковалъ его и заставилъ отступить къ Уйфалу. Между тѣмъ подоспѣлъ генералъ-лейтенантъ Зассъ и открылъ канонаду, продолжавшуюся 7-мь часовъ; но по наступленіи ночи она не имѣла ни какого результата. Въ ту же ночь Гергей началъ отступать; между тѣмъ какъ Наги-Шандоръ остался въ Вайценѣ для прикрытія отступленія. 5-го числа казаки и уланы ворвались въ Вайценъ и взяли батарею. Но Гергей, поспѣшно возвратившійся съ 4-мя баталіонами гонведовъ, 7-ю эскадронами гусаръ и 4-мя батареями, напалъ на нихъ, и русскія войска принуждены были отступить. Генералъ Ридигеръ быстро возобновилъ атаку, вытѣснилъ непріятельскій отрядъ съ позиціи и преслѣдовалъ его до Сендегели. Потеря Гергея въ этотъ день простиралась до 1,000 человѣкъ плѣнными. На слѣдующій день генералъ Ридигеръ преслѣдовалъ Гергея до Вадкерта. Преслѣдованіе непріятеля послѣ ввѣрено было отряду генерала Засса и генерала Граббе, который поспѣшно прибылъ черезъ Сенъ-Керемтъ къ Гіармату.

8-го іюля авангардъ подъ начальствомъ генерала Толстаго наткнулся, при Самбокѣ, на непріятельскіе посты и отступилъ до Тура. Здѣсь мятежники атаковали русскій отрядъ прежде, нежели артиллерія его успѣла встать на позицію. Произошло жаркое сраженіе, но подоспѣвшая пѣшая артиллерія генералъ-лейтенанта Лабинцова, посланная на подкрѣпленіе, опрокинула непріятеля и принудила его отступить къ с. Томашу.

Послѣ этого дѣла Дембинскій, угрожаемый нападеніемъ австрійской арміи, двигавшейся отъ Песта, отступилъ поспѣшно къ Сегедину.

13-го іюля 2-й пѣхотный корпусъ, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта князя Горчакова, совершилъ переходъ черезъ Тису. Мятежники обороняли переправу отрядомъ изъ 5,000 человѣкъ пѣхоты. Князь Горчаковъ, чтобъ не дать времени опомниться непріятелю, приказалъ пѣхотѣ идти въ атаку. Превосходно поставленная артиллерія облегчила переходъ черезъ первую канаву, на которой мостъ былъ сломанъ. На второй канавѣ мостъ былъ сожженъ непріятелемъ и бой продолжался до самой ночи. Князь Горчаковъ велѣлъ построить двѣ батареи, для того, чтобъ непріятель не могъ скрыть свои войска въ лѣсу. Въ три часа утра батареи были готовы и вооружены и всѣ приготовленія для переправы войскъ окончены.

15-го іюля главная квартира перешла въ Поросло и оттуда въ Тисса-Фюредъ.

Генералъ Граббе двинулся къ Токаю; при Онге авангардъ его наткнулся на непріятельскіе форпосты. Граббе началъ сраженіе, не зная силъ непріятеля, но послѣ 4-хъ-часоваго боя убѣдился въ значительной его силѣ и потому принужденъ былъ отступить чрезъ село Петеръ на Путнокъ.

20-го іюля выступили русскіе къ Уйварошу и далѣе къ Дебрецину. Городъ этотъ былъ охраняемъ 18,000 человѣкъ съ 40 орудіями, подъ начальствомъ Наги-Шандора. Мятежники открыли сильный огонь, но батарейная артиллерія отвѣчала съ такимъ успѣхомъ, что непріятель, устрашенный, поспѣшно снялся съ позиціи. Цѣлый баталіонъ гонведовъ былъ изрубленъ, 6 пушекъ, одно знамя и болѣе 6,000 плѣнныхъ потеряли непріятели.

Графъ Ридигеръ занялъ, 27-го іюля, Гроссъ-Вардейнъ и для преслѣдованія Гергея отрядилъ кавалерійскую дивизію.

Занятіе Дебрецина доставило возможность союзной арміи двигаться свободно по всѣмъ направленіямъ: черезъ Токай въ Галицію, чрезъ Солнокъ въ Пестъ и въ послѣдствіи чрезъ Гроссъ-Салонту на соединеніе съ главною австрійскою арміею.

Генералъ Лидерсъ съ своей стороны, 17-го іюня, съ своимъ корпусомъ прибылъ къ монастырю Синай и 19-го числа овладѣлъ, послѣ жестокаго боя, крѣпкою позиціею венгерцевъ. Послѣ чего взятъ былъ Кронштатъ и цитадель его.

20-го числа генералъ Гротенгельмъ выбилъ непріятеля изъ Борго-Брунда, а кавалерія преслѣдовала его до Альдорфа. Самъ же Лидерсъ направился къ Маріенбургу; 9-го іюля двинулся онъ къ Германштату. Непріятель, въ числѣ 500 человѣкъ, съ 2-мя орудіями, отступилъ къ Медіамъ. По занятіи Германштата генералъ Лидерсъ, узнавъ о значительномъ скопищѣ мятежниковъ у Кедзи-Вашаргели, рѣшился предпринять наступленіе къ Марошъ-Вашаргели.

19-го числа казаки дали знать о быстромъ наступленіи непріятеля отъ Марошъ-Вашаргели къ Шесбургу. Генералъ Лидерсъ съ генералъ-маіоромъ Скарятинымъ поставили войска въ боевомъ порядкѣ, но къ несчастію первое ядро, пущенное непріятелемъ, нанесло сильную контузію въ плечо и голову генералу Скарятину. Онъ умеръ чрезъ нѣсколько часовъ. Позиція, занятая русскими войсками, была прикрыта съ фронта ручьемъ. Непріятель же выставилъ свои силы противъ Лидерсовыхъ войскъ на дорогѣ изъ Марошъ-Вашаргели. Нѣсколько часовъ продолжалась канонада; генералъ Лидерсъ приказалъ кавалеріи броситься смѣло въ атаку. Это приказаніе рѣшило участь боя. Непріятельскія войска обратились въ бѣгство; казаки и уланы, преслѣдуя непріятеля, положили на мѣстѣ 1,000 человѣкъ и взяли въ плѣнъ 3,000.

На сѣверѣ Трансильваніи генералъ Гротенгельмъ прибылъ къ Руссъ-Борго и сосредоточилъ русскія войска при Илловамаре. На другой день Бемъ съ 10-ю тысячами человѣкъ атаковалъ Гротенгельма, но былъ отраженъ и преслѣдуемъ по направленію къ Деешу до Бетленъ. Вслѣдъ за тѣмъ мятежники двинулись къ Текендорфу и къ селу Саіо; генералъ Гротенгельмъ направился противъ ихъ, обратилъ ихъ въ бѣгство, преслѣдовалъ до Кортелифаіа и занялъ Сасъ-Регенъ.

Бемъ, претерпѣвъ пораженіе при Шесбургѣ, поспѣшилъ, 21-го іюля, къ Марошъ-Вашаргели, для соединенія съ отрядомъ изъ 4,800 человѣкъ подъ начальствомъ Кмети-Фаркасъ. Генералъ Лидерсъ, желая предупредить Бема, двинулся къ Карештура 21-го числа и 23-го былъ уже въ Гаифальвѣ. Но уже 21-го іюля непріятель отступилъ къ Медрашу. Бемъ, 24-го числа, устремился къ Германштату, атаковалъ генерала Гасфорта, вытѣснилъ его изъ города и заставилъ отступить къ Томмачу; генералъ Лидерсъ, узнавъ это, двинулся противъ непріятеля. 25-го числа русскія войска прибыли на высоты Гроссъ-Шейерна. Сраженіе началось въ 8 часовъ. Бемъ угрожалъ сперва лѣвому крылу русскихъ войскъ; Лидерсъ усилилъ угрожаемый флангъ войсками изъ резерва. Меткій огонь русской артиллеріи поколебалъ непріятеля; Лидерсъ приказалъ сдѣлать общее нападеніе. Русскіе бросились въ атаку и обратили въ бѣгство непріятеля до Гроссау, взявъ болѣе 1,200 человѣкъ въ плѣнъ.

Генералъ Гасфортъ двинулся между тѣмъ къ Германштату, опрокинулъ противупоставленный отрядъ, и снова занялъ этотъ городъ.

Послѣ этого генералъ Лидерсъ пошелъ съ своимъ корпусомъ къ Карльсбургу, для освобожденія отъ осады этой крѣпости. 31-го іюля послалъ онъ 5 казачьихъ сотень для нападенія. Наша смѣлая атака заставила непріятеля отступить. Онъ отошелъ въ порядкѣ къ Девѣ

и достигнувъ высотъ между Альванцъ и Состанъ, занялъ позицію; но русскія войска продолжая быстро обходить правый флангъ его, заставили его снова сняться съ позиціи. Въ это время пять казачьихъ сотень пошли въ атаку, и мятежники не могли устоять противъ этого стремительнаго нападенія и обратились въ бѣгство. Мы захватили 1,800 плѣнныхъ и 10 орудій. Въ одно время съ этимъ нападеніемъ храбрый гарнизонъ Карльсбурга сдѣлалъ вылазку, имѣвшую полный успѣхъ.

Взглянемъ теперь на положеніе дѣлъ въ южной Венгріи.

Положеніе дѣлъ въ южной Венгріи.

Въ послѣднихъ числахъ апрѣля, на лѣвомъ берегу Нижней Тейссы весь Банатъ, кромѣ крѣпостей Темешвара и Арада, былъ въ рукахъ непріятеля. Корпусъ Перчеля, занявъ г. Панчову, перешелъ въ округъ Чайкистовъ, оттѣснивъ сербскаго генерала Ѳеодоровича за Дунай.

Въ началѣ марта мѣсяца остатки отряда генерала Пухнера выступили изъ Валахіи чрезъ Оршову въ Банатъ. Бемъ вышелъ имъ навстрѣчу изъ Трансильваніи и принудилъ возвратиться въ Валахію.

Простоявъ до половины мая при Титтелѣ, Перчель двинулся чрезъ римскій валъ къ с. Нейзацу и овладѣлъ всѣмъ богатымъ бачскимъ комитатомъ.

Дѣйствія генерала барона Іеллашича.

Главное начальство на югѣ поручено было бану Кроатскому Іеллашичу. 14-го апрѣля прибылъ онъ отъ Песта къ крѣпости Эссегу съ корпусомъ, находившимся подъ его начальствомъ. 30 тысячъ человѣкъ генерала Іеллашича были большею частію изъ новобранцевъ, и потому не позволяли ему начинать наступательныхъ дѣйствій.

23-го мая Іеллашичъ переправился чрезъ Дунай и занялъ Титтель, а 24-го числа расположился на позицію за римскимъ валомъ. 25-го Перчель атаковалъ его. Мятежники были разбиты на голову и отброшены за Францевъ каналъ, по дорогѣ къ селу Бече.

31-го мая Іеллашичъ пошелъ къ Нейзацу и послѣ

жаркаго боя овладѣлъ имъ. Отрядъ мятежниковъ бросился къ Тителю, но полковникъ Кничанинъ поразилъ его, 8-го іюня у села Терласа. 13-го іюня, Іеллащичъ атаковалъ непріятельскія войска при Бече и заставилъ ихъ отступить на лѣвый берегъ Тейсы. И такъ въ половинѣ іюля весь корпусъ Перчеля былъ разсѣянъ, и Петервардейнская крѣпость была сильно обложена.

1-го іюля австрійскія войска выступили по дорогѣ къ Гегьешу. На другой день они были атакованы корпусомъ Гюйона.

Генералъ Іеллашичъ, увидя превосходство непріятеля, отступилъ за каналъ. Гюйонъ сильно преслѣдовалъ австрійцевъ; 3-го числа послѣдніе были уже въ Катѣ, а 4-го въ Титтелѣ. Послѣдствія этой неудачи и дѣйствія холеры уменьшили въ короткое время войска генерала Іеллашича до 8000 человѣкъ, а потому онъ переправился, 6-го іюля, чрезъ Дунай и расположился въ Сирміи, оставя полковника Кничанина для обороны Титтеля и усиливъ отрядъ подъ Петервардейномъ для помѣхи непріятелю.

Дѣйствія русской арміи.

Обратимся теперь къ дѣйствіямъ русской арміи.—3-го іюня главнокомандующій отрядилъ князя Бебутова изъ Гіенгіеша къ Вайцену для узнанія объ арміи Гёргея. Ночью 2-го іюля князь варшавскій получилъ извѣстіе отъ Бебутова, что мятежники въ большихъ силахъ у села Чобъ; отъ австрійскаго главнокомандующаго чрезъ Пестъ, что сильная непріятельская колонна, выйдя изъ Коморна, направилась внизъ по Дунаю, а отъ австрійскаго генерала Рамберга, прибывшаго въ Пестъ, что эта колонна миновала уже Парконы, слѣдуя къ Вайцену. А потому князь варшавскій приказалъ въ ночи со 2-го на 3-е іюля генералу Засcу стать у села Геделло, на пути котораго Гёргей долженъ былъ слѣдовать для соединенія съ Высоцкимъ.

3-го числа двинулся непріятель отъ Вайцена и началъ тѣснить Бебутова. Узнавъ о томъ, генералъ Ридигеръ

приказалъ генералу Зассу идти къ Вайцену на соединеніе съ княземъ Бебутовымъ. Непріятель преслѣдовалъ князя Бебутова до с. Гартіянъ. Генералъ Зассъ, прибывшій къ с. Горостай, въ то время когда непріятель прошелъ уже эту деревню, двинулся за нимъ. Венгры атаковали впереди шедшую кавалерію; генералъ Зассъ выдвинулъ тогда пѣхоту изъ-за деревни и принудилъ непріятеля отступить. Но этимъ самымъ онъ навелъ свой отрядъ на позицію венгровъ и тѣмъ завязалъ самый неровный бой. Въ это время прибылъ баронъ Оффенбергъ, принялъ отрядъ князя Бебутова и произвелъ удачную атаку на лѣвый флангъ непріятеля.

Генералъ Ридигеръ, прибывшій на поле сраженія, нашелъ войска въ опасномъ положеніи. Чтобъ остановить непріятеля, графъ Ридигеръ усилилъ правый флангъ однимъ полкомъ кавалеріи, а лѣвый двумя батареями. Графъ Ридигеръ приказалъ пѣхотѣ 3-го корпуса прибыть къ селу Гартіанъ. Одно прибытіе этого корпуса могло поправить дѣло. У Горостая бой продолжался до самой ночи; мятежники не осмѣлились рѣшительно атаковать. Дѣйствіе нашихъ войскъ было примѣрное. Темнота ночи прекратила сраженіе. Въ этомъ дѣлѣ находился въ первый разъ въ огнѣ Великій Князь Константинъ Николаевичъ. Хладнокровіе его, мужество и веселость посреди боя восхитили всю армію. 5-го іюля казаки съ разсвѣтомъ напали на войска, стоявшія предъ Вайценомъ и опрокинувъ ихъ, ворвались въ городъ. Пѣхота венгровъ скрылась въ домахъ, но вскорѣ увидѣвъ въ городѣ одну кавалерію, открыла сильный огонь изъ домовъ и принудила наши войска выйти изъ Вайцена. 3-й пѣхотный корпусъ двинулся немедленно впередъ и выбилъ непріятеля изъ Вайцена. Венгры отступили за двѣ версты позади города; 3-й корпусъ двинулся за ними, атаковалъ ихъ и завязалъ сильную перестрѣлку. Мятежники, тѣснимые на лѣвомъ флангѣ, отступили къ селу Сендегели, уничтоживъ

мостъ чрезъ рѣку. Князь варшавскій послалъ казаковъ на перерѣзъ непріятелю и приказалъ исправить мостъ. Потомъ главнокомандующій направилъ Могилевскій пѣхотный полкъ на приступъ. Атака имѣла полный успѣхъ, и непріятель отступилъ къ селу Ретсагъ, но послѣ часоваго боя войска наши вытѣснили его и изъ этой позиціи. Отступая, венгры зажгли Ретсагъ и выстроились за этою деревней. Тутъ мы снова атаковали и опрокинули ихъ. Пользуясь темнотою ночи, непріятель бѣжалъ къ Ваткерту; онъ потерялъ въ эти сраженія 1,000 человѣкъ плѣнными. Такимъ образомъ русская армія успѣла подъ Вайценомъ воспрепятствовать Гёргею пробиться къ югу и соединиться съ Высоцкимъ. Еслибъ австрійскій главнокомандующій не перемѣнилъ даннаго обѣщанія и появился въ тылу разбитой арміи венгерцевъ, Гёргею оставалось бы только положить оружіе. Представленныя имъ причины были самыя неосновательныя. Но дѣлать было уже нечего.

Дѣло подъ Туромъ.

8-го іюля генералъ-маіоръ Толстой получилъ донесеніе, что непріятель слѣдуетъ въ числѣ 20,000 человѣкъ, по направленію отъ Чолнока. Выступивъ изъ Амода и достигнувъ села Туръ, онъ получилъ второе донесеніе, что непріятель тѣснитъ его отрядъ и что дивизіонъ отступаетъ отъ Шамбока. Генералъ Толстой, видя превосходство непріятеля, остановился внѣ выстрѣловъ. Мятежники, не доходя до нашей позиціи, открыли огонь. Удачное дѣйствіе нашей артиллеріи заставило отойти непріятеля. Но замѣтивъ, что наши силы гораздо слабѣе, онъ рѣшился атаковать. Выстрѣлы нашей батареи остановили на всѣхъ пунктахъ атаку непріятеля, и венгры, опасаясь быть отрѣзанными, бросились въ лѣсъ и присоединились къ своимъ войскамъ.

10-го іюля 4-й пѣхотный корпусъ, расположенный въ селѣ Ватта, въ двухъ верстахъ отъ Мишкольца, открылъ

передовые посты мятежниковъ; казаки атаковали ихъ, опрокинули и захватили 9 человѣкъ въ плѣнъ.

Дѣло подъ Мишкольцомъ.

Генералъ Кузнецовъ выступилъ по дорогѣ на Мишкольцъ; донской казачій полкъ сбилъ непріятеля съ передовыхъ постовъ. Сперва онъ отстрѣливаясь, медленно отступалъ, но не доходя до корчмы Араніосъ, остановился. Казаки успѣли обойти непріятельскую пѣхоту, перекололи до 100 человѣкъ и взяли въ плѣнъ 32.

Венгерскіе гусары сдѣлали безуспѣшную попытку атаковать насъ. Генералъ Кузнецовъ узнавъ, что всѣ силы Гёргея расположены за лѣсомъ, отошелъ къ селу Ватта.

13-го іюля отрядъ князя Горчакова выступилъ изъ села Керешендъ, въ 2 часа поутру къ Поросло. Въ полдень казаки быстро приблизились къ Поросло и охватили его со всѣхъ сторонъ. Мѣстность для переправы въ Тисса-Фюретъ была крайне затруднительна, но не смотря на это, князь Горчаковъ не теряя времени направилъ пѣхоту для овладѣнія переправою.

Въ 5 часовъ у перваго сломаннаго моста войска наши были встрѣчены огнемъ. Непріятель зажегъ мостъ чрезъ Тейссу, видя наше приближеніе.

Въ 3½ часа утра непріятель открылъ огонь противъ переправы; мы отвѣчали картечью. Съ переходомъ нашихъ войскъ на лѣвый берегъ, непріятель сталъ отступать.

14-го іюля готовъ былъ понтонный мостъ, и Тисса-Фюретъ былъ занятъ кавалеріею графа Толстаго.

Дѣло при селѣ Гемтели.

Генералъ-адъютантъ Граббе, получивъ приказаніе преслѣдовать непріятеля къ Токаю, выступилъ къ деревнѣ Онга. Тамъ казаки встрѣтили венгерскихъ гусаръ, атаковали и опрокинули ихъ. Подойдя къ рѣкѣ Генатъ, войска наши были встрѣчены пушечнымъ огнемъ. Мятежники были гораздо многочисленнѣе насъ, и потому генералъ Граббе отодвинулъ свой отрядъ.

Бой при Сасъ-Регенѣ.

11-го іюля генералъ Гротенгельмъ повелъ колонны

свои на Сасъ-Регенъ, на высотахъ котораго мятежники занимали крѣпкую позицію. Дѣло началось на правомъ франгѣ, который вскорѣ былъ оттѣсненъ. Въ центрѣ мятежники сопротивлялись, но и тутъ наконецъ принуждены были отступить. Уланскій полкъ преслѣдовалъ непріятеля до селенія Саромберкъ.

20-го іюля, узнавъ отъ генерала Лидерса, что Бемъ со всѣми войсками покинулъ Марошъ-Ващаргели, генералъ Гротенгельмъ, двинулся, 22-го іюля, отъ Сасъ-Регена къ Марошъ, Вашаргели, и вечеромъ занялъ городъ безъ сопротивленія.

Занятіе Сегезвара и бой 19-го іюля.

Утромъ 19-го іюля непріятель въ значительныхъ силахъ приблизился къ Сегезвару. Генералъ Лидерсъ началъ наступать въ боевомъ порядкѣ по дорогѣ отъ Удваргели. Главная атака непріятеля была направлена на нашъ правый флангъ. Пѣхота наша отразила мятежниковъ штыками. Между тѣмъ генералъ Лидерсъ приказалъ кавалеріи атаковать правый флангъ венгерцевъ. Подъ начальствомъ генералъ-маіора Демидова, уланы опрокинули венгерскихъ гусаръ и обратили ихъ въ бѣгство. Казаки наши, преслѣдуя непріятеля, нанесли ему урону до 1,000 человѣкъ убитыми и взяли въ плѣнъ болѣе 300 человѣкъ. Въ это же время венгерцы сдѣлали вторженіе въ Молдавію въ числѣ 5,000 человѣкъ съ 8-ю орудіями. Нашъ небольшой отрядъ генерала Устругова отступилъ къ Онешти и Бакеу. Но генералъ Моллеръ, соединя 8 баталіоновъ и 16 орудій, двинулся противъ непріятеля, который не найдя въ Молдавіи ожидаемаго при появленіи венгерцевъ возстанія, возвратился въ Трансильванію.

Сраженіе при Дебречинѣ.

Князь Бебутовъ донесъ, что непріятель занимаетъ позицію впереди Дебречина и что въ точности силы его опредѣлить нельзя. Одинъ уланскій полкъ направленъ былъ на четыре непріятельскіе эскадрона, но тѣ отступили, а непріятель открылъ огонь изъ 30-ти баттарей-

ныхъ орудій; наши отвѣчали имъ ускореннымъ огнемъ. Мятежники, закрытые садами и строеніями города, наносили намъ большой вредъ, но выдвинутая нами батарейная № 3-го батарея съ первыхъ выстрѣловъ уравновѣсила бой. Князь Варшавскій приказалъ двумъ бригадамъ идти прямо на городъ, а двумъ поддерживать это движеніе. Гусарскій полкъ атаковалъ нѣсколько непріятельскихъ эскадроновъ и вогналъ ихъ въ городъ. Въ это же время уланскій полкъ атаковалъ два непріятельскіе баталіона и принудилъ ихъ, бросивъ ружья, бѣжать въ прилегавшіе сады. Горцы князя Бебутова настигли бѣгущую пѣхоту, ворвались въ Дебречинъ и преслѣдовали ее по улицамъ. Мы захватили въ плѣнъ до 3,000 человѣкъ.

Въ сраженіи подъ Дебречиномъ мятежники участвовали подъ начальствомъ Наги-Шандора въ числѣ 10-ти тысячъ человѣкъ при 40 орудіяхъ.

Усталость нашихъ войскъ, сдѣлавшихъ въ этотъ день 25 верстъ и темнота ночи не позволили сильно преслѣдовать непріятеля.

По взятіи Дебречина, войска наши имѣли только на два дня провіанта. На австрійцевъ нельзя было надѣяться, и потому прежде всего надобно было озаботиться о продовольствіи арміи.

27-го Іюля явился къ генералу Ридигеру парламентеръ отъ Гёргея и былъ отправленъ къ главнокомандующему, который отвѣчалъ, что мятежники должны обратиться къ австрійскому полководцу, если намѣрены покориться. Но посланный объявилъ, что венгерцы готовы положить оружіе передъ *русскими*, но не вступятъ въ переговоры съ австрійцами, или будутъ драться до послѣдней крайности.

Эта крайность уже наступала. Кошутъ, бывшій до того полновластнымъ диктаторомъ Венгріи, сложилъ съ себя свое званіе и ввѣрилъ всю власть Гёргею, который видя невозможность бороться, рѣшился сдаться.

3-го августа князь Варшавскій, сосредоточивъ у Гроссъ-

Вардейна около 40 тысячъ человѣкъ пѣхоты и 10 тысячъ человѣкъ кавалеріи съ 300 орудій, двинулся къ крепости Араду. У этого пункта должно было начаться дѣйствіе союзныхъ армій. Гергей, соединившись съ Дембинскимъ, имѣлъ 70 тысячъ войскъ при 200 орудіяхъ. Сдѣлавъ всѣ распоряженія, главнокомандующій опредѣлилъ уже всѣ движенія нашихъ войскъ, какъ получилъ донесеніе графа Ридигера о предложеніи Гёргея сдаться безусловно. Въ письмѣ отъ Гёргея сказано было, что онъ слагаетъ оружіе передъ войсками Его Величества Императора Россійскаго. Главнокомандующій, желая прекратить дальнѣйшее кровопролитіе, велѣлъ окружить корпусу графа Ридигера войска Гёргея, и возложилъ на него же ихъ обезоруженіе.

Войска наши, построенныя въ боевомъ порядкѣ, встрѣтили армію Гёргея въ селѣ Шеломъ, верстахъ въ 15–ти къ Араду. По отданіи чести, войска Гёргея составили ружья и вышли изъ рядовъ, слѣдуя на биваки къ мѣстечку Зарандъ.

Сдавшаяся армія состояла изъ 30,889 человѣкъ. Весь нашъ блистательный походъ, со дня перехода черезъ Карпатскія горы до сдачи арміи Гёргея, совершился въ 8 недѣль. Число войскъ нашихъ простиралось до 191,587 человѣкъ съ 60,000 лошадей. Потеря наша отъ сраженій и отъ болѣзней простиралась до 13,000 человѣкъ.

Почитаемъ излишнимъ говорить о прочихъ дѣйствіяхъ, окончившихъ эту борьбу Венгріи съ Австріею послѣ капитуляціи Гёргея. Это были второстепенныя дѣла. Австрія была спасена. Сами австрійскіе генералы явно сознавались, что русскіе *избавители ихъ*. Если всемірная исторія отдастъ всю справедливость великодушію Россіи, которая тотчасъ же подала своей древней союзницѣ руку помощи и не взяла за это никакого вознагражденія, никакихъ поземельныхъ уступокъ и правъ, то желатель-

но, чтобъ лѣтописи возвѣстили, что и Австрія была съ своей стороны благодарна за свое избавленіе.

Изъ прочихъ европейскихъ державъ Римъ былъ въ самомъ несчастномъ положеніи. Отъ уступокъ къ уступкамъ Пій IX-й дошелъ до того, что ему уже нечего было уступать. Послѣ убійства министра Росси, онъ принужденъ былъ бѣжать изъ своихъ областей, и скрыться въ Гаэту, а римскіе бунтовщики, воображая себя подражателями Брутовъ и Цинцинатовъ, объявили Римъ республикою. Всѣ католическія державы почли долгомъ возстановить главу своей церкви. Неаполь, Мадридъ прислали къ Риму корпуса войскъ. Но всѣхъ дѣятельнѣе поспѣшилъ туда новый президентъ французской республики Людовикъ Бонапарте. Онъ отправилъ корпусъ Удино и приказалъ ему занять Римъ. Парижскіе революціонеры воображали, что они будутъ помогать римской республикѣ, но онъ прежде всего хотѣлъ предупредить австрійцевъ, чтобъ тѣ не заняли Рима, а потомъ уже возстановить власть Папы. Будучи сперва отраженъ отъ стѣнъ Рима, генералъ Удино началъ формальную осаду, и черезъ мѣсяцъ овладѣлъ имъ. Римскіе республиканцы разсѣялись, а французы твердою ногою поселились въ Римѣ, куда потомъ прибылъ и Папа для наказанія бунтовщиковъ. Съ тѣхъ поръ онъ остался подъ опекою своихъ покровителей.

Французы въ Римѣ.

Въ Даніи продолжалась еще нѣсколько времени война между Шлезвигъ-Голстинцами, которые одни хотѣли бороться съ Даніею (по заключеніи перемирія съ Пруссіею), но вскорѣ и тѣ принуждены были покориться законной власти.

Такъ мало по малу водворялся вездѣ порядокъ и спокойствіе.

Манифестъ 26 Апрѣля.

Посмотримъ теперь на внутреннія событія въ Россіи. Вотъ манифестъ, изданный 26-го апрѣля:

«Манифестомъ отъ 14 марта 1848 года, возвѣстивъ вѣрноподдан-

нымъ нашимъ о бѣдствіяхъ, постигшихъ Западную Европу, Мы съ тѣмъ вмѣстѣ изъявили, что готовы встрѣтить враговъ нашихъ, гдѣ бы они ни предстали и не щадя себя, будемъ въ неразрывномъ союзѣ съ Святою нашею Русью защищать честь имени Русскаго и неприкосновенность предѣловъ нашихъ.

Смуты и мятежи на западѣ съ тѣхъ поръ не укротились. Преступныя обольщенія, увлекающія легкомысленную толпу обманчивымъ призракомъ такого благоденствія, которое никогда не можетъ быть плодомъ своеволія и самоуправства, проложили себѣ путь и на востокъ въ сопредѣльныя намъ, подвластныя турецкому правительству Княжества Молдавское и Валахское. Одно пришествіе войскъ нашихъ совмѣстно съ турецкими возстановило и удерживаетъ тутъ порядокъ. Но въ Венгріи и Трансильваніи усилія Австрійскаго правительства, разрозненныя другою еще войною съ врагами внѣшними и внутренними, въ Италіи, не могли доселѣ восторжествовать надъ мятежемъ. Напротивъ, подкрѣпясь скопищами нашихъ польскихъ измѣнникокъ 1831 годэ и другихъ разноплеменныхъ пришельцевъ, изгнанниковъ, бѣглыхъ и бродягъ, бунтъ развился тамъ въ самыхъ грозныхъ размѣрахъ.

Среди сихъ пагубныхъ событій Императоръ Австрійскій обратился къ намъ съ желаніемъ нашего содѣйствія противъ нашихъ враговъ. Мы въ немъ не откажемъ.

Призвавъ въ помощь правому дѣлу Всевышняго вождя браней и Господа побѣдъ, мы повелѣли разнымъ арміямъ нашимъ двинуться на потушеніе мятежа и уничтоженіе дерзкихъ злоумышленниковъ, покушающихся потрясти спокойствіе и нашихъ областей.

Да будетъ съ нами Богъ и никто же на ны!

Такъ, мы въ томъ увѣрены, чувствуетъ, такъ уповаетъ, такъ отзовется въ Богомъ хранимой державѣ нашей, каждый Русскій, каждый намъ вѣрноподданный, и Россія исполнитъ Святое свое призваніе.

НИКОЛАЙ.»

Вслѣдъ за тѣмъ въ *Journal de St. Pétersbourg* были изложены причины, побудившія Россію къ Венгерской войнѣ.

«Движеніе бунта не чисто венгерское: оно сдѣлалось польскимъ. Оно служитъ основою мятежу, гораздо обширнѣйшему, чтобъ возмутить всѣ страны бывшей Польши и возобновить для насъ труды и бѣдствія 1831 года... Болѣе 20,000 человѣкъ, принадлежащихъ къ этому разряду, служатъ теперь подъ знаменами венгерской арміи... Замыслы ихъ противу насъ уже не тайна; они явно ихъ провозглашаютъ, они хотятъ перенести мятежъ въ Галицію, а потомъ и въ наши польскія провинціи... Это волненіе не можетъ продолжаться, не угрожая намъ опасностью, оно требовало съ нашей стороны мѣръ скорыхъ и сильныхъ. Доколѣ общественное разстройство кипѣло только вдали, Россія пребывала спокойною, недвижною въ треволненіяхъ свѣта... Но разгаръ внѣшнихъ революцій сталъ угрожать нашей собственной безопасности. Изъ замысловъ и усилій, признанныхъ самими мятежниками явствуетъ, что происшествія въ Венгріи угрожаютъ намъ... А потому Россійское Правительство признало необходимымъ ополчиться противъ предвидѣнной имъ случайности. Нынѣшнее положеніе носитъ въ себѣ зародышъ золъ, которымъ не должно позволять развиться. Россія пользуется не только правомъ самосохраненія, но и дѣйствуетъ въ пользу всѣхъ державъ, искреннихъ друзей мира и споспѣшествуетъ къ сохраненію спокойства общества и равновѣсія Европы.»

3-го мая Государь Императоръ выѣхалъ изъ С. Петербурга и 5-го прибылъ въ Варшаву. 9-го числа отправился онъ съ княземъ Паскевичемъ на станцію желѣзной дороги, ведущей изъ Вѣны, чтобъ здѣсь встрѣтить юнаго императора австрійскаго Франца Іосифа, который предпринялъ это путешествіе, чтобъ свидѣться съ своимъ союзникомъ въ предстоящей брани съ мятежемъ. Свиданіе съ автрійскимъ императоромъ

Это свиданіе должно быть важною историческою эпохою для исторіи Европы. Съ этой минуты началось водвореніе порядка и законности, потрясенныхъ бунтами. Союзъ Россіи былъ спасительною плотиною противъ разлива революціонныхъ волнъ, затоплявшихъ всю западную Европу; онѣ уже угрожали затопить и сопредѣльную намъ Австрію. Но Австрія прибѣгла къ помощи Николая,

и волны бунта отхлынули. Австрія была спасена.

Да возможетъ она сохранить память свиданія 9-го мая! Два дня пробылъ Францъ Іосифъ въ Варшавѣ, и 11-го числа отправился обратно по желѣзной дорогѣ.

1-го Іюня Государь поѣхалъ изъ Варшавы съ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ по желѣзной дорогѣ въ Краковъ; 2-го числа прибылъ въ Змиградъ, гдѣ произвелъ смотръ войскамъ, сосредоточеннымъ у Дуклы, а 6-го, когда русскія колонны шли чрезъ Грабъ, Государь Императоръ, прибывъ къ нимъ, самъ довелъ ихъ до рубежа Венгріи на вершинѣ Карпатскихъ горъ.

9-го Іюня Его Величество возвратился въ Варшаву, а Великій Князь остался съ войсками раздѣлять труды и боевыя опасности. Онъ явилъ себя вполнѣ достойнымъ великаго Своего Отца.

Мы уже видѣли выше подробности этой борьбы. Она была непродолжительна. Главная армія венгровъ положила оружіе къ стопамъ Николая—и война была кончена. Австрія была не только спасена, но и навсегда прочно утверждена.

17-го августа послѣдовалъ уже въ Варшавѣ слѣдующій Высочайшій манифестъ:

Манифестъ 17-го августа

«Россія исполнитъ свое святое призваніе! Такъ рекли Мы любезнымъ нашимъ вѣрноподданнымъ, возвѣщая, что Мы повелѣли нашимъ арміямъ, по желанію союзника нашего императора австрійскаго, идти усмирять мятежъ въ Венгріи и возстановить въ оной законную власть ея государя. Божіимъ милосердіемъ такъ и совершилось.

Не прошло двухъ мѣсяцевъ, и храбрыя наши войска послѣ многихъ блистательныхъ побѣдъ въ Трансильваніи и подъ Дебречиномъ, прошли отъ Галиціи до Песта, отъ Песта до Арада, отъ Буковины и Молдавіи до Баната, вездѣ торжествуя. Наконецъ враждебныя полчища мятежниковъ, всюду тѣснимыя, съ сѣвера и востока нами, съ запада и юга австрійскою арміею, прибѣгли къ посред-

ничеству нашему для испрошенія великодушнаго помилованія у своего законнаго повелителя. Исполнивъ нашъ обѣтъ свято, повелѣли мы нынѣ торжествующимъ войскамъ нашимъ воротиться въ свои предѣлы. Съ благодарнымъ сердцемъ къ подателю всѣхъ благъ отъ глубины души воскликнемъ: да! во истину съ нами Богъ, разумѣйте языцы и покаряйтеся, яко съ нами Богъ!

НИКОЛАЙ.»

Велико, чисто было торжество Россіи! Но Всевышній, даровавъ его правому дѣлу, какъ бы хотѣлъ дать ей урокъ, чтобъ не возноситься и посреди побѣдъ, и что радость и веселіе народовъ часто бываютъ предвѣстниками слезъ и глубокой печали.

Внезапный, горестный ударъ поразилъ Государя Императора и всю Россію. Скончался Великій Князь Михаилъ Павловичъ. Вотъ Высочайшій рескриптъ 28-го августа: Кончина Великаго Князя Михаила Павловича.

«Богу угодно было нашу и общую радость при счастливыхъ, покрывшихъ новою славою войска наши событіяхъ, омрачить внезапною, горестною для насъ, всего дома нашего и Россіи потерею. Мы лишились любезнѣйшаго брата нашего Великаго Князя Михаила Павловича, скончавшагося послѣ кратковременной, но тяжкой болѣзни въ Варшавѣ, 28-го сего августа. Оплакивая въ немъ брата и друга, коего вся жизнь, всѣ труды и попеченія были безпрестанно посвящаемы на службу намъ и отечеству, мы призываемъ и вѣрныхъ нашихъ подданныхъ къ усерднымъ вмѣстѣ съ нами мольбамъ о успокоеніи души его въ селеніяхъ, благостію Всевышняго пріуготовленныхъ тѣмъ, кои по чистотѣ сердца, дѣлъ и намѣреній достойны великаго имени христіанъ, сыновъ его.

НИКОЛАЙ.»

Какъ изобразить всеобщую печаль при этой горестной потерѣ? Будучи строгъ и взыскателенъ по службѣ, Великій Князь подъ суровою наружностью скрывалъ самое доброе, благородное и великодушное сердце Бѣдные смѣ-

ло обращались къ нему, зная, что не получатъ отказа. Сколько недостаточныхъ офицеровъ содержалъ онъ на свой счетъ, сколькимъ помогалъ! Но военно-учебныя заведенія были главнымъ предметомъ его заботливости и попеченій. Тутъ онъ былъ вполнѣ отцемъ дѣтей, которые его любили несказанно. Онъ былъ истиннымъ образователемъ и усовершенствователемъ этихъ прекрасныхъ заведеній. (Долгъ историка обязываетъ присовокупить, что въ высокихъ и благодѣтельныхъ попеченіяхъ Великаго Князя онъ нашелъ превосходнаго содѣйствователя и исполнителя, генералъ-адъютанта Ростовцова; но даръ находить отличныхъ людей принадлежитъ тоже къ рѣдкимъ качествамъ великихъ умовъ).

Наилучшею характеристикою опочившаго можетъ служить приказъ по военно-учебнымъ заведеніямъ, (писанный Я. И. Ростовцовымъ).

«Его Императорскаго Высочества, отца нашего и благодѣтеля военно-учебныхъ заведеній, не стало! Его съ нами нѣтъ: но примѣръ его съ нами. Примѣромъ своимъ онъ и за могилою не престанетъ благотворить намъ. Любите Бога; служите Государю, какъ онъ; будьте чисты сердцемъ, какъ онъ; будьте преданы долгу, какъ онъ, будьте справедливы и великодушны, какъ онъ; будьте другомъ солдата, какъ онъ. Этимъ вы исполните всѣ заповѣди Божіи, всѣ ожиданія великаго нашего Государя, всѣ надежды на васъ незабвеннаго августѣйшаго нашего благодѣтеля.»

Государь Императоръ, тоже заботясь всегда преимущественно о военно-учебныхъ заведеніяхъ, передалъ ихъ въ начальство наслѣднику своему, Цесаревичу, зная, что подъ его попечительнымъ надзоромъ эти разсадники русскихъ армій не только не упадутъ, но еще болѣе процвѣтутъ и возвысятся.

Заговоръ тайнаго общества.

1849 годъ былъ ознаменованъ еще неожиданнымъ событіемъ. Въ ту минуту, какъ Россія была единствен-

ною державою, славившеюся своею непоколебимою вѣрностію къ Вѣрѣ, Царю и Отечеству; какъ въ ней одной была надежда всей Европы противъ разлива бунтовъ, нашлись и между русскими люди, которые вздумали повторить гнусныя и печальныя страницы 14-го декабря 1825 года. Нѣсколько недоучившихся юношей составили тайное общество для ниспроверженія существующаго порядка и государственныхъ законовъ. Конечно, въ 60-ти милліонахъ всегда есть недостойные члены великой, православной, русской семьи, но не менѣе того подобная попытка опечалила всю Россію. Безумцы заслуживали одно посмѣяніе и презрѣніе. Двадцать человѣкъ незначущихъ преступниковъ, конечно, не могли произвести ничего въ вѣрной и богоспасаемой Россіи, но существованіе подобныхъ заговоровъ означало, что пагубныя правила, наводнившія кровію всю Европу, проникли къ нѣкоторымъ слабымъ и легковѣрнымъ умамъ, вздумавшимъ передѣлать по-своему всю Россію. Судебное слѣдствіе этого дѣла, приговоръ суда и конфирмація Государя были тогда напечатаны во всѣхъ газетахъ. Набросимъ покровъ на эту страницу нашей исторіи. Лѣтописи должны сохранить подобныя событія въ урокъ потомству.

Военныя дѣйствія на Кавказѣ были незначительны въ 1849 году.

20-го января и 1-го февраля произведены были удачные поиски на лѣвомъ берегу Шавдона.

28-го апрѣля партія мюридовъ напала на транспортъ, прикрываемый 25-ю солдатами при одномъ офицерѣ и двухъ унтеръ-офицерахъ. Въ завязавшемся бою офицеръ и унтеръ-офицеры были убиты и солдатъ Уколовъ, принявъ начальство надъ партіею, отразилъ нападеніе.

Въ октябрѣ дагестанскій отрядъ князя Аргутинскаго-Долгорукова бомбардировалъ чохское укрѣпленіе и превратилъ его въ груду камней. Непріятель потерпѣлъ во время осады уронъ до 3000 человѣкъ.

*

23-го ноября, въ малой Чечнѣ отрядъ генералъ-маіора Ильинскаго истребилъ, на протяженіи 30-ти верстъ, всѣ аулы и хутора непокорныхъ галашевцевъ, которые бѣжали въ лѣса и, прося пощады, выдали аманатовъ. Около того же времени отбиты нашими войсками всѣ нападенія Шамиля на Акушинское общество и на ханства Казикумыское и Кюренское.

22-го декабря, на рѣкѣ Ассѣвъ Чечнѣ, близъ аула Локо-юртъ, полковникъ Слѣпцовъ разбилъ 3000-ный отрядъ горцевъ.

Изъ внутреннихъ событій замѣчательно было въ этомъ году празднество Пасхи, къ которому съѣхалась въ Москвѣ вся Императорская фамилія. Какой двойной праздникъ для Москвы, столь же набожной, какъ царелюбивой! Восторгъ жителей былъ невообразимъ—и эта радостная недѣля записана въ лѣтописяхъ древней столицы и въ сердцахъ жителей. При этомъ случаѣ освященъ былъ новый кремлевскій дворецъ, составляющій нынѣ одно изъ величайшихъ зданій въ Европѣ.

Въ іюлѣ Цесаревичъ и Цесаревна съ дѣтьми своими совершили путешествіе въ Ревель, откуда Его Высочество одинъ, отправясь чрезъ Ригу и Ковно въ Варшаву, ѣздилъ въ Вѣну, и возвратился 11-го числа въ Варшаву.

16-го іюня посѣтила скорбь императорскую фамилію. Великая Княжна Александра Александровна, первородная дщерь Наслѣдника Цесаревича, скончалась на седьмомъ году возраста. Это была глубокая утрата для Августѣйшаго Семейства.

Замѣчательныя узаконенія въ этомъ году были:

1) Уставъ Общества призрѣнія бѣдныхъ въ С. Петербургѣ. 2) Уставъ училища сельскаго хозяйства вольнаго экономическаго общества. 3) Новое положеніе объ институтѣ корпуса путей сообщенія.

ГЛАВА VI-я.

1850-й годъ. — Франція. — Италія. — Данія. — Германія.— Англійскій флотъ въ Греціи.—Требованія Англіи.—Посредничество Франціи и Россіи. — Требованія Англіи въ Неаполѣ и Тосканѣ.—Россія. Свиданіе съ императоромъ австрійскимъ. — Путешествіе Цесаревича.—Участіе его въ дѣлѣ на Кавказѣ.—Пожалованіе орденомъ св. Георгія 4-й степени. Открытіе постояннаго моста на Невѣ.— Открытіе императорскаго музеума.—Дѣла на Кавказѣ.—Законы.

Революція 1848 года замѣтно слабѣла повсюду. Начиная съ Франціи, гдѣ она восторжествовала и разрушила тронъ іюльской революціи 1830 года, она принуждена была уступить стихіямъ порядка и законовъ. Демагоги, провозгласившіе республику, надѣялись основать въ ней царство соціализма и распространить его по всей Европѣ; но какъ скоро всѣ сословія увидѣли разрушительныя планы *красныхъ*, всѣ возстали на нихъ соединенными силами, и избраніе президентомъ Лудовика Бонапарте было всеобщею вспышкою Франціи, которая хотѣла выставить противу краснаго знамени трехцвѣтное и противъ замысловъ демагоговъ имя того, кто поразилъ первую республику. Дѣйствительно, со времени избранія его, Франція, не смотря на свое республиканство, сдѣлалась съ перваго шага охранительною державою, пославъ корпусъ войскъ въ Италію, чтобъ уничтожить красную римскую республику; стараясь примирить Сицилію съ метрополіею; не принявъ посланника отъ франкфуртскаго сейма и содѣйствуя къ прекращенію войны, воздвигнутой этимъ сеймомъ противъ Даніи. Франція.

Впрочемъ, внутри самой Франціи продолжалось еще броженіе умовъ. Едва Лудовикъ Бонапарте вступилъ въ президентство, какъ каждая изъ партій, раздиравшихъ общество. старалась сдѣлать его орудіемъ своихъ видовъ и происковъ. Когда всѣ увидѣли, что онъ вовсе не думаетъ служить другимъ, а только самому себѣ, партіи возстали на него и старались при всякомъ случаѣ

стѣснять его власть. Онъ же съ своей стороны наиболѣе угождалъ войску, которое, помня военную славу дяди его и роль, разъигрываемую въ то время французскими солдатами во всей Европѣ, надѣялось на возвращеніе подобныхъ же временъ, забывъ всѣ бѣдствія, понесенныя отъ этой славы. Національное собраніе старалось его поставить ниже, а онъ искалъ средствъ низвергнуть его. Мы увидимъ, чѣмъ эта борьба рѣшится; теперь же Европа отдохнула, видя, что грозный разливъ революцій, ринувшійся на всѣ народы, изсохъ въ самомъ источникѣ и что демагоги другихъ странъ не могутъ уже надѣяться на помощь Франціи.

Италія.

Въ Италіи, гдѣ демагоги наиболѣе владычествовали, двѣ войны съ Австріею доказали, что имъ нельзя бороться съ дисциплинированными войсками, защищающими порядокъ и законы. Піемонтъ образумленъ былъ двукратнымъ пораженіемъ; Ломбардія и Венеція возвратились подъ законную власть; Неаполь, послѣ жестокихъ кровопролитій, возстановилъ свою власть надъ Сициліею. Оставался одинъ Римъ, но и тотъ взятъ былъ французами, и папа возвратился, чтобъ судить преступныхъ и заблудшихся своихъ подданныхъ. Парма, Модена, Тоскана заняты были австрійскими войсками, возстановившими въ нихъ законныхъ государей; одна дивизія ихъ, по согласію съ Франціею, заняла сѣверныя римскія провинціи.

Но если спокойствіе и порядокъ возстановились въ Римѣ, трудно было образовать само правительство безъ денегъ и безъ войска. При томъ же папа, послѣ всѣхъ уступокъ демагогамъ, хотѣлъ теперь возвратить католицизму всю прежнюю власть среднихъ вѣковъ. Начались распри со всѣми конституціонными державами и прежде всего съ Сардиніею. Правительство издавало законы касательно духовенства, не спросясь у папы, а сардинскіе епископы явно проповѣдывали, чтобъ не повиноваться

этимъ законамъ. Съ обѣихъ сторонъ прибѣгали къ насильственнымъ средствамъ.

Другую важнѣйшую ссору началъ папа съ Англіею, назначивъ вдругъ вестминстерскимъ архіепископомъ и кардиналомъ Вейземана. Это вновь возбудило фанатизмъ протестантовъ и католиковъ въ Англіи, и произвело съ обѣихъ сторонъ самыя непріятныя явленія.

Данія. Данія все еще не была примирена съ своими нѣмецкими провинціями. Въ 1849 году Пруссія заключила съ нею перемиріе, а 2-го іюля 1850 года и окончательный миръ, но Шлезвигъ и Голстейнъ отказались покориться и одни возобновили войну. Двухдневная Иштетская битва доказала имъ безсиліе ихъ. Они были разбиты. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ инсургенты вторично начали военныя дѣйствія и опять были поражены при Экернферде и Фридрихштатѣ.

Посредничествующія державы приступили къ Пруссіи, чтобъ она, въ силу мирнаго трактата съ Даніею, принудила герцогства къ повиновенію; но какъ въ этомъ трактатѣ было сказано, что условія мира между Даніею и герцогствами должны быть утверждены Германіею, то Прусскій кабинетъ и ссылался на то, что въ эту минуту не было Германіи. Прежній франкфуртскій сеймъ сложилъ уже въ 1848 году свою власть; новый парламентъ разошелся, намѣстникъ былъ уволенъ; Пруссія составила съ нѣкоторыми германскими державами отдѣльный *малый союзъ*, и потому некому было утвердить мира съ Даніею.

Наконецъ Россія, Англія, Австрія и Франція рѣшительно вступились въ это дѣло и принудили берлинскій кабинетъ послать своего комиссара для объявленія Шлезвигъ-Голстинцамъ, что если они не положатъ оружія, то прусское войско вступитъ въ герцогства, чтобъ силою заставить ихъ повиноваться. Въ будущемъ году окажется результатъ этихъ мѣръ.

Гораздо важнѣе столкновенія произошли въ самой Германіи.

Германія.

Еще въ прошломъ году, когда съ увольненіемъ намѣстника исчезла центральная власть Германіи, Австрія убѣдила Пруссію заключить съ нею, 30-го сентября, трактатъ, которымъ учреждена временная коммиссія германскаго союза. Этимъ самымъ Австрія, отброшенная франкфуртскимъ парламентомъ изъ германскаго союза, вступала опять въ свои права. Но Пруссія съ своей стороны, собравъ около себя двадцать семь второстепенныхъ владѣній, основала отдѣльный *малый союзъ* и приглашала прочія германскія державы присоединиться къ ней. Однакожъ Австрія начинала уже имѣть все политическое вліяніе, потерянное ею отъ революцію 1848 года, и убѣдила всѣ главныя державы германскаго союза не присоединяться къ прусскому зондербунду.

Между тѣмъ Пруссія созвала парламентъ своего отдѣльнаго союза въ Эрфуртѣ, 20-го марта, для составленія конституціи своей федераціи.

Съ другой стороны Виртембергъ, Баварія и Саксонія, заключили, 27-го февраля 1850 года, между собою особый союзъ, который принималъ на себя представительство всей Германіи въ сношеніяхъ съ чужими краями. Эрфуртскій парламентъ цѣлый мѣсяцъ занимался преніями о конституціи и не сдѣлавъ ничего, закрытъ былъ 29-го апрѣля. Вмѣсто его созванъ былъ, 10-го мая, конгресъ владѣтельныхъ лицъ прусскаго союза.

Но къ тому же 10-му мая Австрія съ своей стороны созывала уполномоченныхъ всѣхъ германскихъ державъ во Франкфуртѣ, возстановляя этимъ бывшій до революціи франкфуртскій сеймъ.

Пруссія не признавала этого сейма, а почитала приглашеніе Австріи простымъ совѣщаніемъ къ устройству будущаго порядка.

Обѣ стороны открыли въ одинъ день свои засѣданія.

У Пруссіи было по числу болѣе владѣній, но на сторонѣ Австріи были главныя: Баварія, Саксонія, Ганноверъ, Виртембергъ. И тотъ и другой конгресъ немогли ничего положить рѣшительнаго, не имѣя согласія остальной Германіи, и оба не признавали законности противниковъ. Такимъ образомъ несогласія день отъ дня возрастали.

Происшествія въ Гессенскомъ курфиршествѣ довели эти несогласія до высшей точки. Изгнанный бунтовщиками, курфирстъ обратился къ центральной власти во Франкфуртѣ, чтобъ ввести его опять въ свое владѣніе. Австрія ухватилась за это дѣло и составила австро-баварскій корпусъ, который и вступилъ въ Гессенское курфиршество, но гессенскій сеймъ обратился съ просьбою къ Пруссіи, и та въ свою очередь явилась съ войсками и заняла Кассель. При первомъ столкновеніи должна была разразиться междоусобная война въ Германіи. 8-го ноября произошла даже стычка у Фульды между прусаками и австро-баварцами.

Посредничество Россіи отклонило это бѣдствіе. Оба первые министра Австріи и Пруссіи Шварценбергъ и Мантейфель съѣхались въ Одербергѣ, и между ими заключено было мирное условіе, по которому Пруссія согласилась на важныя уступки. По вопросу же о центральной власти Германіи условились составить конгресъ въ Дрезденѣ, 28-го декабря. Въ будущемъ году увидимъ мы его дѣйствія.

На востокѣ происходили нѣкоторыя несогласія между Австріею и Турціею касательно высылки венгерскихъ и польскихъ бунтовщиковъ, скрывшихся въ турецкихъ областяхъ. Подобныя же несогласія возникли и съ Россіею, но 31-го декабря 1849 года Турція согласилась удалить всѣхъ поляковъ по представленному портѣ списку, переведя въ Алепъ и Конію тѣхъ, которые приняли исламизмъ и обязавшись настаивать объ удаленіи тѣхъ, кото-

рые впредь явятся съ иностранными паспортами. Но съ Австріею долго не могли кончить распрей, потому что она требовала выдачи бѣжавшихъ венгерцевъ. Эти послѣднія несогласія дошли до того, что Турція вызвала себѣ на помощь къ Дарданелламъ англо-французскія эскадры, а англійская даже подъ предлогомъ бури, перешла за черту, назначенную договорами 1841 года. Когда же потомъ Англія увидѣла, что несогласія Австріи съ Турціею не могутъ имѣть никакого серьознаго послѣдствія, то двинула внезапно свой флотъ къ берегамъ Греціи.

11-го января тринадцать судовъ явились въ Амбелахской бухтѣ, а два фрегата вошли въ Пирей. 15-го числа адмиралъ Паркеръ просилъ позволенія у короля представить ему своихъ офицеровъ, и ихъ угостили самымъ дружескимъ образомъ. Никто и не думалъ о враждебныхъ намѣреніяхъ; всѣ дружески принимали гостей и посѣтителей.

Англійскій флотъ въ Греціи.

Вдругъ 16-го числа адмиралъ и англійскій посланникъ въ Аѳинахъ Вейсъ потребовали свиданія съ греческимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Лондосомъ и предъявили ему шесть требованій со стороны англійскаго правительства. На удовлетвореніе ихъ давалось 24 часа, по прошествіи которыхъ приступлено будетъ къ понудительнымъ мѣрамъ.

Требованія Англіи.

Требованія состояли: 1) въ уплатѣ 80,000 драхмъ португальскому еврею Донъ Пасифико, сдѣлавшемуся англійскимъ подданнымъ, за разграбленіе дома его во время народнаго бунта; 2) шотландцу Финлею 44,000 драхмъ за землю, взятую подъ строеніе дворца, 3) за судно, ограбленное морскими разбойниками въ Архелаѣ 2,000 драхмъ, 4) одному прибитому въ дракѣ Зантскому жителю 2,000 ф. стерл. вознагражденія, 5) пеню въ 500 ф. стерл. за то, что греческое правительство во-время не удовлетворило всѣ эти требованія и 6) уступки остро-

вовъ Церва и Сапіенца для присоединенія ихъ къ Іоническимъ островамъ.

Лондосъ просилъ отсрочки для представленія отвѣта, но адмиралъ и посланникъ отказали. Греческое министерство собрало тотчасъ же коммиссію юрисконсультовъ и она единогласно опровергла требованія Англіи. Тогда Лондосъ объявилъ, что несправедливыя претензіи не могутъ быть исполнены и что Греція обращается къ посредничеству Россіи и Франціи, которыя вмѣстѣ съ Англіею поручились за цѣлость королевства.

Посредничество Франціи и Россіи.

Русскій и французскій посланники въ Аѳинахъ тотчасъ же предложили свое посредничество, но адмиралъ и Вейсъ не приняли его, и англійскія суда начали забирать всѣ греческіе корабли. Французскій кабинетъ, получивъ извѣстіе, потребовалъ объясненій у лорда Пальмерстона, нѣтъ ли тутъ какого либо недоразумѣнія и поняли ли англійскіе агенты данныя имъ инструкціи? Съ гордостію Пальмерстонъ отвѣчалъ, что агенты дѣйствуютъ по инструкціямъ и что это дѣло касается до одной Англіи. Впрочемъ онъ соглашался принять дружеское посредничество Франціи; начались переговоры, но блокадное состояніе Греціи и разстройство ея торговли продолжалось.

Россія также прислала лондонскому кабинету сильную ноту, говоря, что поступки Англіи нарушаютъ все уваженіе къ ней и къ Франціи, подписавшимъ трактатъ, создавшій Грецію; что обѣ эти державы наравнѣ съ Англіею снабдили ее капиталами; что отъ этихъ матеріяльныхъ выгодъ зависитъ спокойствіе Греціи, и что наконецъ безъ согласія Франціи и Россіи Англія не могла требовать острововъ Церву и Сапіенцу. Россія спрашивала: хочетъ ли Англія пользоваться преобладаніемъ своимъ на морѣ, чтобъ не имѣть другой политики, кромѣ права сильнаго?

При переговорахъ между Франціею и Англіею открылась вся недобросовѣстность требованій, но Греція вся-

кимъ днемъ блокады теряла болѣе, и потому объявила адмиралу Паркеру, что покоряется силѣ и принимаетъ представленныя ей условія. Но въ тоже самое время французскій уполномоченный въ Лондонѣ заключилъ съ лордомъ Пальмерстономъ другой трактатъ съ уменьшеніемъ требованной суммы. И тутъ оказалась недобросовѣстность Англіи: она объявила, что будетъ исполнять договоръ, заключенный въ Аѳинахъ.

Это взволновало Францію и она отозвала изъ Лондона своего посланника. Даже въ самой Англіи общественное мнѣніе возстало противъ Пальмерстона. Верхній парламентъ выразилъ свое неодобреніе къ его политикѣ, а въ нижнемъ получилъ онъ большинство только въ 40 голосовъ. Тогда онъ согласился принять для Греціи Лондонскій договоръ, и послѣдующіе потомъ розыски обнаружили, что всѣ требованія были неосновательны.

Едва окончилось одно дѣло, какъ Англія точно такія же требованія предъявила Неаполю и Тосканѣ. Когда владѣтели этихъ областей боролись съ бунтовщиками и силою оружія брали у нихъ свои города, то пострадали въ осаждаемыхъ городахъ домы нѣкоторыхъ англійскихъ подданныхъ. За нихъ-то требовалъ теперь Пальмерстонъ вознагражденія. Это была удивительная логика! Но слабыя эти державы не могли противиться англійскимъ силамъ и просили вездѣ посредничества.

Россія не отказала въ немъ. Заступничество за слабыхъ было всегда ея удѣломъ. Нотою петербургскаго министерства иностранныхъ дѣлъ выставлена была вся несообразность этихъ требованій. «При подобныхъ правилахъ, сказано въ нотѣ, англійскіе подданные пользовались бы въ чужихъ краяхъ бо́льшими преимуществами, нежели туземцы, и пребываніе англичанъ сдѣлалось бы истиною язвою; они служили бы поддержкою волненіямъ и поощреніемъ къ бунту, если за революціонными барикадами будетъ угрожающее привидѣніе будущихъ тре-

бованій Англіи за убытки ея подданныхъ, добровольно остававшихся при бунтѣ. Сколь ниблагосклонно всегда принимали въ Россіи англійскихъ подданныхъ, но если возникнутъ подобныя требованія, какъ въ Сициліи и Тосканѣ и будутъ поддерживаемы другими средствами, а не миролюбивыми, то Россія должна будетъ точнѣе опредѣлить, на какихъ условіяхъ она позволитъ пребываніе англійскихъ подданныхъ въ своихъ владѣніяхъ.»

Подобныя представленія были уважены и требованія оставлены; но злость и мщеніе кипѣли въ сердцѣ Пальмерстона. Онъ на время затаилъ ихъ, но черезъ три года принесли они гибельные плоды.

Обратимся теперь къ Россіи. Твердость монарха ея укротила наконецъ волненія въ Германіи, дала время опомниться всѣмъ государямъ и поразила демагоговъ. Внутри же Россія благоденствовала подъ отеческимъ кровомъ обожаемаго Государя. Она съ гордостію смотрѣла на неурядицы на западѣ и видѣла, что спокойствіемъ своимъ и могуществомъ обязана высокому духу своего вѣнценосца, неизмѣнной преданности своей къ нему и непоколебимости въ православной своей вѣрѣ.

Исчислимъ внутреннія мѣры и событія этого года.—9-го декабря 1849 года открытъ былъ новый внѣшній заемъ на окончаніе московской желѣзной дороги, въ пять съ половиною милліоновъ фунтовъ стерлинговъ (33 милліона руб. сер.) по $4\frac{1}{2}$ процентовъ.

2-го января Цесаревна Марія Александровна разрѣшилась отъ бремени сыномъ Алексіемъ, а 2-го февраля Великая Княгиня Александра Іосифовна сыномъ Николаемъ.

22-го января состоялся высочайшій приказъ объ установленіи медали за венгерскую кампанію.

3-го февраля послѣдовалъ манифестъ о рожденіи Великаго Князя Николая Константиновича.

Манифестомъ 11-го января повелѣно произвесть девятую народную перепись.

По примѣру чесменской военной богадѣльни въ С. Петербургѣ, открыта была такая же, 19-го марта, (день вступленія русскихъ въ Парижъ въ 1814 году) въ Подмосковномъ селѣ Измайловѣ, древней вотчинѣ дома Романовыхъ.

По изъявленному желанію англійскаго министерства, чтобы русское правительство оказало съ своей стороны содѣйствіе къ пріумноженію лондонской выставки мануфактурными и сельскими произведеніями Россіи, послѣдовало объявленіе всѣмъ желающимъ отправлять туда свои издѣлія. Для чего учреждена была особая коммиссія, подъ предсѣдательствомъ тайнаго совѣтника Тенгоборскаго.

12-го мая Государь Императоръ съ Цесаревичемъ прибыли въ Варшаву. Въ тотъ же день пріѣхали туда принцъ прусскій и принцъ Фридрихъ-Карлъ прусскій, а 15-го числа прибылъ и австрійскій президентъ совѣта министровъ князь Шварценбергъ (въ событіяхъ Германіи мы видѣли, какое благодѣтельное дѣйствіе имѣлъ этотъ съѣздъ для отвращенія войны между Пруссіею и Австріею и для прекращенія волненій). 28-го мая Государь Императоръ возвратился въ Петергофъ.

Въ сентябрѣ Государь совершилъ путешествіе въ Москву, Тулу, Орелъ, Чугуевъ, Харьковъ, Полтаву, Кіевъ, Бѣлую Церковь и Варшаву, гдѣ 5-го октября совершилось празднованіе пятидесятилѣтней службы князя Варшавскаго. Къ празднеству этому съѣхались многіе иностранные принцы.

Свиданіе съ австрійскимъ императоромъ.

13-го октября прибылъ въ Варшаву Императоръ Австрійскій и свиданіе это снова укрѣпило узы дружбы двухъ вѣнценосцевъ къ спокойствію Европы.

21-го октября Государь возвратился въ С. Петербургъ.

26-го августа совершено было въ Полоцкѣ торжественное открытіе памятника въ увѣковѣченіе славныхъ событій 1812 года.—Великій Князь Наслѣдникъ Цесаревичъ присутствовалъ при этомъ открытіи.

Оттуда Цесаревичъ отправился въ сентябрѣ въ южныя провинціи и 8-го числа прибылъ въ военное поселеніе Павлышъ, оттуда въ Елисаветградъ и Николаевъ. 10-го числа отплылъ онъ на пароходѣ-фрегатѣ Владиміръ въ Севастополь, а изъ этого города сухимъ путемъ чрезъ байдарскую долину въ помѣстье князя Воронцова Алупку. 12-го числа отправился онъ въ Ялту, и оттуда на кавказскій берегъ до Тифлиса. 29-го числа прибылъ въ Гори, а 1-го октября въ Кутаисъ. Изъ Кутаиса выѣхалъ 3-го октября чрезъ Суражъ въ Ахалцыхъ, гдѣ осматривалъ позицію осады и штурма въ 1828 году, подъ начальствомъ Паскевича. Октября 4-го прибылъ Цесаревичъ въ Александраполь, гдѣ по гористому мѣстоположенію ѣхалъ верхомъ до селенія Аселандзы, у подошвы чубурской горы. Изъ Александраполя посѣтилъ Эчміадзинъ и Эривань, откуда отправился въ Елисаветполь, Шемаху и Баку, далѣе чрезъ Кубу и Кулари въ Дербентъ, откуда выѣхалъ 13-го числа за Дишлакъ и присоединился потомъ къ главной квартирѣ князя Воронцова.

21-го октября выступилъ князь Воронцовъ изъ Воздвиженской крѣпости и Цесаревичъ пошелъ съ авангардомъ. Между рѣками Рошпою и Валерикомъ Его Высочество замѣтилъ, что за лѣвою цѣпью подъ черными горами показался непріятель. Онъ немедленно поскакалъ туда съ частію казаковъ и туземцевъ, и приблизился къ непріятельской партіи такъ близко, что тѣ выстрѣлили по немъ и потомъ бросились бѣжать. Казаки и мирные Чеченцы бросились преслѣдовать ихъ, а конвой князя Воронцова заѣхалъ имъ въ тылъ. Въ присутствіи Цесаревича убитъ былъ оруженосецъ наиба Самбдулы и оружіе его тотчасъ же поднесено Его Высочеству. Со страхомъ смотрѣли всѣ на отважность Цесаревича, бросившагося за цѣпь черезъ перелѣски. Но Провидѣніе охраняло его для высшихъ подвиговъ.

Это было первое военное дѣло, при которомъ присут-

ствовалъ Цесаревичъ, и геройскій духъ его произвелъ истинный восторгъ между всѣми горными племенами, уважающими болѣе всего личную храбрость.

Князь Воронцовъ, описывая это дѣло, испрашивалъ о возложеніи на Цесаревича ордена св. Георгія 4 степени, и Государь Императоръ отправилъ къ нему этотъ знакъ отличія съ полковникомъ Паткулемъ.

10-го ноября Цесаревичъ прибылъ въ Москву, а 13-го въ Царское Село.

21-го ноября совершилось въ С. Петербургѣ одно изъ достопамятнѣйшихъ событій существованія сѣверной столицы. Освященъ и открытъ былъ постоянный мостъ черезъ Неву. Со временъ великаго основателя С. Петербурга придумывали разныя средства къ сооруженію подобнаго моста, потому что осеннее замерзаніе и весною вскрытіе рѣки затрудняли до чрезвычайности сообщеніе столицы съ зарѣчными частями; останавливалась даже торговля и всѣ семейныя и служебныя сношенія. Много было проектовъ къ сооруженію постояннаго каменнаго моста. Кулибинскій проектъ еще и теперь сохраненъ въ Академіи. Но состояніе науки не позволяло еще рѣшиться на подобныя сооруженія. Наконецъ царствованію Николая I суждена была и эта слава. Подобно тому, какъ по могучему его слову возсозданъ былъ въ одинъ годъ Зимній дворецъ, такъ онъ и тутъ назначилъ къ совершенію этой гигантской работы того же самаго исполнителя, графа П. А. Клейнмихеля, и мостъ былъ построенъ и открытъ (по проекту и планамъ г. Кербедза, произведеннаго изъ подполковниковъ въ генералъ-маіоры). По глубинѣ рѣки, болотистому ея руслу и быстротѣ теченія предстояло чрезвычайно много техническихъ трудностей, но онѣ были всѣ преодолѣны волшебнымъ девизомъ: *усердіе все превозмогаетъ*.

Около того же времени послѣдовало столь же славное окончаніе другаго зданія въ С. Петербургѣ, если менѣе

важнаго для общественныхъ сношеній, торговли и промышлености, то болѣе значительнаго въ ученомъ и художественномъ отношеніи, а именно императорскаго музеума. Бывшій эрмитажъ со всѣми своими драгоцѣнностями поступилъ въ составъ музея, съ прибавленіемъ множества вновь пріобрѣтенныхъ картинъ, статуй и антиковъ. И это великолѣпное зданіе построено было тоже подъ руководствомъ графа Клейнмихеля.

Дѣйствія на Кавказѣ состояли въ 1850 году въ слѣдующемъ:

9-го мая генералъ-маіоръ Вагнеръ, отправясь на семи баркасахъ въ устье рѣки Вулана, овладѣлъ тамъ завалами горцевъ и разбойничьимъ судномъ, разсѣялъ непріятеля и сжегъ аулъ Кедему.

18-го іюня генералъ Бельгардъ одержалъ, при селеніи Бехельды, надъ 4,000-мъ отрядомъ лезгинъ блистательную побѣду.

7-го іюля онъ же двинулся къ селенію Колабу и овладѣлъ имъ послѣ упорнаго боя.

18-го іюля Гаджи-Муратъ съ 2,000 человѣкъ напалъ на межгулинскихъ жителей и захватилъ у нихъ стадо, но русскіе отряды капитановъ Тиханова и Лазарева отбили добычу и обратили непріятеля въ бѣгство.

22-го августа полковникъ Слѣпцовъ напалъ на укрѣпленные окопы Шамиля, взялъ ихъ и разрушилъ, разсѣявъ 2,500 горцевъ.

26-го сентября генералъ-маіоръ Чиляевъ разбилъ извѣстнаго своими отважными набѣгами лезгинскаго наиба Мелькушъ-Радожаба, между гердахлинскимъ и кусурскимъ хуторами.

13-го декабря вице-адмиралъ Серебряковъ спустился изъ Новороссійской крѣпости въ Адагулинскую долину и предалъ огню всѣ аулы.

Изъ примѣчательнѣйшихъ узаконеній 1850 года были:

1) Уставъ русскаго географическаго общества. 2) Разрѣшеніе выдавать изъ суммъ приказовъ общественнаго призрѣнія на пособіе крайне бѣдныхъ семействъ. 3) Положеніе о монетномъ дворѣ. 4) Положеніе о государственномъ коннозаводствѣ. 5) Положеніе финляндскаго кадетскаго корпуса.

ГЛАВА V.

1851 годъ.—Европа.—Англія.—Революціонные происки.—Ссора съ Австріею.—Ссора съ Наполеономъ.—Франція.—Борьба собранія съ президентомъ республики.—Переворотъ 2-го декабря.—Избраніе Лудовика-Наполеона президентомъ на 10 лѣтъ. *Внутреннія событія:* Поѣздка Императорской фамиліи въ Москву по желѣзной дорогѣ.—Утвержденіе постройки варшавской желѣзной дороги.—Военныя дѣйствія на Кавказѣ.—Путешествіе.—Замѣчательные законы.

Какіе удивительные переходы въ идеяхъ человѣчества, въ разныхъ періодахъ всемірной исторіи! Послѣ бурной эпохи 1789 г. и послѣдующихъ революціонныхъ войнъ до 1815 года, настали наконецъ годы порядка, тишины и спокойствія. Священный союзъ, основанный Александромъ I-мъ, составилъ высокую связь всѣхъ вѣнценосцевъ для поддержанія взаимныхъ правъ своихъ противъ пораженной гидры революціи. Хотя народы Германіи и волновались, требуя конституцій, обѣщанныхъ въ минуты грозной борьбы съ Наполеономъ; хотя многіе германскіе владѣтели и дали своимъ подданнымъ эти льготы, но весь составъ семьи европейскихъ государствъ прочно держался на твердомъ основаніи священнаго союза. Это продолжалось до 1830 года. Іюльская революція расторг-

ла звѣно этой спасительной цѣпи. Изгнаніе Бурбоновъ уже ниспровергало основу *законности*. Политика должна была уже довольствоваться *фактами*. Вспыхнули вездѣ революціи; но послѣ двухлѣтнихъ усилій все пришло въ прежній порядокъ. Европа обратилась къ развитію торговли, промышлености, наукъ, механическихъ открытій; желѣзныя дороги и электрическій телеграфъ уничтожили разстояніе и время. Казалось наступили времена, когда народы всего земнаго шара составятъ одну семью человѣчества и займутся каждый въ своемъ кругу усовершенствованіемъ нравственныхъ и матеріяльныхъ средствъ къ общежитію. Казалось люди, озаренные свѣтомъ христіанской вѣры и просвѣщеніемъ, поймутъ наконецъ, что войны, раздиравшія столько тысячелѣтій все человѣчество, были порожденіемъ варварства и дурныхъ страстей; что пролитіе крови между народами противно вѣрѣ, природѣ и разсудку; что вѣчный и повсемѣстный миръ долженъ составлять единственную цѣль усилій человѣчества. Даже частные люди составили *мирные конгресы*, чтобъ мысль о всегдашнемъ мирѣ распространилась по всей землѣ. Да и чего было требовать одному народу отъ другаго? Никто не нуждался въ землѣ, питательницѣ всѣхъ. Оставалось каждому довольствоваться своимъ добромъ, и посредствомъ народныхъ сношеній сообщаться со всѣмъ земнымъ шаромъ, разливая свою дѣятельность въ торговлѣ, промышлености, а болѣе всего во внутреннемъ образованіи. Строго исполняя законы у себя и въ сношеніяхъ съ другими, всѣ могли быть увѣрены въ неприкосновенности своего государственнаго достоянія.

Вся Европа думала, что отнынѣ война невозможна. Къ сожалѣнію забывали неизлечимыхъ революціонеровъ. Если они явно не смѣли дѣйствовать, то тѣмъ сильнѣе вели подземную войну.

Вдругъ разразился 1848 годъ съ невообразимымъ головокруженіемъ всѣхъ націй. Демагоги опять вездѣ воз-

стали, восторжествовали, и западная Европа была на волосъ отъ утрежденія *красной республики*. Прудоны, Мадзини, Коссидьеры, Кошуты, Роберты Блумы съ братіею заставили на минуту трепетать всѣхъ благонамѣренныхъ гражданъ. 1849 и 1850 годы успѣли наконецъ преодолѣть повсюду эти грозныя революціонныя стихіи. Усилія главной охранительной державы, Россіи, наиболѣе способствовали къ водворенію всеобщаго порядка и спокойствія.

На этотъ разъ всѣ окончательно думали, что правительствамъ остается только тщательно наблюдать вездѣ за происками революціонеровъ. Международную же войну стали опять почитать невозможностью, несоотвѣтственною со степенью всеобщаго просвѣщенія и съ потребностію всѣхъ народовъ. Печальная ошибка! Демагоги не спали, а продолжали вооружать и ожесточать всеобщее мнѣніе легковѣрныхъ людей въ Европѣ, что Россія вѣчный, грозный и непримиримый врагъ всякой свободы, и что всѣ усилія, явныя и тайныя, должны быть устремлены противъ нея.

Вскорѣ увидимъ мы какъ двѣ державы, ослѣпленныя несправедливою враждою, сдѣлались участницами демагогическихъ плановъ, но прежде еще долженъ былъ совершиться важный переворотъ въ одной изъ нихъ, во Франціи, который былъ первымъ признакомъ будущихъ европейскихъ войнъ.

Обозримъ вкратцѣ событія въ Европѣ 1851 года. Мы видѣли какъ въ 1850 году Англія, пользуясь своимъ преобладаніемъ на морѣ, дѣйствовала съ небывалымъ самовластіемъ и несправедливостію противъ малыхъ державъ. Россія, Австрія, Франція остановили эти поступки, достойные временъ варварства и кулачнаго права.

Разсматривая внимательно политическій составъ Англіи, видимъ, что чрезвычайное развитіе промышленой и торговой системы побуждаетъ ее во всѣхъ сношеніяхъ съ

прочими народами имѣть безпрестанно въ виду коммерческія свои выгоды. Вмѣшиваясь въ политическія дѣла прочихъ націй, она больше всего старается о пріобрѣтеніи себѣ какихъ нибудь выгодъ. Если гдѣ вспыхнутъ революціи, она явно или тайно ищетъ какъ бы помочь имъ. Въ Испаніи, Португаліи, Греціи, Силиціи, Римѣ, Піемонтѣ, Австріи, Венгріи она вездѣ поддерживала возмутителей. Она вездѣ хочетъ ввести конституціи, зная, что съ ними внутреннее волненіе неразлучно. Въ 1848 году поддерживала она бунтовщиковъ отъ Палермы до Милана, отъ Венеціи до Песта. И въ то время, какъ угорѣлые народы Европы истощались въ безплодныхъ усиліяхъ и кровопролитіяхъ, чтобъ достигнуть революціонной свободы, Англія, не заботясь объ этомъ хаосѣ, продолжала дѣятельно развозить свои товары и владычествовать на морѣ. Лордъ Пальмерстонъ, защищая свои насильственные поступки съ Греціею, сказалъ въ парламентѣ: «Океанъ принадлежитъ Англіи; нѣтъ уголка земли, гдѣ бы не было англичанъ, и мы ихъ должны вездѣ защищать.» Къ сожалѣнію защита эта обнаруживалась самовластными дѣйствіями и въ пользу такихъ лицъ, которыхъ стыдно было бы признать своими гражданами. Въ 1851 году наиболѣе дѣйствовала она противъ Австріи, потому что вѣнскій кабинетъ защищалъ охранительныя правила въ Германіи, Италіи и Венгріи, а Англія революціонное направленіе, говоря, что она сражается за свободу народовъ.

Сперва ссора съ папою за титла католическаго духовенства произвела сильное волненіе во всей Англіи, выраженное даже въ тронной рѣчи королевы. Глава министерства, лордъ Джонъ Россель, написалъ даже публично письмо съ грозными выходками противъ папы и представилъ парламенту биль объ «отраженіи нападеній римскаго двора». Вдругъ по незначущему вопросу министерство неполучило большинства голосовъ и подало въ

отставку. Черезъ нѣсколько дней оно возвратилось опять къ управленію, потому что нельзя было составить другаго кабинета. И на этотъ разъ вся ссора съ папою окончилась незначущими мѣрами. Видя свою слабость преодолѣть явно католиковъ, Пальмерстонъ сталъ подъ рукою покровительствовать Мадзини, чтобъ поддерживать волненія въ Римѣ.

Другая ссора Англіи съ Неаполемъ надѣлала много шума въ 1851 году. Гладстонъ обнародовалъ свое письмо о государственныхъ преступникахъ въ королевствѣ обѣихъ Сицилій. Еще съ 1792 года Англія объявила себя покровительницею Сициліи противъ власти короля и всячески старалась присвоить себѣ этотъ важный островъ; потомъ, во всѣхъ политическихъ смутахъ съ 1815 до 1848 года, всякій разъ являлась она въ Сициліи сообщницею революціонныхъ идей. Всѣ попытки неаполитанскаго короля о введеніи въ Сициліи общихъ законовъ съ метрополіею, неимѣли успѣха, по причинѣ всегдашнихъ происковъ Англіи, и наконецъ въ 1848 году она рѣшительно хотѣла оторвать этотъ островъ отъ Неаполя. Видя неудачу, англійскіе агенты поддерживали всегдашнюю оппозицію Сициліи и чрезъ то заставляли правительство усиливать свою строгость съ возмутителями. Всѣ эти политическіе процесы собралъ и описалъ Гладстонъ, разумѣется, во многомъ преувеличивая событія. Неаполитанское правительство отвѣчало и доказало множество невѣрностей въ англійскихъ показаніяхъ, и вся Европа могла видѣть тайную цѣль британскаго кабинета.

Всего досаднѣе было для Англіи, что Австрія, недавно еще совершенно безсильная, вдругъ опять укрѣпилась и распространила свое вліяніе на Неаполь, Римъ и Тоскану. Въ отмщеніе за это лордъ Пальмерстонъ торжественно принялъ въ Лондонѣ Кошута, отпущеннаго изъ Турціи въ Америку. Чернь встрѣтила его съ вос-

торгомъ и на всѣхъ митингахъ твердили *объ истребленіи тирановъ*. Когда Кошутъ уѣхалъ, оставшіеся въ Англіи венгерцы составили депутацію и явились съ благодарностію къ Пальмерстону за ласковый пріемъ ихъ предводителя и диктатора. Англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ отвѣчалъ депутаціи, что «Австрія и Россія получатъ еще много уроковъ за свои политическія дѣйствія.»

Австрія жаловалась на эти поступки Пальмерстона и на покровительство, оказываемое въ Лондонѣ всѣмъ демагогамъ и соціалистамъ. Пруссія и Россія тоже присоединились къ этимъ жалобамъ. Такимъ образомъ Англія съ своими революціонными правилами не имѣла уже въ 1851 году ни одного союзника въ Европѣ и начинала чувствовать свою отдѣльность.

Между тѣмъ Австрія имѣла также въ этомъ году важный дипломатическій неуспѣхъ. Франкфуртскій парламентъ хотѣлъ ее совсѣмъ исключить изъ Германіи. Теперь, одолѣвъ всѣхъ мечтательныхъ преобразователей Германіи, она вдругъ потребовала, чтобъ всѣ ея области славянскія, венгерскія, италіянскія были вмѣстѣ съ нею приняты въ германскій союзъ. Стараясь о возвращеніи порядка, существовавшаго до 1848 года, она сама же нарушала Вѣнскій трактатъ 1815 года, требуя того, чего тамъ не было. Францiя и Англія рѣшительно объявили, что несогласны на введеніе этихъ не-германскихъ областей въ союзъ. Неуспѣвъ въ этомъ, Австрія хотѣла вступить въ прусско-германскій таможенный союзъ (Zollverein), но и тутъ произошли большія затрудненія, которыхъ окончаніе увидимъ мы въ слѣдующемъ году.

Во Франціи весь 1851 годъ прошелъ въ борьбѣ между національнымъ собраніемъ и президентомъ Лудовикомъ Бонапарте. По конституціи, въ сохраненіи которой онъ присягалъ, званіе его должно было продолжаться только четыре года, по прошествіи которыхъ

долженъ быть избранъ другой; онъ же не прежде промежутка четырехъ лѣтъ могъ вторично занять мѣсто президента. Законъ былъ опредѣлителенъ и ясенъ. Лудовику Бонапарте, неожиданно достигшему званія главы государства, вовсе не хотѣлось оставлять его другому. Имя его, служившее для пріобрѣтенія этого мѣста, составило ему въ арміи и народѣ сильную партію. Въ самомъ національномъ собраніи имѣлъ онъ много приверженцевъ; но большинство было противъ него, зная что бонапартизмъ неразлученъ съ войною. Впрочемъ у каждой партіи былъ свой кандидатъ для будущаго выбора въ президенты. Болѣе всѣхъ имѣлъ приверженцевъ принцъ жуанвильскій. Легитимисты же имѣли въ виду генерала Шангарнье, который принявъ власть, призвалъ бы на тронъ Франціи законную династію въ лицѣ Генриха V.

Партія бонапартистовъ предложила собранію пересмотръ конституціи, но законнаго большинства голосовъ не было на это; оставалось слѣдственно прибѣгнуть къ силѣ, то-есть къ солдатамъ, и президентъ началъ всячески ихъ ласкать и задобривать, а массамъ народа обѣщалъ возстановить законъ подания голосовъ всѣмъ міромъ. Имѣя на своей сторонѣ войско и простой народъ, онъ уже рѣшился дѣйствовать самовластно. Собраніе видѣло свое опасное положеніе и издало законъ, по которому оно имѣло право потребовать къ защитѣ своей всѣ войска; но командующій парижскою арміею не хотѣлъ уже повиноваться и запретилъ объявлять этотъ законъ солдатамъ.

Пробилъ послѣдній часъ республики 1848 года. Въ ночи съ 1-го на 2-е декабря разосланы были войскамъ приказанія занять важнѣйшіе посты въ Парижѣ, а полиціи захватить въ постели всѣхъ членовъ Собранія, принадлежащихъ къ враждебному большинству. Все было исполнено въ точности. Попытки нѣкоторыхъ членовъ составить засѣданіе Собранія и объявить о низложеніи

президента были уничтожены, и Лудовикъ-Наполеонъ обнародовалъ, что Собраніе распущено, что всемірное поданіе голосовъ возстановлено и что народъ созывается на сходки для представленія своего мнѣнія: согласенъ ли онъ на утвержденіе Лудовика-Наполеона президентомъ республики на десять лѣтъ? Изъ 8,116,000 голосовъ оказалось въ его пользу 7,349,000. Но вопросъ заранѣе уже былъ всѣмъ извѣстенъ; солдаты уже восклицали: «Да здравствуетъ императоръ!» На другой день однако образумившійся народъ сталъ сходиться и протестовать противъ насильственнаго переворота; начались барикады, кровопролитія, но войско подавило бунтъ, и Лудовикъ-Наполеонъ остался полновластнымъ главою Франціи.

По странному стеченію обстоятельствъ возведеніе Лудовика-Наполеона послужило къ низверженію лорда Пальмерстона.

Едва послѣдній узналъ о переворотѣ 2-го декабря, какъ тотчасъ же самовластно послалъ къ англійскому посланнику въ Парижъ приказаніе признать и привѣтствовать новаго властителя Франціи.

И прежде еще обнаружилось это самовластіе во всѣхъ поступкахъ. Въ августѣ 1851 года королева сдѣлала ему письменное замѣчаніе, упомянувъ, что въ случаѣ повторенія подобныхъ дѣйствій онъ будетъ отставленъ. Теперь, не сказавъ ни королевѣ, ни первому министру ни слова, онъ вдругъ призналъ именемъ Англіи важнѣйшій переворотъ во Франціи. Въ этотъ же день его уволили отъ званія министра, и хотя признаніе Людовика-Наполеона было повторено, но Англія слишкомъ хорошо знала духъ бонапартизма, чтобъ надѣяться на сохраненіе мира въ Европѣ, и начала готовиться къ войнѣ, усиливая свой флотъ, береговыя укрѣпленія и милицію.

Пальмерстонъ вскорѣ отмстилъ за свое низверженіе. По вопросу о милиціи мнѣніе его въ парламентѣ получило большинство голосовъ противъ министерства, кото-

рое и вышло въ отставку, а онъ опять вступилъ въ составъ кабинета. Но уже съ этой минуты онъ старался о тѣснѣйшемъ сближеніи съ Лудовикомъ-Наполеономъ.

Замѣчательнѣйшія событія въ другихъ державахъ были слѣдующія:

28-го марта (6-го апрѣля) турецкій султанъ, въ фирманѣ на имя валахскаго господаря Барбы Стирбея, объявилъ о выходѣ изъ Валахіи русскихъ и турецкихъ войскъ.

1-го мая (19-го апрѣля) открыта была въ Лондонѣ всемірная выставка промышлености и художественныхъ произведеній.

3-го (15-го) мая закрыты въ Дрезденѣ совѣщанія уполномоченныхъ всѣхъ германскихъ правительствъ. Они продолжались почти четыре мѣсяца, и наконецъ рѣшено оставить всѣ мечтательныя нововведенія, а обратиться къ порядку прежняго германскаго сейма 1815—1820 года, который и открытъ 18-го (30-го) мая. Въ первыхъ же засѣданіяхъ объявилъ онъ, что протесты Франціи и Англіи противъ вступленія Австріи и Пруссіи въ полномъ ихъ составѣ въ германскій союзъ, почитаетъ онъ вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла союза, котораго не можетъ допустить.

Внутреннія событія Россіи въ 1851 году были слѣдующія:

Манифестомъ 21-го января объявлено было о обрученіи Великой Княжны Екатерины Михаиловны съ принцемъ мекленбургъ-стрелицкимъ Георгомъ, а 4-го февраля послѣдовало торжество бракосочетанія.

18-го марта произошло въ Костромѣ открытіе памятника царю Михаилу Ѳеодоровичу и поселянину Ивану Сусанину.

1-го іюля праздновалъ въ Петергофѣ кавалергардскій полкъ 25-ти-лѣтіе своего августѣйшаго шефа Государыни Императрицы.

1-го августа торжественно открытъ въ Гатчинѣ памятникъ императору Павлу I-му.

19-го августа совершилось одно изъ важнѣйшихъ событій царствованія Императора Николая I-го, а именно: первая поѣздка всей императорской фамиліи по желѣзной дорогѣ изъ С. Петербурга въ Москву. Обѣ столицы были наконецъ соединены первою государственною дорогою.— Европа до тѣхъ поръ упрекала Россію въ недостаткѣ желѣзныхъ дорогъ; но надобность ихъ у насъ еще не такъ ощутительна. Зимній путь почти на полгода составляетъ весьма удобное и дешевое средство сообщеній, котораго нѣтъ въ прочей Европѣ; во вторыхъ наши многочисленныя рѣки и каналы превосходно перевозятъ въ столицу огромнѣйшія количества хлѣба, лѣса и металловъ, которыхъ по желѣзнымъ дорогамъ невозможно отправлять. Наконецъ самое народонаселеніе Россіи не такъ еще значительно, чтобъ быстрота доставки произведеній и издѣлій могла быть необходима, а главное, въ Европѣ не разсудили, что размѣры Россіи вовсе не похожи на размѣры прочихъ державъ. Изъ С. Петербурга до Москвы слишкомъ 600 верстъ прямымъ путемъ. Это тоже, что поперегъ всей Германіи и Франціи. Если же провести линію отъ С. Петербурга до Одессы, то это будетъ болѣе нежели протяженіе всей Европы отъ Одера до устья Тага. Слѣдственно желѣзныя дороги нужны для Россіи болѣе для будущаго; но несмотря на это, отеческое попеченіе Государя совершило этотъ исполинскій и многостоящій трудъ. Дорога до Москвы построена была на счетъ казны и по изящной во всѣхъ частяхъ отдѣлкѣ, по удивительнымъ техническимъ работамъ (есть оврагъ въ 27½ саженъ и черезъ него сдѣланъ мостъ), она конечно принадлежитъ къ числу образцовыхъ. И тутъ, какъ въ построеніи постояннаго Невскаго моста и Музея, исполнителемъ царскихъ намѣреній былъ графъ П. А. Клейнмихель.

И такъ 19-го августа 1851 года въ 4 часа утра по-

ѣхала вся императорская фамилія по этой оконченной дорогѣ,—и, съ остановками для осмотра сооруженій, употреблено было всего 49½ часовъ на 607 верстъ. (Для публики дорога была открыта 1-го ноября.) Съ невыразимымъ восторгомъ и благодарностію встрѣтила Москва своихъ обожаемыхъ вѣнценосцевъ, и пребываніе ихъ въ Москвѣ было безпрерывнымъ праздникомъ для народа.

Празднества были тѣмъ замѣчательнѣе, что 22-го августа совершилось 25-лѣтіе со дня коронованія Императора. Двадцать пять лѣтъ минуло уже съ этого священнаго дня, и вся Россія съ колѣнопреклоненіемъ благодарила Всевышняго за дарованіе ей Царя-Отца.

Въ память этого празднества, московское духовенство принесло въ соборъ Успенія Божіей Матери златую дарохранительницу съ надписью: «Господи, благословивый двадцати-пятилѣтіе помазанника твоего Николая I-го, благослови и грядущіе лѣта его къ миру церкви твоея и ко спасенію людей твоихъ.»

Вскорѣ за тѣмъ началось и построеніе желѣзной дороги въ Варшаву (Высочайшее повелѣніе послѣдовало 23-го ноября) на протяженіи 1,050 верстъ. Множество проектовъ составилось потомъ частными обществами для построенія дорогъ по разнымъ направленіямъ—и нѣтъ сомнѣнія, что Россія вскорѣ превзойдетъ прочія государства по протяженію и размѣрамъ дорогъ.

Мая ²/₁₄ ратификованъ въ Лиссабонѣ договоръ о мореплаваніи и торговлѣ между Россіею и Португаліею.

22-го августа Великая Княгиня Александра Іосифовна разрѣшилась отъ бремени дщерію, нареченною Ольгою.

26-го ноября происходило принесеніе присяги Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ, по совершеннолѣтію.

Военныя дѣйствія на Кавказѣ въ 1851 году состояли въ слѣдующемъ:

6-го января, въ большой Чечнѣ генералъ-маіоръ Козлов-

скій, искусно обойдя укрѣпленный окопъ близъ Шало, въ третій разъ возобновленный горцами, занялъ его безъ всякой почти потери съ нашей стороны.—Въ теченіе января и февраля разрушенъ также до основанія Шалинскій окопъ, чрезъ густой лѣсъ проложены три широкія дороги, и тѣмъ плодородная шалинская долина отнята у чеченцевъ.

20-го февраля, близъ этой же долины генералъ-маіоръ Вревскій неожиданно зашелъ въ тылъ многочисленной партіи горцевъ, стремительно атаковалъ и разсѣялъ ее.

24-го февраля, въ Большой Чечнѣ, между рѣками Шавдономъ и Бономъ, генералъ-маіоръ князь Барятинскій, замѣтивъ густыя толпы горцевъ, идущія отъ Герменчука къ Шалинскимъ садамъ, стремительно ударилъ на нихъ. Опрокинутый непріятель бѣжалъ стремглавъ, оставя на мѣстѣ до 300 убитыхъ.

15-го іюня, генералъ-маіоръ Слѣпцовъ, для наказанія жителей верхней Чечни за враждебныя ихъ дѣйствія, направилъ туда двѣ колонны (11 баталіоновъ пѣхоты, 18 сотень казаковъ и 2 сотни милиціи) при 5-ти орудіяхъ; первая колонна подъ его начальствомъ достигла послѣ 7-ми-верстнаго труднаго перехода вверхъ по долинѣ рѣки Чеха до непріятельскихъ селеній, разорила ихъ и разсѣяла непріятельскія скопища. Другая колонна столь же удачно дѣйствовала на Шалажинской долинѣ.

21-го іюня на правомъ флангѣ кавказской линіи генералъ-лейтенатъ Завадовскій послалъ въ землю абадзеховъ баталіонъ пѣхоты и 6 сотень казаковъ. Въ Шайкопскомъ ущеліи встрѣтили они непріятеля и разбили его. Того же числа въ Дагестанѣ князь Аргутинскій–Долгоруковъ двинулся съ высоты Чурчидага противъ Шамиля, покушавшагося вторгнуться въ Кази-Кумыкское ханство, и обратилъ лезгинъ въ бѣгство.

27—28-го іюня, на лѣвомъ флангѣ генералъ-маіоръ князь Барятинскій совершилъ набѣгъ въ Большую Чечню.

Разбивъ на всѣхъ пунктахъ чеченцевъ, онъ проникъ до Автура и рѣки Хулкулу.

Съ 1-го по 13-е іюля происходили сильныя схватки въ Дагестанѣ. Князь Аргутинскій-Долгоруковъ узнавъ, что Гаджи Муратъ возмутилъ тобассаранскихъ жителей, двинулся къ селенію Хошны; табассаранцы были опрокинуты нашими войсками, а Гаджи Муратъ обратился къ Чирачу. У селенія Эпсохъ встрѣченъ онъ былъ другимъ русскимъ отрядомъ и въ совершенномъ безпорядкѣ удалился въ горы. Въ это время Шамиль съ 8,000 человѣкъ бросился на Кази-Кумыкское ханство, чтобъ отвлечь князя Аргутинскаго-Долгорукова отъ Гаджи Мурата. Но 11-го іюля одна партія горцевъ была отбита къ Кумуху. На другой день Шамиль устремился на Гамушинскія высоты, но русскіе смѣло пошли на штурмъ непріятельскихъ позицій, сбили горцевъ штыками и обратили ихъ въ бѣгство. Шамиль бѣжалъ въ Чохъ и распустилъ свои скопища.

17—19-го сентября генералъ Завадовскій произвелъ набѣгъ на непокорныхъ абадзеховъ и разорилъ аулы ихъ на Пчевѣ, а генералъ-маіоръ Эристовъ разбилъ казильбековцевъ, тамовцевъ и башилькаевцевъ, бывшихъ подъ предводительствомъ Мегметъ-Амина.

4-го ноября вице-адмиралъ Серебряковъ двинулся изъ Новороссійска съ 4,000 пѣхоты въ долину Адагума и въ продолженіе 9-ти дней истребилъ всѣ жилища мятежниковъ.

10-го декабря на Гехинской линіи генералъ Слѣпцовъ одержалъ блистательную побѣду надъ чеченцами, но къ несчастію самъ палъ въ этомъ дѣлѣ, пораженный пулею. Государь Императоръ повелѣлъ въ память его именовать Сунженскую станицу (главную квартиру его полка) Слѣпцовскою.

Изъ поѣздокъ, совершенныхъ Императорскою фамиліею замѣчательны:

26-го мая Государыня Императрица, а 28-го Государь

Императоръ выѣхали изъ С. Петербурга въ Варшаву, куда и прибыли вмѣстѣ 1-го мая; къ нимъ присоединились, 4-го числа, Великіе Князья Николай и Михаилъ Николаевичи. На другой день пріѣхалъ туда король прусскій, великій герцогъ Мекленбургъ-Шверинскій и президентъ прусскаго министерства баронъ Мантейфель, (15-го мая король уѣхалъ обратно). Когда же, 16-го мая, Государь Императоръ прибылъ изъ Варшавы въ Мишловичъ (на Прусской границѣ), то король встрѣтилъ его и вмѣстѣ съ нимъ проѣхалъ къ австрійской границѣ. Того же дня ввечеру Императоръ, въ сопровожденіи Великихъ Князей Николая и Михаила Николаевичей прибылъ въ Ольмюцъ, гдѣ на станціи желѣзной дороги встрѣченъ былъ императоромъ австрійскимъ. Пробывъ здѣсь три дня, Государь и Великіе Князья отправились изъ Ольмюца: Ихъ Высочества въ Берлинъ, а Его Величество обратно въ Варшаву, куда и прибылъ 20-го числа.—29-го же мая выѣхавъ изъ Варшавы, возвратился онъ въ С. Петербургъ 1-го іюня.

Въ сентябрѣ Государь Императоръ совершилъ поѣздку въ Москву, Тулу, Бобруйскъ, Брестъ-Литовскъ, Луцкъ, Кіевъ, Елисаветградъ, и 23-го октября возратился въ Царское Село.

Замѣчательнѣйшія узаконенія 1851 года были:

1) Штатъ больницы всѣхъ скорбящихъ. 2) Уставъ Псковскаго коммерческаго училища. 3) Указъ объ опредѣленіи въ военную службу воспитанниковъ лицея юнкерами. 4) Положеніе о забайкальскомъ войскѣ. 4) Уставъ компаніи Самсоновской мануфактуры для пряденія хлопчатой бумаги и шерсти.

ГЛАВА VI.

1852 годъ. Европейскія происшествія: Франція. — Англія. — Наполеонъ III-й. — Германія.—Таможенный союзъ.—Черногорія.—Война съ Турціею.—Данія.—Престолонаслѣдіе.—Россія.—Кавказская война.—Поѣздка императоской фамиліи.—Смерть князя П. М. Волконскаго. — Кончина герцога Лейхтенбергскаго. — Указъ о потомствѣ его. — Столѣтіе Морскаго корпуса.—Замѣчательныя узаконенія.

Съ перваго взгляда переворотъ 2-го декабря, совершившійся во Франціи, долженъ былъ нравиться всѣмъ европейскимъ дворамъ. Революція 1848 года все еще какъ кровавое привидѣніе, носилась передъ глазами всѣхъ. Президентство Лудовика-Наполеона доказывало всѣмъ, что политика его клонится къ охраненію порядка и къ подавленію мятежей. Еслибъ національное собраніе восторжествовало надъ нимъ, можетъ быть, конечно, явился бы на мѣсто его принцъ Жуанвильскій, или воцарилась бы династія бурбоновъ; но можетъ быть начались бы новыя кровопролитныя волненія и красные республиканцы могли одержать верхъ. Тогда бурный потокъ соціализма ринулся бы за Рейнъ, за Альпы и затопилъ бы всю Европу. Утвержденіе Лудовика-Наполеона на 10 лѣтъ обезпечивало общественный порядокъ, установившійся повсюду, и всѣ должны были радоваться побѣдѣ его надъ толпою болтуновъ и заговорщиковъ, которыхъ торжество подвергло бы опасности всю Европу. Но глубокіе политики не слишкомъ довѣряли этому президенту, упрочившемуся насильственнымъ переворотомъ и подкупомъ солдатъ. Всѣ помнили, какъ онъ торжественно присягалъ конституціи—и клялся сохранить ее и защищать. Въ ней было сказано, что президентъ избирается на четыре года; онъ хорошо зналъ это и принялъ временное званіе, присягнувъ предъ Богомъ и людьми, что покорится этому закону. Но онъ насильственно нарушилъ эту клятву и ниспровергъ конституцію. Всякій былъ вправѣ

думать: сохранитъ ли онъ и на будущее время свои клятвы и обѣщанія? Страсбургъ и Булонь обнаруживали въ немъ честолюбца; сочиненія его представляли его демократомъ, происхожденіе же напоминало 15-ти-лѣтнюю войну и всѣ ея бѣдствія.—Надѣялись, что онъ будетъ довольствоваться 10-ти-лѣтнимъ президентствомъ, но крики солдатъ: «да здравствуетъ императоръ!» обнаруживали направленіе и тайную мысль переворота 2-го декабря. Будучи одолженъ побѣдою войску, онъ долженъ былъ и на будущее время опираться только на него и слѣдовать по стезямъ первой имперіи, то есть начать европейскую войну, чтобъ занять безпокойный и славолюбивый духъ французовъ. Это было не успокоительно и не утѣшительно для Европы; но въ первое время всѣ были довольны и поздравляли 10-ти-лѣтняго президента.

Въ Англіи имѣлъ онъ наиболѣе приверженцевъ. Пальмерстонъ, раздражившій всю Европу своимъ участіемъ во всѣхъ волненіяхъ и самовластіемъ надъ слабыми державами, первый обратился къ Лудовику-Наполеону съ проздравленіемъ; конечно, онъ за эту поспѣшность потерялъ свое мѣсто, но популярность, которою онъ пользовался въ народѣ именно за свое самовластіе съ иноземцами, увѣряла его, что потеря эта будетъ непродолжительна. Пальмерстонъ заранѣе угадалъ духъ Лудовика Наполеона, и будучи отверженъ всею Европою, предвидѣлъ, что если добьется союза съ будущимъ императоромъ, то отмститъ всѣмъ охранительнымъ державамъ. Дѣйствительно, когда онъ успѣлъ вскорѣ потомъ низвергнуть лорда Джона Росселя, который низвергъ его, то званіе министра иностранныхъ дѣлъ въ новомъ кабинетѣ получилъ лордъ Мальмесбюри, столь же преданный Лудовику-Наполеону, а Пальмерстонъ возвратился также въ министерство.

Первымъ дѣломъ новаго президента было созваніе новой законодательной палаты, которая бы повиновалась

ему и утверждала только всѣ его требованія. Декретомъ 28-го января возстановлены всѣ титла дворянства; 3-го февраля обнародованъ новый избирательный законъ (35,000 выбираютъ одного депутата). Имѣніе орлеанскаго дома велѣно было конфисковать; арміи розданы новыя знамена съ орлами временъ имперіи, и наконецъ, чтобъ приготовить общественное мнѣніе къ будущей перемѣнѣ образа правленія, президентъ поѣхалъ по Франціи. И вездѣ войска и чернь встрѣчали его криками: «да здравствуетъ императоръ, да здравствуетъ Наполеонъ III!»

Въ Марсели открыли во время этой поѣздки адскую машину, которою хотѣли умертвить его. Въ Бордо сказалъ онъ свою знаменитую рѣчь и фразу: «имперія значитъ миръ,» чтобъ успокоить Францію и Европу, знавшихъ по опыту, что имперія означаетъ *войну* и всѣ сопряженныя съ нею бѣдствія.

Возвратясь изъ этого путешествія, имѣлъ онъ торжественный въѣздъ въ Парижъ, гдѣ сдѣланный ему пріемъ убѣдилъ его, что можно уже рѣшиться на объявленіе имперіи. А потому 23-го октября (4-го ноября) десять членовъ сената представили предложеніе о провозглашеніи президента императоромъ, подъ именемъ Наполеона III. Сенатъ, разумѣется, утвердилъ это предложеніе и постановилъ, что даруемое ему званіе—наслѣдственное въ прямомъ потомствѣ, или по усыновленію, предоставляя впрочемъ будущему императору опредѣлить порядокъ престолонаслѣдія въ семействѣ Бонапарте.

Торжественно представлено было ему это опредѣленіе сената, и онъ приказалъ передать этотъ вопросъ на рѣшеніе французской націи, собравъ гососа избирателей. 1-го декабря (12-го ноября) обнародовала законодательная палата, что 7,824,000 голосовъ утвердили Лудовика-Наполеона императоромъ (отрицательныхъ было только 253,000),—и онъ принялъ титулъ: «Божіею милостію и волею народа императоръ Наполеонъ III.»

Всѣхъ прежде призналъ его въ новомъ званіи неаполитанскій дворъ; вслѣдъ за нимъ англійскій и бельгійскій, потомъ Швейцарія, а за нею испанскій, голландскій, датскій дворы; послѣ всѣхъ россійскій, австрійскій и прусскій.

Главныя охранительныя державы Европы наиболѣе затруднялись въ признаніи титла Наполеона *третьяго*. Въ 1814 году Наполеонъ отрекся отъ престола за себя и за *все свое семейство*. Союзныя державы торжественно объявили, что династія Наполеона *никогда* уже не можетъ царствовать во Франціи. Въ 1815 году, когда Наполеонъ вновь съ острова Эльбы явился на три мѣсяца для возмущенія Франціи, онъ снова былъ низвергнутъ и, въ теченіе этого стодневнаго царствованія, ни одна европейская держава не признавала его. Свои же палаты принудили его къ новому отреченію, и тогда онъ объявилъ, что передаетъ престолъ свой сыну своему Наполеону II. Но этотъ сынъ (5 лѣтъ) находился съ матерью у дѣда своего, австрійскаго императора—и конечно никто не думалъ признавать его, потому что по всѣмъ договорамъ царствовалъ тогда во Франціи король Лудовикъ XVIII. Слѣдственно титулъ Наполеона III-го былъ совершенно неосновательнымъ. Признать его значило уничтожить всѣ договоры 1814—1815 годовъ, даже самыя историческія событія, значило допустить, что Лудовикъ XVIII не царствовалъ и что со дня смерти его было междуцарствіе во Франціи до вступленія Лудовика-Наполеона на престолъ волею народа.

Впрочемъ, всѣ признали имперію, какъ фактъ, а не какъ законное право,—тѣмъ болѣе, что онъ объявилъ о желаніи своемъ сохранять трактаты 1815 года. (Несоставляло ли это явнаго противурѣчія? Онъ признавалъ и обязывался сохранять тѣ самые трактаты, которыми Европа навсегда устраняла фамилію Бонапарте отъ престола Франціи).

Въ видѣ историческаго дополненія должно упомянуть, что законный пріемникъ французскаго престола, графъ Шамборъ, издалъ 25-го сентября протестъ противъ возстановленія имперіи во Франціи.

Такимъ образомъ совершился этотъ новый переворотъ во Франціи. Въ теченіе полувѣка перешла она изъ феодальнаго королевства въ конституціонное, потомъ въ кровавую республику, потомъ въ директорію, потомъ въ правленіе консульства, потомъ въ военную имперію, потомъ къ династіи Бурбоновъ, потомъ къ династіи орлеанской, потомъ къ республикѣ и наконецъ опять къ военной имперіи. Девять формъ правленія испытала она, и непостоянство націи легко объяснялось этими частыми перемѣнами. Истинной приверженности не могла она уже имѣть ни къ кому и ни къ чему. Но съ этой минуты вся Европа начала уже опасаться, что новая имперія значитъ война. Только куда обратится мнимый пріемникъ побѣдителя Европы? На кого обрушится месть племянника за низверженіе дѣда? Англія и Россія были главными его врагами. Россія разрушила колоссальное его могущество, а Англія злостнымъ образомъ уморила его въ плѣну, на своемъ островѣ св. Елены.

Англія прежде всѣхъ начала готовиться къ войнѣ, боясь нападенія Лудовика-Наполеона. Въ 37 лѣтъ мира Франція умѣла себѣ завести огромный флотъ, и теперь почти равнялась съ силами Англіи на морѣ. Теперь пароходы могли въ одинь день перевезти на англійскій берегъ 100,000 армію, и тогда гибель Великобританіи была неизбѣжна.—Несмотря на личную дружбу Лудовика-Наполеона съ нѣкоторыми министрами, Англія спѣшила укрѣплять берега, вооружать флотъ и созывать милицію на случай вторженія.

Болѣе всего боялись за Бельгію, это полу-англійское королевство; оно было легкою добычею для Франціи, и ссоры, начавшіяся между обоими правительствами по по-

воду тарифовъ вывоза, казались началомъ важнѣйшихъ столкновеній. Англія видѣла нависшую надъ нею грозу, и придумывала средство отклонить въ другую сторону воинственные планы грознаго соперника.

Въ будущемъ году мы увидимъ, какъ она опутаетъ сѣтями новаго императора и заставитъ его начать отдаленную войну на востокѣ, которая не только спасала ее отъ опасности, но и обѣщала личныя выгоды.

Въ Германіи 1852 годъ ознаменованъ былъ другаго рода волненіями. Безумный вопросъ о единствѣ Германіи, возбужденный идеологами франкфуртскаго парламента, былъ навсегда оставленъ. Политическія ссоры между Пруссіею и Австріею тоже были прекращены, благодаря посредничеству Императора Николая. Но возникли комерческие вопросы и снова угрожали несогласіями. Германскій таможенный союзъ (Zollverein), составленный Пруссіею, оканчивался въ 1853 году. Австрія хотѣла воспользоваться этимъ, чтобъ присоединиться къ нему со всѣми своими владѣніями и пересоздать его въ свою пользу и подъ главнымъ своимъ вліяніемъ. Пруссія предлагала всѣмъ державамъ этого союза составить конгресъ уполномоченныхъ для обсужденія новыхъ правилъ его.

Еще въ 1849 году Австрія предлагала планъ австро-германскаго таможеннаго союза, но какъ она хотѣла ввести въ него всѣ свои италіянскія владѣнія и славянскія области, то германскія державы и видѣли въ этомъ попытку къ введенію этихъ владѣній въ политическій союзъ съ Германіею. И Пруссія и Австрія обѣ назначили съѣздъ конгреса въ Берлинѣ и Вѣнѣ, не пригласивъ другъ друга къ засѣданіямъ. Вѣнскія открылись 4-го января 1852 года. Австрія предлагала два плана: 1) простой комерческій трактатъ, съ 1-го января 1854 года для всей Германіи, или 2) общій таможенный союзъ съ 1-го января 1859 года; первый долженъ былъ служить переходнымъ звѣномъ ко второму.

Въ это же время Баварія, Виртембергъ, Саксонія, Баденъ, Гессенскія и Нассаускія владѣнія составили между собою Дармштадтскій отдѣльный союзъ, для поддержанія требованій Австріи противъ Пруссіи.

Берлинскій конгресъ съ своей стороны, видя всю оппозицію второстепенныхъ державъ, откладывалъ нѣсколько разъ свои засѣданія, чтобъ онѣ могли обдумать свои торговыя выгоды. Пруссія вовсе не отвергала вести переговоры съ Австріею о комерческомъ трактатѣ, но требовала, чтобъ предварительно возобновленъ былъ прежній таможенный союзъ подъ ея главнымъ вліяніемъ.

На этотъ разъ принуждена была уступить Австрія, и кончилось тѣмъ, что обѣ державы заключили между собою комерческій трактатъ, выгодный для обѣихъ, безъ всякихъ обязательствъ на будущее время.

Въ юго-восточномъ углу Европы происходила въ этомъ году ожесточенная война между маленькою областью Черногоріею и турецкою имперіею.

Вся область содержала въ себѣ до 125,000 жителей. До 1852 года составляла эта область духовно-военную республику подъ начальствомъ *владыки*. Со смертію послѣдняго изъ нихъ (Петра Петровича Негуша), сынъ его принялъ свѣтскій титулъ владѣтельнаго князя, подъ именемъ Даніила. Область эта считалась всегда въ подданствѣ у Турковъ, но никогда не была покорена ими и не платила имъ дани. Стѣсненная со всѣхъ сторонъ могущественными своими сосѣдами, Австріею и Турціею, она отъ нихъ только могла получать всѣ товары, хлѣбъ и боевые припасы. Эта зависимость всегда была для нее крайне тягостна, а потому ея вѣковое стремленіе и обращено было на то, чтобъ расширить свои границы на нѣсколько верстъ до безпрепятственнаго сообщенія съ моремъ. У Австріи не могла она отнять Боко ди Катаро, но со стороны Турціи между Скутари и Анти-

вари старалась всегда достигнуть Скутарскаго озера, изливающагося въ Адріатическое море. Набѣги на сосѣднія деревни происходили безпрестанно для отбитія скота, жатвы и сѣна. При вступленіи князя Даніила на престолъ, эта же система продолжалась. Но Турція уже смотрѣла на это теперь иначе. Духовный правитель республики не обезпокоивалъ ее, но свѣтскій владѣтельный князь означалъ уже независимую власть. По поводу нѣкоторыхъ набѣговъ явился Омеръ-паша съ значчительною арміею и началъ дѣйствовать по всегдашнему образу турокъ, то есть истребляя всѣхъ жителей и отсылая въ Константинополь головы убитыхъ, въ видѣ трофеевъ. Этотъ способъ войны взволновалъ всю Европу, и Австрія взялась за посредничество между воюющими. Въ будущемъ году увидимъ мы окончаніе этой войны.

Въ Даніи, по прекращеніи всѣхъ политическихъ несогласій, оставалось рѣшить важный вопросъ о престолонаслѣдіи. Онъ предложенъ былъ на общее обсужденіе Франціи, Англіи, Россіи, Швеціи, Австріи и Пруссіи. Трактатомъ, заключеннымъ 8-го мая въ Лондонѣ, всѣ эти державы рѣшили, чтобъ датская корона перешла въ Голстейнъ-глюксбургскую мужескую линію и чтобъ преемничество слѣдовало салическому закону, (устраняющему женскую линію). Послѣ нынѣшняго короля и дяди его, назначенъ такимъ образомъ принцъ Христіанъ шлезвигъ-голстейнъ-зондербургъ-глюксбургскій. Особый протоколъ по этому предмету былъ подписанъ въ Варшавѣ между русскимъ и датскимъ кабинетами 24-го мая (5-го іюня).

Обратимся теперь къ внутреннимъ событіямъ этого года. Война на Кавказѣ состояла въ слѣдующихъ замѣчательныхъ происшествіяхъ.

6-го и 7-го января князь Барятинскій взялъ и сжегъ два аула Большой Чечни (Автуръ и Гельдигенъ) и раз-

билъ чеченскія и тавильскія скопища, подъ личнымъ начальствомъ Шамиля.

10-го января колонна генералъ-маіора Меллера-Закомельскаго истребила между Аргуною и Джалкою пять ауловъ.

14-го числа князь Аргутинскій-Долгоруковъ послалъ отрядъ генералъ-маіора Суслова въ Кайтахъ. 16-го числа встрѣтилъ онъ непріятеля въ крѣпкой позиціи на горѣ Каръ-кай-пирѣ и выбилъ его оттуда стремительною атакою; 17-го числа истребилъ селеніе Мишкиль, а 18-го явился подъ главнымъ притономъ возмутителей, селеніемъ Шелаги, искусно укрѣпленнымъ внѣшними завалами въ нѣсколько ярусовъ и внутри представлявшемъ изъ каждой каменной сакли какъ бы отдѣльный фортъ. Генералъ Сусловъ пошелъ на приступъ и послѣ боя, продолжавшагося цѣлый день, овладѣлъ большею частію аула, поджигая остальныя сакли. Къ утру 19-го числа все селеніе было обращено въ груду развалинъ, подъ которыми пали почти всѣ защитники аула.

Въ тоже время (18-го января) князь Барятинскій направилъ двѣ колонны въ нагорную часть Малой Чечни. Первая колонна, проникнувъ въ ущелье рѣки Бойты, истребила до 2,000 дворовъ; вторая за рѣкою Рашнею предала огню всѣ жилища непріятелей.

Съ 23-го по 27-е января, для наказанія непокорныхъ закубанцевъ, произведено было общее наступательное движеніе со стороны береговой линіи Черноморья и праваго кавказскаго фланга. Отрядъ генералъ-маіора Евдокимова, проникъ, 24-го числа, въ самую средину непокорныхъ общинъ къ урочищу Кошхо и истребилъ семь ауловъ. Съ черноморской же линіи два отряда: вице-адмирала Серебрякова и генерала Решпуля сосредоточились въ абинскомъ укрѣпленіи и двинулись въ долины Бугундура и Антхыра. Въ теченіе трехъ дней сожгли они 44 аула.

17-го и 18-го февраля князь Барятинскій, для разсѣянія собранныхъ Шамилемъ значительныхъ шаекъ, двинулся чрезъ Мескриръ-юртъ и рѣку Аулхулу, предавъ пламени три аула. Продолжая движеніе къ Мичику, отрядъ соединился съ полковникомъ Баклановымъ. Шамиль рѣшился защищать переправу чрезъ Мичикъ, но будучи атакованъ русскими въ лѣвый флангъ и тылъ, горцы искали спасенія въ бѣгствѣ.

28-го февраля на восточномъ берегу Чернаго моря Убыхи, въ числѣ 3,000 человѣкъ, спустились въ ущелье Аури, но Абхазцы, поддержанные нашими войсками, разбили ихъ и отбросили въ снѣговыя горы, и въ тоже время генералъ-маіоръ Бибиковъ истребилъ убыхскій аулъ.

26-го марта генералъ Меллеръ-Закомельскій сдѣлалъ удачный набѣгъ на укрѣпленный аулъ Тангика, овладѣлъ имъ и разорилъ укрѣпленія.

5-го марта на черноморской линіи произведенъ былъ набѣгъ на Шапсугскій аулъ, который и былъ истребленъ.

8-го и 9-го марта полковникъ Катеръ настигъ на уступахъ горы Мессельдигера партію горцевъ въ 2,000 человѣкъ, которую выбилъ штыками изъ-за заваловъ и опрокинулъ за горы.

Въ тоже время отрядъ генералъ-маіора Врангеля, соединясь съ Катеромъ, заставилъ уйти обратно въ горы 5,000 непріятелей.

18-го мая двѣ роты мингрельскаго егерскаго полка, подъ командою подполковника Шликевича, будучи атакованы въ Мухахскомъ ущельи партіею горцевъ въ 2,000 человѣкъ, выдержали мужественно четырехъ-часовой бой и заставили горцевъ отступить.

29-го мая Шамиль, собравъ весьма значительныя силы, произвелъ быстрое и скрытное движеніе черезъ нагорную Чечню къ сторонѣ владикавказскаго военнаго округа. Одна партія его встрѣтилась съ русскою колонною у аула Газы-юртъ и придуждена была отступить за Фор-

тангу. Самъ Шамиль устремился въ галашевское ущелье, на Эссѣ, но генералъ Вревскій отразилъ его и принудилъ быстро отступить къ Лижичу.

23-го іюня Вревскій занялъ и истребилъ до основанія селенія Курдулу и Гельмиръ, и переправясь черезъ Самуръ, занялъ гору Кашалъ. Всѣ скопища непріятелей бѣжали въ Ирудъ, и всѣ горные магалы были совершенно очищены отъ мятежниковъ.

27-го іюля сильное непріятельское скопище вторглось изъ непокорнаго Дагестана въ прикаспійскій край, но маіоръ Лазаревъ немедленно двинулся навстрѣчу превосходныхъ вражескихъ силъ, опрокинулъ ихъ и преслѣдовалъ къ Харкосу. Въ тоже время маіоръ Тихановъ пошелъ въ обходъ и занялъ дорогу въ Бурундукъ-кале. Тѣснимые Лазаревымъ, горцы наткнулись на Тиханова, и разбѣжались во всѣ стороны.

Съ 11-го по 18-е августа князь Барятинскій предпринялъ произвести одновременно съ разныхъ сторонъ движеніе въ Большую Чечню. Планъ этотъ вполнѣ удался. Чеченцы были вездѣ разбиты и разсѣяны. Аулъ Гурдали болѣе всѣхъ сопротивлялся, но полковникъ баронъ Николаи ворвался въ него на штыкахъ и предалъ его огню; другой отрядъ полковника князя Воронцова захватилъ въ Аргутинскомъ ущельи три аула и разорилъ ихъ.

6-го декабря отрядъ генерала Вревскаго произвелъ наступательное движеніе по Нехваевскому ущелью. Десять непокорныхъ ауловъ были истреблены, и 13-го числа окончена просѣка изъ Анхоя въ Нетхойскіе хутора.

14-го декабря войска лѣваго фланга уничтожили аулъ Ханъ-Кале, послѣдній притонъ непокорныхъ чеченцевъ на лѣвомъ берегу Лабы. Въ тотъ же день генералъ Вревскій занялъ аулъ Зандыль Басе.

Изъ поѣздокъ Императорской фамиліи въ 1852 году были слѣдующія:

17-го февраля Великіе Князья Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ отправились чрезъ Варшаву и Дрезденъ въ Вѣну, куда и прибыли 29-го числа. Оттуда чрезъ Линцъ и Зальцбургъ поѣхали въ Мюнхенъ, (прибыли 18-го марта). Изъ Мюнхена по желѣзной дорогѣ въ Аугсбургъ и Ульмъ, гдѣ встрѣчены были Великою Княгинею Ольгою Николаевною съ супругомъ ея, прибывшими изъ Штутгарта. Далѣе отправились они изъ Роведеро въ Верону, гдѣ встрѣчены были фельдмаршаломъ Радецкимъ. Изъ Вероны прибыли они, 1-го апрѣля, въ Венецію, гдѣ приняты были эрцгерцогомъ Францомъ Карломъ; 26-го апрѣля пріѣхали въ Римъ, а оттуда въ Неаполь. На обратномъ пути чрезъ Германію прибыли они, 24-го мая, въ Шлангенбахъ, 26-го въ Дармштадтъ, а 30-го отправились въ Россію чрезъ Арнгеймъ, Ло, Ганноверъ, и моремъ на пароходѣ «Храбрый» прибыли, 15-го іюня, въ Петергофъ.

15-го апрѣля отправилась Государыня Императрица въ Варшаву, куда и прибыла 20-го числа; оттуда вмѣстѣ съ Государемъ Императоромъ поѣхала по желѣзной дорогѣ въ Скерневицы. На другой день Ея Величество, съ прибывшими къ ней навстрѣчу королемъ прусскимъ, принцами Карломъ и Альбертомъ, отправилась по желѣзной дорогѣ въ Берлинъ, а Государь Императоръ—въ Вѣну.

26-го апрѣля пріѣхала Императрица въ Потсдамъ, а Государь, переночевавъ въ Прерву, гдѣ былъ встрѣченъ прибывшимъ туда рано императоромъ австрійскимъ и Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ, выѣхалъ съ нимъ вмѣстѣ въ Вѣну, куда и прибылъ въ тотъ же день въ первомъ часу пополудни.

30-го апрѣля Государь Императоръ выѣхалъ изъ Вѣны въ Прагу, гдѣ имѣлъ свиданіе съ императоромъ Фердинандомъ (отрекшимся отъ престола въ 1848 году) и въ тотъ же день прибылъ въ Дрезденъ, гдѣ на станціи встрѣченъ былъ саксонскимъ королемъ. 1-го мая изъ Дрез-

дена Государь продолжалъ путь чрезъ Лейпцигъ въ Веймаръ, гдѣ былъ встрѣченъ великимъ герцогомъ. Изъ Веймара выѣхалъ 4-го числа и въ тотъ же день пріѣхалъ въ Потсдамъ, гдѣ на станціи ожидала его Государыня Императрица, король прусскій и Великій Князь Константинъ. Пробывъ въ Берлинѣ до 14-го числа, Государь Императоръ, въ сопровожденіи принца Фридриха Карла прусскаго, выѣхалъ изъ Потсдама въ Варшаву, куда и прибылъ 15-го мая,—а Государыня Императрица отправилась изъ Берлина въ Шлангенбадъ. Сюда къ Ея Величеству съѣхались Великіе Князья Николай и Михаилъ Николаевичи и Великая Княгиня Ольга Николаевна съ супругомъ.

4-го іюня возвратился Государь Императоръ въ Царское Село.

19-го іюня Императрица поѣхала на пароходѣ въ Штольценфельдъ, въ сопровожденіи короля прусскаго и принца прусскаго, а оттуда въ Кельнъ. Далѣе, въ Геррengаузенѣ, встрѣчена она была на прусской станціи королемъ и королевою Ганноверскими, Великою Княгинею Александрою Іосифовною и принцессою Фридерикою Альтенбургскою. 23-го числа возвратилась она въ Санъ-Суси, куда къ ней прибылъ Государь Императоръ съ Великими Князьями. Здѣсь отпраздновано было семейное торжество 1-го іюля, а 2-го числа вся императорская фамилія отправилась обратно въ Россію, куда (въ Петергофъ) и прибыла 5-го іюля.

15-го августа выѣхали за границу на пароходѣ «Грозящій» Цесаревичъ и Цесаревна, которые и прибыли въ Дармштатъ 22-го числа; на границѣ герцогства въ Гессенѣ встрѣтилъ ихъ великій герцогъ и принцъ Карлъ.

3-го сентября Государь Императоръ выѣхалъ въ Гомель, куда и прибылъ 6 го числа. Здѣсь встрѣченъ онъ былъ Великими Князьями Николаемъ и Михаиломъ Николаевичами, прибывшими туда 4-го числа. Оттуда всѣ они поѣхали въ Полтаву (5-го сентября), въ Харьковъ

(10-го), въ Чугуевъ (12-го), въ Елисаветградъ (18-го), въ Вознесенскъ (24-го), въ Николаевъ (28-го), откуда выѣхали на пароходѣ, «Владиміръ», прибыли 1-го октября въ Севастополь и оттуда возвратились, 3-го октября въ Николаевъ.

10-го числа высокіе путешественники возвратились въ Царское Село.

Изъ прочихъ внутреннихъ событій замѣчательны были:

17-го августа открытъ Владимірской губерніи, въ селѣ Васьковѣ, на берегу Плещева озера, памятникъ Петру Великому, который здѣсь производилъ первыя попытки въ мореплаваніи.

27-го августа скончался одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ государственныхъ людей, министръ императорскаго двора, фельдмаршалъ князь П. М. Волконскій. Будучи съ самыхъ юныхъ лѣтъ при особѣ Александра I-го, онъ неразлучно сопровождалъ этого императора во всѣхъ походахъ. Въ кампаніи 1814 года оказалъ онъ величайшую услугу Россіи и всей Европѣ, представя извѣстное предложеніе, чтобъ при движеніи Наполеона на Сенъ-Дизье, союзнымъ арміямъ итти прямо на Парижъ. Главнокомандующій князь Шварценбергъ не соглашался на это движеніе; одинъ Александръ I-й постигъ великимъ своимъ духомъ всю важность этого движенія и рѣшился произвести его. Къ нему присоединился король Прусскій, и Шварценбергъ невольно послѣдовалъ за ними. Послѣдствіемъ было взятіе Парижа и окончаніе войны.

При вступленіи на престолъ Николая I-го, князь Волконскій былъ сдѣланъ министромъ двора, и высокія заслуги его, въ продолженіе двадцатишестилѣтняго управленія этимъ министерствомъ, извѣстны всей Россіи. Имя его принадлежитъ исторіи, а современники всѣ по-

мнятъ прекрасныя его качества и непреклонную твердость характера (*).

Въ октябрѣ императорская фамилія была постигнута новымъ семейнымъ несчастіемъ. Манифестомъ 20-го октября возвѣщено было о кончинѣ герцога Лейхтенбергскаго, и всѣ знавшіе его лично, искренно оплакивали эту потерю. Здоровье его давно уже было разстроено, и ни путешествіе въ теплыя страны, ни пребываніе на островѣ Мадерѣ не могли отвратить бѣдствія. Онъ не задолго предъ тѣмъ возвратился въ С. Петербургъ, чтобъ кончить жизнь посреди своего августѣйшаго семейства.

6-го декабря воспослѣдовалъ указъ о дарованіи дѣтямъ его, до праправнуковъ царствующаго императора, титулъ императорскихъ высочествъ съ наименованіемъ князьями и княжнами Романовскими, въ ознаменованіе происхожденія ихъ отъ родоначальника нынѣшней династіи.

26-го ноября совершенъ былъ торжественный церемоніялъ, по случаю исполнившагося совершеннолѣтія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича.

14—16-го декабря праздновано въ С. Петербургѣ столѣтіе основанія морскаго корпуса (15-го декабря 1752 года). Превосходное это заведеніе ежегодно давало Россіи отличныхъ моряковъ, прославившихся какъ военными своими подвигами, такъ и учеными трудами. Имена ихъ составляютъ прекрасныя страницы русской исторіи, и въ будущемъ Россія ожидаетъ отъ нихъ возведенія нашего флота на первую степень могущества и силы между всѣми европейскими державами.

(*) Авторъ исторіи имѣлъ честь болѣе 10-ти лѣтъ служить подъ его начальствомъ и съ душевною благодарностію вспоминаетъ о его милостяхъ.

Примѣчательнѣйшія узаконенія 1852 года были:

1) Учрежденіе русскаго китоловства. 2) Уставъ о купеческихъ гильдіяхъ въ царствѣ польскомъ. 3) Положеніе о школѣ придворно-служительскихъ дѣтей. 4) Уставъ казанскаго училища дѣвицъ духовнаго званія. 5) Учрежденіе дома для призрѣнія бѣдныхъ, престарѣлыхъ и увѣчныхъ дѣвицъ благороднаго званія. 6) Положеніе о взаимномъ застрахованіи строеній въ казенныхъ поселеніяхъ отъ пожаровъ.

ГЛАВА VII.

1853—1854. Обзоръ восточнаго вопроса въ этнографическомъ, историческомъ и религіозномъ отношеніяхъ.—Современная политика Европы.—Вопросъ о святыхъ мѣстахъ.—Посольство графа Лейнингена въ Константинополь.—Посольство князя Меншикова.—Официальные документы. — Дѣйствія западныхъ державъ.—Переходъ черезъ Прутъ. — Вѣнская конференція. — Первоначальная нота.—Измѣненія.—Согласіе Россіи на общую ноту.—Отказъ Турціи.—Лордъ Редклифъ.—Объявленіе войны турками.—Свиданіе въ Ольмюцѣ.—Описаніе военныхъ дѣйствій.

Наконецъ достигли мы до исторической эпохи, которую уже почитали невозможною для человѣчества при той степени просвѣщенія, до которой оно дошло; достигли до политической войны, непостижимой, чудовищной, исполинской. Потомство съ трудомъ постигнетъ источникъ и происхожденіе этой войны. Мы, современники, имѣя въ рукахъ всѣ обнародованные документы, съ недоумѣніемъ смотримъ на результатъ, и вотще отыскиваемъ истинную причину войны. Къ чести человѣчества не хотѣлось бы выставлять намъ постыдныхъ побудительныхъ причинъ со стороны нѣкоторыхъ великихъ державъ. Грустно думать, что низкія страсти нѣсколькихъ

людей могли произвести такую ужасную войну, въ которой погибло нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ. И однако же факты явны, документы ясны, событія неопровержимы. Долгъ историка описать ихъ со всѣмъ безпристрастіемъ великаго и праваго дѣла.

Восточный вопросъ! Вотъ слово, волнующее политиковъ Европы со времени адріанопольскаго мира. Россія, явившаяся почти у стѣнъ Константинополя и великодушно возвратившая Турціи всѣ свои завоеванія, показалась западнымъ державамъ столь сильною, грозною и могущественною, что всѣ испугались за безопасность Европы. Западная политика составила себѣ идею *о восточномъ вопросѣ,* чтобы всѣми силами противиться развитію могущества Россіи, всячески поддерживая умирающую Турцію.

Но могутъ ли человѣческія усилія остановить естественный ходъ событій, указываемый Провидѣніемъ? Могли ли зависть и вражда нѣкоторыхъ державъ къ Россіи поддержать разрушающійся составъ безжизненнаго тѣла? Исламизмъ отжилъ свой вѣкъ въ Европѣ, и искусственныя, неестественныя усилія эгоизма и зависти не воскресятъ его!

Вскорѣ же послѣ адріанопольскаго мира одинъ изъ подвластныхъ султану пашей (египетскій) едва не разрушилъ престола падишаховъ. Онъ уже истребилъ его армію, взялъ его флотъ; оставалось нѣсколько переходовъ до Константинополя, чтобъ навсегда погребсти имя османовъ. Но явилась неизбѣжная Россія и подала руку помощи несчастному Махмуду. Турція была спасена и разрушеніе ея отсрочено судьбою.

Многіе политики упрекали Россію за это великодушіе, говоря, что благодѣяніе вызываетъ всегда неблагодарность. Не будетъ разбирать этого вопроса. Событія лучше насъ могутъ отвѣчать на него. Но съ этой минуты злость и зависть запада еще болѣе усилились. Всѣ ве-

ликія европейскія державы, будто соревнуя вмѣстѣ съ Россіею къ сохраненію разрушающейся Турціи, составили знаменитый трактатъ 1841 года, и Россія, разумѣется, съ удовольствіемъ подписала его. Этотъ договоръ, заключенный тогда по поводу возстанія египетскаго паши, ставилъ Турцію подъ общее поручительство главныхъ пяти державъ, которыя обязывались поддерживать независимость султана и цѣлость его имперіи.

Тайная мысль завистливой политики западныхъ кабинетовъ состояла въ томъ, чтобъ Россія одна не управляла судьбою Турціи. Но въ этомъ трактатѣ нигдѣ не сказано (и не могло быть сказано), чтобъ существующіе договоры Турціи съ Россіею отмѣнялись, измѣнялись, или ослаблялись. Напротивъ того постановлено было, чтобъ ни одинъ европейскій *военный* корабль не входилъ въ Дарданеллы. Слѣдственно всѣ предосторожности для защиты порты взяты были противъ западныхъ флотовъ. Трактаты же Россіи, дававшіе ей вліяніе надъ портою для защиты православныхъ единовѣрцевъ и для введенія войска въ Молдавію и Валахію въ случаѣ нужды, оставались во всей силѣ и цѣлости.

Вотъ вся сущность *восточнаго вопроса*, о которомъ столько лѣтъ кричатъ западныя газеты, вѣроятно даже не зная его происхожденія. Для вразумленія многихъ, разберемъ его въ этнографическомъ, религіозномъ и политическомъ отношеніяхъ.

Восточный вопросъ начался съ той печальной исторической минуты, когда Европа, составя семью христіанскихъ государствъ, съ прискорбіемъ вспомнила, что гробъ Господень и Святыя мѣста, бывшія свидѣтелями земнаго поприща Спасителя міра, находятся во власти дикихъ азіятскихъ ордъ, когда съ ужасомъ и негодованіемъ узнала, что эти дикіе властители Іерусалима подвергаютъ набожныхъ странниковъ, являющихся туда на поклоненіе, всѣмъ возможнымъ угнетеніямъ и муче-

ніямъ. Въ Европѣ вспыхнуло тогда благородное пламя религіознаго чувства, и съ воплемъ: *такъ хощетъ Богъ* (Dio li volt) сотни тысячъ устремились на востокъ, для освобожденія колыбели христіанства изъ рукъ невѣрныхъ. Составились знаменитые Крестовые походы, и Европа развила на стѣнахъ Іерусалима знамя Распятаго за спасеніе міра. Христіанство возрадовалось освобожденію Святаго града, и тысячи богомольцевъ стекались туда со всѣхъ сторонъ на поклоненіе.

Недолго продолжалось это торжество христіанства. Дикія орды мусульманъ ежедневно усиливались около Іерусалима, а европейцы, разъединенные враждою, думали только о личныхъ пользахъ, а не о славѣ Святой вѣры. Іерусалимъ палъ, и нѣсколько послѣдующихъ Крестовыхъ походовъ послужили только ко вреду христіанства. Западные крестоносцы, вмѣсто освобожденія гроба Господня отъ власти мусульманъ, овладѣли Константинополемъ и представили невѣрнымъ постыдное зрѣлище христіанскихъ междоусобій: забыта была вѣра, явилась политика, которая покланялась только земнымъ выгодамъ и страстямъ.

Вскорѣ все христіанство забыло Іерусалимъ. Настали другія времена, другія опасности; дѣло шло уже не о завоеваніи, а о самозащищеніи. Въ 1453 году вдругъ всѣ съ ужасомъ узнали, что Константинополь, первая столица христіанства, взятъ *турками*. Это былъ жестокій ударъ для святой нашей вѣры. Іерусалимъ былъ колыбелью ея, а Царьградъ утвердилъ ее на прочномъ и незыблемомъ основаніи, когда Константинъ великій объявилъ ее государственною религіею.

Этнографическія свѣдѣнія были тогда очень слабы. Вѣроятно даже и теперь многія тысячи людей, защищающихъ исламизмъ противъ креста, незнаютъ кто такіе *турки* и откуда они явились. Впрочемъ, на что

имъ и знать? Они сражаются не за вѣру, не за націю, а за свои личныя выгоды.

Тогда знали только, что въ VII-мъ вѣкѣ арабы, воспламенясь изувѣрствомъ новой религіи лже-пророка Магомета, устремились бурными потоками на Азію, Африку, проникли въ Европу, покорили Испанію и явились даже во Франціи. Знали только, что вѣра эта предписываетъ покорить весь міръ алкорану и обратить всѣхъ къ исламизму; если же кто захочетъ остаться *невѣрнымъ*, то долженъ платить откупъ за свою голову *(харачь)*, не имѣя никогда ни собственности, ни семейства, потому что все принадлежитъ правовѣрнымъ мусульманамъ.

Мало по малу первоначальные завоеватели раздѣлились на разныя царства и династіи, но вѣру ихъ приняли даже кочующія племена Азіи. Восточная римская имперія воевала тогда со многими изъ этихъ племенъ. Одно изъ нихъ, подъ названіемъ турокъ, вдругъ усилилось, возрасло и сдѣлалось даже опаснымъ для Константинополя. Какое было это племя?

Чрезъ всю Азію, отъ Восточнаго моря до Каспійскаго и Чернаго, простирается огромная, песчаная пустыня, пересѣкаемая на двое цѣпью горъ. Къ сѣверу отъ этой пустыни, наша Сибирь; къ югу, Персія и Китай. Самая же степь служитъ кочевьемъ разныхъ полудикихъ племенъ, говорящихъ тремя различными языками и составляющихъ три народа подъ названіемъ: *Монгъ*, *Бедъ и Туркъ*. Въ восточной части пустыни живутъ Монги, которые къ югу отъ Алтайскихъ горъ называется *манджурами*, а къ сѣверу *тунгусами*. Въ центрѣ живутъ Беды и называются по сю-сторону Алтая *бурятами*, а за этими горами приняли послѣ Чингисъ-Хана названіе *монголовъ*. На западѣ живутъ *турки*, подъ названіемъ уйгуровъ, или татаръ, киргизовъ, башкировъ и туркменцовъ (въ древности назывались они гузы, кипчаки, куманы и половцы.

Западная часть пустыни начинается тамъ, гдѣ Алтай встрѣ-

*

чается подъ прямымъ угломъ съ цѣпью белгурскихъ (белутагскихъ) горъ, идущихъ изъ Индіи. Здѣсь находятся источники четырехъ знаменитыхъ рѣкъ: Иртыша (впадающаго подъ именемъ Оби въ Ледовитое море), Кабула, который соединясь съ Сандиди или Индомъ, впадаетъ въ Тихій океанъ, Желтой-рѣки, протекающей Китай, и Оха, древняго Окса, нынѣ Аму, впадающей въ Аральское море.

Между истоками этихъ рѣкъ, у подошвы Белгурскихъ горъ, находится первоначальное отечество турокъ. Это были кочующія племена подъ названіями туркменцевъ, ногаевъ, копековъ (собакъ).

Съ этими племенами воевали всегда персидскіе шахи и старались прогнать ихъ за рѣку Сарръ (или по сибирскому произношенію *сыръ*, древній Іаксатръ), въ киргизскія степи. Но тѣ, прельщаясь богатствомъ древнихъ городовъ Герата, Газны, Хуллуша, (Балхіаны), Бадахшана, часто вторгались въ Хорасанъ и Балхіану.

Въ III-мъ вѣкѣ по Р. Х. успѣли они завоевать Балхіану, Кабулъ и даже дошли до Индіи. Въ VII-мъ вѣкѣ Персія была покорена арабами Магомета и обращена въ мусульманство.

Тогда былъ обычай у владѣтелей держать при себѣ стражу изъ иноземцевъ. Даже константинопольскіе императоры переняли этотъ восточный обычай. У арабскихъ халифовъ стража эта составлена была изъ *турокъ*. За это дозволили имъ перейти по сю-сторону рѣки Аму и кочевать въ Хорасанѣ.

Въ царствованіе халифовъ *Таи и Кадера* начальникъ этихъ тѣлохранителей былъ вмѣстѣ съ тѣмъ великимъ визиремъ и зятемъ своихъ государей. Сынъ его Махмудъ управлялъ уже самовластно всѣмъ государствомъ, содержа какъ бы въ плѣну своего халифа.

Въ 998-мъ году овладѣлъ онъ Хорасаномъ, Кабуломъ,

Кашемиромъ и частію Индіи, присвоивъ себѣ названіе султана (то есть *власть)*.

Туркменское племя Махмуда составляло улусъ въ 5 или 6,000 кибитокъ. Когда онъ завоевалъ Кабулъ и Индію, то призвалъ къ себѣ изъ кочующихъ туркменцевъ до 10,000 палатокъ. Но эти вновь призванные точно также поступили съ нимъ, какъ съ халифами. Предводитель ихъ Догорулъ-бегъ (Тогрулъ) провозгласилъ себя опекуномъ султана, а племянникъ его *Сальджыкъ* (лодочникъ) принялъ самъ титулъ султана и основалъ знаменитую сальджыкскую династію (называемую на западѣ сельджукскою).

Эта династія первая отняла у восточно-римскихъ императоровъ нѣсколько провинцій въ Малой Азіи. Но въ 1198 году ниспровергнута она была въ Персіи другимъ племенемъ туркменцевъ. Однако же сальджыки успѣли удержаться въ Коніи и въ нѣсколькихъ городахъ Сиріи.

Вдругъ все это поглощено было нашествіемъ монголовъ на Азію. Впрочемъ, самыя полчища завоевателей составлены были изъ разныхъ племенъ, бóльшею частію изъ уйгуровъ (союзниковъ) и татаръ (вассаловъ).

Не прошло столѣтія, какъ исполинской имперіи монголовъ уже не существовало: она раздѣлилась на нѣсколько разныхъ владѣній. — Тогда сальджыки явились опять и вскорѣ сдѣлались грозою Константинополя.

Въ концѣ XIII-го вѣка царствовалъ въ Коніи сальджыкскій султанъ Алла-Эддинъ, и въ тоже время кочевало въ Хорасанѣ племя туркменцевъ, которыхъ предводителями были два брата: Дундаръ и Эръ-Догорулъ. Эти братья также раздѣлились, и у Эръ-Догорула было только 400 кибитокъ, то есть: до 500 воиновъ. Это племя, съ предводителемъ своимъ Эръ-Догоруломъ, было вызвано конійскимъ султаномъ Ала-Эддиномъ для защиты его владѣній. Потомъ, въ награду за оказанныя услуги, дано

было туркменцамъ нѣсколько округовъ около горы Олимпа.

Сынъ Эръ-Догорула, Отманъ, или Османъ (что значитъ *костоломъ*) усилилъ свою дружину новыми туркменцами и успѣлъ внушить имъ такое довѣріе, что всѣ они приняли названіе *Османлы*.

Вотъ зародышъ Оттоманской имперіи. У Османа было до 6000 воиновъ, въ числѣ которыхъ *чистыхъ* турокъ было только 500 человѣкъ.

Въ 1300 году Османъ взбунтовался противъ султана своего Ала-Эддина, который бѣжалъ въ Константинополь. Еслибъ восточный императоръ поддержалъ слабаго противъ сильнаго и вступился за законнаго султана противъ бунтовщика, то соединясь съ монголами Адербейджана и ильханскими татарами, всегдашними врагами туркменцевъ, онъ подавилъ бы рождающуюся силу османовъ и измѣнилъ бы всю судьбу восточнаго Рима. Но онъ, къ сожалѣнію, предпочелъ дружбу сильнаго, и Османъ началъ расширять свои владѣнія во всѣ стороны.

Сынъ его заставилъ уже трепетать Константинополь, который вскорѣ палъ подъ ударами исламизма. — Орда туркменцевъ расположилась станомъ отъ Дарданеллъ до Дуная и Адріатическаго моря, покоривъ подъ власть свою прекраснѣйшія страны Европы.

Ни одна изъ западныхъ державъ не подумала тогда подать помощь восточному Риму. Напротивъ того политика ихъ радовалась этому паденію.

Можетъ быть покажется страннымъ, что османы съ такими слабыми силами успѣли ниспровергнуть величайшую тогда имперію въ Европѣ. Вотъ какъ это произошло.

Охранъ, преемника Османа, видя, что самыя побѣды обезсиливаютъ его оружіе, вздумалъ составить *новое войско* (Эни-чери). По праву Корана жизнь, семейство и имущество каждаго *невѣрнаго* (христіанина) принадлежали мусульманамъ, а потому во всѣхъ завоеванныхъ городахъ забиралъ онъ малолѣтныхъ дѣтей христіанъ и во-

спитывалъ ихъ въ своемъ лагерѣ, обучая военному искусству и образуя изъ нихъ фанатиковъ мусульманской вѣры. Эти дѣти составили родъ военнаго братства. Быть принятымъ въ дружину ихъ означало большую почесть, и съ ежегоднымъ дополненіемъ юныхъ христіанъ войско это вскорѣ сдѣлалось первою опорою владычества османовъ и ужасомъ Европы. Оно всегда рѣшало побѣду.

Странная и ужасная картина для человѣчества! Горсть кочующихъ варваровъ составила себѣ войско изъ дѣтей покоренныхъ христіанъ. Эти несчастные греко-славяне, забывъ съ малолѣтства свою родину, семью и вѣру, разрушили въ пользу исламизма главную ограду христіанства—Константинополь. Другое поколѣніе тѣхъ же дѣтей наводнило южную Европу и достигло до Вѣны. Австрія была на волосокъ отъ погибели. Но племя славянъ съ великимъ королемъ своимъ Собіескимъ спасло ее.

Между тѣмъ, эта орда туркменцевъ и дѣти похищенныхъ христіанъ, подъ кровавымъ знаменемъ Корана, поработили десять милліоновъ христіанъ, и слишкомъ четыре вѣка мучатъ ихъ. А Европа, въ западной и слѣпой своей политикѣ, признаетъ теперь порабощенныхъ и терзаемыхъ христіанъ законною собственностью исламизма и всякую попытку ихъ къ возвращенію себѣ свободы—бунтомъ; она признаетъ, что владычество и существованіе этой орды необходимо для *равновѣсія* христіанской Европы; что всякая держава, которая вздумала бы защищать несчастныхъ христіанъ, должна быть подавлена всѣми силами Европы; что нѣтъ ничего справедливѣе и законнѣе, какъ угнетеніе христіанъ мусульманами, и что турки совершенно правы, отнимая дѣтей и имущества христіанъ, чтобъ населять свои гаремы, проводить жизнь въ праздности и почитать всякаго христіанина *собакою*. Все это непостижимо, чудовищно, но такова наша эпоха!

И вотъ происхожденіе турокъ, османовъ; вотъ ихъ права на обладаніе прекраснѣйшими странами христіан-

ской Европы. Вотъ *восточный вопросъ* въ *историческомъ* значенiи.

Въ *религiозномъ* вопросъ этотъ еще яснѣе. Могутъ ли христiане дружиться и брататься съ мусульманами, которымъ коренной законъ повелѣваетъ *истреблять* всѣхъ *невѣрныхъ*, или покорить ихъ въ рабство; который позволяетъ имъ заключать съ христiанами, *въ случаѣ нужды, перемирiе*, но никогда *мира;* который разрѣшаетъ всякому мусульманину нарушенiе всякаго договора и всякой клятвы невѣрнымъ? Борьба христiанства и магометанства вѣчна, и какъ съ XV вѣка составлялись Крестовые походы для освобожденiя гроба Господня отъ постыднаго владычества мусульманъ, такъ со дня паденiя восточно-римской имперiи подъ ударами турокъ, первый долгъ христiанскихъ державъ состоитъ въ изгнанiи этой дикой орды изъ Европы и въ освобожденiи десяти миллiоновъ христiанъ, четыре вѣка уже томящихся и страдающихъ подъ игомъ этихъ варваровъ. Вотъ восточный вопросъ въ религiозномъ отношенiи.

До XVIII вѣка Европа была слишкомъ слаба и разъединена. Россiя первая научила европейцевъ искусству побѣждать турокъ. Она первая поставила себѣ святымъ долгомъ стараться о облегченiи участи миллiоновъ своихъ единовѣрцевъ, страдающихъ подъ кровавымъ владычествомъ мусульманъ. Слишкомъ сто лѣтъ ведетъ она по временамъ войну съ турками для охраненiя участи православныхъ, и нѣсколько разъ уже принуждала султановъ къ заключенiю договоровъ, которыми они обѣщали христiанамъ всѣ права человѣчества и гражданства. Что могло быть благороднѣе и священнѣе этой цѣли? И однако же политика западной Европы не только негодовала на Россiю за это заступничество въ пользу угнетенныхъ христiанъ, но даже наконецъ вооружилась на нее. Вотъ восточный вопросъ въ западномъ его истолкованiи.

Съ 1812–1815 года Россiя сдѣлалась первою держа-

вою въ Европѣ, не силою оружія, не завоеваніями, не преобладаніемъ надъ всѣми, а тѣмъ, что освободила всѣ народы отъ тяготѣвшаго надъ ними ига Наполеона; что возвратила всѣмъ государямъ законные троны ихъ и независимость; что соединила всѣ государства христіанской Европы въ одно великое *цѣлое*, подъ именемъ *священнаго союза;* что порядокъ, спокойствіе и охранительные законы сдѣлались съ тѣхъ поръ оградою троновъ и націй. Но, совершивъ все это, Россія навлекла на себя злобу и зависть неблагодарныхъ. Въ 1809 году Россія возвратила Турціи всѣ свои завоеванія; Россія спасла ее отъ Мегмета-Али; Россія отдала ей Молдавію и Валахію, сдѣлавъ ихъ благоустроенными областями; Россія въ 1848 году одна осталась неприкосновенною, при всеобщемъ потрясеніи революцій; Россія въ 1849 году спасла Австрію отъ раздробленія и гибели; Россія защищала Данію и воспрепятствовала войнѣ между Австріею и Пруссіею. За все это заслужила Россія всеобщую ненависть и зависть. Слѣдственно, быть охранительною, великодушною, правдивою, религіозною, значило быть врагомъ западной политики. Надобно было употребить все для ослабленія Россіи, и Турція послужила къ этому предлогомъ.

Мы видѣли, какъ племя туркменцевъ Догурула быстро развилось и овладѣло Константинополемъ; какъ усиленное своими *яни-чери* оно угрожало всей Европѣ и какъ мало-по-малу этотъ бурный потокъ возвратился въ свое русло, разбивъ свой станъ на развалинахъ перваго христіанскаго царства. Здѣсь роскошь гаремовъ и бездѣйствіе вскорѣ произвели неминуемое разложеніе стихій этой неестественной, незаконной власти. И Турція, и султаны ея остались все на той же степени необразованности, какъ были во времена Догорула и Османа, а христіанская Европа далеко ушла отъ нихъ въ просвѣщеніи. Султанамъ пришла мысль сдѣлаться европейскою *націею*, но турки всегда составляли одну военную

дружину, а *не народъ*. Это было все тоже кочующее племя, которое, вмѣсто кибитокъ своихъ пустынь, заняло дворцы и храмы византійской имперіи. Сами султаны, владычествуя надъ столицею и всѣми областями, подписывали свои указы, какъ бы сидя верхомъ, а министры принимали ихъ *у подножія стремени;* они всегда считались въ военномъ станѣ посреди войска. Народа не было нигдѣ; торговля, художества, земледѣліе, промышленость—предоставлены были невѣрнымъ *рабамъ*. Турки не смѣшались съ завоеванными жителями, потому что тѣ были ихъ *невольники*. Ни государства, ни законнаго управленія не могли основать турки, потому что *коранъ-мечи*—одинъ ихъ законъ. А потому, посреди безпрестанно возрастающаго просвѣщенія Европы, существованіе Турціи было чудовищное, не естественное, а состояніе угнетенныхъ христіанъ невыносимое, невозможное.

Болѣе и болѣе падала Турція, и только политика Европы поддерживала это искусственное состояніе жизни, тогда какъ въ существѣ Турція была уже ни что иное какъ *издыхающій больной*, заранѣе осужденный судьбою на смерть. А султаны, съ безсильною азіятскою хитростью воображали, что если они успѣютъ какъ нибудь поссорить между собою христіанскія державы, то можетъ быть настанетъ и для нихъ минута торжества надъ *невѣрными собаками*.

Первымъ къ тому поводомъ былъ *вопросъ о Святыхъ мѣстахъ*. Латинская церковь имѣла тамъ свои привиллегіи со времени Крестовыхъ походовъ и съ эпохи дружества французскаго короля Франциска I-го съ султанами. Но, какъ востокъ исповѣдывалъ православную вѣру, то султаны и должны были, для собственныхъ своихъ выгодъ, удовлетворять требованіямъ большинства своихъ подданныхъ. Уже поздно явилась Россія въ исторіи европейскихъ державъ, но первая потребовала человѣческихъ правъ для своихъ единовѣрцевъ. Каждый разъ при за-

ключеній мира турки обѣщали имъ льготы и права, сближающія ихъ съ прочими жителями Европы. Въ числѣ мирныхъ условій Россія не забывала и колыбели христіанства, Святыхъ мѣстъ, обезпечивая своимъ единовѣрцамъ поклоненіе имъ.

Вопросъ этотъ давно казался разъясненнымъ и опредѣленнымъ. Всѣ христіанскія исповѣданія имѣли въ Іерусалимѣ свои мѣста, свои храмы опредѣленные дни и часы для богослуженія. Вдругъ съ 1850 года президентъ Французской республики Лудовикъ-Бонапарте, желая задобрить въ пользу свою папу, сдѣлалъ нѣкоторыя требованія султану для латинской церкви въ Іерусалимѣ.

И по слабости и по расчету султанъ тотчасъ же согласился. Но, какъ вслѣдъ за тѣмъ Россія, узнавъ объ этихъ уступкахъ, напомнила ему, что это составляетъ явное нарушеніе его трактатовъ съ нею, то Абдулъ-Меджидъ ни мало немедля далъ другой фирманъ для возвращенія прежнихъ правъ Россіи. Этимъ онъ надѣялся поссорить обѣ христіанскія державы. Однакоже, Лудовикъ-Наполеонъ, сдѣлавшійся въ продолженіе этихъ переговоровъ императоромъ, не хотѣлъ начинать войны по вопросу чисто-религіозному, и приказалъ своему посланнику стараться о миролюбивомъ окончаніи дѣла.

Посольство графа Лейнингена.

Въ это же время другая держава предъявила Турціи разныя требованія. Въ событіяхъ прошедшаго года видѣли мы войну, возникшую между турками и черногорцами. Послѣдніе были сосѣди Австріи, и она долгомъ почла вступиться за нихъ. Она отправила въ Константинополь чрезвычайнаго посланника графа Лейнингена, который и представилъ султану собственноручное письмо своего императора съ требованіемъ: 1) прекращенія войны съ Черногоріею; 2) избавленія *католическихъ* подданныхъ султана отъ насильствъ и притѣсненій пашей; 3) удаленія всѣхъ политическихъ выходцевъ изъ румелійской арміи и 4) признанія нейтральнымъ участка албан-

скаго берега между Рагузою и Каттаро, мысовъ Клекскаго и Сатеринскаго.

Турція уступила этимъ требованіямъ. Она знала, что и Россія очень негодуетъ за войну съ Черногоріею. Омеръ-паша получилъ приказаніе очистить Черногорію; чтоже касается до покровительства католикамъ, то ихъ было всего до полумилліона во всей турецкой имперіи. Удаленіе выходцевъ давно уже было предметомъ переговоровъ, и Порта сдѣлала все возможное по этому предмету. Только послѣдній пунктъ требованій остался безъ удовлетворенія, но на немъ и не настаивалъ графъ Лейнингенъ, который (3) 15 февраля и уѣхалъ уже обратно изъ Константинополя.

Посольство князя Меньшикова.

Едва Порта окончила это дѣло, какъ 24-го февраля прибылъ въ Константинополь россійскій чрезвычайный посланникъ князь Меньшиковъ. Онъ пробылъ до 9-го мая и истощилъ всѣ средства къ миролюбивому окончанію своего порученія.

О цѣли его поѣздки и поступкахъ, во время пребыванія въ Константинополѣ, о предложенныхъ имъ портѣ условіяхъ, было столько писано, и все разумѣется въ самомъ враждебномъ духѣ противъ Россіи, что люди поверхностнаго ума и взгляда могли увлечься софизмами западныхъ газетъ и разсказами (всегда съ прибавкою, что «получено изъ достовѣрнаго источника»). Но истина всегда побѣдитъ.

Исторія не газетная статья; потомство не журнальный подписчикъ. Оно судитъ по фактамъ и отвергаетъ всѣ вымыслы европейской зависти. Лучше всего представить современные документы: они всего яснѣе и краснорѣчивѣе скажутъ правду.

Начнемъ съ циркуляра 30-го мая, разосланнаго русскимъ кабинетомъ всѣмъ своимъ дипломатическимъ агентамъ для сообщенія дворамъ, при которыхъ они акредитованы.

«Посольство князя Меньшикова въ Турцію подало поводъ къ самымъ преувеличеннымъ слухамъ, которые еще болѣе усилятся съ его отъѣздомъ и послѣдовавшимъ отъ того прекращеніемъ сношеній. Потому почитаю необходимымъ передать по сему предмету нѣсколько общихъ свѣдѣній для исправленія тѣхъ невѣрныхъ данныхъ, которыя могли бы распространиться въ мѣстѣ вашего пребыванія.

Офиціальные документы.

Почитаю излишнимъ говорить, что нѣтъ ни слова правды въ тѣхъ газетныхъ извѣстіяхъ, по которымъ мы будто бы требуемъ увеличенія нашихъ владѣній, или права назначенія и увольненія Константинопольскихъ патріарховъ, или же наконецъ другаго какаго религіознаго протекторства, переходящаго за предѣлы нынѣшняго, которымъ мы издавна по дѣлу и по праву пользуемся въ Турціи въ силу прежнихъ нашихъ трактатовъ. Вы довольно хорошо знаете политику Государя Императора, и что Его Императорское Величество не желаетъ ни разрушенія, ни уничтоженія Оттоманской имперіи, двукратно имъ спасенной. Напротивъ того, Его Величество всегда считалъ и считаетъ нынѣшнее положеніе дѣлъ наилучшею комбинаціею для выгодъ всѣхъ европейскихъ державъ, которыхъ столкновеніе было бы неминуемо на востокѣ, еслибъ тамъ произошло какое нибудь политическое измѣненіе. Что касается до покровительства православнаго вѣроисповѣданія въ Турціи, то для соблюденія выгодъ онаго, намъ не нужно другихъ правъ, исключая признанныхъ за нами прежними трактатами, нашимъ положеніемъ и вліяніемъ религіознаго чувства, существующаго между 50-ю милліонами русскихъ православныхъ и между большинствомъ Христіанъ, подданныхъ Султана. Это вліяніе вѣковое, неизбѣжное, потому что основано на дѣлѣ, а не на словахъ, и Государь Императоръ, при восшествіи своемъ на престолъ, изволилъ уже принять сіе вліяніе, отъ котораго нынѣ по причинѣ несправедливыхъ подозрѣній, возбужденныхъ онымъ, Его Величество не можетъ отказаться, не отрекаясь отъ славнаго наслѣдія Августѣйшихъ своихъ предшественниковъ. Это доказываетъ вамъ, какъ неосновательны слухи, распространенные о посольствѣ князя Меншикова, которое не имѣло никогда другой цѣли, исключая устройства о святыхъ мѣстахъ.

Слишкомъ пространно было бы исчислять вамъ всѣ подроб-

ности историческаго хода сего вопроса съ 1850 года. Мы по совѣсти убѣждены, что не первые коснулись до него. Мы слишкомъ хорошо знали, что послѣдствія сего вопроса могутъ быть опасны для спокойствія востока, а можетъ быть для всеобщаго мира. Съ самаго начала мы обращали вниманіе великихъ державъ на положеніе, въ которое поставитъ насъ сей вопросъ и на послѣдствія, которыя произойдутъ отъ него. Постепенное развитіе, принятое симъ вопросомъ, довело до нынѣшняго перелома, который слишкомъ хорошо оправдываетъ наши печальныя предсказанія. Достаточно напомнить вамъ, что при первыхъ уступкахъ, сдѣланныхъ Франціи въ пользу католиковъ въ Іерусалимѣ, въ ущербъ вѣковыхъ привиллегій, дарованныхъ православнымъ, Его Императорское Величество, видя ежедневно, что явное пристрастіе порты къ католикамъ увлекаетъ болѣе и болѣе къ важнѣйшимъ уступкамъ, нарушающимъ права и выгоды православнаго вѣроисповѣданія на востокѣ, изволилъ признать необходимымъ обратиться къ Султану по сему предмету съ дружественнымъ, но серьознымъ письмомъ. Слѣдствіемъ этой мѣры было во первыхъ составленіе коммиссіи изъ однихъ турецкихъ улемовъ, которая и занялась разъисканіемъ средствъ къ соглашенію обоюдныхъ требованій, а затѣмъ, послѣ продолжительныхъ переговоровъ, полученъ былъ Государемъ Императоромъ отъ Султана отвѣтъ, возвѣщавшій окончательное рѣшеніе вопроса съ самыми торжественными обѣщаніями о сохраненіи всѣхъ древнихъ правъ, данныхъ портою православной церкви. Въ тоже время сообщенъ намъ фирманъ съ подробностями сего рѣшенія. Въ главѣ сего фирмана собственноручнымъ Гатти Шерифомъ Султана признавались и подтверждались самымъ формальнымъ образомъ акты, данные въ пользу православныхъ, въ разныя эпохи, возобновленные Султаномъ Махмудомъ и подтвержденные нынѣшнимъ Султаномъ. Хотя это письмо и фирманъ были написаны въ такомъ духѣ и въ такихъ выраженіяхъ, которые отдалялись нѣсколько отъ настоящаго положенія дѣлъ, которое мы всегда старались сохранить, но какъ эти документы Государь Императоръ изволилъ найти удовлетворяющими до нѣкоторой степени справедливую заботливость Его Величества о правахъ и пользахъ православной вѣры въ Іерусалимѣ, то движимый миролюбіемъ,

Его Величество соизволилъ принять ихъ въ видѣ торжественнаго и окончательнаго условія. Послѣ сихъ ясныхъ документовъ, офиціально сообщенныхъ по окончаніи продолжительныхъ и трудныхъ переговоровъ, Россійское правительство почитало навсегда оконченными сіи пренія, которыхъ опасность устранена была его миролюбіемъ, предоставлявшимъ католикамъ пріобрѣтенныя ими новыя выгоды. Вы знаете, что по несчастію оказалось иначе. Я слишкомъ увлекся бы, еслибъ въ подробности исчислилъ всѣ послабленія, виланія и лукавства, обнаруженныя оттоманскими начальствами, когда надобно было исполнить обязанности, принятыя въ отношеніи къ намъ и обнародовать въ Іерусалимѣ заведеннымъ порядкомъ означенный фирманъ, внесеніе его въ роспись и исполненіе онаго. Турецкій комисаръ, посланный въ Іерусалимъ для сего, согласно увѣренію, полученному нашимъ посольствомъ въ Константинополѣ, осмѣлился объявить нашему консулу въ Іерусалимѣ, требовавшему прочтенія и записки фирмана, что онъ ничего не знаетъ о немъ и что въ его инструкціяхъ не упомянуто о семъ документѣ. Хотя потомъ, въ слѣдствіе нашихъ требованій фирманъ сей и былъ наконецъ прочтенъ и внесенъ въ роспись въ Іерусалимѣ, но это было сдѣлано съ ограниченіями, оскорбительными для православной церкви. Что касается до самаго документа, то исключая исполненія сихъ форменныхъ обрядовъ, главныя статьи его явно были нарушены. Главное нарушеніе состояло въ передачѣ католическому патріарху ключей отъ главныхъ дверей Виѳлеемской церкви. Эта передача точно противорѣчила словамъ фирмана. Она глубоко оскорбила духовенство и все народонаселеніе православнаго исповѣданія, потому что, по мнѣнію, усвоенному въ Палестинѣ, обладаніе симъ ключемъ какъ бы означаетъ обладаніе всѣмъ храмомъ. Такимъ образомъ турецкое правительство обнаружило предъ всѣми и вопреки собственнымъ своимъ выгодамъ преимущество, даруемое имъ другому вѣроисповѣданію, а не тому, которому принадлежитъ большинство подданныхъ.

Подобное забвеніе самыхъ опредѣлительныхъ обѣщаній, изложенныхъ въ письмѣ Султана къ Государю Императору, столь явная недобросовѣстность, усиленная поступками и насмѣшливыми рѣчами министровъ Султана должны были побудить Ав-

густѣйшаго нашего Государя, оскорбленнаго въ своемъ достоинствѣ, въ дружественной довѣренности, въ православіи и религіозныхъ чувствахъ, раздѣляемыхъ имъ съ своими вѣрноподданными, къ немедленному востребованію блистательнаго удовлетворенія. Государю Императору легко было бы это сдѣлать, еслибъ, согласно всегдашнимъ несправедливымъ слухамъ, Его Величество искалъ только предлоговъ къ ниспроверженію Оттоманской Имперіи. Но Его Величество не желалъ сего. Государь Императоръ предпочелъ получить это удовлетвореніе миролюбивымъ образомъ. Его Величество еще старался вразумить Султана въ несправедливости противъ насъ и противъ собственныхъ своихъ выгодъ, указывая благоусмотрѣнію Султана на ошибки его Министерства, и для сей-то цѣли Его Величество отправилъ князя Меншикова въ Константинополь.

Посольству сему предстояло два дѣла относительно къ вопросу о Святыхъ мѣстахъ: 1) вести переговоры о замѣнѣ уничтоженнаго фимана новымъ условіемъ, которое, не отнимая у католиковъ полученныхъ ими въ послѣднее время выгодъ (потому что мы не хотѣли, требуя уничтоженія этихъ выгодъ, поставить порту въ отношеніи къ Франціи въ такое же затруднительное положеніе, въ какомъ порта была въ отношеніи къ намъ),—объяснило бы покрайней мѣрѣ сіи уступки такимъ образомъ, чтобъ не придать имъ вида торжества надъ православною церквью и возстановилобы нѣкоторыми законными вознагражденіями равновѣсіе, нарушенное въ ущербъ сего вѣроисповѣданія. 2) составить изъ новаго сего соглашенія формальный актъ, который послужилъ бы намъ какъ удовлетвореніемъ за прошедшее, такъ и ручательствомъ за будущее.

Эта первая часть порученія, возложеннаго на нашего чрезвычайнаго посла, была очень трудна и щекотлива, потому что надобно было согласить права обоюдныя. Хотя противурѣчащія выгоды Россіи и Франціи были ясны; но мы дѣйствовали со всевозможнымъ желаніемъ примиренія и должны отдать справедливость, что французское правительство съ своей стороны содѣйствовало намъ. Послѣ продолжительныхъ обсужденій часть эта была окончена, и результатомъ сего было составленіе двухъ новыхъ фирмановъ, полученныхъ безъ сопротивленія со стороны Французскаго посланника.

Но, какъ сказано выше, былъ еще одинъ предметъ переговоровъ. Соглашеніе по вопросу не означало еще всего. Безъ акта, подтверждающаго оное и ручающагося за точное и ненарушимое исполненіе на будущее время новыхъ фирмановъ, какъ въ основаніяхъ, такъ и въ послѣдствіяхъ оныхъ, очевидно, что документы сіи, послѣ явнаго нарушенія предшествовавшихъ, не могли имѣть въ глазахъ нашихъ болѣе цѣны, нежели предъидущіе. Это ручательство было тѣмъ важнѣе для Государя Императора, что составляло одно и единственное удовлетвореніе, требуемое Его Величествомъ за оскорбленіе, нанесенное его сану недобросовѣстностью оттоманской порты, особенно послѣ обстоятельствъ, сдѣлавшихъ это оскорбленіе еще болѣе явнымъ. Князю Меншикову поручено было стараться о полученіи этого ручательства заключеніемъ конвенціи, которую онъ и долженъ былъ подписать вмѣстѣ съ турецкимъ правительствомъ. О заключеніи собственно трактата никогда не было и рѣчи.

Возставали противъ формы этой конвенціи, какъ бы нарушающей верховную власть Султана и какъ бы предоставляющей намъ именемъ религіи постоянное право вмѣшательства во внутреннія дѣла Турціи. Мы полагаемъ, что это одна мечта и что опасенія существуютъ болѣе въ воображеніи, нежели въ дѣлѣ. По основнымъ правиламъ подобная конвенція, или даже трактатъ, не имѣютъ ничего необыкновеннаго, и мы не понимаемъ, чѣмъ бы они нарушили права единовластія Султана, болѣе нежели капитуляціи и другіе акты, полученные отъ Турціи Франціею и Австріею, потому что, по основнымъ правамъ, то есть въ томъ, что касается до единовластія Султана, все равно: примѣняется ли этотъ актъ къ большему или меньшему числу подданныхъ, въ пользу которыхъ пріобрѣтены права другою державою. Обезпеченіе трактатомъ, данное другой державѣ въ пользу иноземнаго вѣроисповѣданія, было пріобрѣтаемо во всѣ историческія времена. Въ эпоху реформаціи разныя державы, даже великія католическія державы, заключали съ другими трактаты или конвенціи, которыми обезпечивали протестантамъ разныя привиллегіи, выгоды и льготы, такъ что и теперь гражданское положеніе этого вѣроисповѣданія основано тамъ на сихъ договорахъ, и Государства, давшія подобныя обезпеченія, во все не почитаютъ нарушенными правъ своего

владычества, или своей политической независимости. Тѣмъ болѣе могутъ быть заключаемы по основнымъ правиламъ подобные акты съ мусульманскою державою, въ которой христіанскіе подданные столь часто терпѣли и нынѣ терпятъ, не только въ льготахъ своихъ, но въ своей собственности и въ своемъ существованіи.

Что касается до самаго дѣла, оно уже существуетъ, и форма конвенціи, предложенная нами, не представляетъ ничего новаго въ отношеніи къ религіозному покровительству. Кайнарджійскій трактатъ, которымъ порта обязуется постоянно покровительствовать христіанамъ и ихъ церквямъ въ своихъ владѣніяхъ, служитъ для насъ достаточнымъ правомъ къ надзору и предостереженіямъ. Это право вновь подтверждено и яснѣе изложено въ Адріанопольскомъ трактатѣ, служащемъ утвержденіемъ всѣхъ прежнихъ. Кайнарджійскій заключенъ въ 1774 году, слѣдственно нынѣ исполнилось восемьдесять лѣтъ, какъ мы имѣетъ на бумагѣ право, нынѣ у насъ оспориваемое и возстановленіе котораго почитаютъ измѣненіемъ всѣхъ нашихъ прежнихъ сношеній съ оттоманскою портою, какъ бы представляя намъ дѣйствительное владычество надъ огромнымъ большинствомъ ея подданныхъ. Конечно, еслибы во все это время мы расположены были употребить во зло сіе право (какъ неисправимыя подозрѣнія упрекаютъ насъ), то много бы имѣли къ тому случаевъ, особенно въ послѣднія времена, когда Европа была предана безначалію, когда правительства были безсильны противъ внутреннихъ своихъ несогласій и были отвлечены, или заняты революціями на западѣ, а на востокѣ открыто было обширное поприще честолюбивымъ видамъ, въ которыхъ насъ подозрѣваютъ. Еслибъ мы имѣли эти намѣренія, то развѣ ожидали бы для исполненія ихъ возстановленія спокойствія въ Европѣ? Расположили ли бы мы наши силы такимъ образомъ, чтобъ дать нашимъ сосѣдямъ нравственную и матеріяльную помощь? старались ли бы съ такимъ усердіемъ (какъ это дѣйствительно дѣлали) примирить нашихъ союзниковъ и устранить все, что лично препятствовало тѣсному союзу между державами? Напротивъ, мы старались бы продлить безконечнымъ образомъ несогласія ихъ. Мы предоставили бы европейскимъ правительствамъ бороться между собою или съ возмутившими-

ся ихъ подданными, а сами безпрепятственно обратились бы къ цѣли завоевательной политики, которую въ насъ предполагаютъ. Нынѣ же, когда общественный порядокъ по счастію вездѣ утвержденъ, когда Государства, возстановленныя въ основныхъ своихъ правахъ, могутъ свободно располагать своими дѣйствіями и силами, выборъ времени для подобной политики былъ бы очень страненъ. Ни въ основныхъ правилахъ, ни на дѣлѣ, конвенціи съ портою въ пользу нашихъ единовѣрцевъ не представляютъ ничего новаго. Въ нихъ нѣтъ никакихъ выгодъ, которыхъ бы мы давно не имѣли и которыхъ не могли бы употребить во зло, еслибъ намѣренія наши были таковы, какъ предполагаютъ. Если мы сильны, то не имѣемъ въ нихъ надобности, если слабы, то не сдѣлаемся опасны отъ подобной конвенціи. Это до того справедливо, что мы никогда не думали бы и предлагать объ этомъ по спеціальному вопросу о Святыхъ мѣстахъ, еслибъ порта не заставила насъ забвеніемъ прежнихъ обѣщаній сильнѣе принудить ее къ соблюденію въ нынѣшнемъ положеніи и порядкѣ палестинскихъ святынь, и еслибъ, когда мы протестовали противъ уступокъ, сдѣланныхъ въ ущербъ намъ, порта не отвѣчала въ свое извиненіе, что касательно Святыхъ мѣстъ есть съ Франціею трактатъ, а съ Россіею нѣтъ.

Впрочемъ, мы никогда не выставляли конвенціи непремѣннымъ условіемъ соглашенія нашего съ Портою. Хотя при отправленіи князя Меншикова въ Константинополь и была дана ему подобная форма для предстоявшихъ переговоровъ, но ему предоставлена была полная и совершенная свобода измѣнить ее въ выраженіяхъ, или даже получить въ другомъ видѣ, который менѣе нарушалъ бы щекотливость Порты, или другихъ дипломатовъ. По сему-то полномочію князь Меншиковъ по прибытіи на мѣсто и убѣдясь, что нашъ проектъ конвенціи встрѣтитъ препятствія, ограничился требованіемъ заключенія *Сенеда*, акта наиболѣе соотвѣтствующаго восточнымъ обычаямъ и заключающаго въ себѣ менѣе значенія, соединеннаго со словомъ конвенція по общенародному европейскому праву. Двѣ статьи Сенеда, которыми мы требовали (вопреки газетнымъ увѣреніямъ) не права утвержать выборы константинопольскихъ патріарховъ, а простаго сохраненія привиллегій духовныхъ лицъ и мірскихъ выгодъ, издревле дарованныхъ Портою четыремъ патріархамъ:

константинопольскому, антіохійскому, александрійскому и іерусалимскому, а равно митрополитамъ, епископамъ и прочему высшему духовенству православнаго исповѣданія,—встрѣтили слишкомъ сильныя сопротивленія, а потому князь Меншиковъ согласился уничтожить ихъ совершенно. Составленъ былъ второй проектъ Сенеда, на принятіи котораго князь долго настаивалъ. Наконецъ, въ послѣднюю минуту, когда Порта настоятельно отвергла всякое соглашеніе, взаимно обязующаго, обоюднаго договора, посланникъ нашъ по духу своихъ инструкцій объявилъ, что если Порта приметъ и тотчасъ же подпишетъ ноту (которой копія при семъ приложена), онъ согласится довольствоваться подобнымъ документомъ и почтетъ его достаточнымъ удовлетвореніемъ и ручательствомъ.

Вотъ каковы были истинныя послѣднія условія, предложенныя Россійскимъ кабинетомъ. Замедленіе Порты въ принятіи означеннаго документа принудило нашего уполномоченнаго возвратиться въ Одессу и прервать наши дипломатическія сношенія съ турецкимъ правительствомъ. Постепенная уступка въ формѣ и существѣ нашихъ предложеній распространилась и на срокъ, первоначально данный для принятія ихъ. Послѣ долгаго и безплоднаго ожиданія, предписано было потребовать у Порты окончательнаго отвѣта чрезъ три дня, и хотя этотъ отвѣтъ князь долженъ бы былъ получить 8-го мая н. с., однако только 21-го числа выѣхалъ онъ изъ Константинополя.

Послѣ трехмѣсячныхъ, безпрерывныхъ и трудныхъ переговоровъ, истощивъ до конца всѣ возможныя уступки, Государь Императоръ находитъ себя отнынѣ вынужденнымъ рѣшительно настаивать на простомъ и непремѣнномъ принятія проекта ноты. Движимый однакоже всегда чувствами долготерпѣнія и кротости, Государь Императоръ изволилъ дать Портѣ еще недѣлю срока на рѣшеніе. Послѣ сего, какихъ бы усилій ни стоило миролюбивому его расположенію, Его Величество будетъ принужденъ принять болѣе рѣшительное положеніе для полученія удовлетворенія, которое доселѣ старался получить мирными средствами.

Съ живѣйшимъ и глубокимъ сожалѣніемъ приметъ Его Величество сіе положеніе, гдѣ Россія дойдя до крайней степени умѣренности, не можетъ уже ни на шагъ отступить, не унизивъ политическаго своего достоинства.

Сообщите, м. г., всѣ эти подробности правительству, при которомъ вы акредитованы, сообщивъ и о важномъ документѣ, при семъ приложенномъ. Мы просимъ его обратить на оный все свое вниманіе, потому что въ эту минуту онъ составляетъ Гордіевъ узелъ всего вопроса, который мы желаемъ развязать миролюбиво, хотя и стараются довести насъ до того, чтобъ мы разорвали его. Представляя послѣднія наши условія на безпристрастное вниманіе кабинетовъ, мы предоставляемъ имъ рѣшить: можно ли было послѣ всѣхъ важныхъ проступковъ Порты противъ насъ, послѣ всѣхъ законныхъ причинъ съ нашей стороны къ неудовольствіямъ, довольствоваться меньшимъ удовлетвореніемъ? Добросовѣстный разборъ проекта нашей ноты докажетъ, что, не имѣя формы ни трактата, ни взаимно обязующаго договора, она ни въ чемъ не нарушаетъ правъ верховной власти Султана и необнаруживаетъ съ нашей стороны преувеличенныхъ требованій, въ которыхъ насъ упрекаютъ недовѣрчивость и вражда, столь же оскорбительныя для насъ, какъ и мало оправдываемыя прежними нашими дѣйствіями. Надѣемся, что это разсмотрѣніе будетъ достаточно для прекращенія ложныхъ слуховъ о нашихъ надмѣнныхъ требованіяхъ, и для доказательства, что если послѣдне-предложенныя нами средства къ соглашенію затрудненій, возникшихъ по вопросу о Святыхъ мѣстахъ, будутъ отвергнуты и чрезъ то произойдутъ запутанности, могущія нарушить миръ, то отвѣтственность въ томъ предъ всѣми должна пасть не на насъ. (Подписано) «Нессельроде.»

Проектъ ноты. «Высокая Порта, тщательно и внимательно разсмотрѣвъ требованія, составляющія цѣль посольства князя Меншикова и представивъ результатъ этого разсмотрѣнія Его Величеству Султану, почитаетъ своею обязанностію поспѣшить симъ сообщить Е. С. посланнику рѣшеніе, послѣдовавшее въ видѣ высочайшаго *Ираде* отъ ... (число мусульманское и христіанское) Е. В. Султанъ, желая дать своему августѣйшему союзнику и другу Императору Всероссійскому новое доказательство своей дружбы и душевнаго желанія къ отвержденію прежнихъ дружественныхъ и добрососѣдственныхъ отношеній, существовавшихъ между обоими Государствами, питая притомъ полную довѣренность свою ко всегдашнимъ благосклоннымъ намѣреніямъ Его Императорскаго Величества, къ сохраненію цѣ-

лости и независимости турецкой имперіи, удостоилъ оцѣнить и принять въ должное вниманіе откровенныя представленія Россійскаго посланника въ пользу православнаго вѣроисповѣданія на востокѣ, къ коему принадлежитъ и августѣйшій союзникъ его, равно и большинство ихъ подданныхъ.

Въ слѣдствіе сего подписавшійся получилъ приказаніе дать сею нотою торжественное удовлетвореніе россійскому правительству, коего представителемъ теперь при Его Высочествѣ султанѣ его свѣтлость князь Меншиковъ, въ неизмѣнномъ попеченіи и въ великодушныхъ чувствахъ вѣротерпимости, одушевляющихъ Его Высочество султана, для безопасности и благосостоянія въ его владѣніяхъ православнаго духовенства, церквей и духовныхъ заведеній.

Чтобы увѣренія сіи были еще яснѣе, чтобы опредѣлить главные предметы сего высокаго попеченія формальнымъ образомъ; утвердить дополнительными объясненіями, требуемыми ходомъ современности, смыслъ статей прежнихъ договоровъ, заключенныхъ между обоими государствами и касающихся до религіозныхъ вопросовъ, и чтобы наконецъ навсегда устранить всякую тѣнь недоразумѣнія и несогласій по сему предмету между обоими правительствами, нижеподписавшійся имѣетъ порученіе отъ его Высочества султана объявить слѣдующее:

1) Православное вѣроисповѣданіе на востокѣ, духовенство его, церкви, имущества, а равно и духовныя заведенія будутъ пользоваться на будущее время ненарушимо подъ защитою его Высочества султана привиллегіями и льготами, которыя имъ даны издревле, или вновь по временамъ даруемы были милостію его Высочества и на основаніи высокихъ правилъ правосудія, будутъ участвовать во всѣхъ выгодахъ, данныхъ прочимъ христіанскимъ исповѣданіяхъ, какъ и иностраннымъ посольствамъ при высокой портѣ, согласно конвенціямъ, или особымъ распоряженіямъ.

2) Его Высочество султанъ, почитая необходимымъ и справедливымъ подтвердить и объяснить свой высочайшій фирманъ, облеченный Гатти-Гумайюномъ отъ 15-й луны Ребіулъ-Ахира 1268 (16-го февраля 1852 года) высочайшимъ фирманомъ отъ... повелѣлъ сверхъ того другимъ фирманомъ отъ... числа возобновить куполъ храма Гроба Господня. Оба сіи фирмана

будутъ буквально выполнены и въ точности соблюдаемы, дабы сохранить нынѣшній порядокъ дѣлъ относительно къ Святымъ мѣстамъ, коими владѣютъ православные одни, или обще съ другими вѣроисповѣданіями. Безъ сомнѣнія, это обѣщаніе распространяется на всѣ права и льготы, коими издревле пользуются церковь и духовенство православнаго исповѣданія, какъ въ Іерусалимѣ, такъ и въ окрестностяхъ, не нарушая притомъ правъ прочихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій.

3) Въ случаѣ, если россійскій дворъ потребуетъ, то въ Іерусалимѣ, или въ окрестностяхъ отведено будетъ приличное мѣсто для построенія церкви для богослуженія въ ней русскому духовенству, а равно госпиталя для бѣдныхъ и больныхъ богомольцевъ. Оба эти учрежденія будутъ состоять подъ особеннымъ надзоромъ россійскаго генеральнаго консульства въ Сиріи и Палестинѣ.

4) Даны будутъ фирманы и надлежащія приказанія кому слѣдуетъ и греческимъ патріархамъ для исполненія сихъ высочайшихъ повелѣній, а потомъ будутъ условлены подробности, необозначенныя, какъ въ фирманахъ, касающихся до Святыхъ мѣстъ, такъ и въ настоящемъ сообщеніи.»

Въ дополненіе къ циркуляру россійскаго кабинета полагаемъ обязанностью сообщить слѣдующіе три акта: 1) фирманъ, дарованный грекамъ въ январѣ 1852 года, и 2) два фирмана, полученные недавно княземъ Меншиковымъ.

Переводъ Гати-Гумайюна, написаннаго въ главѣ фирмана, относящагося до святыхъ мѣстъ:

«Въ распоряженіяхъ моего настоящаго высочайшаго фирмана заключается истинный и окончательный результатъ полныхъ изысканій, произведенныхъ недавно въ древнихъ и противурѣчащихъ актахъ, находящихся въ рукахъ грековъ, нашихъ подданныхъ и франкскихъ монаховъ, касающихся до святыхъ мѣстъ Іерусалима, донынѣ подлежащихъ спору, а также подтвержденіе высочайшихъ фирмановъ, дарованныхъ грекамъ нашими августѣйшими предками, а особенно нашимъ благочестивымъ родителемъ, подтвержденныхъ и возобновленныхъ нѣкогда и съ нашей стороны, а потому, да остерегутся когда-либо нарушить чѣмъ нибудь сей фирманъ.»

Переводъ съ фирмана.—«Губернатору Іерусалима, моему визирю Гафизъ-Ахметъ Пашѣ, Іерусалимскому Кади и членамъ совѣта того города, привѣтъ!

Распри, возникавшія по временамъ между греками и католиками относительно къ нѣкоторымъ святымъ мѣстамъ, находящимся въ городѣ Іерусалимѣ и въ окрестностяхъ его, нынѣ вновь возобновились; почему составлена была коммиссія изъ достопочтенныхъ мушировъ, уважаемыхъ Кази-Эскеровъ и другихъ лицъ для разсмотрѣнія и повѣрки вопроса во всѣхъ отношеніяхъ. Результатомъ изслѣдованій этой коммиссіи и Министерскихъ совѣтовъ, созванныхъ затѣмъ, было, что мѣста, оспориваемыя обоими вѣроисповѣданіями суть: большой куполъ храма Камамэ; малый куполъ въ томъ же храмѣ, находящемся на мѣстѣ, называемомъ гробомъ Господа Іисуса (Св. Гробъ Господень); камень помазанія; Джуль-Джули (Голфоѳа) въ томъ же храмѣ; придѣлъ Пресвятой Богородицы (*Sitti-Mariani*), большой храмъ, находящійся въ деревнѣ Виѳлеемѣ и вертепъ подъ этою церковью, который есть истинное мѣсто Рождества Господа Іисуса Христа и гробница Божіей Матери.

Изъ этихъ мѣстъ большой куполъ принадлежитъ ко всей церкви, и притязанія католиковъ на присвоеніе себѣ исключительно этого большаго купола, и также малаго купола, и камня помазанія и голгоѳы, и придѣла, и большой церкви въ Виѳлеемѣ, и мѣста Рождества не основаны на истинѣ. И такъ, настоящее положеніе всѣхъ этихъ мѣстъ утверждено.

Такъ какъ дано было предварительно грекамъ, католикамъ, армянамъ, каждымъ по ключу отъ двухъ дверей, находящихся на сѣверѣ (хималъ), югѣ и юго-востокѣ (киблэ) вертепа Рождества, находящагося въ этомъ большомъ храмѣ и отъ одной изъ дверей этого самаго храма, что также было подтверждено и ратификовано фирманомъ, дарованнымъ грекамъ въ 1170 году гиджры, то дарованное остается, какъ оно есть. Не смотря на то, такъ какъ не было дозволено ни измѣнять настоящаго положенія сего храма, ни отправлять въ семъ храмѣ богослуженія католикамъ, и наконецъ ни вводить какія либо нововведенія съ какой бы то ни было стороны, въ отношеніи ли къ проходу изъ храма въ пещеру, или въ другихъ отношеніяхъ, ни чтобъ были измѣнены правила, имѣвшія въ теченіе многихъ

лѣтъ силу, и нынѣ дѣйствующія, то никогда не будутъ дозволены и приняты во вниманіе какія бы то ни были притязанія въ этомъ отношеніи и чтобъ небыло вводимо ни какого измѣненія въ настоящемъ положеніи дверей упомянутаго храма.

Оба сада, прилегающіе къ монастырю Франковъ, на которые католики также предъявляютъ притязанія, находятся по древнимъ и новѣйшимъ актамъ подъ назоромъ обѣихъ сторонъ, а потому они будутъ утверждены такимъ же образомъ. Что касается до гробницы Божіей Матери, то хотя католики вновь намѣревались присвоить ее исключительно себѣ, основываясь на нѣкоторыхъ распоряженіяхъ, находящихся въ ихъ рукахъ; однако это притязаніе также не согласно съ истиною. Но такъ какъ греки, армяне, ассирійцы и копты отправляютъ въ настоящее время богослуженіе своего исповѣданія въ этой священной гробницѣ, то есть, что отправленіе своего богослуженія въ семъ Святомъ мѣстѣ не принадлежитъ исключительно одному какому исповѣданію, то выражено было, что правосуднѣе было бы подтвердить христіанамъ католическаго исповѣданія дозволеніе, которымъ владѣютъ издревле, объ исполненіи своего богослуженія въ мѣстѣ, гдѣ отправляютъ оное уже принадлежащіе къ другимъ исповѣданіямъ, съ условіемъ, чтобъ не было производимо никакой перемѣны въ администраціи этой гробницы и въ ея настоящемъ положеніи. Такъ какъ это рѣшеніе подтверждаетъ и укрѣпляетъ права, которыя были дарованы грекамъ, моимъ подданнымъ со стороны моихъ августѣйшихъ предковъ, которыя также были утверждены и ратификованы Высочайшими Фирманами, мною данными и украшенными моимъ высочайшимъ Гаттомъ, и сохраненіе которыхъ правъ составляетъ одно изъ моихъ пламеннѣйшихъ желаній, то оно также было принято съ той стороны и повелѣно, чтобы на будущее время не было дѣлаемо никакихъ усилій съ какой бы то ни было стороны въ противность сему рѣшенію.

Католики отправляютъ нынѣ богослуженіе однажды въ годъ, то есть въ день Вознесенія Господа Іисуса Христа во внутренности храма Куббетъ-уль-Месс'ада, находящагося на Масличной горѣ въ Іерусалимѣ, между тѣмъ какъ греки совершаютъ свои молитвы внѣ сего самаго храма. Между тѣмъ, такъ какъ въ этомъ мѣстѣ находится михрабъ исламизма и какъ онъ не

можетъ быть исключительно предоставленъ ни одному изъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, то моимъ правосуднымъ началамъ показалось не сообразно, чтобы подданные моего правительства греческаго исповѣданія были лишены возможности отправлять свое богослуженіе внутри сего храма. И такъ, съ условіемъ, что ничего не будетъ измѣнено въ положеніи, въ которомъ нынѣ сей храмъ находится и что всегда будетъ состоять, какъ-то было донынѣ, при дверяхъ сего храма мусульманскій привратникъ,—грекамъ не будутъ впредь препятствовать, такъ же, какъ и католикамъ, отправлять свое богослуженіе и совершать молитвы въ семъ храмѣ Куббетъ-уль-Месс'ада въ теченіе дней, означенныхъ въ обрядахъ христіанъ. Это распоряженіе будетъ внесено въ архивахъ на полѣ фирмана, изданнаго около половины луны шевали 1254 года. О всемъ предшествовавшемъ я выразилъ мою рѣшительную высочайшую волю, почему послѣдовало высочайшее повелѣніе, въ силу котораго изданъ настоящій фирманъ, украшенный моимъ высочайшимъ Гаттомъ и отданъ въ руки греческаго народа.

Когда дойдетъ до вашего свѣдѣнія высочайшій фирманъ, вы приложите наибольшее стараніе, чтобы не произошло ничего противнаго сему рѣшенію въ противность моему высочайшему повелѣнію, ни со стороны тѣхъ, которые принадлежатъ къ греческому, армянскому, ассирійскому и коптскому вѣроисповѣданіямъ, ни со стороны католиковъ.—Мое настоящее высочайшее повелѣніе будетъ внесено въ архивы суда и оставлено въ рукахъ грековъ. Вы обратите все ваше вниманіе, чтобъ настоящій фирманъ былъ на всегда сохраненъ и соблюдаемъ.»

Въ дополненіе этихъ документовъ, вотъ еще офиціальная статья, напечатанная во всѣхъ русскихъ газетахъ.

«Французскіе и англійскіе журналы по поводу посольства князя Меншикова стараются доказать, что покровительство, оказываемое Франціею католикамъ на востокѣ, не можетъ быть сравниваемо съ тѣмъ, которое по ихъ словамъ требуетъ для себя Россія, потому-что это покровительство относится только до католиковъ-иностранцевъ, водворенныхъ въ Турціи, а не до католиковъ! подлежащихъ владычеству Порты.

Всѣ слѣдившіе за движеніями французской политики на востокѣ, особенно въ отношеніи къ сиріянамъ и маронитамъ,

могутъ легко привести данныя для доказательства противнаго. Сверхъ-того мысль, которою въ этомъ отношеніи издавна руководствовалось французское правительство, выражена яснымъ образомъ въ одномъ публичномъ актѣ, именно: въ протоколѣ по дѣламъ Греціи отъ 3-го февраля 1830 года за № 3.— Въ этомъ протоколѣ, подписанномъ за Францію ея уполномоченнымъ графомъ Монморанси-Лавалемъ, содержится слѣдующее мѣсто:

«Французскій уполномоченный просилъ конференцію обратить вниманіе на особенное положеніе, въ которомъ находится его правительство въ отношеніи къ одной части греческаго народонаселенія. Онъ представилъ, что уже нѣсколько столѣтій Франція владѣетъ правомъ имѣть въ пользу католиковъ, подвластныхъ султану, особенное покровительство, которое его христіаннѣйшее величество считаетъ обязанностію вручить нынѣ будущему монарху Греціи въ отношеніи только тѣхъ провинцій, которыя должны войти въ составъ новаго государства. Но, лишая себя этого права, Его христіаннѣйшее величество обязано въ отношеніи къ самому себѣ и въ отношеніи къ народонаселенію, находившемуся столь долгое время подъ покровительстомъ предковъ его величества, потребовать, чтобы католики на материкѣ и на островахъ получили при организаціи, которая дарована будетъ Греціи, ручательства, достаточныя для замѣны того вліянія, которое Франція донынѣ оказывала въ ихъ пользу. Уполномоченые Великобританіи и Россіи оцѣнили справедливость этого требованія и было положено, что католическое исповѣданіе будетъ пользоваться въ новомъ государствѣ правомъ свободнаго и публичнаго исполненія своихъ обрядовъ; что его имущества будутъ за нимъ обезпечены; что за его епископами будетъ утверждена ненарушимость сана, правъ и привиллегій, которыми они пользовались подъ покровительствомъ короля Французскаго, и чтонаконецъ, по тому же основному правилу, имѣнія, принадлежащія древнимъ французскимъ миссіямъ, будутъ признаны за ними и сохранены.»

Такимъ образомъ, съ одной стороны мы видимъ, что Франція ни сколько не колеблется объявить въ формальномъ дипломатическомъ актѣ, что она владѣетъ особеннымъ покровительствомъ въ пользу католиковъ, подвластныхъ султану и что это

покровительство она считаетъ обязанностью передать будущему монарху Греціи въ отношеніи только тѣхъ провинцій, которыя должны войти въ стоставъ новаго государства; съ другой стороны, что уполномоченный Великобританіи не имѣлъ равномѣрно никакого недоумѣнія приложить къ акту свою подпись, вѣроятно потому, что его правительство не находило въ этомъ опредѣленіи сего покровительства нарушенія независимости Турціи и самодержавія султана.»

Возвратимся теперь къ самымъ событіямъ. Прервавъ съ Турціею дипломатическія сношенія, Россіи не оставалось ничего болѣе, какъ заставить ее образумиться при видѣ военныхъ приготовленій, которыя были готовы на нее обрушиться, а потому слѣдующимъ манифестомъ 14-го іюня и объявлено было о вступленіи русскаго войска въ Дунайскія Княжества:

«Извѣстно любезнымъ нашимъ вѣрноподданнымъ, что защита православія была искони обѣтомъ блаженныхъ предковъ нашихъ.

«Съ того самаго времени, когда Всевышнему Промыслу угодно было вручить намъ наслѣдственный престолъ, охраненіе сихъ святыхъ обязанностей, съ нимъ неразлучныхъ, было постоянно предметомъ заботливости и попеченій нашихъ, и они, имѣя основаніемъ достославный кайнарджійскій договоръ, подтвержденный послѣдующими торжественными трактатами съ Оттоманскою Портою, всегда направлены были къ обезпеченію правъ церкви православной.

«Но къ крайнему прискорбію, въ послѣднее время, вопреки всѣхъ усилій нашихъ защитить неприкосновенность правъ и преимуществъ нашей православной церкви, многія самопроизвольныя дѣйствія порты нарушали сіи права и грозили наконецъ совершеннымъ ниспроверженіемъ всего увѣковѣченнаго порядка, столь православію драгоцѣннаго. Старанія наши удержать Порту отъ подобныхъ дѣйствій остались тщетными и даже торжественно данное намъ султаномъ слово—было вскорѣ вѣроломно нарушено.—

Истощивъ всѣ убѣжденія и съ ними всѣ мѣры миролюбиваго удовлетворенія справедливыхъ нашихъ требованій, признали мы необходимымъ двинуть войска наши въ Придунайскія княжества, дабы доказать Портѣ, къ чему можетъ вести ея упорство.—Но и теперь не намѣрены мы начинать войны. Занятіемъ Княжествъ мы хотимъ имѣть въ рукахъ нашихъ такой залогъ, который бы во всякомъ случаѣ ручался намъ въ возстановленіи нашихъ правъ.

Не завоеваній ищемъ мы; въ нихъ Россія не нуждается. Мы ищемъ удовлетворенія справедливаго права, столь явно нарушеннаго. Мы и теперь готовы остановить движеніе нашихъ войскъ, если Оттоманская Порта обяжется свято соблюдать неприкосновенность православной церкви. Но если упорство и ослѣпленіе хотятъ противнаго, тогда призвавъ Бога на помощь,—ему предоставимъ рѣшить споръ нашъ, и съ полною надеждою на Всемогущую десницу, пойдемъ впередъ за вѣру православную.

НИКОЛАЙ.»

Вслѣдъ за тѣмъ С. Петербургскій Кабинетъ разослалъ своимъ дипломатическимъ агентамъ слѣдующій циркуляръ отъ 20-го іюня:

«Циркулярною депешею моею отъ 30-го минувшаго мая вы уже извѣщены о прекращеніи нашихъ дипломатическихъ сношеній съ оттоманскимъ правительствомъ. Я поручилъ вамъ тогда изложить кабинету, при которомъ вы акредитованы, причины жалобъ, какія мы имѣемъ на порту; поставить также оный въ извѣстность о напрасныхъ стараніяхъ нашихъ получить у нее удовлетвореніе, и о постепенныхъ уступкахъ, къ которымъ насъ склоняло искреннее желаніе сохранить съ Турецкимъ правительствомъ добрыя и дружественныя сношенія. Вы знаете, что отказавшись постепенно отъ ручательства въ видѣ конвенціи, сенеда, или всякаго другаго взаимнаго договорнаго акта, мы ограничились требованіемъ подписанія лишь ноты, той самой, коей текстъ былъ вамъ сообщенъ. Вы безъ сомнѣнія усмотрѣли, что независимо отъ постановленій, преимущественно касающихся до святыхъ мѣстъ, она въ сущ-

ности не заключаетъ въ себѣ ничего другаго относительно общаго ручательства, требуемаго въ пользу церкви, кромѣ простаго подтвержденія тѣхъ обязательствъ, которыя уже давно намъ даны. Я замѣтилъ вамъ, м. г., что подписаніе такого акта составляло для Государя Императора то единственное и справедливое удовлетвореніе, какое Его Императорскому Величеству возможно было принять за нанесенное Ему оскорбленіе нарушеніемъ фирмана 1852 года и личныхъ обѣщаній, присовокупленныхъ Султаномъ къ сему фирману. Подобный актъ, какъ объяснено было въ томъ же циркулярѣ, необходимъ и потому что изданіе новыхъ фирмановъ, которые точно также какъ и первый могутъ быть нарушены, не представляетъ уже намъ достаточнаго ручательства въ будущемъ. При всемъ этомъ я не скрываю, что если порта оттоманская послѣ восьмидневнаго размышленія откажетъ въ удовлетвореніи нашихъ требованій, то Государь Императоръ поставленъ будетъ въ необходимость для полученія сего удовлетворенія прибѣгнуть къ мѣрамъ болѣе рѣшительнымъ, нежели простое прекращеніе сношеній. Поставляя портѣ это послѣднее условіе, мы подробнѣе извѣстили кабинеты великихъ державъ о нашихъ намѣреніяхъ. Франціи и Великобританіи въ особенности предлагали мы не затруднять своимъ образомъ дѣйствій запутаннаго положенія дѣлъ и не принимать поспѣшныхъ мѣръ, которыя съ одной стороны поощрили бы порту къ сопротивленію, съ другой принудили бы Государя Императора сильнѣе настаивать на томъ, чего требуютъ его честь и достоинство.

Съ сожалѣніемъ долженъ я теперь васъ увѣдомить, что старанія наши остались безъ дѣйствія. Порта, какъ вы усмотрите изъ прилагаемаго письма ко мнѣ Решидъ-Паши, отвѣчала отрицательно, или покрайней мѣрѣ уклончиво.

Съ другой стороны обѣ морскія державы не заблагоразсудили согласиться съ уваженіями, на которыя мы просили ихъ обратить особенное вниманіе. Прежде насъ приступая къ дѣйствію, онѣ признали необходимымъ тотчасъ же предупредить мѣрою дѣйствительною тѣ мѣры наши, которыя мы имъ представляли еще какъ условно-возможныя, ибо приведеніе оныхъ въ исполненіе мы подчиняли окончательнымъ рѣшеніямъ порты, и даже въ эту самую минуту, какъ я вамъ пишу, исполненіе ихъ не

возымѣло еще своего начала. Эти державы немедленно отправили свои флоты въ мѣста, близкія къ Константинополю. Нынѣ они занимаютъ уже воды и гавани оттоманскихъ владѣній возлѣ самыхъ Дарданеллъ. Такимъ поспѣшнымъ образомъ дѣйствій, вмѣщающимъ даже въ себѣ проявленіе какъ бы нѣкоторыхъ угрозъ, обѣ державы еще болѣе увеличили, какъ мы это имъ предсказывали, всѣ нынѣшнія затрудненія. Получивъ отъ порты отказъ, въ коемъ она поддерживается самою мѣрою, принятою Франціею и Англіею, мы еще менѣе прежняго можемъ измѣнить тѣ рѣшенія, которыя Государь Императоръ постановилъ, какъ слѣдствіе сего отказа.

По этому Его Императорское Величество изволилъ нынѣ дать войскамъ нашимъ, расположеннымъ въ Бессарабіи, повелѣніе перейти границу и занять княжества.

Они вступаютъ туда не съ цѣлію вести противъ порты наступательную войну: будемъ всячески избѣгать ее, доколѣ порта сама не вынудитъ насъ къ оной. Войска наши вступаютъ потому, что Порта, отказывая намъ съ упорствомъ въ нравственномъ ручательствѣ, котораго мы были въ правѣ ожидать, тѣмъ самымъ заставляетъ насъ замѣнить это временное ручательство другимъ уже существеннымъ. Сверхъ того самое положеніе, принятое обѣими державами въ водахъ и гаваняхъ оттоманской имперіи, въ виду самой столицы и въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, иначе не можетъ быть нами понимаемо, какъ занятіемъ чужихъ владѣній морскою силою и даетъ намъ право возстановить взаимное равновѣсіе занятіемъ же военной позиціи. Впрочемъ, мы нисколько не намѣрены держать эту позицію долѣе, нежели сколько того потребуетъ наша честь и безопасность. Она будетъ только временная; она будетъ намъ служить единственно залогомъ, доколѣ министры султана не послѣдуютъ лучшимъ внушеніямъ. Занимая княжества временно, мы напередъ отрекаемся отъ всякой мысли завоеванія. Не имѣемъ никакихъ преобладательныхъ замысловъ. Не будемъ также преднамѣренно и добровольно побуждать къ какому либо возстанію христіанскія племена Турціи. Лишь только она сдѣлаетъ намъ должное удовлетвореніе, а съ тѣмъ вмѣстѣ прекратится мѣра, принятая нынѣ двумя морскими державами, — наши войска немедленно возвратятся въ предѣлы Россіи. Что

касается до жителей княжествъ, то пребываніе нашихъ войскъ не обременитъ ихъ ни новыми повинностями, ни новымъ налогомъ. Поставки для нашихъ войскъ будутъ имъ выплачеваемы изъ нашихъ военныхъ кассъ въ свое время и по цѣнѣ, напередъ назначенной по соглашенію съ ихъ правительствами. Начала и правила, какими мы въ этомъ отношеніи предположили себѣ руководствоваться, изъяснены въ прокламаціи, при семъ прилагаемой, которую поручено генералу князю Горчакову содѣлать всѣмъ извѣстною, при вступленіи его въ княжества.

Мы вполнѣ сознаемъ, какое значеніе имѣетъ принимаемая нами мѣра и какія могутъ изъ того произойти послѣдствія, если турецкое правительство принудитъ насъ вывести эту мѣру изъ тѣснаго и ограниченнаго круга, въ которомъ мы желаемъ ее заключить. Но положеніе, въ которое Порта насъ повергаетъ, доводя дѣло до крайности, отказывая намъ во всякомъ законномъ удовлетвореніи и не дѣлая никакой уступки въ замѣнъ всѣхъ тѣхъ, которыя князь Меншиковъ постепенно сдѣлалъ, какъ въ формѣ, такъ и въ первоначальномъ содержаніи нашихъ предложеній, не оставляетъ намъ инаго средства. Скажу болѣе; начала, съ такою рѣшительностью высказанныя, не смотря на умѣренность выраженій въ отвѣтномъ письмѣ Решидъ-Паши, а равно и въ его нотѣ отъ 26-го минувшаго мая къ представителямъ четырехъ державъ въ Константинополѣ, если только принимать сіи начала въ буквальномъ ихъ смыслѣ, повели бы прямо къ тому, чтобы подвергнуть сомнѣнію всѣ пріобрѣтенныя нами права, уничтожить всѣ наши прежніе договоры.

Дѣйствительно, если оттоманское правительство считаетъ несовмѣстнымъ съ своею независимостью и правами своей верховной власти всякое дипломатическое обязательство, даже въ видѣ простой ноты, въ которой бы заключалось съ другимъ правительствомъ условіе, относящееся до религіи и церквей, то какое будетъ имѣть значеніе ручательство Порты, прежде намъ данное въ формѣ, несравненно болѣе обязательной: оказывать въ своихъ владѣніяхъ покровительство нашей религіи и ея церквамъ. Если мы хотя сколько нибудь допустимъ такое начало, то намъ придется собственными руками разорвать договоръ кайнарджійскій, а равно и всѣ тѣ, которые подтверж-

даютъ оный и добровольно отказаться отъ права, ими намъ предоставленнаго наблюдать, чтобы греческая церковь пользовалась въ Турціи дѣйствительнымъ покровительствомъ.

Того ли домогается Порта? Намѣрена ли она сложить съ себя всѣ прежнія обязательства и направить нынѣшній кризисъ къ тому, чтобы навсегда отмѣнить порядокъ вещей, освященный временемъ. Всѣ безпристрастные умы въ Европѣ безъ сомнѣнія поймутъ, что если вопросъ приметъ такой оборотъ, то не будетъ для Россіи, не смотря на самыя миролюбивыя ея побужденія, никакой возможности мирнаго его разрѣшенія, потому что для насъ въ такомъ случаѣ дѣло бы шло о нашихъ трактатахъ, о нашемъ вліяніи, о нашемъ нравственномъ уваженіи, о самыхъ драгоцѣнныхъ для насъ чувствахъ народности и вѣры. Но, да позволено будетъ высказать всю правду: настоящій споръ, которому газеты, независимо отъ кабинетовъ, придали такую гласность, основанъ на чистомъ недоразумѣніи, или недостаткѣ должнаго вниманія къ прежнимъ нашимъ политическимъ отношеніямъ. Не знаютъ повидимому, или теряютъ изъ виду, что Россія по своему положенію, по силѣ самыхъ трактатовъ—существенно пользуется давнимъ правомъ наблюдать за охраненіемъ единовѣрной церкви на востокѣ и поддержаніе этого давняго права, отъ котораго ей нельзя отказаться, представляютъ себѣ какимъ-то новымъ притязаніемъ на покровительство и религіозное и политическое, и преувеличиваютъ его значеніе и послѣдствія въ будущемъ.

Отъ такого жалкаго недоразумѣнія проистекаетъ настоящее положеніе дѣлъ.

Значеніе и послѣдствіе нашего новаго мнимаго политическаго покровительства не существуютъ въ дѣйствительности. Мы требуемъ для нашихъ единовѣрцевъ на востокѣ не болѣе, какъ утвержденія доселѣ бывшаго порядка вещей, сохраненія тѣхъ преимуществъ, которыми они пользуются подъ покровомъ своего владѣтеля. Мы не отрицаемъ, что для Россіи изъ этого порядка вещей проистекаетъ то, что можно справедливо назвать религіознымъ вліяніемъ. Но мы всегда имѣли его на востокѣ, и если донынѣ независимость и верховная власть султана совмѣщались съ этимъ вліяніемъ, то какимъ образомъ онѣ потерпятъ въ будущемъ оттого, когда требованія наши въ

сущности не имѣютъ другой цѣли, кромѣ подтвержденія прежняго порядка? Мы уже объявили и повторяемъ, Государь Императоръ не желаетъ нынѣ, какъ не желалъ и прежде, ниспроверженія оттоманской имперіи, или распространенія своихъ владѣній въ ея ущербъ. Послѣ того, какъ онъ столь умѣренно воспользовался въ 1829 году побѣдою и взятіемъ Адріанополя, когда эта побѣда и ея послѣдствія предоставляли Турцію его произволу; какъ онъ одинъ во всей Европѣ въ 1833 году спасъ Турцію отъ неминуемаго раздѣла; какъ онъ въ 1839 году первый сдѣлалъ державамъ предложеніе, которое будучи исполнено общими силами, отвратило вторично отъ султанскаго престола опасность перейти во власть новаго арабскаго государства. Послѣ всего этого было бы излишнимъ приводить еще доказательства сей истины. Нѣтъ! Основнымъ началомъ политики нашего августѣйшаго повелителя всегда было сохраненіе сколь возможно долѣе настоящаго политическаго устройства на востокѣ. Онъ этого желалъ и продолжаетъ желать, потому что окончательно сего же требуетъ здраво понятый интересъ Россіи, достаточно обширной, чтобъ не нуждаться въ новыхъ пріобрѣтеніяхъ, потому что спокойная, мирная и безвредная оттоманская Имперія, занимая съ пользою мѣсто между сильными державами, отвращаетъ тѣмъ самымъ столкновеніе соперничествующихъ сторонъ, которыя при ея паденіи немедленно вступили бы въ споръ о ея развалинахъ; наконецъ потому что человѣческая прозорливость истощается въ тщетномъ изысканіи лучшихъ средствъ, дабы наполнить въ политическомъ равновѣсіи ту пустоту, которую оставило бы въономъ уничтоженіе государства сего. Но когда таковы виды Государя Императора, виды дѣйствительные, явно признаваемые, искренніе, то дабы онъ могъ твердо имъ слѣдовать, необходимо и Турціи въ отношеніи къ намъ поступать такъ, чтобы представлялась намъ возможность существовать вмѣстѣ съ нею, и для этого должна она уважать наши съ нею договоры и проистекающія изъ нихъ послѣдствія, не ставя насъ своими вѣроломными дѣйствіями, тайными гоненіями и безпрерывными притѣсненіями, устремленными противъ единовѣрной намъ церкви, въ такое положеніе, которое, дѣлаясь наконецъ

нестерпимымъ, принудило бы насъ искать врачеванія другими путями.

Всѣ таковыя разсужденія поручается вамъ сообщить... Правительству, поставя его въ извѣстность о рѣшеніи и намѣреніяхъ Его Императорскаго Величества.

графъ Нессельроде.»

Переводъ письма Решидъ-паши къ государственному канцлеру изъ Константинополя, отъ 2-го (16-го) Іюня 1843 года.

«Я поспѣшилъ представить на благоусмотрѣніе его величества, моего августѣйшаго повелителя, депешу отъ 19-го минувшаго мая, которую имѣлъ честь получить отъ вашего сіятельства.

«Его величество султанъ оказывалъ во всѣхъ случаяхъ постоянное и высокое уваженіе къ Его Величеству Императору Всероссійскому, котораго почитаетъ своимъ искреннимъ союзникомъ и благонамѣреннымъ сосѣдомъ. Блистательная Порта, ни сколько не сомнѣваясь въ великодушныхъ побужденіяхъ Его Императорскаго Величества, глубоко сожалѣетъ о прекращеніи сношеній, которое къ несчастію произошло быть можетъ оттого, что недовольно была постигнута существенная невозможность при вопросѣ, возбужденномъ княземъ Меншиковымъ, включить дарованныя греческой церкви религіозныя преимущества въ дипломатическое обязательство. Порта находитъ однако же утѣшеніе въ сознаніи, что съ своей стороны она нисколько не подала повода къ подобному обороту дѣла. Оттоманское правительство дѣйствительно съ самаго начала явило полное желаніе облегчить всѣми средствами рѣшеніе вопросовъ, о которыхъ представлялъ князь Меншиковъ по повелѣнію Государя Императора. Даже въ столь затруднительномъ дѣлѣ, каковъ вопросъ о религіозныхъ преимуществахъ греческой церкви, Порта постоянно руководствовалась миролюбивыми чувствами и не отказываясь дать такія обѣщанія, которыя могли бы разсѣять и совершенно искоренить всякія на этотъ счетъ сомнѣнія, надѣялась, что князь Меншиковъ, по извѣстному своему благоразумію, удовольствуется проектомъ ноты, сообщенной ему въ послѣднее время и заключавшей всѣ увѣренія, какихъ онъ

требовалъ. Не смотря на все это, событіе, достойное сожалѣнія, совершилось!

«Его сіятельство князь Меншиковъ, конечно, во второмъ проектѣ сократилъ предложенный имъ сначала текстъ *сенеда* и представивъ наконецъ проектъ ноты, сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія какъ въ выраженіяхъ, такъ и въ общемъ изложеніи и наименованіи акта, но тѣмъ не менѣе въономъ оставался по прежнему смыслъ обязательный. И какъ дипломатическое обязательство такого рода несовмѣстно ни съ независимостью оттоманскаго правительства, ни съ правами его верховной власти, то и причинъ, по которымъ блистательная Порта находитъ существенно невозможнымъ дать на оное свое согласіе, нельзя назвать отказомъ и считать это дѣло вопросомъ чести для Его Величества Императора Всероссійскаго. При томъ же Россія, жалуясь на такую невозможность и приписывая все это недовѣрію къ себѣ, не ставитъ ни во что самыхъ торжественныхъ увѣреній блистательной Порты и требуя, чтобы оныя были включены въ актъ, имѣющій силу обязательства, не подаетъ ли скорѣе тѣмъ явнаго доказательства собственнаго недовѣрія къ турецкому правительству? И правительство это въ свою очередь не имѣетъ ли права жаловаться?

«Но оно полагается въ этомъ отношеніи на высокую, всѣмъ извѣстную справедливость Его Императорскаго Величества, а также на высокое благоразуміе и на отлично миролюбивыя ваши чувства, всѣми сознаваемыя и цѣнимыя.

«Его величество султанъ нынѣ снова подтвердилъ своимъ фирманомъ, скрѣпленнымъ его августѣйшимъ гаттишерифомъ, всѣ преимущества, права и льготы, которыми пользуются издревле духовенство и церкви греческаго исповѣданія.

«Блистательная Порта никогда не усомнится исполнить и дать увѣренія, которыя изложены и обѣщаны были въ проектѣ ноты, представленной князю Меншикову не за долго до его отъѣзда.

«Въ депешѣ вашего сіятельства упоминается о намѣреніи дать россійскимъ войскамъ повелѣніе перейти границу.

«Такое объявленіе несовмѣстно съ увѣреніями о мирѣ и доброжелательствѣ Его Императорскаго Величества. Оно по истинѣ столь мало согласуется съ тѣмъ, чего бы слѣдовало

ожидать отъ дружественной державы, что блистательная Порта не знаетъ, какъ считать сіе объявленіе.

«Военныя приготовленія и всѣ распоряженія, дѣлаемыя по приказанію Порты, въ ея защиту, вынуждены, какъ объявлено было официально всѣмъ державамъ, значительными вооруженіями Россіи: онѣ составляютъ чисто оборонительную мѣру. Правительство султана, не имѣя противъ Россіи никакого враждебнаго намѣренія, изъявляетъ желаніе, чтобы прежнія дружескія сношенія, которыя его величество султанъ считаетъ столь драгоцѣнными и которыхъ выгоды такъ многочисленны и такъ очевидны для обѣихъ сторонъ, были возстановлены въ первоначальномъ ихъ видѣ. Я надѣюсь, что россійскій дворъ съ чувствомъ довѣрія оцѣнитъ искреннія и прямодушныя намѣренія блистательной Порты и приметъ во вниманіе дѣйствительную для нея невозможность согласить ея желанія съ требованіями которыя были предъявлены. Лишь только эта возможность будетъ оцѣнена какъ слѣдуетъ, блистательная Порта, я могу въ томъ удостовѣрить ваше сіятельство, не замедлитъ отправить въ С. Петербургъ чрезвычайнаго посла, съ цѣлію возобновить переговоры и обще съ правительствомъ Его Величества Императора Всероссійскаго изыскать способы къ соглашенію, которые, будучи приняты Его Величествомъ, могли бы вмѣстѣ съ тѣмъ быть приняты Портою безъ всякаго ущерба, какъ основаній ея независимости, такъ и верховной власти султана.

«Ваше сіятельство можете быть вполнѣ увѣрены, что съ моей стороны я всемѣрно желаю таковаго окончанія дѣла. Ласкаю себя надеждою, что вы раздѣляете тѣже самыя чувства.

«Примите увѣренія» и пр.

До сихъ поръ видѣли мы, что всѣ требованія Россіи ограничивались исполненіемъ прежнихъ договоровъ; она не имѣла въ виду никакихъ новыхъ правъ, никакихъ пріобрѣтеній. Только величайшая вражда и недоброжелательство могли видѣть въ этомъ покушеніе къ ниспроверженію владычества Турціи. Если всѣ прежніе договоры не лишили ее власти, то требованіе о сохраненіи ихъ не могло ее разрушить.

Посмотримъ теперь дѣйствія другихъ державъ. Исторія должна видѣть документы съ обѣихъ сторонъ, чтобъ судить безпристрастно.

Дѣйствія европейскихъ державъ.

Франція въ началѣ 1853 года старалась успокоить Россію по вопросу о Святыхъ мѣстахъ, и посланникъ Кастельбажакъ представилъ (15-го) 27-го января ноту, въ которой французскій кабинетъ объяснялъ, что: «вовсе не намѣренъ оспоривать вліянія Россіи по этому «предмету, или лишать восточныхъ христіанъ правъ, ко«торыми они до сихъ поръ пользовались; но что един«ственно желалъ возвысить католическое исповѣданіе въ «тѣхъ мѣстахъ на степень, равную съ другими. Странно «и печально было бы двумъ христіанскимъ державамъ «бороться за религіозный вопросъ въ самомъ Іерусалимѣ «и въ присутствіи исламизма. Если бы наши дѣйствія «могли быть дурно перетолкованы, то мы готовы дать «объясненія, которыя убѣдятъ С. Петербургскій кабинетъ «въ нашихъ истинныхъ намѣреніяхъ и умѣренности.»

Русскій кабинетъ, желая прекратить эти недоумѣнія, согласился, чтобъ посланники русскій и французскій въ Константинополѣ разсмотрѣли, вмѣстѣ съ турецкимъ комисаромъ, разногласія между уступками, сдѣланными портою Франціи 8-го февраля 1852 года, и фирманомъ, даннымъ султаномъ въ мартѣ мѣсяцѣ въ пользу православной церкви.

И однако же, не смотря на это миролюбивое согласіе, Франція, узнавъ о посольствѣ князя Меншикова, послала, 20-го марта, эскадру въ Саламинъ, а посланнику своему въ Константинополѣ Лакуру отправила слѣдующую инструкцію: «Можетъ быть Россія начнетъ съ «занятія Дунайскихъ княжествъ. Хотя это уже будетъ «нарушеніемъ мира, но вы дождитесь, чтобъ сама Порта «потребовала вашего посредничества, и тогда велите «ввести эскадру нашу въ Дарданеллы. Если же вы не «получите подобнаго требованія, то призовите адмирала

«Ласюза въ Эносскій заливъ, или къ Урлакскимъ остро-«вамъ. Если же двинется севастопольскій флотъ, а рус-«ская армія приблизится къ границамъ Турціи, то вы-«зовите флотъ тотчасъ же въ Дарданеллы, если Турція «будетъ на это согласна. Впрочемъ, требуйте на это «письменнаго документа, а если Рифаатъ-паша не дастъ «его, то условьтесь съ англійскимъ посланникомъ. Если «бы Порта захотѣла ввѣрить *намъ* охраненіе Дарданеллъ «посредствомъ высадки, то и въ этомъ случаѣ согласи-«тесь съ адмираломъ Дондасомъ. Лучше бы всего было, «еслибъ каждая эскадра владѣла одною стороною Дар-«данеллъ. Можетъ быть русскій флотъ будетъ угрожать «Босфору и прорвется чрезъ него, тогда, по занятіи «Дарданеллъ, и по новому востребованію Порты, должна «французская эскадра подойти къ Константинополю для «защиты его. И въ такомъ случаѣ должны вы будете «вѣроятно дѣйствовать за-одно съ англійскимъ посоль-«ствомъ, которому тогда и сообщите свои полномочія.»

Изъ этого уже видно, что Франція готовилась къ войнѣ, когда Россія отправляла только князя Меншикова съ предложеніями, вовсе не воинственными.

Въ тоже время французскій кабинетъ убѣждалъ и Англію готовиться къ войнѣ. Депешею 23-го марта сообщено было графу Валевскому (посланнику въ Лондонѣ), что: «посольство князя Меншикова одно уже составляетъ «важное событіе. Собранные же три корпуса въ южной «Россіи и приготовленія въ Севастополѣ доказываютъ, «что Императоръ Николай, надѣясь устрашить Порту, го-«товится вмѣстѣ съ тѣмъ даже къ войнѣ: слѣдственно «и мы должны слѣдовать его примѣру.»

Подобныя же ноты послалъ французскій кабинетъ въ Вѣну и Берлинъ; но послѣдніе два вовсе не желали готовиться къ войнѣ, а требовали, какъ споручители трактата 1841 года, чтобъ вести общія конференціи пяти державъ для примиренія Порты съ Россіею, и эту мѣру

употребить только тогда, когда посольство князя Меншикова не будетъ имѣть успѣха.

Англія съ своей стороны долго не довѣряла воинственнымъ побужденіямъ Франціи. Съ первой минуты переворота 2-го декабря 1851 года, а еще болѣе со дня возстановленія имперіи, Англія видѣла огромныя вооруженія новаго императора наиболѣе по части флота, и спѣшила вооружать свои берега, усиливала флоты и набирала милицію на случай нашествія пріемника своего прежняго грознаго врага, который былъ теперь гораздо сильнѣе. А потому, первыя приглашенія французскаго кабинета дѣйствовать за-одно противу Россіи въ восточномъ вопросѣ, были приняты въ Лондонѣ довольно холодно и недовѣрчиво. Правда, что Россія давно возбудила опасенія Англіи развитіемъ своей торговли и морскихъ силъ; давно уже заслужила ненависть ея своими охранительными правилами и защитою слабыхъ противу насильствъ, но Франція была ближе, опаснѣе. Династія Наполеона должна была царствовать войною, и Англія повидимому должна была испытать прежде всего ея удары за печальный плѣнъ и смерть Наполеона I. Весь апрѣль прошелъ въ соображеніяхъ; Англія не вѣрила дружескимъ предложеніямъ Лудовика-Наполеона, а вполнѣ довѣряла словамъ Николая I, объявившаго, что онъ отъ порты ничего болѣе не требуетъ, какъ исполненія прежнихъ договоровъ. Въ самомъ парламентѣ, гдѣ 26-го апрѣля сдѣланъ былъ запросъ лорду Кларендону по восточнымъ дѣламъ, правительство отвѣчало, что нѣтъ никакого опасенія ни за цѣлость Турціи, ни за нарушеніе мира.

Вдругъ лордъ Редклифъ (англійскій посланникъ въ Константинополѣ) донесъ министерству, что требованія князя Меншикова не соотвѣтствуютъ ни чести, ни достоинству Порты; что онъ полагаетъ ихъ отвергнуть и что нужно было бы поддержать этотъ отказъ и со сто-

роны главныхъ европейскихъ державъ. Въ газетахъ Англіи тотчасъ же напечатали все это, и общественное мнѣніе, увлеченное этими возгласами, вдругъ вспыхнуло противъ Россіи.

Купцы Сити, имѣющіе въ рукахъ своихъ всю торговлю Леванта, почитали Турцію своимъ вторымъ отечествомъ и требовали войны въ защиту ея, какъ скоро Россія смѣла угрожать ихъ выгодамъ и барышамъ.

Слово популярность всего сильнѣе въ Англіи. Государствомъ управляетъ не верховная власть, а министры, для которыхъ общественное мнѣніе — высшій законъ. Исполнять свой долгъ, вѣрно служить отечеству, усердно дѣйствовать для истинныхъ его пользъ—ровно ничего не значитъ, если министры не имѣютъ популярности и не исполняютъ воли общественнаго мнѣнія. А потому англійскіе министры тотчасъ же спѣшили сообразоваться съ возгласами газетъ и требованіями биржевыхъ купцовъ; поручили немедленно лорду Редклифу вызвать флотъ изъ Мальты, войти въ тѣсныя соглашенія съ французскимъ посланникомъ и объявить Портѣ, что Англія будетъ помогать ей силою оружія, если она начнетъ войну съ Россіею.

Тотчасъ же оба кабинета, уже болѣе года готовившіеся къ войнѣ между собою, сблизились, чтобъ общими силами противустать Россіи и не допустить ее до исключительнаго преобладанія на востокѣ. Въ монитерѣ 10-го іюня объявлено уже было, что Англія и Франція рѣшились отправить флоты свои къ Дарданелламъ, чрезъ которыя, по востребованію Порты, должны были вступить въ Мраморное море.

Оба кабинета заранѣе знали, что предложенія князя Меншикова будутъ отвергнуты и дѣятельно готовились къ войнѣ. Какъ скоро русскія войска перешли черезъ Прутъ, Австрія начала дѣйствовать съ своей стороны, то есть для составленія въ Вѣнѣ конференцій изъ уполномоченныхъ

Вѣнскія конференціи.

всѣхъ пяти европейскихъ державъ, подписавшихъ трактатъ 1841 года. Основаніемъ этихъ переговоровъ служилъ проектъ ноты, присланный конфиденціально и прямо Лудовикомъ-Наполеономъ къ Императору Николаю I. Утвержденіе этой ноты султаномъ должно было служить замѣною всѣхъ требованій князя Меншикова, предъявленныхъ Портѣ. Эта нота одобрена была какъ С. Петербургскимъ кабинетомъ, такъ и Лондонскимъ для составленія общаго соглашенія на вѣнскихъ конференціяхъ. Документъ этотъ слишкомъ важенъ, чтобъ не привести его вполнѣ.

«Отъѣздъ князя Меншикова въ обстоятельствахъ, могущихъ произвести сомнѣнія (по счастію неосновательныя) въ дружественномъ и довѣрчивомъ характерѣ сношеній, которыя его величество султанъ желаетъ поддержать и тѣснѣе сблизить съ своимъ августѣйшимъ союзникомъ и сосѣдомъ Его Величествомъ Императоромъ Россійскимъ, глубоко огорчилъ высокую Порту, а потому она тщательно изыскивая средства изгладить слѣды столь печальнаго недоразумѣнія, и въ слѣдствіе полученнаго ею высочайшаго *ираде* (такого-то числа) съ рѣшеніемъ султана, съ удовольствіемъ сообщаетъ оное его превосходительству россійскому посланнику (или его сіятельству графу Нессельроде).

«Если россійскіе императоры во всѣ времена обнаруживали самую дѣятельную попечительность къ охраненію правъ и преимуществъ православной церкви въ оттоманской имперіи, то султаны съ своей стороны никогда не отказывались поддерживать ихъ новыми торжественными актами, свидѣтельствующими древнее и постоянное ихъ благоволеніе къ христіанскимъ своимъ подданнымъ.

«Его величество нынѣ царствующій султанъ Абдулъ-Меджидъ, одушевляемый тѣмъ же расположеніемъ и желая дать Его Величеству Императору Всероссійскому личное удостовѣреніе въ своей искреннѣйшей дружбѣ и душевномъ желаніи къ употребленію древнихъ сношеній добрососѣдственности и совершеннаго согласія, существующаго между обоими государствами, внялъ единственно чувствамъ своей безграничной довѣренности къ

высокимъ качествамъ своего августѣйшаго друга и союзника и удостоилъ принять въ серіозное вниманіе представленія его сіятельства князя Меншикова.

Въ слѣдствіе сего нижеподписавшійся получилъ приказаніе симъ объявить, что правительство его величества султана почитаетъ долгомъ чести навсегда соблюдать и предохранять отъ всякаго нарушенія, какъ нынѣ, такъ и въ будущемъ, всѣ привиллегіи, данныя августѣйшими предками султана восточной православной церкви и ими подтвержденныя и охраняемыя, а сверхъ того по духу высокой справедливости предоставить православному исповѣданію всѣ преимущества, дарованныя другимъ христіанамъ по конвенціямъ, или особымъ распоряженіямъ.

«Впрочемъ, такъ какъ султанскій фирманъ, вновь данный патріарху и греческому духовенству, съ подтвержденіемъ ихъ духовныхъ правъ, долженъ быть почитаемъ новымъ доказательствомъ этихъ благородныхъ чувствъ, и какъ сверхъ того обнародованіе сего фирмана, дающаго всякое обѣщаніе, должно истребить всякое опасеніе касательно вѣры, исповѣдуемой Его Величествомъ Императоромъ, то я и почитаю себя счастливымъ, что могъ сдѣлать сіе объявленіе.

«Что же касается до обезпеченія въ будущемъ, что въ мѣстахъ поклоненія въ Іерусалимѣ ничего не будетъ измѣнено, то оно находится въ фирманѣ, облеченномъ Гатти-Майуномъ 15-го дня ребіулъ-ахирской луны 1268 года (февраля 1852); оно объявлено и подтверждено фирманами... (такого-то числа), и формальное намѣреніе его величества султана состоитъ въ неизмѣнномъ исполненіи высокаго рѣшенія.

«Сверхъ того высокая Порта офиціально сообщаетъ, что въ нынѣшнемъ положеніи дѣлъ не произведено будетъ никакой перемѣны безъ предварительнаго о томъ сообщенія французскому и россійскому правительствамъ. То же объявленіе будетъ сдѣлано и посланнику императора французовъ.

«Если бы Россійско-Императорскій Дворъ потребовалъ, то въ городѣ Іерусалимѣ или окрестностяхъ будетъ отведено приличное мѣсто для построенія церкви, гдѣ бы божественная служба была совершаема русскимъ духовенствомъ и госпиталя для больныхъ и бѣдныхъ пилигримовъ сей націи.

«Высокая Порта обязуется теперь же подписать торжествен-

ный по сему предмету актъ, поставляющій эти богоугодныя заведенія подъ особый надзоръ россійскаго генеральнаго консула въ Сиріи и Палестинѣ.»

Австрійскій кабинетъ, принявъ эту ноту основою для переговоровъ, предложилъ нѣкоторыя измѣненія для сближенія обѣихъ сторонъ. Напримѣръ, въ параграфѣ, начинающемся словами: «нижеподписавшійся получилъ приказаніе и пр.» прибавить: «Султанъ, *вѣрный* буквѣ и духу трактатовъ Кайнарджійскаго и Адріанопольскаго, касательно покровительства христіанскаго вѣроисповѣданія, почитаетъ долгомъ чести и проч.» Въ параграфѣ: «сверхъ того высокая порта оффиціально обѣщаетъ и пр. »графъ Буль прибавилъ въ окончаніи параграфа:« безъ предварительнаго сообщенія императорскому россійскому правительству и не во вредъ прочимъ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ.»

Послѣ сильныхъ преній, окончательная форма Вѣнской ноты состояла въ слѣдующемъ:

«Его величество султанъ, болѣе всего желая возстановить съ Его Величествомъ россійскимъ Императоромъ сношенія добрососѣдственности и совершеннаго согласія, прерванныя къ несчастію новѣйшими и прискорбными столкновеніями, тщательно старался пріискать средства къ изглаженію слѣдовъ этихъ несогласій, и вслѣдствіе высочайшаго ираде (такого-то числа) сообщеннаго ей рѣшенія султана, высокая Порта спѣшитъ передать оное его превосходительству россійскому посланнику (или его сіятельству графу Нессельроде).

«Если россійскіе императоры во всѣ времена обнаруживали самую дѣятельную попечительность къ охраненію правъ и преимуществъ православной церкви въ оттоманской имперіи, то султаны съ своей стороны никогда не отказывались подтверждать ихъ самыми торжественными актами, свидѣтельствующими древнее и постоянное ихъ благоволеніе къ христіанскимъ своимъ подданнымъ.

«Его величество нынѣ царствующій султанъ Абдулъ-Меджидъ, одушевленный тѣмъ же расположеніемъ и желая дать Его Величеству Императору россійскому личное удостовѣреніе въ своей искреннѣйшей дружбѣ и душевномъ желаніи къ упроченію древнихъ сношеній добрососѣдственности и совершеннаго согласія, царствующихъ между обоими государствами, внялъ единственно чувствамъ своей безграничной довѣренности къ высокимъ качествамъ своего августѣйшаго друга и союзника и удостоилъ принять въ серьозное вниманіе представленія его сіятельства князя Меншикова.

«Въ слѣдствіе сего нижеподписавшійся получилъ приказаніе симъ объявить, что правительство его величества султана пребудетъ вѣрнымъ буквѣ и духу трактатовъ Кайнарджійскаго и Адріанопольскаго, касательно покровительства христіанскаго исповѣданія, и что его величество Султанъ почитаетъ долгомъ чести навсегда соблюдать и предохранять отъ всякаго нарушенія какъ нынѣ, такъ и въ будущемъ, духовныя права, данныя августѣйшими предмѣстниками султана восточно-православной церкви и сохраненныя и подтвержденныя имъ; и сверхъ того, по духу высокаго правосудія, предоставитъ православному исповѣданію всѣ выгоды, данныя прочимъ христіанамъ по конвенціямъ, или особыми распоряженіями.»

Такимъ образомъ нота, первоначально составленная Лудовикомъ-Наполеономъ, присланная имъ С. Петербургскому кабинету и одобренная симъ послѣднимъ, принятая въ основаніе конференцій пяти державъ, утвержденная ими, послана была вторично съ новыми измѣненіями къ Императору Николаю I, и имъ снова одобрена (объ этомъ согласіи офиціально объявлено было въ Мониторѣ и въ обоихъ англійскихъ парламентахъ). Всѣ увѣрены были въ сохраненіи мира.

Отправили означенную ноту къ султану, и тамъ отвергли ее, то есть сдѣлали измѣненія, искажающія

смыслъ ея. Тогда русскій кабинетъ въ свою очередь объявилъ, что не приметъ никакихъ измѣненій въ актѣ, утвержденномъ пятью европейскими державами. Турція же, воспламененная внушеніями Англіи и фанатизмомъ корана, требовала войны. На улицахъ Константинополя составились бурныя народныя сходки, и посланники для личной своей безопасности призвали въ столицу по одному военному кораблю. Французскій, австрійскій и прусскій посланники все еще совѣтовали Портѣ принять вѣнскую ноту, но лордъ Редклифъ не хотѣлъ уже имъ содѣйствовать. Онъ обѣщалъ Турціи помощь Англіи.

Въ это же время русскій канцлеръ разослалъ своимъ агентамъ циркуляръ съ объясненіемъ, что С. Петербургскій кабинетъ принялъ вѣнскую ноту, потому что она обозначала тоже самое, что заключалось въ требованіяхъ князя Меншикова, то есть: обязательство Порты въ исполненіи прежнихъ договоровъ.

Этотъ циркуляръ послужилъ поводомъ Англіи и Франціи отказаться отъ вѣнской ноты. По какимъ причинамъ? этого онѣ никогда не могли доказать ясно. Всѣ доводы составляли однѣ фразы безъ основанія; онѣ говорили, что какъ скоро султанъ почитаетъ эту ноту несоотвѣтственною со своимъ достоинствомъ, то и имъ нельзя понуждать его къ принятію ея. И для этой причины началась ужаснѣйшая война, въ которой съ обѣихъ сторонъ погибло нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ!

25-го сентября 1853 года собрался въ Константинополѣ верховный совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ султана, и рѣшено объявить войну Россіи. Главнокомандующему Омеръ-Пашѣ послано приказаніе, чтобъ онъ объявилъ начальнику русскихъ войскъ въ Молдавіи и Валахіи объ очищеніи этихъ областей въ теченіе двухъ недѣль. Если же это не будетъ исполнено, или не дано будетъ отвѣта, то начать непріятельскія дѣйствія.

Свиданіе въ Ольмюцѣ.

Еще на минуту надѣялась Европа на возстановленіе согласія. Съ 20-го по 26-е сентября назначены были большіе маневры въ Ольмюцѣ, въ присутствіи австрійскаго императора Франца Іосифа. Туда же пріѣхалъ и Императоръ Николай. Около него тотчасъ же составился военно-политическій конгресъ, и отзывы русскаго монарха были самые миролюбивые. Онъ давалъ всѣ возможныя средства къ соглашенію Порты. Онъ даже не настаивалъ на безусловномъ принятіи Портою вѣнской ноты и соглашался, чтобъ посредничествующія державы объяснили портѣ дипломатическою нотою, какой смыслъ онѣ хотѣли придать нотѣ вѣнской конференціи и убѣдить ее къ надлежащимъ уступкамъ.

Австрія тотчасъ же принялась за составленіе этой ноты, но въ это время Турція уже объявила Россіи войну, и западные кабинеты отозвались, что время переговоровъ кончено.

Такъ началась война сперва между Турціею и Россіею, но уже можно было предвидѣть, что подстрекатели порты не оставятъ ее одну въ неравной борьбѣ. Усиленная всѣми политическими выходцами недавнихъ бунтовъ, Порта собрала на Дунаѣ 120,000 армію подъ начальствомъ Омеръ-паши. Россія же, обвиняемая западными державами въ дальновидныхъ и честолюбивыхъ планахъ, имѣла подъ ружьемъ въ Дунайскихъ княжествахъ только 60,000 человѣкъ. Уже это одно должно свидѣтельствовать въ исторіи, что она не имѣла завоевательныхъ видовъ. Съ 60,000 человѣкъ не могла она идти за Дунай и за Балканы. Для потушенія венгерскаго бунта двинула она 190,000 человѣкъ; для европейской войны вѣрно могла бы выставить больше.

Обратимся теперь къ описанію военныхъ дѣйствій, согласно съ обнародованными донесеніями, до той минуты, когда на позорищѣ войны явились новые дѣйствователи, и когда посредничествующая политика Австріи совер-

шенно измѣнила ходъ войны и продолжила ее на неопредѣленное время.

Военныя дѣйствія.

Государь Императоръ повелѣлъ князю Горчакову съ своими передовыми полками перейти черезъ Прутъ. Колонны наши 20-го іюня были уже на правомъ берегу этой рѣки, а 3-го іюля мы были въ Букарестѣ. До октября продолжалось мирное занятіе нашими войсками Дунайскихъ Княжествъ и ни одной жалобы отъ жителей не было принесено на какія либо притѣсненія.

Съ 3-го октября Турецкіе аванпосты начали перестрѣливаться съ нашими пикетами. 11-го числа дунайская флотилія прибыла въ Галацъ. Ей предстояло пройти мимо укрѣпленій Исакчи. Турки первые открыли сильный огонь, на который мы дружно отвѣчали, и черезъ нѣсколько часовъ прибыли въ Галацъ съ небольшими поврежденіями. Большая же часть города Исакчи выгорѣла отъ пожара.

20-го октября, турецкія суда, пользуясь туманомъ, пытались спуститься изъ Рущука внизъ по Дунаю. Но мы встрѣтили непріятеля меткимъ огнемъ и заставили отойти его къ правому берегу. 21-го числа турецкія войска переправились на лѣвый берегъ Дуная и заняли тамъ каменный карантинъ; узнавъ объ этомъ, князь Горчаковъ приказалъ командиру 4-го пѣхотнаго корпуса атаковать непріятеля. Съ приближеніемъ нашимъ на пушечный выстрѣлъ, непріятель открылъ сильный огонь. Двѣ батареи наши немедлено начали дѣйствіе. Простоявъ съ часъ на этомъ разстояніи, пѣхота наша быстро двинулась на непріятельское укрѣпленіе, подъ самымъ ужаснымъ огнемъ и достигнувъ до него, спустилась въ ровъ. Турки, изумленные этимъ смѣлымъ натискомъ, бѣжали къ берегу и сѣли на лодки. Тогда генералъ Данненбергъ приказалъ прекратить дѣло и занялъ позицію у селенія Ольтеницы.

Съ 21-го по 26-е ноября турки никакихъ набѣговъ на лѣвый берегъ рѣки не дѣлали.

25-го декабря графъ Анрепъ-Эльмптъ расположилъ свой отрядъ при Четати, чтобъ стѣснить кругъ дѣйствій турокъ въ Калафатѣ. Въ этотъ день непріятель въ числѣ 18,000 человѣкъ направился черезъ деревню Гунію, но встрѣченъ былъ полковникомъ Баумгартеномъ, съ тремя баталіонами; турки осыпали эти войска жестокимъ огнемъ, но отброшенные графомъ Анрепъ-Эльмптомъ, отступили поспѣшно къ Калафату, съ потерею 3000 человѣкъ убитыми и ранеными.

1-го января изъ Силистріи переправилась на лѣвый берегъ Дуная непріятельская партія въ числѣ 2000 человѣкъ. Генералъ-маіоръ Богушевскій немедленно подкрѣпилъ нашу казачью цѣпь, и появленіе его заставило турокъ отступить.

Въ февралѣ мѣсяцѣ поручено было генералъ-лейтенанту Хрулеву нанести вредъ турецкимъ судамъ у Систова и Никополя, устроивъ нѣсколько батарей. Дѣйствіе ихъ калеными ядрами было успѣшно; ими сожжены 15-го и 16-го числа 9-ть большихъ и нѣсколько малыхъ туземныхъ судовъ, а также помостъ, служившій для пристани катеровъ.

20-го февраля турки переправили къ Каларашу до 6000 человѣкъ. Генералъ Хрулевъ съ двумя баталіонами атаковалъ турокъ, вышедшихъ на берегъ, и опрокинувъ ихъ штыками, преслѣдовалъ до самыхъ лодокъ. Между тѣмъ генералъ Богушевскій, командовавшій лѣвою колонною его отряда, получилъ извѣстіе, что три большія турецкія судна, наполненныя пѣхотою, приближаются къ берегу. Меткіе выстрѣлы нашей артиллеріи потопили непріятельскія суда, а находившіеся на нихъ люди бросились вплавь къ острову Гопы, но большая часть изъ нихъ потонула.

Наконецъ, 11-го марта, войска наши совершили знаме-

нитую переправу на правый берегъ Дуная. Они переправились въ трехъ пунктахъ: отъ Галаца подъ начальствомъ Людерса; отъ Браилова подъ предводительствомъ князя Горчакова и отъ мыса Четала подъ командою генерала Ушакова. Въ послѣднемъ пунктѣ происходилъ самый упорный бой, но не смотря на отчаянное сопротивленіе враговъ, храбрые наши полки взяли штурмомъ нѣсколько сильныхъ редутовъ, нанесли туркамъ значительную потерю, отбили у нихъ 9 орудій и захватили 150 плѣнныхъ; на прочихъ пунктахъ изумленные турки бѣжали и не рѣшились держаться даже въ Тульчѣ и Мачинѣ. Обѣ эти крѣпости брошены были непріятелемъ и заняты нашими безъ боя.

14-го марта, за два часа до разсвѣта, турки выслали изъ Калафата всю свою кавалерію для нападенія на отрядъ нашъ, расположенный у селенія Пояны; но начальникъ сего отряда генералъ-маіоръ Гастферъ вышелъ навстрѣчу непріятеля и опрокинулъ его.

30-го марта Черноводы и Карасу заняты были казачьими партіями подъ командою подполковниковъ Валуева и Ѳомина. Посланные до Каракіой, Кезерлели и Махмудъ Койсу, разъѣзды наши открыли только въ этомъ послѣднемъ селеніи непріятеля числомъ до 600 человѣкъ конницы съ частію пѣхоты.

Того же числа казачья партія съ есауломъ Измайловымъ направлена была къ Кюстенджи. Слѣдуя туда морскимъ берегомъ, она встрѣтила у самаго города пѣшій пикетъ, выставленный отъ двухъ, стоявшихъ на рейдѣ пароходовъ. Пикетъ, сдѣлавъ залпъ изъ ружей по нашимъ, бѣжалъ къ морю для соединенія съ своимъ резервомъ изъ 60-ти французовъ и англичанъ. Казаки устремились на непріятеля, но онъ отступилъ съ величайшею быстротою, бросился въ лодки и успѣлъ отплыть къ пароходамъ, которые открыли огонь изъ орудій; отъ этихъ выстрѣ-

ловъ городъ загорѣлся въ двухъ мѣстахъ. Кюстенджи и Мангалія оставлены были жителями.

16-го апрѣля, на 4-хъ большихъ и 14-ти малыхъ судахъ переправились изъ Никополя на лѣвый берегъ Дуная до 800 человѣкъ турокъ, которые немедленно завладѣли заваломъ старыхъ укрѣпленій. Чтобы до прибытія нашей пѣхоты не дать непріятелю утвердиться въ шанцахъ, полковникъ Рейсихъ направилъ противъ нихъ первый дивизіонъ уланскаго полка. Не смотря на сильный огонь съ батареи праваго берега, уланы и казаки устремились на шанцы и втоптали турокъ въ Дунай. Но въ это самое время къ непріятелю прибыло до 1000 человѣкъ подкрѣпленія. Батальный огонь турецкой пѣхоты и пальба Никопольскихъ батарей не могли остановить нашихъ храбрыхъ солдатъ. Они мгновенно овладѣли укрѣпленіями и выбили изъ нихъ непріятеля. Три большія турецкія судна поспѣшили тогда съ подкрѣпленіями къ лѣвому берегу; но они были встрѣчены столь меткимъ огнемъ, что одно изъ судовъ, не дойдя до берега, повернуло назадъ, другое потоплено, а третье было засыпано картечью. Турки на послѣднемъ суднѣ начали бросать оружіе и просить пощады. По показанію плѣнныхъ, на нашъ берегъ переправилось до 3000 человѣкъ; изъ нихъ убито и ранено до 800, въ плѣнъ взято 123.

15-го апрѣля турки до 15,000 человѣкъ вышли изъ Калафата и расположились лагеремъ при селеніи Белешти, Навстрѣчу имъ былъ высланъ полковникъ Желтоношкинъ. Не доходя трехъ верстъ до Радована, казаки сбили передовую цѣпь баши-бузуковъ и принудили отступить къ Радовану. Подобной же участи подверглась партія турецкой кавалеріи до 700 человѣкъ, занимавшая селеніе Кузгулъ. Полковникъ Валуевъ оттѣснилъ непріятеля по направленію къ Базарджику.

Съ 29-го апрѣля началась осада города Силистріи. Она считается одною изъ важнѣйшихъ крѣпостей въ

Турціи; всѣ укрѣпленія ея были въ послѣднее время усилены многими иностранными инженерами, и осада ея представляла большія затрудненія, потому что тылъ осаждающихъ всегда могъ быть угрожаемъ со стороны Варны и Шумлы. Но, какъ для дальнѣйшихъ дѣйствій за Дунаемъ Силистрія представляла важную точку опоры, то осада была начата частію нашихъ силъ, другая же продолжала движеніе къ Варнѣ.

5-го мая вышли изъ Силистріи два баталіона и двинулись къ нашему лагерю; но когда навстрѣчу имъ выступили и съ нашей стороны отряды, то турки поспѣшили отступить. 9-го и 10 мая были вновь попытки къ нападенію, но столь же безуспѣшно. 12-го мая генералъ Павловъ занялъ островъ, лежащій предъ Туртукаемъ. На другой день полковникъ Андроновъ съ командою казаковъ переправился на правую сторону Дуная, и нашелъ Туртукай уже совершенно оставленнымъ.

19-го мая непріятель сдѣлалъ изъ Силистріи вылазку на лѣвый флангъ нашихъ траншей, но былъ блистательнымъ образомъ отбитъ. Въ ту же ночь турки атаковали нашъ правый флангъ. Генералъ-лейтенантъ Сельванъ двинулъ на приступъ бывшія у него три роты. Войска устремились на фортъ и частію взошли на валъ, но по крутизнѣ его не могли совершить своего подвига. Генералъ Сельванъ приказалъ ударить отбой, но самъ былъ смертельно пораженъ, и войска, не смотря на порывъ своей храбрости, должны были возвратиться безъ успѣха.

22-го мая непріятель снова предпринялъ сильную вылазку противъ редута, возведеннаго на лѣвомъ флангѣ нашихъ траншей. Не взирая на сильный нашъ огонь, турки достигли рва; два баталіона подъ командою генералъ-маіора Веселитскаго опрокинули непріятеля и нанесли ему значительный уронъ.

16-го мая произошло неудачное дѣло у Каракулъ. Полковникъ Карамзинъ, увлекшись порывомъ своей от-

ваги, перешелъ черезъ рѣчку Ольтицу съ 6-ю эскадронами гусаръ и одною сотнею казаковъ и атаковалъ у Каракулъ непріятеля, котораго сила была ему неизвѣстна. Турки въ числѣ 3000 дали отряду нашему неосторожно перейти черезъ болотистую рѣчку Тезлуй, потомъ стали густыми толпами обходить его фланги и за тѣмъ устремились на него съ фронта. Картечные выстрѣлы нашей артиллеріи и атаки гусаръ удержали первый напоръ турецкой конницы и дали возможность Карамзину начать обратное движеніе. Но толпы баши-бузуковъ обхватили фланги нашего отряда и притѣснили его тыломъ къ болотистой рѣчкѣ. Въ столь невыгодномъ положеніи гусары и артиллеристы продолжали еще упорно отбиваться; но напрасны были всѣ усилія. При этомъ неравномъ боѣ отрядъ нашъ понесъ сильную потерю. Полковникъ Карамзинъ былъ убитъ и 16 офицеровъ ранено; нижнихъ чиновъ убито и ранено 140 человѣкъ.

Наконецъ самымъ чувствительнымъ ударомъ было снятіе осады Силистріи по распоряженію князя Варшавскаго.

Въ слѣдующей главѣ увидимъ мы причины какъ снятія этой осады, такъ и очищенія Молдавіи и Валахіи. Между тѣмъ, какъ отступленіе русскихъ происходило весьма медленно, на Дунаѣ произошелъ еще бой 23-го и 25-го іюня.

Для наблюденія за крѣпостью Рущукомъ расположенъ былъ у Журжи отрядъ генерала Соймонова. Съ 10-го числа начали стекаться турки къ Рущуку изъ Шумлы и съ Нижняго Дуная. 21-го іюня собралось 40,000 регулярныхъ войскъ. 23-го числа начали они переправляться на судахъ къ острову Макану. Наши батареи встрѣтили ихъ сильнымъ огнемъ и нанесли жестокій уронъ. Нѣсколько разъ возвращались они на судахъ къ своему берегу. Однако же въ теченіе дня успѣли перевезти на островъ Маканъ значительное число войскъ и начали строить батареи.

24-е число прошло спокойно. 25-го съ шести часовъ утра турки снова открывъ огонь, начали переправляться къ обѣимъ оконечностямъ Радомана. Тогда наши два баталіона перешли на Радоманъ, сбили непріятеля и опрокинули его въ Дунай. Но непріятель, безпрестанно получавшій новыя подкрѣпленія, не прерывалъ боя до самаго заката солнца. Наша артиллерія, не взирая на сильный огонь съ крѣпости, выстрѣлами своими потопила до 15-ти непріятельскихъ судовъ, и всѣ покушенія турокъ переправиться съ острова Макана на лѣвый берегъ Дуная были отражены.

Посмотримъ теперь на дѣйствія въ прочихъ пунктахъ театра войны.

Она началась въ одно время и на восточномъ берегу Чернаго моря. Съ 15-го на 16-е октября турки атаковали и взяли фортъ Св. Николая. Узнавъ объ этомъ, князь Воронцовъ приказалъ полковнику Карганову двинуться къ этому укрѣпленію, и тотъ открылъ непріятеля, засѣвшаго въ густомъ лѣсу. Стрѣлки и сотня Гурійской милиціи подъ сильнымъ огнемъ подошли къ заваламъ, сдѣлали залпъ, и послѣ рукопашной схватки выбили турокъ изъ лѣса и вогнали его въ Николаевскъ. Съ наступленіемъ сумерекъ турки три раза пытались атаковать нашу позицію, но были отбиваемы съ значительнымъ урономъ и оставили на мѣстѣ болѣе 300 тѣлъ.

6-го ноября турки атаковали нашъ отрядъ, прикрывающій сообщеніе Ахалцыха чрезъ Боржомское ущелье съ Гори. Турки цѣлую ночь производили нападенія. Въ 7 часовъ утра генералъ-маіоръ Бруннеръ, построивъ свой отрядъ, двинулъ его въ штыки на непріятеля. Ударъ былъ неотразимъ. Турки не выдержали его и бросились назадъ. Генералъ Бруннеръ преслѣдовалъ ихъ болѣе семи верстъ.

14-го ноября князь Воронцовъ получилъ донесеніе отъ князя Андроникова о блистательной побѣдѣ при

Ахалцыхѣ. Бой начался артиллерійскимъ огнемъ, и упорство непріятеля заставило насъ кончить дѣло штыками. Непріятель защищался отчаянно; но пѣхота наша бросилась такъ стремительно и дружно, что турки должны были уступить и бѣжать. Преслѣдованіе кончилось только съ наступленіемъ ночи.

19-го ноября одержана была еще важнѣйшая побѣда. Турецкій корпусъ, не дойдя до Карса, расположился лагеремъ около Башъ-Кадыкъ-Лара. Князь Бебутовъ двинулся противъ него, и нашелъ турокъ въ полной готовности къ бою. Чтобъ выбить ихъ изъ сильной занимаемой ими позиціи, князь Бебутовъ велѣлъ ударить въ штыки. Эта атака была исполнена отлично, и не смотря на упорное сопротивленіе турокъ, они должны были уступить. Въ этомъ славномъ боѣ турки потеряли 24 орудія и 1,800 человѣкъ убитыми. Съ нашей стороны убито 308, ранено 762.

Послѣ этого дѣла обѣ арміи разошлись по зимнимъ квартирамъ, и до весны 1854 года ничего не предпринимали.

Въ ночи съ 26-го на 27-е мая князь Эристовъ получилъ свѣдѣніе, что въ недальнемъ разстояніи отъ его позиціи у деревни Лѣсы скопилось до 12,000 непріятельскихъ войскъ подъ начальствомъ Решидъ-Паши-Думбадзе, съ намѣреніемъ напасть на отрядъ нашъ при деревнѣ Нигоити. На разсвѣтѣ 27-го числа турецкія войска спустились съ горъ и двинулись прямо къ Нигоити. Но князь Эристовъ самъ рѣшился предупредить нападеніе и пошелъ къ нимъ навстрѣчу. Не смотря на сильный ружейный и пушечный огонь, войска наши выстроились въ боевой порядокъ. Маіоръ Монбели первый съ баталіономъ ударилъ въ штыки и опрокинулъ непріятеля. Справа атаковалъ турокъ маіоръ Шафировъ, и обратилъ ихъ въ бѣгство. Однако же князь Эристовъ остановилъ преслѣдованіе, потому что во время боя толпы баши-бу-

зуковъ устремились на аріергардъ, оставленный при обозѣ. Но и тамъ, горсть храбрыхъ, окруженная непріятелемъ, мужественно отражала его болѣе двухъ часовъ. Прибытіе же князя Эристова заставило его бѣжать. Турокъ, было болѣе 1,000 убито и 100 человѣкъ взято въ плѣнъ.

Еще важнѣйшая побѣда была одержана 3-го іюня княземъ Андрониковымъ надъ 34,000 корпусомъ турокъ, на границѣ Гуріи. Они стояли за рѣчкою Чолнокомъ и вовсе не ожидали нападенія, какъ вдругъ князь Андрониковъ появился на другомъ берегу и привелъ ихъ своимъ явленіемъ въ совершенное замѣшательство. Завязался непродолжительный бой, но турки нигдѣ не могли устоять и бѣжали съ поля битвы, потерявъ нѣсколько тысячъ убитыми и ранеными.

20-го іюля генералъ-лейтенантъ Врангель занялъ городъ Баязетъ, нанеся туркамъ совершенное пораженіе. Кромѣ семи орудій, двадцати знаменъ и множества плѣнныхъ, весь Баязетскій отрядъ истребленъ и вся провинція покорена.

24-го іюля произошло другое пораженіе 30,000 непріятельскаго корпуса впереди Карса. Князь Бебутовъ узналъ, что непріятель въ огромныхъ силахъ идетъ на нашъ лагерь. Поутру 24-го числа появился онъ и началъ сильную канонаду. Первая атака наша произведена была кавалеріею, которая и отбила восемь орудій. Между тѣмъ быстро пошла впередъ и пѣхота. Сильно тѣснимый непріятель занялъ довольно значительную высоту, на которой хотѣлъ дать рѣшительный отпоръ. Но наша пѣхота понеслась и на высоту, гдѣ вступила въ сильный рукопашный бой съ турками. Въ это самое время показались значительныя непріятельскія силы противъ нашего праваго фланга. Это заставило русскихъ растянуть линію боя почти на пять верстъ. Съ обѣихъ сторонъ открылась сильная канонада. Но пѣхота наша уничтожила всѣ

покушенія непріятеля обойти нашъ флангъ и заставила его искать спасенія въ бѣгствѣ, оставя семь орудій въ нашихъ рукахъ.

Обратимся теперь къ дѣйствіямъ нашего черноморскаго флота.

Фрегатъ «Флора», слѣдуя въ Сухумъ-Кале изъ Севастополя атакованъ былъ ночью 6-го Ноября тремя турецкими пароходами. Подойдя къ носовой части фрегата, старались они дѣйствовать на него продольными выстрѣлами, но фрегатъ искусными движеніями заставилъ ихъ отойти и прекратить пальбу. На разсвѣтѣ фрегатъ усмотрѣлъ шкуну «Дротикъ». Два турецкіе парохода пошли на шкуну. Тогда фрегатъ, чтобъ отвлечь ихъ, обратился на остальной пароходъ и открылъ по немъ жестокій огонь. Увидя это, пароходы дѣйствительно воротились, но вскорѣ получивъ значительныя поврежденія, бѣжали въ безпорядкѣ.

Вслѣдъ за тѣмъ одержана была одна изъ важнѣйшихъ побѣдъ въ исторіи нашего флота.

Вице-адмиралъ Нахимовъ, крейсеруя у береговъ Анатоліи съ кораблями: «Императрица Марія», «Чесьма» и «Ростиславъ», увидѣлъ отрядъ турецкихъ судовъ, расположенный въ Синопѣ, подъ защитою шести береговыхъ батарей, и рѣшился тѣсно блокировать этотъ портъ въ ожиданіи изъ Севастополя кораблей «Святославъ» и «Храбрый», поврежденныхъ штормомъ 8-го числа, чтобъ вмѣстѣ съ ними атаковать непріятеля. Погода была безпрестанно мрачная, съ постояннымъ дождемъ и свѣжимъ восточнымъ вѣтромъ. Однако же эскадра держалась весьма близко къ берегу изъ опасенія, чтобъ непріятель не вышелъ изъ порта ночью.

16-го ноября къ эскадрѣ Нахимова присоединилась эскадра контръ-адмирала Новосильскаго, состоящая изъ 120-ти пушечныхъ кораблей: «Парижъ», «великій князь Константинъ» и «Три Святителя»; фрегатовъ: «Кагулъ»,

и «Кулевчи». На другой же день Нахимовъ отдалъ по всей эскадрѣ приказъ о намѣреніи своемъ атаковать непріятельскій флотъ; но при этомъ предписывалъ, чтобъ консульскіе домы и вообще городъ щадить, поражая лишь непріятельскія суда и батареи.

Въ половинѣ 10-го утромъ, по сигналу адмирала русскіе корабли полетѣли на Синопскій рейдъ. Приблизившись къ порту, усмотрѣно, что семь турецкихъ фрегатовъ и три корвета расположены лунообразно подъ прикрытіемъ четырехъ батарей; за боевою же линіею стояли два военные турецкіе парохода и два транспорта. Въ половинѣ перваго часа по первой пушкѣ турецкаго флагманскаго корабля (фрегатъ Ауни-Аллахъ) открытъ былъ огонь со всѣхъ непріятельскихъ судовъ и батарей. Корабль «Императрица Марія» былъ засыпанъ ядрами и книппелями, но храбро шелъ впередъ, дѣйствуя батальнымъ огнемъ. Не выдержавъ и получасовой пальбы, фрегатъ «Аупи-Аллахъ» выбросился на берегъ къ баттареѣ № 6-й. Тогда корабль «Марія» обратилъ огонь на 44-хъ-пушечный фрегатъ «Фазли-Аллахъ» («Рафаилъ», взятый у насъ въ 1829 году). Вскорѣ и сей послѣдній, загорѣвшись, бросился тоже на берегъ и сталъ на мель. Такимъ образомъ, не имѣя противниковъ, корабль «Марія» началъ дѣйствовать по батареѣ № 5-й и по судамъ, сопротивлявшимся второй колоннѣ. Но послѣднее оказалось излишнимъ: вторая колонна дѣйствовала столь же превосходно. Корабль «великій князь Константинъ», принявъ скулою градъ ядеръ, книппелей и картечи, открылъ сильный батальный огонь по батареѣ № 4-й и 60-типушечнаго фрегата «Навекъ-Бахри» и другаго такого же «Неземи-Зеферъ». Меткими выстрѣлами съ бомбической батареи корабля взорванъ былъ на воздухъ черезъ 20 минутъ фрегатъ «Навекъ-Бахри», и тогда, поворотясь на шпрингѣ, корабль обратилъ свой огонь на другой фрегатъ и на 20-ти-пушечный корветъ «Неджми-Фашанъ»,

Въ часъ по-полудни фрегатъ былъ отброшенъ на старую моллу, а вскорѣ за нимъ выбросился на берегъ и корветъ съ батареи № 5-й. Корабль «Чесьма» до взрыва фрегата «Навекъ-Бахри» дѣйствовалъ тоже по немъ и по батареямъ № 3-й и 4-й, а потомъ уже по симъ послѣднимъ, которыя и срылъ. Корабль «Парижъ» открылъ страшный батальный огонь по батареѣ № 5-й и по 56-ти-пушечному фрегату «Дадіадъ» и корвету «Чюли-Сефидъ» (о 22-хъ пушкахъ): въ часъ 5 минутъ пополудни корветъ взлетѣлъ на воздухъ; фрегатъ же въ два часа сдрейфовалъ къ берегу, гдѣ и загорѣлся. Корабль «Три Святителя» очень хорошо дѣйствовалъ по 54-хъ-пушечному фрегату «Каиди-Зеферъ» и другимъ судамъ, и принудилъ фрегатъ броситься къ берегу. Корабль «Ростиславъ» сталъ противъ батареи № 6-й и 42-хъ-пушечнаго корвета «Фейзе-Меабуръ», и вскорѣ корветъ былъ отброшенъ на берегъ, а батарея уничтожена.

Въ это время вышелъ изъ линіи турецкій 20-ти-пушечный пароходъ «Таифъ» въ 450 силъ и пустился въ открытое море. Фрегаты «Кагулъ» и «Кулевчи» погнались было за нимъ, но пароходъ, обмѣнявшись съ ними нѣсколькими выстрѣлами, вскорѣ ушелъ отъ нихъ.

Такимъ образомъ, менѣе нежели въ полтора часа, весь непріятельскій флотъ и береговыя батареи Синопа были уничтожены, и со славною этою побѣдою флотъ нашъ возвратился въ Севастополь. Это знаменитое торжество русскаго оружія ускорило рѣшимость Англіи и Франціи. Всѣ европейскія газеты вопіяли, что это сраженіе было вѣроломствомъ со стороны Россіи и что она не имѣла права напасть на турецкій флотъ. Только для *исторической* странности приводимъ это современное сужденіе. Турція уже объявила войну Россіи, и турецкій флотъ везъ подкрѣпленія въ Азію, гдѣ уже у русскихъ былъ отнятъ одинъ фортъ,

Естественный законъ войны требовалъ остановить этотъ флотъ и истребить его. Но Англія простила бы намъ всѣ побѣды на сушѣ; за торжество же флота она требовала мщенія.

ГЛАВА VIII.

1854—1855 годы.—Переворотъ войны.—Вмѣшательство Англіи и Франціи.—Синопская побѣда.—Лордъ Сеймуръ.—Возстаніе грековъ.—Политика западныхъ державъ. — Историческіе документы.—Война.—Внезапная политика Австріи.—Объявленіе ея.—Договоръ съ Турціею. — Трактатъ 2-го декабря.—Четыре пункта гарантіи.—Описаніе военныхъ дѣйствій.—Крымская кампанія.—Высадка.—Сраженіе при Альмѣ. — Бомбардировка. — Инкерманское сраженіе.—Зимняя осада.—Послѣдняя реляція о боѣ при Евпаторіи —Болѣзнь императора.—Описаніе послѣднихъ часовъ его жизни.—Завѣщаніе его —Заключеніе.

Переворотъ войны.

До іюня 1854 года счастіе благопріятствовало русскому оружію. Мы владѣли уже всѣмъ полуостровомъ Добруджею, перешли за Трояновъ валъ и приближались къ Варнѣ, угрожая Шумлѣ. Силистрія, не смотря на отчаянную оборону, готова была пасть. Вдругъ политическое положеніе Европы перемѣнило ходъ войны.

Вмѣшательство Англіи и Франціи.

Еще въ то время, какъ общая нота вѣнской конференціи была представлена Портѣ, лордъ Редклифъ устранился отъ прочихъ посланниковъ и не хотѣлъ убѣждать ее къ принятію общаго желанія Европы. Онъ уже обѣщалъ ей помощь Англіи, если съ Россіею произойдетъ война. Да и въ послѣдствіи открылось, что тайная мысль англійскаго кабинета состояла въ томъ, чтоб воздвигнуть войну противъ Россіи, которой усиленіе флота и торговли весьма безпокоили Англію. Лордъ Джонъ Россель хвалился въ самомъ парламентѣ, что лондонскій кабинетъ давно искалъ случая объявить войну гордой и самовластной Россіи. Покуда

Лудовикъ-Наполеонъ, тоже старавшійся начать войну съ Россіею для отмщенія за своего дядю, убѣждалъ англійскихъ министровъ присоединиться къ нему, когда онъ началъ съ нею ссору за Святыя мѣста, Англія не хотѣла рѣшаться на это. Протестантская нація не охотно бы видѣла странное участіе своей арміи за дѣло католицизма, вовсе чуждое англиканской церкви. Но когда можно было имѣть предлогомъ цѣлость и независимость Турціи, то обѣ западныя державы, каждая по совершенно различнымъ причинамъ, радостно ухватились за случай, чтобъ ослабить столь страшную для нихъ Россію, которая въ 1848—1849 году ниспровергла всѣ тайныя козни Англіи и остановила разливъ февральской революціи.

Синопская побѣда.

Первымъ поводомъ къ воинственной вспышкѣ западныхъ державъ была синопская побѣда. Война уже нѣсколько мѣсяцевъ началась между Турціею и Россіею. Вдругъ турецкому флоту вздумалось выйти въ Черное море и отправиться съ десантнымъ войскомъ и съ грузомъ военныхъ снарядовъ къ азіятскимъ берегамъ для подкрѣпленія тамошняго своего корпуса, сражавшагося съ русскими. Едва русскій адмиралъ узналъ объ этомъ, какъ тотчасъ же погнался за непріятельскимъ флотомъ, настигъ его въ Синопѣ и истребилъ.

Эта побѣда Россіи еще болѣе ожесточила Францію и Англію. Самыми странными софизмами старались онѣ увѣрить общественное мнѣніе Европы, что Россія не должна была смѣть нападать на слабый флотъ турецкій и что это нападеніе составляетъ явное нарушеніе общихъ народныхъ правъ. Многіе повѣрили и вѣрятъ еще этому.

Но и кромѣ того было много выдумокъ и клеветъ на Россію. Однимъ изъ главныхъ обвиненій на Императора Николая было то, что онъ давно уже замышлялъ завоеваніе и раздробленіе Турціи, и что даже предлагалъ Англіи подѣлиться съ нею добычею. Все это было говорено въ парламентѣ и повторялось во всѣхъ газетахъ, какъ

основанное на *несомнѣнныхъ доказательствахъ*. Исторія обязана вникнуть во всѣ эти обвиненія противъ одного изъ величайшихъ государей и представить факты, на которыхъ они были основаны. Оказывается, что англійскій посланникъ Сеймуръ, еще въ бытность свою въ С. Петербургѣ, имѣлъ нѣсколько частныхъ разговоровъ съ Государемъ Императоромъ о печальномъ положеніи Турціи, и Государь сравнивалъ ее съ *безнадежнымъ больнымъ*, который вдругъ отъ какого нибудь внутренняго политическаго переворота можетъ скончаться. Какъ ближайшій сосѣдъ его, русскій монархъ въ мудрой дальновидности своей предусматривалъ, что вся Европа можетъ тогда придти въ замѣшательство отъ этого событія. Здравая и благонамѣренная политика требовала, для избѣжанія столкновеній въ Европѣ, чтобъ главныя державы заранѣе условились въ мѣрахъ, какія тогда надобно будетъ принять.

Лордъ Сеймуръ.

Эти конфиденціальные разговоры привели къ размѣну нѣкоторыхъ нотъ съ англійскимъ министерствомъ, которыми обѣ державы обязывались стараться поддерживать Турцію отъ окончательнаго разрушенія. И этотъ-то разговоръ Императора Николая враги его выставили въ видѣ покушенія на раздробленіе Турціи, тогда какъ это была одна заботливость о будущемъ спокойствіи Россіи и Европы, и когда дипломатическія ноты кончились тѣмъ, чтобъ по возможности поддерживать *отчаяннаго больнаго*.

Возстаніе Грековъ.

Сверхъ того, въ концѣ 1853 и въ началѣ 1854 произошли возстанія въ древне-греческихъ провинціяхъ, оставшихся подъ властію Турціи. Эти несчастные народы, шесть лѣтъ съ 1820 года сражавшіеся за свою свободу и православную вѣру, не были включены во вновь созданное тогда греческое королевство, а остались подъ варварскимъ игомъ мусульманъ, которые еще болѣе стали съ тѣхъ поръ мучить ихъ. Управленіе этихъ странъ было

достойно дикой орды туркменцевъ. Каждая область отдавалась на откупъ, и эти правители-откупщики большею частію изъ разбогатѣвшихъ грабежемъ разбойниковъ высасывали послѣднія жизненныя силы жителей всякими насильствами и злодѣйствами. Мудрено ли же, что эти христіанскіе народы вознамѣрились воспользоваться начавшеюся войною своихъ притѣснителей съ могущественною Россіею, взялись за оружіе и захотѣли свергнуть четырехъ-вѣковое свое иго. Мудрено ли, что сосѣдственные ихъ родственники, единоплеменники и *братія о Христѣ*— свободные греки, оказывали имъ помощь мимо своего правительства! Мудрено ли наконецъ, что самое греческое правительство обнаружило участіе къ дѣлу христіанства противъ вѣчныхъ враговъ его? И эту-то отчаянную и благородную попытку страдальцевъ, томящихся подъ ужаснѣйшимъ игомъ, назвали бунтомъ, наущеніемъ Россіи, подкупомъ ея золота! И это было новымъ предлогомъ западныхъ державъ къ объявленію войны Россіи.

Политика западныхъ державъ.

Конечно, на каждомъ шагу видимъ мы въ исторіи, что воюющія стороны сваливаютъ другъ на друга причины войны и кровопролитія. Но теперь кромѣ фразъ нечего было представить западу. Россія обратилась къ Турціи съ требованіями, чтобъ прежніе трактаты были исполняемы и желала въ этомъ новаго удостовѣренія, то есть какого либо письменнаго акта (хотя печальная опытность и могла убѣдить ее, что Турція не уважаетъ заключенныхъ договоровъ съ христіанами и не обязана къ этому по правиламъ своей вѣры). Вся Европа признала документальнымъ образомъ, что Россія имѣла право на эти требованія. Составлена была только общая нота, чтобъ пощадить самолюбіе Порты. Россія приняла эту ноту. Турція отвергла и объявила войну Россіи. Западныя державы, вмѣсто того, чтобъ принудить Порту къ принятію своей и общей ноты, почли приличнѣе объявить войну Россіи, говоря, что она посягаетъ на независимость и цѣлость

Турціи. Гдѣ же тутъ здравая логика? Потомство съ трудомъ повѣритъ всеобщему ослѣпленію, вовлекшему всю Европу въ гибельную войну.

Историческіе документы.

Приведемъ теперь всѣ документы этой достопримѣчательной эпохи:

Вотъ манифестъ 20-го октября 1853 года.

«Манифестомъ Нашимъ, даннымъ въ 14-й день іюня текущаго года, Мы объявили любезнымъ Нашимъ вѣрноподданнымъ о причинахъ, побудившихъ Насъ требовать отъ Порты Оттоманской твердаго обезпеченія на будущее время священныхъ правъ церкви православной.

«Мы также возвѣстили имъ, что всѣ старанія Наши склонить Порту мѣрами дружескаго убѣжденія къ чувству правоты и добросовѣстному соблюденію трактатовъ оставались безполезными; почему и признано было Нами необходимымъ двинуть войска Наши въ Придунайскія Княжества. Но принявъ сію мѣру, Мы сохраняли еще надежду, что Порта въ познаніи своихъ заблужденій рѣшится исполнить справедливыя Наши требованія.

«Ожиданія Наши не оправдались.

«Тщетно даже главныя европейскія державы старались своими увѣщаніями поколебать закоснѣлое упорство турецкаго правительства. На миролюбивыя усилія Европы, на Наше долготерпѣніе оно отвѣтствовало объявленіемъ войны и прокламаціею, исполненною извѣтовъ противъ Россіи. Наконецъ принявъ мятежниковъ всѣхъ странъ въ ряды своихъ войскъ, Порта открыла уже военныя дѣйствія на Дунаѣ.

«Россія вызвана на брань: ей остается возложивъ упованіе на Бога, прибѣгнуть къ силѣ оружія, дабы понудить Порту къ соблюденію трактатовъ и къ удовлетворенію за тѣ оскорбленія, коими отвѣчала она на самыя умѣренныя Наши требованія и на законную заботливость Нашу о защитѣ на востокѣ православной вѣры, исповѣдуемой и народомъ русскимъ.

«Мы твердо убѣждены, что Наши вѣрноподданные соединятъ съ нами теплыя молитвы къ Всевышнему да благословитъ десница Его оружіе, подъятое Нами за Святое и правое дѣло, находившее всегда ревностныхъ поборниковъ въ Нашихъ благочестивыхъ предкахъ. На тя Господи уповаемъ, да непостыдимся во вѣки.

НИКОЛАЙ.»

Въ Times 14-го декабря помѣщена статья слѣдующаго содержанія. Она любопытна тѣмъ, что сами враги Россіи высказываютъ мало по малу, что она права во всѣхъ своихъ требованіяхъ.

«Въ рѣчи, произнесенной передъ султаномъ Абдулъ-Меджидомъ, лордъ Редклифъ, воспользовавшись благопріятнымъ случаемъ упомянулъ, что Великобританія, въ вознагражденіе пожертвованій, къ которымъ она вѣроятно принуждена будетъ при защитѣ Турціи, надѣется достигнуть безпрерывнаго успѣха въ совершенномъ преобразованіи правительственной системы Турціи въ отношеніи ко всѣмъ ея подданнымъ безъ исключенія. Должно отдать справедливость лорду Редклифу: ни одинъ изъ государственныхъ людей не сдѣлалъ большихъ усилій къ поддержанію имперіи оттоманской и никто не былъ такъ откровененъ и настойчивъ въ защитѣ распространенія правъ племенъ христіанскихъ. Очень хорошо зная положеніе дѣлъ на Востокѣ, онъ видитъ—что въ Европѣ не можетъ долѣе существовать никакая держава, въ которой милліоны христіанскихъ подданныхъ подчинены, безо всякаго обезпеченія, власти правительства магометанскаго. По его мнѣнію безполезны были бы старанія о возрожденіи имперіи турецкой какими либо средствами, безъ утвержденія за племенами греческими и славянскими равенства и независимости во внутреннемъ ихъ управленіи. Не можетъ быть, чтобъ сильное вліяніе Англіи было употреблено въ пользу магометанскаго ига противъ притѣсненныхъ раевъ, или чтобы защищая Турцію отъ враговъ, на нее нападающихъ, мы могли выпустить изъ виду права народовъ, живущихъ подъ ея игомъ. Но если бы мы впали въ это пагубное заблужденіе и, слѣдуя какимъ либо ложнымъ политическимъ правиламъ, пре-

небрегали несокрушимымъ дѣломъ христіанства и преобразованія въ Европейской Турціи, наказаніе постигло бы насъ самихъ, ибо мы тогда передали бы будущую судьбу племенъ славянскихъ и греческихъ въ руки Россіи; мы сдѣлали бы ее главною покровительницею націи греческой (какъ вообще называютъ всѣхъ православныхъ въ Турціи) и возбудили бы противъ самихъ себя духъ національный, т. е. такую силу, которой всѣ флоты Англіи и Франціи не могли бы противиться. Надѣемся, что Англія никогда не будетъ руководствоваться подобною политикою. Сколькобъ мы ни желали по причинамъ политическимъ продлить существованіе оттоманской имперіи, мы очень хорошо знаемъ, что правительство турецкое только тогда сдѣлается сноснымъ, когда христіанскимъ его подданнымъ дарованы будутъ права дѣйствительныя. И всѣ успѣхи дѣлъ нашихъ на Востокѣ зависятъ отъ внушенія тамошнимъ христіанамъ убѣжденія, что они должны видѣть въ англичанахъ и во французахъ истинныхъ своихъ друзей. Наше участіе въ ихъ дѣлахъ должно имѣть въ виду единственно ихъ благосостояніе и будущую независимость. Россія оказала большую дѣятельность въ ихъ пользу, но только для собственныхъ выгодъ и для распространенія своихъ предѣловъ. Она не освободитъ христіанскихъ племенъ, а обруситъ ихъ. Явныя нападенія русскихъ на Омеръ-пашу и на флотъ турецкій, отнюдь не такъ опасны турецкой имперіи, какъ невидимое вліяніе Россіи на христіанское населеніе Турціи Въ томъ вліяніи заключается союзъ ея съ самыми могучими чувствами и страстями милліоновъ людей, жаждущихъ освобожденія отъ турецкаго ига: въ случаѣ ниспроверженія турецкой власти, они кинутся въ объятія Россіи, чтобъ освободиться отъ страданій, которыя въ теченіе вѣковъ терзали христіанскихъ подданныхъ Турціи. Если нынѣшняя война весною перенесена будетъ на другой берегъ Дуная, мы увѣрены, что вспыхнетъ возстаніе отъ Дуная до Адріатическаго моря, и дѣло народное будетъ защищаемо съ такимъ же патріотизмомъ и самоотверженіемъ, какъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Эти племена защищаютъ не дѣло Россіи, а свое собственное, великое дѣло: народа сражающагося за свою независимость. Христіане имперіи оттоманской лишены всѣхъ правъ человѣческихъ. Законы, составленные для покровительства ихъ, были и будутъ мертвою

буквою, доколѣ исполненіе ихъ будетъ зависѣть отъ начальствъ турецкихъ и доколѣ единственная ихъ надежда или помощь находится въ рукахъ нѣсколькихъ иностранныхъ консуловъ. Нельзя не согласиться, что если имъ должно будетъ выбрать власть турецкую или русскую, они предпочтутъ всякую перемѣну нынѣшнему своему положенію. Но почему Россія будетъ единственною ихъ покровительницею? Мы не хотимъ уступить этого права Россіи и должны требовать его въ пользу остальной Европы, которая принимаетъ по крайней мѣрѣ равное участіе въ преуспѣяніи и благоденствіи племенъ христіанскихъ. Единственное затрудненіе состоитъ во внушеніи имъ, что хотя мы защищаемъ цѣлость и власть Порты, но не менѣе того желаемъ достигнуть совершеннаго преобразованія въ ихъ положеніи. Если мы успѣемъ вразумить ихъ въ этомъ, вся сила, вся смѣтливость греческой націи обратится на нашу сторону и поддержитъ Францію и Англію противъ Россіи. Если они видятъ въ морскихъ державахъ враговъ своего дѣла, желаніе наше защитить Порту отъ нападеній Россіи, послужитъ только къ укрѣпленію узъ, связующихъ Россію съ христіанскими провинціями и къ отторженію ихъ отъ насъ и отъ нашей политики, тогда какъ они имѣютъ право на наше соучастіе и тогда какъ будущее положеніе ихъ будетъ имѣть весьма сильное вліяніе на всѣ наши выгоды. Мы можемъ защищать Турцію отъ русскихъ армій и флотовъ, но не имѣемъ никакой возможности остановить народное движеніе христіанъ. Ни Англичане, ни Французы не могутъ сдѣлать ни одного выстрѣла противъ націи, которую онѣ защищали и спасли своими переговорами въ 1827 году; напротивъ, мы связаны съ ихъ дѣломъ, потому что будущая судьба востока находится въ ихъ рукахъ.

«Въ этомъ положеніи принуждены будучи поддерживать Порту противъ Россіи и христіанъ противъ власти турецкой, мы не можемъ избрать другаго пути, кромѣ указаннаго лордомъ Редклифомъ. Мы должны потребовать у султана въ вознагражденіе нашей потери признанія посторонникъ правъ для христіанъ, (какъ сдѣлала Россія въ своихъ трактатахъ въ пользу Молдаво-Валахіи и Сербіи) и поручить сіи права охраненію не Россіи, а Европы. И такъ, защищая цѣлость имперіи оттоманской, мы должны требовать уступокъ и свободныхъ поста-

новленій въ пользу грековъ, и составленія союза между областями славянскими. Должно требовать этого во-время, для обезоруженія грознаго сопротивленія, готоваго во всѣхъ областяхъ греческихъ. Если война дѣйствительно продолжится до весны, тогда будетъ слишкомъ поздно удерживать это движеніе, и Турція никогда уже не воротитъ владычества своего надъ сими областями.»

Въ этой статьѣ находимъ мы любопытныя свѣдѣнія и указанія о замыслахъ и дѣйствіяхъ одной англійской партіи, предположившей себѣ задачу ввести въ заблужденіе и Британію и Европу на счетъ восточныхъ дѣлъ. Эта партія, издавна употребляющая всѣ средства, чтобъ разстроить и возмутить всѣ государства и страны Европы, помогавшая злоумышленникамъ и мятежникамъ всѣхъ странъ, открывшая у себя пріютъ и средства къ дѣйствію самымъ гнуснымъ демагогамъ и бунтовщикамъ, разумѣется смотритъ съ недовѣрчивостью и негодованіемъ на Россію, видя въ ней твердый и несокрушимый оплотъ, противупоставленный бурнымъ волнамъ революціоннаго океана, единственную преграду къ вовлеченію и Востока во всѣ треволненія Запада. Цѣль этой партіи всегда одна и таже, но средства и даже мнѣнія свои она мѣняетъ по требованію обстоятельствъ. Въ началѣ переговоровъ Россіи съ Турціею, когда дѣло шло единственно о подтвержденіи прежнихъ трактатовъ и объ исполненіи обязанностей, торжественно принятыхъ на себя Портою, эта партія возбудила противъ Россіи и Англію, и легковѣрную часть остальной Европы увѣреніемъ, будто Россія при сихъ переговорахъ имѣетъ въ виду распространеніе своихъ владѣній, низверженіе Турціи, присвоеніе себѣ правъ самодержавныхъ въ странахъ подвластныхъ Султану; она вымыслила для оттомановъ слово независимость, такъ какъ понимаютъ его въ парламентахъ на западѣ, слово, котораго дотолѣ не было въ турецкомъ лексиконѣ, и убѣдила турокъ, что небывалая и непонятная имъ эта независимость будетъ нарушена, коль скоро они согласятся съ требованіями Россіи. Въ Англіи составлялись шумные митинги, на которыхъ введенные въ заблужденіе, обманутые революціонными крикунами, простолюдины требовали объявленія войны Россіи, которую имъ изображали слабою и ветхою, не имѣющею возможности противостать

силѣ турецкаго оружія, турецкихъ моряковъ, обученныхъ и воодушевленныхъ англичанами. Слѣдствія этихъ происковъ извѣстны. Ослѣпленная, оглушенная Порта объявила войну Россіи, и при помощи лживыхъ реляцій и слуховъ нѣсколько времени поддерживала нелѣпое мнѣніе о своемъ превосходствѣ надъ русскими. Омеръ-паша двинулся черезъ Дунай при Ольтеницѣ, прямо на Букарестъ, но вскорѣ долженъ былъ отступить съ значительною потерею. Наступленіе зимы прекратило возможность военныхъ дѣйствій на Дунаѣ. Турецкая армія, составленная изъ рекрутъ Сиріи, Аравіи и Египта, томилась стужею и голодомъ въ негостепріимной Булгаріи и недосчиталась многихъ тысячъ своихъ мерзлыхъ ратниковъ. Подвиги турокъ на азіятской границѣ состояли въ опустошеніи и разграбленіи нѣсколькихъ армянскихъ селеній съ варварскимъ звѣрствомъ, служащимъ свидѣтельствомъ, что поклонники Магомета стоятъ еще на той же степени дикости и кровожадности, на которой были при первомъ своемъ вторженіи въ Европу. Разница только въ томъ, что нѣкоторые изъ пашей говорятъ по-французски и всѣ пьютъ шампанское. Торжество революціонной партіи, враждебной намъ и человѣчеству было не продолжительно. Сожженіе турецкой эскадры въ Синопѣ, славныя битвы въ Азіи показали Европѣ, что ни турки, ни русскіе не перемѣнились; что пушка бомбардира Петра Михайлова и штыкъ Суворова перешли по прямой линіи въ наслѣдство къ ихъ внукамъ. Съ другой стороны обнаруживается значительное движеніе въ областяхъ Европейской Турціи, обитаемыхъ христіанами. Весьма естественно, что единовѣрцы наши греки и славяне, слѣдя за усѣхами русскаго оружія, глядятъ на насъ съ участіемъ, любовью и надеждою; что долголѣтнія ихъ страданія прекратятся. Казалось англичанамъ и французамъ слѣдовало бы стараться объ успокоеніи ихъ, о сохраненіи ихъ подъ властью турецкой, о внушеніи имъ повиновенія и усердія къ падишаху; не тутъ-то было! Революціонная партія, забывъ всѣ свои возгласы и вопли о независимости и чести Порты, о цѣлости и неприкосновенности турецкихъ владѣній, признаетъ теперь, какъ видно изъ приведенной нами статьи, что греческіе и славянскіе подданные Порты могутъ и должны отъ нее отдѣлиться; что никакая сила не въ состояніи удержать этого отпаденія, но въ

тоже время совѣтуетъ имъ броситься въ объятія Англіи и Франціи и отнюдь не прибѣгать къ помощи Россіи. Россія, говоритъ она, обруситъ ихъ. Но что сдѣлаетъ съ ними Англія и Франція? Партія, подающая имъ эти надежды, не возвратитъ имъ ни народности, ни вѣры ихъ; она превратитъ ихъ страну въ поприще революціонныхъ смутъ и волненій, колеблющихъ западъ Европы; она подвергнетъ ихъ вліянію латинскому, домогающемуся подкопать въ тѣхъ странахъ православіе; она лишитъ ихъ всего, что дорого и свято человѣку чистому, простому, не развращенному лжеученіями, лишитъ ихъ національности и вѣры прародительской, которая одна спасала и поддерживала ихъ подъ игомъ владыкъ магометанскихъ. Авторъ статьи въ Times очень неосторожно упоминаетъ объ освобожденіи Греціи, приписывая это освобожденіе только Англіи и Франціи и забывая третью участницу Россію; забывая, что это освобожденіе тогда только получило свою силу и обезпеченіе, когда подтверждено было Адріанопольскимъ трактатомъ: на что турки согласились неохотно и съ большимъ трудомъ. Призываемые къ независимости подъ защитою Англіи, турецкіе христіане знаютъ, какимъ образомъ она защищала освобожденную Грецію, съ какимъ великодушіемъ и безпристрастіемъ грозила бомбардированіемъ Пирея за мнимое нарушеніе правъ португальскаго жида, сдѣлавшагося англійскимъ подданнымъ. Они помнятъ, конечно, что одна Россія вступилась за Грецію и образумивъ Англію, удержала ее отъ поступка, который покрылъ бы ее вѣчнымъ безславіемъ. Англія и Франція, по словамъ этой революціонной партіи, берутся обезпечить существованіе, спокойствіе и благоденствіе народовъ, призываемыхъ ими къ отторженію отъ Турціи. Мы видѣли, какъ эти державы обезпечили Грецію, навязавъ ей образъ правленія, чуждый ея понятіямъ и обычаямъ, сгубившій уже нѣсколько правительствъ западной Европы, терзающій Грецію безпрерывными раздорами, ослабляющій въ ней шаткую власть верховную и представляющій обширное поле всѣмъ интригантамъ и возмутителямъ.

Изъ всѣхъ этихъ обвиненій, клеветъ и обѣщаній видно одно: закоснѣлая ненависть къ Россіи, защитницѣ правъ, спокойствія и безопасности всѣхъ странъ, непримиримой и неумоли-

мой противницы раздора, мятежа и безначалія. Для революціонной партіи всѣ средства хороши, только бы достигнуть цѣли и на развалинахъ міра основать свою власть, притѣснительную и разрушительную. Но благодаря Бога, и у насъ есть средства обороны и побѣды: твердое упованіе на помощь всеблагаго Провидѣнія въ правомъ нашемъ дѣлѣ, любовь и преданность къ православной вѣрѣ, къ Государю и отечеству и сочувствіе всѣхъ честныхъ и благомыслящихъ людей, къ какой бы націи они ни принадлежали.

Письмо императора французовъ.

Тюльерійскій дворецъ, 29-го января 1854 года.

«Государь! Разногласіе, возникшее между Вашимъ Величествомъ и Портою оттоманскою достигло такой степени важности, что я считаю долгомъ самъ объяснить Вашему Величеству какое участіе Францiя принимала въ семъ дѣлѣ и какія средства представляются мнѣ для устраненія опасности, угрожающей спокойствію Европы.

«Въ нотѣ, представленной, по повелѣнію Вашего Величества моему кабинету и кабинету королевы Викторіи, стараются доказать, что система понужденія, принятая морскими державами съ самаго начала, одна растравила вопросъ. Мнѣ же кажется, что вопросъ этотъ остался бы дѣломъ кабинетнымъ, если бы занятіе княжествъ не превратило вдругъ переговоровъ въ дѣйствія. Между тѣмъ и по вступленіи войскъ Вашего Величества въ Валахію, мы приглашали Порту не считать этого занятія поводомъ къ войнѣ, свидѣтельствуя тѣмъ о крайнемъ нашемъ желаніи достигнуть примиренія. Согласившись съ Англіею, Австріею и Пруссіею, я предложилъ Вашему Величеству ноту, которая была бы удовлетворительна для обѣихъ сторонъ. Ваше Величество ее приняли; но лишь только получили мы сіе благопріятное извѣстіе, какъ вашъ министръ объяснительными къ ней примѣчаніями уничтожилъ весь успѣхъ примиренія и воспрепятствовалъ намъ настаивать въ Константинополѣ на простомъ и безу-

словномъ принятіи ея. Порта съ своей стороны предложила сдѣлать въ проектѣ ноты измѣненія, которыя, по мнѣнію представителей четырехъ державъ въ Вѣнѣ, могли быть допущены. Они не были одобрены Вашимъ Величествомъ. Тогда Порта, оскорбленная въ своемъ достоинствѣ, угрожаемая въ своей независимости, отягощенная уже сдѣланными ею усиліями для противопоставленія войска арміямъ Вашего Величества, предпочла объявленіе войны этому положенію нерѣшительному и унизительному. Она просила нашего пособія; дѣло ея казалось намъ справедливымъ. Эскадры англійская и французская получили приказаніе войти въ Босфоръ.

«Мы приняли въ отношеніи къ Турціи положеніе покровительствующее, но не дѣйствующее. Мы не поощряли ее къ войнѣ. Мы безпрерывно подавали султану совѣты о миролюбіи и умѣренности, увѣренные, что симъ средствомъ достигнемъ примиренія, и четыре державы вновь согласились представить Вашему Величеству другія предложенія. Ваше Величество съ своей стороны, являя спокойствіе, порождаемое сознаніемъ своей силы, ограничивались, какъ на лѣвомъ берегу Дуная, такъ и въ Азіи, отраженіемъ нападенія турокъ и съ умѣренностію, достойною владыки великой имперіи, объявили, что будете оставаться въ оборонительномъ положеніи. И такъ дотолѣ мы были, могу сказать, внимательными зрителями военныхъ дѣйствій, но не принимали въ нихъ участія. Вдругъ синопское дѣло заставило насъ принять положеніе болѣе рѣшительное. Франція и Англія не считали полезнымъ посылать десантныя войска на помощь Турціи. И такъ ихъ флагъ не принималъ участія въ дѣлахъ, происходившихъ на сушѣ. Но на морѣ было иное. Три тысячи орудій при входѣ въ Босфоръ присутствіемъ своимъ довольно громко говорили Турціи, что двѣ первенствующія морскія державы не дозволятъ напасть на нее въ морѣ. Синопское происшествіе было для насъ оскорбительно

и неожиданно. Не важно то: хотѣли ли турки или нѣтъ перевезти военные запасы на русскіе берега. Дѣло въ томъ, что русскіе корабли напали на суда турецкія на водахъ Турціи, стоявшіе спокойно въ турецкомъ портѣ. Они истребили ихъ, не смотря на близость нашихъ эскадръ. Въ этомъ случаѣ оскорбленіе нанесено было не политикѣ нашей, а нашей военной чести. Пушечные выстрѣлы Синопа грустно отозвались въ сердцахъ всѣхъ тѣхъ, которые въ Англіи и во Франціи живо чувствуютъ національное достоинство. Воскликнули единогласно: «Союзники наши должны быть уважаемы вездѣ, куда могутъ достигнуть наши выстрѣлы.» Посему дано было нашимъ эскадрамъ предписаніе войти въ Черное море, и если нужно, силою препятствовать повторенію подобнаго событія. Посему послано было С. Петербургскому кабинету общее объявленіе съ извѣщеніемъ, что если мы станемъ препятствовать туркамъ къ перенесенію наступательной войны на берега, принадлежащіе Россіи, то не будемъ препятствовать снабженію ихъ войскъ на собственной землѣ. Что же касается до русскаго флота, то препятствуя ему въ плаваніи по Черному морю, мы поставляемъ его въ иное положеніе, ибо надлежитъ на время продолженія войны сохранить залогъ, равносильный владѣніямъ турецкимъ, занятымъ русскими и облегчить такимъ образомъ заключеніе войны, имѣя способъ къ обоюдному обмѣну.

«Вотъ, государь, точный ходъ и послѣдовательность событій. Ясно, что по достиженіи ими сей степени, они должны привести или къ окончательному соглашенію, или къ рѣшительному разрыву.

«Ваше Величество подали столько свидѣтельствъ попечительности своей о сохраненіи спокойствія Европы; содѣйствовали такъ могущественно своимъ благодѣтельнымъ вліяніемъ противъ духа безпорядковъ, что я не сомнѣваюсь въ томъ, какую часть вы изберете изъ предста-

вленныхъ вамъ на выборъ, если Ваше Величество, подобно мнѣ желаете миролюбиваго окончанія. Этого можно достигнуть очень просто объявленіемъ, что немедленно будетъ заключено перемиріе; что дѣла пойдутъ своимъ дипломатическимъ порядкомъ; что всякое непріязненное дѣйствіе прекратится и что всѣ воюющія силы оставятъ тѣ мѣста, куда призваны были по поводу войны.

И такъ русскія войска вышли бы изъ княжествъ, а наша эскадра изъ Чернаго моря. Такъ какъ Ваше Величество предпочитаете переговоры прямо съ Турціею, вы назначили бы посла для заключенія съ уполномоченнымъ султана конвенціи, которая потомъ будетъ представлена конференціи четырехъ державъ. Въ случаѣ принятія сего плана, въ которомъ мы съ королевою Викторіею совершенно согласны, спокойствіе будетъ возобновлено и свѣтъ удовлетворенъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ семъ планѣ не заключается ничего такого, что не было бы достойно Вашего Величества, что могло бы оскорбить честь вашу. Но когда по причинамъ, которыя трудно понять, Ваше Величество будете отвѣчать отказомъ, тогда Франція какъ и Англія будутъ принуждены предоставить жребію оружія и случайностямъ войны рѣшеніе, котораго можно бы теперь достигнуть разсудкомъ и справедливостію.

«Не думайте, Ваше Величество, чтобъ въ моемъ сердцѣ была малѣйшая непріязненность. Я питаю только тѣ чувства, которыя Ваше Величество выразили сами въ письмѣ ко мнѣ отъ 17-го января 1853 года: «Наши сношенія должны быть искренни, дружелюбны и основываться на однихъ и тѣхъ же намѣреніяхъ: сохраненіи порядка, миролюбія, уваженія къ трактатамъ и благопріязни». Эта програма достойна государя, начертавшаго оную, и я не колеблясь скажу, что пребылъ ей вѣренъ.

«Прошу Ваше Величество вѣрить искренности моихъ чувствъ и съ сими чувствами пребываю:

государь Вашего Величества добрый другъ

Наполеонъ.»

Отвѣтъ Его Величества Государя Императора.

С. Петербургъ, 28-го января (9-го февраля) 1854.

«Государь!

Не могу лучше отвѣчать вашему величеству, какъ повтореніемъ словъ, сказанныхъ мною, которыми оканчивается ваше письмо: «Наши сношенія должны быть искренне дружественныя и основываться на однихъ и тѣхъ же намѣреніяхъ: сохраненіи порядка, миролюбія, уваженія къ трактатамъ и взаимной благопріязни.» Принимая сію програму, какъ я начерталъ оную самъ, вы утверждаете, что пребывали ей вѣрны. Смѣю думать, и совѣсть меня въ томъ удостовѣряетъ, что я отъ нее не уклонялся, ибо въ дѣлѣ, раздѣляющемъ насъ и возникшемъ не по моей винѣ, я всегда старался о сохраненіи благопріятныхъ сношеній съ Франціею и съ величайшимъ раченіемъ избѣгалъ встрѣтиться на этомъ поприщѣ съ выгодами религіи, исповѣдуемой вашимъ величествомъ; дѣлалъ для поддержанія мира всѣ уступки въ формѣ и въ существѣ, какія только допускала честь моя, и требую для моихъ единовѣрцевъ въ Турціи утвержденія правъ и преимуществъ, пріобрѣтенныхъ для нихъ издавна цѣною русской крови. Я не искалъ ничего такого, что не истекало бы изъ трактатовъ. Еслибъ Порта была предоставлена самой себѣ, раздоръ, приводящій въ недоумѣніе Европу, давно былъ бы прекращенъ. Бѣдственное вліяніе одно тому воспрепятствовало. Возбуждая неосновательныя подозрѣнія, распаляя фанатизмъ турокъ, представя правительству ихъ мои намѣренія и истинное значеніе моихъ требованій въ ложномъ видѣ, дали этому вопросу такіе обширные размѣры, что изъ него неминуемо должна была возникнуть война.

«Ваше величество, позвольте мнѣ не распространяться въ подробностяхъ, изложенныхъ въ вашемъ письмѣ съ особенной вашей точки зрѣнія. Многія дѣйствія мои оцѣ-

няются въ немъ по моему мнѣнію, не во всей точности. Многіе случаи, изложенные превратно, потребовали бы для представленія ихъ въ надлежащемъ видѣ, по-крайней-мѣрѣ какъ я ихъ понимаю, слишкомъ подробныхъ толкованій, несовмѣстныхъ съ перепискою между царственными лицами. Такимъ образомъ, ваше величество, полагаете занятіе княжествъ виною быстраго превращенія переговоровъ въ дѣйствія. Но вы упускаете изъ виду, что этому занятію, еще только временному, предшествовалъ и преимущественно подалъ поводъ случай весьма важный: появленіе союзныхъ флотовъ вблизи Дарданеллъ. Да и гораздо прежде того, когда Англія колебалась еще принять понудительное положеніе противъ Россіи, ваше величество предупредили ее отправленіемъ своего флота до Саламина. Это оскорбительное извѣстіе возвѣщало безспорно мало ко мнѣ довѣрія. Оно должно было поощрить турокъ и заранѣе препятствовать успѣху переговоровъ, показавъ, что Англія и Франція готовы поддерживать ихъ дѣло во всякомъ случаѣ. Такимъ же образомъ ваше величество говорите, что объяснительное замѣчаніе моего кабинета къ вѣнской нотѣ поставили Францію и Англію въ невозможность понуждать Порту къ принятію оной. Но ваше величество можете вспомнить, что наши замѣчанія не предшествовали отказу въ простомъ и безусловномъ принятіи ноты, а послѣдовали за нимъ, и я полагаю, что ежели бы сіи державы сколько нибудь дѣйствительно желали сохраненія мира, они долженствовали бы съ самаго начала содѣйствовать этому простому и безусловному принятію ноты и недопускать со стороны Порты измѣненія того, что мы приняли безо всякой перемѣны. Впрочемъ, если бы которое либо изъ нашихъ замѣчаній могло подать поводъ къ затрудненіямъ, я сообщилъ въ Ольмюцѣ достаточное поясненіе, которое Австрія и Пруссія признали удовлетворительнымъ. Къ несчастію, между тѣмъ временемъ часть англо-француз-

скаго флота вошла уже въ Дарданеллы, подъ предлогомъ охраненія жизни и собственности англійскихъ и французскихъ подданныхъ, а для входа всего флота, безъ нарушенія трактата 1841 года надлежало, чтобъ оттоманское правительство объявило намъ войну. По моему мнѣнію, еслибъ Францція и Англія желали мира, какъ я, имъ слѣдовало во чтобы то ни стало препятствовать сему объявленію войны, или когда война была объявлена, употребить старанія, чтобъ она ограничилась тѣсными предѣлами, которыми я желалъ оградить ее на Дунаѣ, чтобъ я не былъ насильно выведенъ изъ чисто оборонительной системы, которую желалъ сохранить. Но съ той поры, какъ позволили туркамъ напасть на азіятскія наши границы, захватить одинъ изъ пограничныхъ постовъ (даже до срока, назначеннаго для открытія военныхъ дѣйствій), обложить Ахалцихъ и опустошить армянскую облать, съ тѣхъ поръ какъ дали турецкому флоту свободу перевозить на наши берега войска, оружіе и снаряды, можно ли было по здравому смыслу надѣяться, что мы спокойно будемъ ожидать послѣдствій отъ такихъ покушеній. Не слѣдовало ли предполагать, что мы употребимъ всѣ средства для воспрепятствованія этому! Зачѣмъ случилось Синопское дѣло? Оно было неминуемымъ послѣдствіемъ положенія, принятаго обѣими державами, и это происшествіе конечно не могло показаться непредвидимымъ. Я объявилъ, что желаю оставаться въ оборонительномъ положеніи, но объявилъ это прежде нежели вспыхнула война, доколѣ моя честь и выгоды это дозволяли, доколѣ война оставалась въ извѣстныхъ предѣлахъ. Все ли было сдѣлано для того, чтобы эти предѣлы не были нарушены, когда ваше величество не довольствуясь быть зрителемъ, или даже посредникомъ, пожелали стать вооруженнымъ пособникомъ моихъ враговъ, тогда какъ, государь, было бы гораздо прямѣе и достойнѣе васъ предварить меня о томъ, откровенно, объявивъ мнѣ войну. Тогда всякій зналъ бы,

что ему дѣлать. Но справедливое ли дѣло обвинять насъ въ событіи по совершеніи онаго, когда сами вы ни коимъ образомъ его не предупреждали? Если пушечные выстрѣлы въ Синопѣ грустно отозвались въ сердцахъ тѣхъ, кто во Франціи и въ Англіи живо чувствуетъ народное достоинство, неужели ваше величество думаете, что грозное присутствіе при входѣ въ Босфоръ трехъ тысячъ орудій, о которыхъ вы говорите, и вѣсть о входѣ ихъ въ Черное море, не отозвались въ сердцѣ народа, котораго честь я защищать обязанъ. Я узналъ отъ васъ впервые (ибо въ словесныхъ объявленіяхъ, сдѣланныхъ мнѣ здѣсь, этого сказано не было), что покровительствуя снабженіямъ припасами для турецкихъ войскъ на собственной ихъ землѣ, обѣ державы рѣшились препятствовать нашему плаванію по Черному морю, т. е. вѣроятно снабженію припасами собственныхъ нашихъ береговъ. Предоставляю на судъ вашего величества облегчается ли этимъ, какъ вы говорите, заключеніе мира и дозволено ли мнѣ при этомъ выборѣ одного изъ двухъ предложеній, не только разсуждать, но и помыслить на одно мгновеніе о вашихъ предложеніяхъ перемирія, о немедленномъ оставленіи княжествъ и о вступленіи въ переговоры съ Портою для заключенія конвенціи, которая потомъ была бы представлена конференціи четырехъ державъ. Сами вы, государь, еслибъ вы были на моемъ мѣстѣ, неужели согласились бы принять такое положеніе? Могло ли бы чувство народной чести вамъ то дозволить? Смѣло отвѣчаю: нѣтъ! И такъ дайте мнѣ право мыслить такъ, какъ вы. На что бы ваше величество не рѣшились, я не отступлю ни предъ какою угрозою. Довѣряю Богу и моему праву, и Россія, ручаюсь въ томъ, явится въ 1854 году такою же какъ была въ 1812-мъ. Если при всемъ томъ ваше величество съ меньшимъ равнодушіемъ къ моей чести возвратитесь чистосердечно къ нашей обоюдной програмѣ; если вы подадите мнѣ отъ сердца вашу руку, какъ я вамъ

предлагаю свою въ эти послѣднія минуты, я охотно забуду все, что въ прошедшемъ могло бы быть для меня оскорбительнымъ. Тогда, государь, но только тогда, намъ можно будетъ вступить въ сужденія и можетъ быть сосогласиться. Пусть вашъ флотъ ограничится удержаніемъ турокъ отъ доставленія новыхъ силъ на позорище войны. Охотно обѣщаю, что имъ нечего будетъ страшиться моихъ нападеній. Пусть они пришлютъ ко мнѣ уполномоченнаго для переговоровъ. Я приму его съ надлежащимъ приличіемъ. Условія мои извѣстны въ Вѣнѣ. Вотъ единственное основаніе, на которомъ мнѣ позволено вести переговоры.

Прошу ваше величество вѣрить искренности чувствъ, съ коими пребываю, государь,

вашего величества

добрый другъ

НИКОЛАЙ.»

Изложеніе политики Россіи, въ восточномъ вопросѣ, сообщенное посланникамъ и дипломатическимъ агентамъ Его Величества Государя Императора въ чужихъ краяхъ, 18-го февраля, въ которомъ между прочимъ сказано:

«Много усилій употреблено было и употребляется донынѣ еще для того, чтобъ приписать Россіи вину нынѣшняго перелома и обременить ее укоризнами за могущія произойти отъ того бѣдствія. Обозрѣвъ въ минувшемъ времени всѣ поводы къ этому перелому и постепенное его измѣненіе, увидимъ, что, если онъ принялъ такой грозный объемъ, въ томъ виновата отнюдь не Россія. Изложимъ въ нѣсколькихъ словахъ первоначальную причину раздора съ Портою.

«Издавна уже всѣ дѣйствія турецкаго правительства, въ отношеніи къ православной церкви въ Турціи носили печать явнаго недоброжелательства. Извѣстны сочувствія и духовныя сношенія, существующія съ незапамятныхъ временъ между Россіею и большинствомъ христіанскихъ подданныхъ Порты, порожденныя единовѣріемъ и единоплеменностью. Отъ этого получили мы въ Турціи нравственное вліяніе, котораго конечно не искали. Это фактъ не созданный нами: онъ возникъ отъ

времени и мѣстности. Не завися отъ трактатовъ, онъ произведенъ силою событій. Отъ этого происходитъ недовѣрчивость, возбуждаемая имъ въ турецкомъ правительствѣ. Отъ этого происходитъ желаніе сего правительства ослабить восточную церковь; боятся узъ, соединяющихъ ее съ Россіею, усиливаются держать ее въ униженіи, сравнительно съ прочими христіанскими исповѣданіями, стараются благопріятствовать распространенію этихъ исповѣданій въ ущербъ православію. Не говоримъ здѣсь объ убійствахъ въ Алепѣ, о жестокостяхъ, объ оскверненіи святыни, о насильственномъ обращеніи въ исламизмъ въ Албаніи, Булгаріи, Босніи, въ Іерусалимѣ, въ Черногоріи. Эти случаи гораздо извѣстнѣе прочихъ.

«Вслѣдствіе всѣхъ этихъ притѣсненій, о которыхъ мы безпрестанно представляли Портѣ, довершенныхъ обидою, оказанною грекамъ въ дѣлѣ о святыхъ мѣстахъ, и наконецъ вслѣдствіе явнаго нарушенія фирмана, который имѣлъ цѣлью возстановленіе равенства между православіемъ и церковью латинскою и самыхъ оскорбительныхъ дѣйствій для императорскаго кабинета и Государя Императора въ особенности, посланъ былъ, какъ извѣстно, въ Константинополь князь Меншиковъ.

«Понятно послѣ этого, что простое рѣшеніе дѣлъ о святыхъ мѣстахъ посредствомъ новаго фирмана, столь же непрочнаго, какъ и предъидущій, не могло быть удовлетворительно для нашихъ требованій; что намъ слѣдовало получить на будущее время обезпеченіе дѣйствительнѣйшее, которое могло бы служить сверхъ того удовлетвореніемъ за упущеніе личнаго вниманія со стороны султана, на котораго Императоръ имѣлъ право жаловаться.

«Когда время разсѣетъ туманъ подозрѣній и предразсудковъ, нерѣдко искажающихъ всѣ намѣренія Россіи во всемъ, что касается до Турціи, увидятъ, что въ содержаніи сего обезпеченія не было ничего новаго, ничего не употребительнаго, ничего такого, чтобы могло встревожить безопасность султана. Требованіе сіе основывается на трактатахъ, которыми турецкое правительство уже обѣщалось намъ покровительствовать въ его владѣніяхъ религіи и ея церкви. Обязываться въ покровительствѣ религіи и церквамъ и въ тоже время оставлять за собою право искажать по прихоти права, льготы, служащія основа-

нiемъ ихъ существованiю, совмѣстное-ли это дѣло? И какую пользу могло бы принести на дѣлѣ условiе, принимаемое въ такомъ смыслѣ. Настаивая на сохраненiи правъ, обезпеченныхъ за греческою церковью вѣковымъ обладанiемъ, мы требовали только исполненiя того, что сказано въ Кайнарджiйскомъ трактатѣ и въ тѣхъ трактатахъ, которыми онъ потвержденъ; слѣдовательно не требовали ничего противнаго независимости султана, если самые эти трактаты ей не были противны. Вотъ все удовлетворенiе, котораго мы требовали за оказанное намъ неуваженiе.

Вмѣсто того, чтобъ смотрѣть на это обезпеченiе съ истинной точки зрѣнiя, увеличили безъ мѣры его объемъ и послѣдствiя. Безъ всякаго повода искали въ немъ замысловъ политическаго преобладанiя, существовавшаго только въ воображенiи. Не принимая въ уваженiе предшествовавшихъ событiй, положенiя, въ которомъ находится Государь Императоръ, Его обязанности къ народу его и вѣроисповѣданiю, забывъ о совершенно особенномъ свойствѣ правительства мусульманскаго, которое въ законахъ и обычаяхъ исламизма находитъ не только затрудненiя, но и невозможность наблюдать во всей строгости предписанiя народнаго права, признаннаго народами христiанскими, составили о верховной власти султана какое-то безусловное, неприложимое ученiе и объявили, что всякое обязательство, въ которое войдетъ султанъ съ чужимъ правительствомъ касательно религiи и церкви, будетъ противно этой чистой выдумкѣ.

Этимъ подрывались основанiя кайнарджiйскаго трактата, заключающаго въ себѣ именно такое обязательство. Этимъ хотѣли насъ принудить изорвать собственными нашими руками всѣ прежнiя условiя, разрушить весь порядокъ вещей, освященный временемъ и прiобрѣтенный цѣною русской крови. Мы тогда уже предвидѣли, что если вздумаютъ непремѣнно излагать вопросъ въ этомъ видѣ, миролюбивое рѣшенiе его сдѣлается невозможнымъ.

Скажемъ не обинуясь: если бы дипломаты въ Константинополѣ хотѣли въ самомъ началѣ прекратить всякое дѣйствительное замѣшательство, имъ не слѣдовало слушать несправедливыхъ подозрѣнiй, не слѣдовало видѣть въ нотѣ, представленной княземъ

Меншиковымъ, того, чего въ ней на самомъ дѣлѣ нѣтъ: имъ надлежало употребить всѣ средства къ убѣжденію Дивана принять ее. Споръ былъ бы конченъ, и Европа освободилась бы отъ дальнѣйшихъ его послѣдствій. Скажемъ болѣе: послѣ всѣхъ преувеличенныхъ слуховъ, возбужденныхъ требованіями нашего посла, послѣ всѣхъ уступокъ въ формѣ и существѣ дѣла, какія мы сдѣлали, ограничивъ требованіе конвенціи сенедомъ; согласившись вмѣсто сенеда, дважды измѣненнаго, удовольствоваться простою нотою, въ которой не было никакого взаимнаго обязательства, легко могли бы усмотрѣть, что въ этой нотѣ мы получили гораздо менѣе, нежели требовали сначала.

Но подъ владычествомъ постоянной мысли, будто Россія въ поступкахъ своихъ съ Турціею имѣла въ виду единственно увеличеніе своего вліянія и матеріяльной силы, хотѣли, чтобъ изъ нихъ не осталось ничего и чтобъ нашей политической силѣ нанесенъ былъ явный ущербъ. Ясно, что Россія не могла оставаться въ этомъ положеніи и императорская миссія должна была выѣхать изъ Константинополя.

Франція, увидѣвъ будто-бы въ положеніи, принятомъ Россіею, дѣйствительное нарушеніе независимости имперіи оттоманской, подъ какимъ-бы то ни было предлогомъ, одна послала свою эскадру въ Левантъ и остановилась у береговъ Саламина.

Но по полученіи перваго телеграфическаго извѣстія объ отъѣздѣ нашего посла, въ Парижѣ и Лондонѣ, Франція и Англія изготовились къ самому рѣшительному выходу на морѣ. Они отправили свои эскадры для занятія залива Безика въ Дарданеллахъ.

Въ то время опровергали наше мнѣніе о томъ, что сія мѣра была понудительная. Старались представить занятіе водъ и портовъ Турціи двумя важнѣйшими европейскими державами въ видѣ мирной стоянки судовъ, посѣщающихъ дружественныя воды и порты, открытые для свободнаго входа всякой морской силы. Происшествія показали, какова въ самомъ дѣлѣ эта мирная стоянка.

Флоты вошли въ Безику, когда порта разсуждала еще о послѣднихъ предложенныхъ ей нами условіяхъ. Понятно, что она отринула ихъ, видя, что ее поддерживаютъ матеріяльныя силы Англіи и Франціи. Съ одной стороны появленіе обѣихъ эс-

кадръ ободряло ее въ сопротивленiи намъ, а съ другой оскорбляло и заставляло ее итти далѣе. Причинивъ отказъ въ принятiи ноты князя Меншикова и усиливъ важность дѣла, это приближенiе флотовъ принудило насъ ввести войска въ княжества.

Можно ли было смотрѣть на эту мѣру, какъ на поводъ къ войнѣ, какъ на гласное нарушенiе равновѣсiя Европы?

Полагаемъ, что благоразумная политика, для избѣжанiя замѣшательствъ, должна была удерживаться отъ предварительнаго отвѣта въ такомъ безусловномъ смыслѣ. Перейдя не безъ сожалѣнiя черезъ Прутъ съ силами неважными, мы ясно показали свойство, которое хотѣли придать этому временному занятiю. Мы провозгласили, что отнюдь не имѣемъ намѣренiя завладѣть сими областями окончательно. Эта мѣра не могла подать повода ни къ какому военному дѣйствiю, потому что въ занятыхъ нами областяхъ вовсе не было турецкихъ войскъ. Это было не иное что, какъ средство побужденiя, поводъ къ начатiю дальнѣйшихъ переговоровъ, залогъ, который дозволилъ бы намъ съ честью согласиться на какiя либо новыя условiя. Эта мѣра могла имѣть влiянiе на мѣстныя наши сношенiя съ портою, но не нарушила никакого европейскаго трактата.

Хотя угрожающимъ своимъ положенiемъ при входѣ въ Дарданеллы, обѣ морскiя державы сдѣлались изъ подсудимыхъ судьями, и потому уже не могли быть признаваемы съ нашей стороны посредниками, мы однако не отказывались разсматривать сдѣланныя намъ ими предложенiя. Это доказывало, что въ нашемъ мнѣнiи занятiе княжествъ было не столько предметомъ обладанiя, сколько средствомъ для веденiя переговоровъ. Намъ не трудно доказать документами, что всѣ сдѣланныя намъ предложенiя основаны были на этой мысли, что мы имѣемъ право на удовлетворенiе. Англiйскiй кабинетъ, предлагая намъ замѣнить отринутую оттоманскимъ правительствомъ ноту, проектомъ конвенцiи (то-есть въ той самой формѣ, которая была отринута въ Константинополѣ), полагалъ доставить намъ этимъ полнѣйшее удовлетворенiе.

Французскiй кабинетъ съ своей стороны, предлагая намъ проектъ новой ноты, говорилъ, что она, по редакцiи содержитъ въ себѣ существенно всѣ обезпеченiя, ребованныя княземъ

Меншиковымъ, и можетъ послужить намъ поводомъ къ понужденію, еслибъ Диванъ когда либо измѣнилъ свои мнѣнія. Словомъ, онѣ соглашались, что мы имѣемъ право выражать попеченіе свое о нашихъ единовѣрцахъ въ Турціи и приводить оное въ дѣйствительное исполненіе; соглашались именно на то, о чемъ въ послѣдствіи спорила порта, а съ нею и державы, находя, что она въ этомъ права. С. Петербургскій кабинетъ, говорило намъ тогда Французское правительство, долженъ желать акта со стороны порты, который свидѣтельствовалъ бы, что она, принявъ въ настоящее соображеніе посольство князя Меншикова, отдаетъ должную дань участію, которое Государь Николай оказываетъ всѣмъ христіанамъ восточнаго исповѣданія. И далѣе предлагаютъ ее (Французскую ноту) С. Петербургскому кабинету въ надеждѣ, что онъ не найдетъ въ смыслѣ ея вообще ни какого различія сь смысломъ проекта, представленнаго княземъ Меншиковымъ, и что она удовлетворяетъ оный во всѣхъ существенныхъ пунктахъ его требованій. Измѣненіе редакціи не будетъ замѣчено массами народа ни въ Россіи, ни въ Турціи. Въ ихъ глазахъ дѣйствіе порты сохранитъ все значеніе, которое кабинетъ С. Петербургскій желаетъ придать нотѣ, и Его Величество Императоръ Николай всегда останется въ ихъ глазахъ могущественнымъ и уважаемымъ покровителемъ ихъ вѣроисповѣданія.

Отъ происшедшихъ вслѣдъ за тѣмъ переговоровъ и особенно отъ проекта, представленнаго кабинетомъ Тюльерійскимъ, возникла вѣнская нота. Всѣмъ извѣстно, какъ охотно мы поспѣшили принять ее. Получивъ вѣнскій проектъ, мы отвѣчали по телеграфу, что принимаемъ его, хотябъ онъ могъ быть измѣненъ въ Лондонѣ и Парижѣ, что и случилось на самомъ дѣлѣ. Почему приняли мы его такъ поспѣшно? Потому что искренно желали мирнаго окончанія дѣла. Мы хотѣли прекратить кризисъ; какъ можно скорѣе поспѣшить выводомъ войскъ нашихъ изъ княжествъ, пользуясь благопріятнымъ для того временемъ года, и такимъ образомъ дать обѣимъ союзнымъ флотамъ способъ съ честію выйти изъ Безики, гдѣ по наступленіи осени не возможно было держаться. Что же слѣдовало дѣлать державамъ, если, въ чемъ мы не сомнѣваемся, онѣ хотѣли точно такъ, какъ мы, ускорить развязку? Сильно настаивать въ Константинополѣ

на простомъ и безусловномъ принятіи проекта и не дозволять портѣ новыхъ проволочекъ и требованія перемѣнъ въ ихъ нотѣ. Онѣ знали, что мы приняли ее съ условіемъ не измѣнять въ ней ничего, какова бы она ни была.

Порта возражала на нѣкоторые термины въ нотѣ, и требовала перемѣнъ, которыя иностранные посланники согласились принять въ разсмотрѣніе. Сначала хотѣли увѣрить насъ, что эти измѣненія ни мало не значительны, а на дѣлѣ они уничтожали весь проектъ, составленный въ Вѣнѣ. Мы не могли принять ихъ, потому что ими именно отнимали у насъ все то, что какъ мы имѣли право думать, державы намъ уступили: право ходатайствовать за единовѣрцевъ нашихъ въ Турціи и покровительствовать имъ на самомъ дѣлѣ. Мы принуждены были отринуть оныя откровенно и честно объяснивъ правительству австрійскому причины нашего несогласія.

Отъ новыхъ несогласій, произведенныхъ турецкими измѣненіями, потеряно было драгоцѣнное время въ переговорахъ между Петербургомъ и Константинополемъ, и наступила пора года, неблагопріятная для безопасной стоянки флотовъ въ Безикѣ. Они должны были помышлять о прибѣжищѣ. Невозможно было дворамъ удалить флоты отъ Дарданеллъ и оставить насъ между тѣмъ на всю зиму въ княжествахъ. Съ другой стороны они не могли, не возбуждая новыхъ важнѣйшихъ противъ себя жалобъ, ввести свои флоты въ Дарданельскій проливъ, который еще не былъ имъ открытъ объявленіемъ войны. Чтобъ рѣшить этотъ выборъ и немедленно перемѣнить свое положеніе, надлежало обвинить насъ въ чемъ нибудь. Предлогъ къ тому нашли въ замѣчаніяхъ, сдѣланныхъ нами при отказѣ принять измѣненія порты; эти замѣчанія были обнародованы во всеобщее свѣдѣніе, взволновали вновь противъ насъ общее мнѣніе, которому были извѣстны предшествовавшія обстоятельства и увлекли правительства къ крайностямъ. Тщетно вскорѣ послѣ того при свиданіи въ Ольмюцѣ мы представили Австріи въ самомъ дружелюбномъ духѣ желаемыя объясненія о тѣхъ пунктахъ нашихъ замѣчаній, которые могли бы въ строгомъ смыслѣ подать поводъ къ двусмысленности. Тщетно и Австрія, находя оные удовлетворительными, настоятельно старалась склонить Англію и Францію къ побужденію порты принять послѣднее соглашеніе,—

обѣ сіи державы отъ того отказались, объявивъ, что положеніе дѣлъ въ Константинополѣ не подаетъ ни какой надежды на успѣхъ сего предпріятія.

Въ самомъ дѣлѣ, изъ опасенія болѣе или менѣе основательнаго, чтобъ религіозный фанатизмъ турокъ не подвергъ опасности жизни и собственности подданныхъ Англіи и Франціи, англійскій и французскій послы рѣшились ввести въ Дарданеллы одну дивизію обѣихъ эскадръ. Эта мѣра противорѣчила условіямъ трактата 13-го іюля 1841 года. Почти вслѣдъ за тѣмъ мѣра сія получила законное разрѣшеніе объявленіемъ войны со стороны порты оттоманской и послѣ того вошли въ Мраморное море оба флота, въ полномъ своемъ составѣ.

И такъ, по сцѣпленію непреодолимыхъ крайностей, пребываніе флотовъ въ Безикѣ потребовало приближенія ихъ къ Константинополю. Пребываніе ихъ у Константинополя неминуемо повлекло за собою объявленіе войны. Увидимъ, что объявленіе войны имѣло еще другія послѣдствія, и что таже самая роковая неизбѣжность, которая придвинула флоты къ Босфору, наконецъ заставила ихъ войти и въ Черное море.

Война была объявлена. Обѣ державы должны были, во что бы то ни стало, воспрепятствовать этому объявленію, еслибъ требованія ихъ морскаго положенія и возбужденный ими воинственный фанатизмъ могли имъ то позволить. По объявленіи же войны надлежало имъ стараться, чтобъ она не возгоралась въ самомъ дѣлѣ, и наконецъ, когда она вспыхнула, они должны были бы помочь намъ въ ограниченіи ея дѣйствій въ сколь можно тѣснѣйшемъ объемѣ.

Это было единственнымъ средствомъ удержать себя на крутомъ скатѣ, по которому увлекла ихъ новая мѣра и итти не далѣе того предѣла, котораго они достигли. Мы сами обратили ихъ вниманіе на это обстоятельство. Мы сдѣлали это, едва узнавъ о объявленіи намъ войны, и не имѣя еще извѣстій о вступленіи флотовъ въ Мраморное море. Мы объявили по собственному своему побужденію, что будемъ ограничиваться оборонительною войною, но прибавивъ къ тому: (просимъ замѣтить эту оговорку) доколѣ то дозволятъ наши выгоды и наше достоинство, доколѣ не принудятъ насъ выйти изъ круга, которымъ мы намѣрены были ограничить свои дѣйствія. Госу-

дарь Императоръ ясно объявилъ въ то время, что не перейдетъ чрезъ линію Дуная, что будетъ отражать всякое нападеніе, не вызывая его, и удержится въ этомъ положеніи, доколѣ не заставятъ его перейти въ иное. Переходъ Омеръ-паши черезъ Дунай и даже окончательное вступленіе флотовъ въ полномъ ихъ составѣ въ Мраморное море, ни въ чемъ не измѣнили нашихъ миролюбивыхъ намѣреній. А что они дѣйствительно были миролюбивы, что мы никогда не хотѣли войны на самомъ дѣлѣ, что мы не соглашались вѣрить въ возможность ея до послѣдней минуты, до какой степени намъ казалось невѣроятнымъ, чтобъ державы допустили до того турокъ, до какой степени она казалась намъ чудовищною и несообразною съ поводомъ къ ней, противною всѣмъ выгодамъ оттоманской имперіи и Европы, въ томъ явно свидѣтельствуетъ безпрепятственность, съ какою турки перешли чрезъ Дунай и вторглись въ наши азіятскіе предѣлы. Вопреки всѣмъ замысламъ, которые приписывали намъ такъ щедро, вопреки всѣмъ слухамъ, распространявшимся въ теченіе года и со времени отправленія князя Меньшикова въ Константинополь, о накопленіи несмѣтныхъ силъ у нашихъ границъ, о вооруженіяхъ, и приготовленіяхъ на морѣ и на сушѣ, сдѣланныхъ нами въ огромныхъ размѣрахъ для завоеванія Константинополя, оказалось, что мы въ Валахіи были готовы только къ оборонѣ, а въ Азіи въ первую минуту число войскъ нашихъ оказалось недостаточнымъ. Извѣстно, что до отправленія корпуса отъ 12-ти до 14-ти тысячъ человѣкъ на берега Азіи, послужившаго подкрѣпленіемъ для одержанія побѣдъ при Ацхурѣ, Ахалцыхѣ и Башъ-кадыкъ-Ларѣ, турки имѣли время захватить постъ Св. Николая (не дожидаясь даже срока, назначеннаго для открытія военныхъ дѣйствій), перейти чрезъ границу, разорить Армянскую область и даже угрожать опасностью Тифлису. Слѣдуетъ ли изъ того, чтобъ и у насъ на нашей землѣ, на нашихъ берегахъ мы спокойно предоставили туркамъ исключительное право дѣйствовать противъ насъ, чтобъ мы позволили безнаказанно нападать на наши морскіе посты, облагать наши крѣпости, и пытаться къ возстановленію противъ насъ Кавказа? Для чего иностранная дипломація въ Константинополѣ не препятствовала этимъ нападеніямъ? Не

надѣялись ли, что мы будемъ разбиты, чтобъ потомъ предложить свое посредничество? Или изъ уваженія къ независимости Порты совѣстились ограничить ея дѣйствія на морѣ? Теперь ихъ ограничиваютъ, а въ то время для чего ждали совершенія дѣйствія, о которомъ теперь сожалѣютъ, для чего не старались предотвратить его? Въ глазахъ пословъ, подъ флагомъ Англіи и Франціи, всенародно нагружались и готовились въ походъ транспорты, оружія, войска, снаряды для вожженія или для поддержанія войны на нашихъ предѣлахъ. Послѣдніе изъ этихъ транспортовъ достигли цѣли своего назначенія. Мы знали, что съ тою же цѣлью значительная турецкая эскадра должна была двинуться изъ Константинополя, что она выступила изъ Босфора, пришла въ Синопъ не для того, чтобъ вывести на берегъ свой грузъ, не для того, чтобъ тамъ оставаться, но единственно чтобъ укрыться тамъ на время отъ непогоды. Она стояла тамъ въ ожиданіи времени и случая для продолженія своего наступательнаго плаванія. Мы воспользовались правомъ войны для предупрежденія этого нападенія. Обвинять въ нападеніи насъ, называть нападеніемъ законную оборону, противно всѣмъ понятіямъ о строгой справедливости. Намъ возражаютъ притомъ, что насъ предувѣдомляли о томъ заранѣе, что Англія объявила намъ намѣреніе свое прикрывать порты и берега оттоманскіе противъ всякаго нападенія. Отвѣчаемъ, что мы никогда не согласились на это ограниченіе нашихъ правъ войны и что, какъ въ Лондонѣ, такъ въ Петербургѣ, русскій министръ и Императорскій кабинетъ всегда оставляли за собою и поддерживали эти права во всей ихъ цѣлости.

Происшедшее при Синопѣ неминуемое слѣдствіе предварительнаго положенія обѣихъ державъ побудило ихъ выступить еще на шагъ. Вступивъ въ Черное море, съ объявленнымъ ими намѣреніемъ: воспретить русскому флоту свободное плаваніе, они не удовольствовались простою демонстраціею, а посягнули прямо на наши права, какъ воюющей стороны. Они приняли мѣру, которая на самомъ дѣлѣ есть объявленіе войны, подъ покровомъ увѣренія въ дружбѣ, и вновь касается народнаго достоинства Россіи, еще сильнѣе прежняго. Этою мѣрою отнынѣ управленіе событіями изъ рукъ правительствъ перешло въ ру-

ки ихъ морскихъ офицеровъ, и всеобщій миръ зависитъ отъ малѣйшаго случайнаго столкновенія.

Такимъ образомъ возрастающая послѣдовательность принятыхъ ими мѣръ, насильно принудила ихъ усилить эти мѣры, а первымъ звѣномъ этой цѣпи дѣйствій, угрожающихъ спокойствію свѣта, былъ тотъ моментъ, когда флоты ихъ вышли изъ Мальты и Тулона.

При всемъ томъ, какъ видно даже до вѣнской ноты включительно, еще не оспаривали у насъ рѣшительно существеннаго свойства обезпеченій, требованныхъ княземъ Меншиковымъ. Признавали, что Императоръ имѣетъ право на удовлетвореніе, соглашались, что онъ имѣлъ основаніе выражать сочувствіе внушенное ему единовѣріемъ ко всѣмъ христіанамъ восточнаго исповѣданія; находили справедливымъ, чтобъ Порта торжественнымъ актомъ выразила свое уваженіе къ сему сочувствію, и приняла оное во вниманіе. Въ вѣнской нотѣ все еще предполагалось, что султанъ долженъ прямо обратиться къ Государю Императору, приславъ оттоманскаго посла для поднесенія фирмана, дарованнаго недавно патріарху константинопольскому, съ утвержденіемъ правъ и преимуществъ греческой церкви. Послѣ отказа порты принять предложенную ей ноту, или лучше сказать въ слѣдствіе затруднительнаго положенія, которое заставляло флоты обѣихъ державъ, оставивъ стоянку при Безикѣ, укрыться въ Дарданеллахъ, возникли другія мнѣнія. Они проявились въ отказѣ на послѣднее соглашеніе, предложенное имъ нами въ Ольмюцѣ. Въ это время дошли до того, что не признавали проступковъ порты (на которые мы жаловались въ самомъ началѣ спора) и не соглашались на право наше требовать за нихъ удовлетворенія. Вспыхнула война. Первыя дѣйствія турокъ на Дунаѣ, внезапное ихъ вторженіе въ Азію, названныя блистательными побѣдами, обманули общее мнѣніе и оно разразилось съ изступленіемъ. Вмѣсто того, чтобъ стараться его успокоить, скажемъ съ сожалѣніемъ, сдѣлано было все, чтобъ еще болѣе распалить его противъ насъ, и правительство, можетъ быть самое щекотливое на счетъ народнаго достоинства, скорѣе всѣхъ чувствующее злоупотребленіе тисненія въ тѣхъ странахъ, гдѣ оно ускользаетъ отъ надзора правительства, позволило французскимъ журналамъ, состоящимъ въ совершенномъ

у него повиновеніи, распространять всѣ ложные слухи, ругательства и преувеличенія разнаго рода противъ Россіи. По мѣрѣ распаленія умовъ въ публикѣ, увеличивались требованія; мало по малу дошли до того, что отказываютъ намъ во всякомъ какомъ либо удовлетвореніи, совершенно опровергаютъ принадлежащее намъ право наблюденія и дѣйствительнаго покровительства надъ нашими единовѣрцами въ Турціи. Россію предаютъ такъ сказать подъ судъ Европы и уже не довольствуются тѣмъ, чтобъ она уступила половину: требуютъ, чтобъ она уступила все. Предварительно снеслись съ султаномъ о томъ, какія условія ему угодны, и согласившись на эти условія, составленныя съ его отдѣльной точки зрѣнія, приглашаютъ Россію принять то, что положено было безъ ея вѣдома, т. е. насъ обращаютъ въ то самое положеніе, въ которомъ находилась порта послѣ вѣнской ноты, съ тою разницею, что портѣ предоставлена была свобода дѣлать возраженія, предлагать перемѣны, а намъ какъ кажется не дозволяютъ уклоняться отъ условій, намъ предложенныхъ. При этой политикѣ, дѣйствующей угрозами, при этихъ, безпрерывно усиливающихся мѣрахъ, разсмотрите всѣ дѣйствія Россіи, и изъ краткаго исчисленія ихъ увидите, что не смотря на оскорбленія, за которыя она еще не получала удовлетворенія, дѣйствія ея были цѣпью пожертвованій, свидѣтельствующихъ объ искреннемъ ея желаніи охранить Европу отъ дѣйствій всеобщей войны, или по крайней мѣрѣ ограничить одною мѣстностью войну, къ которой принуждаютъ ее насильно. Прейдемъ молчаніемъ троекратное измѣненіе первоначальныхъ формъ и существа въ письмѣ, предложенномъ княземъ Меншиковымъ. Отказъ въ принятіи сихъ предложеній, сопровождаемый угрожающимъ движеніемъ, коснувшись нашей чести, заставилъ насъ употребить понудительную мѣру. Принявъ съ сожалѣніемъ эту мѣру, мы потщились предварительно доказать, что не имѣемъ притомъ никакихъ непріязненныхъ намѣреній и вслѣдъ за тѣмъ согласились на возобновленіе переговоровъ. Мы отказались отъ предложенныхъ нами послѣднихъ условій и приняли вѣнскую ноту. Мы согласились на нее по телеграфическому увѣдомленію, не зная ея содержанія въ точности. Текстъ ея былъ впервые измѣненъ въ Парижѣ и въ Лондонѣ. Но мы не обращали на это вниманія, поспѣшая пре-

кратить господствовавшее во всемъ свѣтѣ недоумѣніе. Къ несчастію, западныя державы допустили Порту сдѣлать другія важнѣйшія измѣненія, совершенно исказившія смыслъ предлагаемаго намъ соглашенія. Мы не соглашались на эти измѣненія и откровенно сказали почему. Возникли споры о словахъ. Они не были непреодолимы, ибо Австрія и Пруссія, удовольствовавшись предложенными съ нашей стороны объясненіями, сильно убѣждали обѣ морскія державы воспользоваться этими новыми средствами для возобновленія переговоровъ. Но опрометчивая мѣра уже расторгла нить мирныхъ объясненій. Вдругъ, безъ всякаго съ нашей стороны повода, произошелъ быстрый переворотъ въ положеніи державъ: оба флота были призваны къ стѣнамъ Константинополя; порта объявила намъ войну; начались непріятельскія дѣйствія.

Свидѣтельство превосходства нашего оружія, пріобрѣтенное побѣдами на сушѣ и на морѣ, подавало поводъ на основаніи сихъ нашихъ успѣховъ надѣяться, что мы болѣе расположены къ принятію примиренія, и что турки также на то согласятся. Этотъ случай упустили. Успѣхи наши сдѣлались новымъ поводомъ къ обвиненію насъ, и Синопское пораженіе было причиною насильственнаго дѣйствія, которое, прекративъ сношенія дипломатическія, заставляетъ болѣе, нежели когда либо, сомнѣваться въ сохраненіи мира. Между тѣмъ и въ самую послѣднюю минуту, при искреннемъ нашемъ миролюбіи, можно было бы сохранить эти сношенія, еслибъ прикрывая предѣлы и флотъ нашихъ враговъ отъ всякаго нападенія, обѣ державы могли придать этой мѣрѣ, сколько она ни противна нашимъ правамъ воюющей стороны, видъ морскаго перемирія, основаннаго на нѣкоторой взаимности. Но съ той минуты, когда обѣ державы объявили, что, позволяя туркамъ снабжать свои порты, намѣрены воспрещать намъ снабжать порты русскіе и сохраняя свободное плаваніе враговъ нашихъ на Черномъ морѣ, хотятъ препятствовать плаванію русскихъ, онѣ возвѣстили о дѣйствительномъ вспоможеніи портѣ. Намъ оставалось только, предоставляя себѣ пользованіе правомъ нашимъ въ слѣдствіе будущихъ случайностей, прекратить дипломатическія сношенія. Западные кабинеты старались продлить эти исполненія увѣре-

ніями въ дружбѣ, но эти увѣренія сдѣлались въ глазахъ нашихъ лицемѣрными и недостойными.

Вотъ событія въ послѣдовательномъ ихъ развитіи. Изъ нихъ явствуетъ, что вопросъ доведенъ до нынѣшняго своего положенія отъ того, что съ самаго начала, приписывая намъ какіе-то властолюбивые замыслы, вздумали сражаться съ небывалымъ призракомъ; отъ того, что первый шагъ, внушенный системою угрозъ и недовѣрчивости, мало по малу заставилъ сдѣлать другіе шаги, которые затруднили всѣмъ партіямъ честныя уступки. Если отъ быстрыхъ столкновеній, могущихъ возникнуть ежеминутно при такомъ напряженномъ состояніи, каково нынѣшнее, возникнетъ война между нами и обѣими державами, и эта война причинитъ бѣдствія во всемъ свѣтѣ, Европа въ состояніи судить: кто въ эту самую минуту, когда мы говоримъ о томъ, первый поднялъ оружіе.

Декларація 31-го марта.

«Франція и Англія выступаютъ наконецъ изъ того систематическаго притворства во враждѣ противъ Россіи, которое преимущественно ознаменовалось вступленіемъ ихъ флотовъ въ Черное море.

Объясненія, данныя ими Императорскому кабинету, по поводу вступленія флотовъ въ Черное море, повели къ прекращенію взаимныхъ сношеній.

За симъ послѣдовало со стороны двухъ кабинетовъ, чрезъ посредство ихъ консуловъ, приглашеніе россійскому кабинету вывести войска изъ Дунайскихъ Княжествъ въ срокъ, назначенный Англіею къ 18-му (30-му) апрѣля, а Франціею къ 3-му (15-му) того же мѣсяца.

Онѣ не заблагоразсудили даже объяснить, на какомъ именно основаніи отъ одной изъ двухъ воюющихъ сторонъ требовалось все, когда отъ другой не требовалось ничего. Самое сіе требованіе объ очищеніи княжествъ, безъ всякаго со стороны Турціи исполненія и тѣни тѣхъ условій, коимъ Государь Императоръ подчинилъ сію мѣру при временномъ занятіи княжествъ, очищеніе оныхъ посреди войны, объявленной самою Турціею, при упорно продолжающихся съ ея стороны наступательныхъ дѣйствіяхъ, когда войска ея занимаютъ еще укрѣпленный

пунктъ внутри русской границы, таковое требованіе было уже несбыточно по существу своему. Самая форма, въ которой было оно выражено, сугубо осуждала оное на отверженіе. Англія и Франція предлагали императорскому кабинету шестидневный срокъ для принятія онаго, а по истеченіи сего срока отказъ въ согласіи или въ отвѣтѣ почитали онѣ равносильнымъ объявленію войны. На требованіе, ознаменованное такимъ пристрастіемъ, несбыточное въ исполненіи на дѣлѣ и обидное въ своихъ терминахъ, молчаніе было единственнымъ отвѣтомъ, подобавшимъ достоинству Государя Императора.

Въ слѣдствіе сего, оба упомянутыя правительства обнародовали, что Россія отказомъ своимъ на ихъ требованія избрала войну, коей вся отвѣтственность возлагается на нее.

При таковыхъ объявленіяхъ, при таковомъ образѣ дѣйствій, Государю Императору остается только противопоставить всѣ дарованныя ему Провидѣніемъ средства для дѣятельной и твердой защиты чести, правъ и безопасности Его державы.

Вслѣдъ за сообщеніемъ парламенту о своемъ рѣшеніи, англійское правительство излагаетъ въ дополнительной декларацiи какъ побудительныя причины къ подъятію оружія, такъ и начало и обстоятельства дѣла. Императорскій кабинетъ считаетъ излишнимъ вступать въ новый споръ о семъ предметѣ. Обнародованные уже по оному акты истощили мѣру объясненія. Послѣдній меморандумъ 18-го февраля, по случаю прекращенія дипломатическихъ сношеній, заключаетъ въ себѣ весь ходъ дѣла и достаточно доказываетъ кто изъ нихъ Россія, или двѣ морскія державы начали непріязненныя дѣйствія, и какимъ образомъ, по сцѣпленію обстоятельствъ, порочное начало ихъ дѣйствій повело постепенно къ другимъ дѣйствіямъ, еще болѣе непріязненнымъ. При безпристрастномъ разсмотрѣніи дѣла можно убѣдиться, что послѣдовательныя уступки Россіи, какъ прежде, такъ и послѣ вѣнской ноты, имѣли цѣлью сохраненіе мира, тогда какъ возраставшими своими притязаніями тѣ державы, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе, вовлекали въ войну.

Занятіе княжествъ, выставляемое нынѣ предлогомъ въ войнѣ, не было однако препятствіемъ къ открытію переговоровъ. Переговоры могли продолжиться и при ономъ и даже давно были бы увѣнчаны успѣхомъ, еслибъ державы, такъ неожиданно и безъ

всякой основательной причины, сами не измѣнили основаній первой ноты, ими же постановленной въ Вѣнѣ. Возраженія, сдѣланныя Портою на нѣкоторые пункты помянутой ноты, не могли послужить достаточною причиною къ уничтоженію акта сего, въ полномъ его составѣ. Оставалась сущность онаго; всѣ тѣ пункты, на которые Порта не возражала, были неотъемлемо пріобрѣтены Императорскимъ кабинетомъ для послѣдующихъ дѣйствій. Вмѣсто того намъ предложили условія совершенно иныя; отвергли то, что было уже принято; не признали ни правдивыхъ требованій Россіи, ни притязаній ея на удовлетвореніе; отклонили даже всякое разсмотрѣніе новыхъ ея предложеній.

Въ то же время были приняты въ Черномъ морѣ противъ Россіи мѣры, нарушающія право воюющей державы. Самая современность этихъ мѣръ съ представленными изъ Вѣны новыми условіями, придавала согласію Россіи, въ случаѣ принятія, ею таковыхъ условій, видъ подчиненности приговору другихъ. Наконецъ всякая возможность уступки была умышленно прекращена повелительнымъ указаніемъ, какого Россія не запомнитъ въ своей исторіи, даже во дни вторженія въ нашъ край завоевателя, ополчившаго на насъ Европу.

Недостатокъ причины къ оправданію гибельной войны и самая несоразмѣрность между началомъ и послѣдствіями заставляетъ нынѣ Францію и Англію прибѣгать къ преувеличеніямъ и налагать на Россію обвиненія, самыя неопредѣлительныя.

Онѣ выставляютъ оскорбленіе ихъ чести и нарушеніе ихъ матеріяльныхъ выгодъ, наши замыслы завоеваній въ Турціи, независимость Порты, независимость даже другихъ державъ, наконецъ самое политическое равновѣсіе Европы, угрожаемой, по ихъ словамъ, нашимъ преобладаніемъ. Обвиненія эти слишкомъ неясны и не имѣютъ ни какого основанія.

Никогда честь сихъ двухъ державъ не была оскорблена нами. Причиною всему было произвольное ихъ вмѣшательство. Съ самаго начала стали онѣ дѣйствовать угрозою, а это естественнымъ образомъ вело къ неудачамъ. Онѣ возмечтали подчинить Россію приговору ихъ самолюбія, и когда Россія не согласилась подвергнуться уничиженію, онѣ почувствовали въ томъ нравственную себѣ обиду.

Съ нашей стороны также не было никакого покушенія на матеріяльныя ихъ выгоды. Повредить имъ можетъ лишь война, предпринимаемая ими безъ причины. Напротивъ, сами они наносятъ намъ ущербъ натискомъ на насъ съ сѣвера и съ юга, нападеніемъ на наши гавани и на все пространство нашихъ береговъ.

Замыслы завоеваній, приписываемые ими Россіи, опровергаются всѣми ея дѣйствіями съ 1815 года. Изъ всѣхъ ея сосѣдей въ Германіи, или на сѣверѣ, кто въ это сорокалѣтіе могъ пожаловаться на посягательство Россіи, или даже на попытку посягательства на его владѣнія?

Что касается до Турціи, то хотя мы были въ войнѣ съ нею, однако Адріанопольскій миръ свидѣтельствуетъ умѣренность нашу въ побѣдѣ. За тѣмъ Турція была дважды спасена нами отъ неминуемой погибели.

Въ случаѣ разрушенія Оттоманской Имперіи, домогательство на Константинополь, съ намѣреніемъ навсегда основаться въ ономъ было торжественно отринуто Государемъ Императоромъ, и одна лишь упрямая недовѣрчивость можетъ еще пребывать въ сомнѣніи. Послѣдствія не замедлятъ выказать: Россія или державы наносятъ роковой ударъ не только независимости, но и самому существованію Турціи. Цѣною оказываемаго ей корыстнаго пособія служитъ уже трактатъ, лишающій ее присвоеннаго каждому независимому государству права войны и мира въ пору и по условіямъ, какія по собственному усмотрѣнію находитъ оно выгодными. Вскорѣ принуждена она будетъ подписать обязательство объ установленіи равенства гражданскихъ и политическихъ правъ между всѣми своими подданными. Россія искренно возрадуется столь великой льготѣ, обезпеченной всѣмъ христіанамъ турецкой имперіи, поелику льгота сія будетъ дѣйствительною. Но при таковомъ переворотѣ основныхъ началъ оттоманскаго правленія, она въ правѣ выразить свое удивленіе, что одно уже обязательство султана о подтвержденіи существующихъ правъ церкви на основаніи нашихъ съ нимъ трактатовъ, было провозглашено несовмѣстнымъ съ державными его правами и независимостью. Всей Европѣ, а не двумъ державамъ принадлежитъ рѣшеніе вопроса: угрожаетъ ли политическому ея равновѣсію приписываемое Россіи преобла-

данie? Европѣ предстоитъ рѣшить, кто болѣе тяготѣетъ надъ свободою дѣйствiй каждаго государства. Россiя ли, предоставленная сама себѣ, или грозный союзъ, котораго влiянie тревожитъ всякiй нейтралитетъ и силится то ласкою, то угрозою увлечь другихъ за собою. Европа рѣшитъ также, притязанiя ли Россiи въ послѣднiе годы посягали на державныя права и на независимость государствъ болѣе слабыхъ. Чѣмъ была она въ Грецiи, въ Сицилiи, въ Неаполѣ, въ Тосканѣ, заступницею ли правъ, или гонителемъ? Сѣяла ли она раздоръ въ Германiи между великими державами, или возстановляла согласiе? Въ Ломбардiи моральнымъ своимъ влiянiемъ и въ Венгрiи матерiяльнымъ дѣйствiемъ клонились ли ея усилiя къ поддержанiю равновѣсiя, или къ нарушенiю его? А ударъ, коимъ угрожаютъ ей, устраненiе, въ которомъ домогаются ее оставить, не предаетъ ли политическаго мiра произволу другаго влiянiя, коимъ разрушится всякое равновѣсiе?

Изъ сего явствуетъ сколь ничтожны неопредѣлительныя обвиненiя, обращаемыя на Россiю; въ послѣднемъ изъ оныхъ скрывается прямая причина войны, которая, судя по указаннымъ предлогамъ, не имѣла бы никакого повода. Она пагубна и для нравственныхъ стяжанiй, и для промышленности, и для торговли всего мира; она содѣйствуетъ лишь къ скорѣйшему разрушенiю той имперiи, которой спасенiе отъ мнимой опасности выставляетъ она своимъ предлогомъ. Въ указуемой нами существенной причинѣ громогласно сознались англiйскiе министры, объявивъ въ парламентѣ, что наконецъ наступила пора разрушить влiянiе Россiи. Государь Императоръ, вступая въ бой противъ собственнаго желанiя, посвятитъ всю силу опоры, обезпеченной ему преданностью Его народа и любовью къ отечеству, къ защитѣ влiянiя сего, необходимаго народу русскому и существенно полезнаго для охраненiя порядка въ другихъ государствахъ, равно и къ поддержанiю независимости и цѣлости государствъ, на которыхъ основывается самое сiе влiянiе. Онъ возлагаетъ надежду на Бога, хранившаго Россiю во дни испытанiй, коего заступничество не покинетъ ее въ предстоящей великой борьбѣ. Государь Императоръ скорбитъ о неисчислимыхъ бѣдствiяхъ, угрожающихъ человѣчеству; но въ то же время торжественно отвергаетъ то произвольное притязанiе, съ

какимъ двѣ державы возлагаютъ на него отвѣтственность войны. Пусть принимаютъ онѣ противъ Россіи мѣры, какія заблагоразсудятъ, но не отъ нихъ зависитъ наложить на Россію бремя послѣдствій. Отвѣтственность въ бѣдствіяхъ, причиняемыхъ войною, падетъ на того, кто объявляетъ войну, а не на того кому она объявляется.»

Манифестъ 11-го апрѣля 1854 года.

«Съ самаго начала несогласій нашихъ съ турецкимъ правительствомъ, Мы торжественно возвѣстили любезнымъ нашимъ вѣрноподданнымъ, что единое чувство справедливости побуждаетъ насъ возстановить нарушенныя права православныхъ христіанъ, подвластныхъ Портѣ оттоманской. Мы не искали и не ищемъ завоеваній, ни преобладательнаго въ Турціи вліянія сверхъ того, которое по существующимъ договорамъ принадлежитъ Россіи.

«Тогда же встрѣтили мы сперва недовѣрчивость, а вскорѣ и тайное противоборство французскаго и англійскаго правительствъ толкованіемъ намѣреній нашихъ, введшихъ Порту въ заблужденіе. Наконецъ, сбросивъ нынѣ всякую личину, Англія и Франція объявили, что несогласіе наше съ Турціею есть дѣло въ глазахъ ихъ второстепенное, но что общая ихъ цѣль: обезсилить Россію, отторгнуть у нея часть ея областей и низвести отечество наше съ той степени могущества, на которую оно возведено Всевышнею десницею. Православной ли Россіи опасаться сихъ угрозъ? Готовя сокрушить дерзость враговъ, уклонится ли она отъ священной цѣли, Промысломъ всемогущимъ ей предназначенной? Нѣтъ, Россія не забыла Бога! Она ополчилась не за мірскія выгоды; она сражается за вѣру христіанскую и защиту единовѣрныхъ своихъ братій, терзаемыхъ неистовыми врагами. Да познаетъ же все христіанство, что какъ мыслитъ царь русскій, такъ мыслитъ, такъ дышитъ съ нимъ вся русская семья. Вѣрный Богу и единородному сыну его, искупителю нашему Іисусу Христу, православный русскій

народъ за вѣру и христіанство подвизается! Съ нами Богъ, никто же на ны!»

Манифестъ 14-го декабря 1854 года.

«Причины доселе продолжающейся войны вполнѣ извѣстны любезной нашей Россіи. Она знаетъ, что не виды честолюбія, не желаніе новыхъ непринадлежащихъ по праву намъ выгодъ было побужденіемъ нашимъ въ дѣйствіяхъ и обстоятельствахъ, имѣвшихъ неожиданнымъ послѣдствіемъ настоящую борьбу. Мы искали единственнаго охраненія торжественно признанныхъ преимуществъ православной церкви и единовѣрцевъ нашихъ на востокѣ; но нѣкоторыя правительства, приписывая намъ весьма далекія отъ мысли нашей своекорыстныя тайныя намѣренія, препятствовали успѣху сего дѣла и наконецъ вступили въ непріязненный противъ насъ союзъ. Провозгласивъ, что ихъ цѣль есть спасеніе турецкой имперіи, онѣ дѣйствуютъ противъ насъ вооруженною рукою не въ Турціи, а въ предѣлахъ нашихъ собственныхъ владѣній, направляя враждебные удары свои на всѣ болѣе или менѣе доступныя имъ мѣста въ Балтійскомъ, Бѣломъ и Черномъ моряхъ, въ Тавридѣ и на самыхъ отдаленныхъ берегахъ Тихаго океана.

Благодареніе Всевышнему, они вездѣ и въ войскахъ нашихъ и въ жителяхъ всѣхъ состояній встрѣчаютъ смѣлыхъ противниковъ, одушевляемыхъ чувствомъ любви къ намъ и отечеству, и мы къ утѣшенію насъ въ сихъ смутныхъ обстоятельствахъ, среди бѣдствій неразлучныхъ съ войною, видимъ непрестанные блистательные примѣры и доказательства сего чувства и храбрости, имъ внушаемой. Таковы неоднократныя, не смотря на великое неравенство силъ, пораженія непріятельскихъ полчищъ за Кавказомъ, и совершенный также съ несоразмѣрными силами отпоръ отъ береговъ и шкеръ Финляндіи, отъ стѣнъ обители Соловецкой и отъ гавани Петропавловской въ Камчаткѣ;

такова особенно геройская оборона Севастополя, ознаменованная столь многими подвигами неодолимаго мужества и неусыпной, безпрерывной дѣятельности, коимъ отдаютъ справедливость и удивляются сами враги наши. Съ умиленіемъ признательности къ Богу, взирая на труды, неустрашимость, самоотверженіе нашихъ войскъ сухопутныхъ и морскихъ и на общій всѣхъ сословій въ государствѣ порывъ усердія, мы смѣемъ почитать ихъ залогомъ и предвѣстіемъ счастливѣйшихъ въ будущемъ событій. По долгу христіанскому мы не можемъ желать продолженія кровопролитія, и конечно не отклонимъ мирныхъ предложеній и условій, если онѣ будутъ согласны съ достоинствомъ державы нашей и пользами любезныхъ нашихъ подданныхъ. Но другой, не менѣе священный долгъ велитъ намъ въ сей упорной борьбѣ быть готовыми на усилія и жертвы, соразмѣрныя съ устремленными противъ насъ дѣйствіями. Вѣрные сыны наши! Вы привыкли не щадить ничего, когда Провидѣніе призываетъ васъ къ великому и святому дѣлу, ни достоянія, многолѣтними трудами пріобрѣтеннаго, ни жизни и крови вашей и чадъ вашихъ. Благородный жаръ, съ самаго начала войны пламенѣющій въ сердцахъ вашихъ, не охладится ни въ какомъ положеніи, и ваши чувства суть также чувства государя вашего. Буде нужно, мы всѣ, царь и подданные, повторяя слова Императора Александра, произнесенныя имъ въ подобную нынѣшней годину искушенія: «съ желѣзомъ въ рукахъ, съ крестомъ въ сердцѣ, станемъ передъ рядами враговъ на защиту драгоцѣннѣйшаго въ мірѣ блага: безопасности и чести отечества.»

И такъ, личина притворства была сброшена западными державами: война Россіи объявлена, война грозная, чудовищная, неестественная, противная человѣчеству, христіанству, всѣмъ здравымъ идеямъ. Война, и за что? Не сами ли же эти державы признали во всѣхъ нотахъ и

конференціяхъ, что Россія имѣла право требовать у Порты новыхъ обезпеченій въ исполненіи прежнихъ условій. Не онѣ ли же утвердили самую форму этихъ требованій. И когда Россія приняла ее, а Турція отказалась принять, западныя державы объявили Россіи войну, говоря, что это война за *просвѣщеніе* противъ *варварства*. Онѣ соединились съ Турціею на эту державу, которой право сами признали; онѣ начали войну, чтобъ увѣковѣчить рабство десяти милліоновъ христіанъ, подъ кровавымъ игомъ мусульманъ; онѣ соединили свои крестоносныя знамена съ бунчуками Магомета, противъ христіанской державы, которая больше ничего не желала, кромѣ гражданскихъ и человѣческихъ правъ своимъ единовѣрцамъ, страдающимъ четыре вѣка подъ гнетомъ азіятской орды. Все это до того чудовищно, что потомство не повѣритъ ослѣпленію всей Европы, и однако же дѣйствительно таково. Пусть же судитъ объ нихъ исторія и обратитъ справедливое свое негодованіе на виновниковъ этого кровопролитія.

Остается теперь исчислить всѣ военныя дѣйствія до роковой минуты, когда неожиданный ударъ постигъ Россію, и величайшій изъ монарховъ покинулъ земное поприще для вѣчнаго, блаженнаго безсмертія.

Внезапная политика Австріи.

Мы остановились въ предъидущей главѣ на отступленіи русскихъ отъ Силистріи и очищеніи ими Молдавіи и Валахіи. Этотъ внезапный переворотъ войны, по-видимому ничѣмъ не оправданный, изумилъ всѣхъ. Увы! это была печальная необходимость, происшедшая отъ неожиданнаго переворота австрійской политики. Безпристрастная исторія отыщетъ и укажетъ на причины, побудившія Англію и Францію объявить войну Россіи, вопреки всѣмъ идеямъ о справедливости, чести и вѣрѣ. Но что могло побудить Австрію, такъ недавно еще спасенную Россіею, возстать на нее,—это останется тайною даже и тогда, когда собраны будутъ всѣ документы. Часто во всемірной исторіи происходятъ перемѣны политики у государей и

государствъ подъ предлогами, болѣе или менѣе оправданными. Англія завидовала давно Россіи за развитіе ея торговли, промышлености, флота и вліянія на востокѣ. Она видѣла въ ней противницу всѣхъ ея революціонныхъ происковъ въ прочей Европѣ. Франціи нужна была какая бы то ни была война, для поддержанія новой имперіи. Но самая измѣнчивая политика имѣетъ свою *совѣстливость* (pudeur). Тутъ же исторія съ грустью увидитъ одну непостижимую неблагодарность и вражду къ такой державѣ, которая всегда была вѣрною союзницею Австріи, а недавно еще и спасительницею. Принявъ первая посредничество между Россіею и Турціею, Австрія составила вѣнскія конференціи и всенародно объявила, что Россія имѣла право на предъявленныя требованія отъ Турціи и пріискивала только форму, наименѣе обидную для Порты. Найдя ее, она предложила проектъ конвенціи Россіи, которая тотчасъ же приняла ее, потомъ Портѣ, которая отказалась. Началась война; и хотя бы Австрія должна была по здравой и справедливой политикѣ помогать Россіи для достиженія того, чего она требовала у Турціи и что ей предложено было самою Австріею и западными кабинетами, но она объявила, что сохранитъ строгій нейтралитетъ въ этой странной войнѣ. Пруссія и Германія послѣдовали ея примѣру. Данія и Швеція еще прежде объявили себя нейтральными.

Вдругъ видя, что русскіе перешли за Дунай, и даже за Трояновъ валъ, видя что Силистрія вскорѣ должна пасть, Австрія объявила, что, ежели Россія, будетъ вести наступательную войну, то она присоединится къ западнымъ державамъ. Объявленіе Австріи.

Это объявленіе измѣнило весь ходъ войны. Россія не могла уже дѣйствовать за Дунаемъ, какъ скоро австрійская армія заняла бы Молдавію и Валахію. Путь сообщеній ея былъ бы отрѣзанъ. Необходимость требовала оставить всѣ плоды полугодовой кампаніи и возвратиться

на лѣвый берегъ Дуная, снявъ осаду Силистріи. Императоръ Николай отправилъ въ Вѣну графа Орлова, для вразумленія и убѣжденія Австріи. Напрасно: она требовала, чтобъ мы вели *оборонительную* войну.

Странныя идеи долженъ былъ имѣть вѣнскій кабинетъ о политикѣ и войнѣ, если могъ думать, что Россія, которой сама Турція объявила войну, будетъ спокойно оставаться въ Дунайскихъ княжествахъ, защищаясь отъ нападеній турокъ и союзниковъ ихъ! Цѣль войны со стороны Россіи, состояла въ томъ, чтобъ принудить Порту къ обязательствамъ въ сохраненіи прежнихъ договоровъ. Этого понужденія нельзя было достигнуть иначе, какъ *наступательною* войною, которая бы заставила Порту просить мира. Оборонительнымъ образомъ не достигаютъ этого.

Договоръ съ Турціею.

Какъ бы то ни было, враждебная политика Австріи принудила насъ возвратиться и очистить Молдавію и Валахію. Австрія же заключила съ Портою договоръ, что беретъ оба эти княжества въ свое охраненіе, чтобы въ нихъ не происходило военныхъ дѣйствій.

Эта мѣра предоставила Турціи и союзнымъ съ нею державамъ вести наступательную войну съ Россіею, гдѣ и какъ имъ угодно. Эта мѣра давала Турціи цѣлую армію въ распоряженіе, чтобъ употребить ее въ Азіи, или въ другихъ мѣстахъ. Она превращала наконецъ Россію въ мексиканскаго невольника, котораго заставляли драться, привязавъ одну ногу его цѣпями къ столбу.

Трактатъ 2-го декабря.

А между тѣмъ Австрія хвалилась своею къ намъ дружбою, благодарностію и снисходительностію!

Вскорѣ доказала она ихъ еще лучше. 2-го декабря 1854 года заключила она съ Англіею и Франціею союзъ, которымъ обязывалась *понудить* Россію къ заключенію мира, на слѣдующихъ четырехъ пунктахъ гарантіи:

Четыре пункта гарантій.

1) Чтобъ Россія отказалась отъ всякаго вліянія на дѣла Дунайскихъ Княжествъ. 2) Чтобъ судоходство по Дунаю

было совершенно свободно. 3) Чтобъ морскія силы Россіи въ Черномъ морѣ были уравновѣшены съ турецкими извѣстнымъ числомъ кораблей, и 4) чтобъ христіанскіе подданные Турціи не были подъ покровительствомъ одной Россіи, а всей Европы.

Не говоря о 2-мъ пунктѣ, который вовсе былъ безполезенъ, потому что Россія никогда не препятствовала судоходству по Дунаю, всѣ прочіе пункты требовали, чтобъ Россія отказалась отъ всѣхъ своихъ прежнихъ договоровъ съ Турціею, тогда какъ сама Австрія и вся Европа на вѣнскихъ конференціяхъ признали ихъ. Вообще вся Европа возставала на Россію, требовала противъ нее гарантій въ будущемъ,—но никто не говорилъ, чтобъ дать самой Россіи подобныя гарантіи отъ насильства Англіи и Франціи, которыя своими флотами могутъ во всякое время нарушить миръ и разгромить русскіе берега.

Увы! Къ этому враждебному договору присоединилась Пруссія и Германія, оговоривъ только, что объявятъ войну Россіи не прежде, какъ обнаружится опасность для цѣлости Австріи и Германіи.

Искренность политики западныхъ державъ видна была и въ этихъ пунктахъ. Онѣ увлекли Австрію въ свой союзъ посредствомъ этихъ пунктовъ; но когда дѣло дошло до заключенія мира на этомъ основаніи, Англія и Франція отказались, а Австрія все таки осталась на ихъ сторонѣ.

Такимъ образомъ Россія осталась одна противъ всей враждующей Европы, и когда мы въ военныхъ дѣйствіяхъ зимою 1854—1855 увидимъ, что союзники отъ суровости климата, отъ болѣзней (холеры и др.) и отъ сраженій съ русскими потеряютъ цѣлую армію, Англія, не имѣя возможности замѣнить свои потери, найметъ 15,000 піемонтцевъ, 5,000 швейцарцевъ, 5,000 italіянцевъ, 10,000 нѣмцевъ и потребуетъ 30,000 у Испаніи, а Австрія будетъ все хвалиться своимъ нейтралитетомъ и *дружбою къ Россіи*.

Описаніе военныхъ дѣйствій.

Возвратимся теперь къ военнымъ дѣйствіямъ. Первымъ подвигомъ союзныхъ англо-французскихъ флотовъ было бомбардированіе Одессы въ Страстную субботу, 10-го апрѣля.

Донесеніе барона Остенъ-Сакена отъ 10-го апрѣля: «Непріятельская эскадра изъ шести трехдечныхъ, тринадцати двухдечныхъ линѣйныхъ кораблей и девяти пароходовъ подошла къ Одессѣ и стала на позиціи. Въ шесть съ половиною часовъ утра девять непріятельскихъ пароходовъ атаковали пять батарей, бросая по временамъ бомбы въ городъ. Пользуясь большимъ калибромъ своихъ орудій, непріятель не подходилъ на близкое разстояніе, и потому 4-я и 5-я батареи мало принимали участія въ боѣ; новая или лѣвая батарея, подъ начальствомъ прапорщика Щеголева, сражалась четырьмя и потомъ двумя орудіями подъ перекрестными выстрѣлами непріятельскихъ судовъ въ продолженіе шести часовъ; въ послѣдствіи же болѣе чѣмъ противъ трехъ сотъ пятидесяти орудій. При всемъ томъ батарея Щеголева замолчала только тогда, какъ уже стоящія въ гавани суда и батареи были объяты пламенемъ. Передъ концемъ его подвига три непріятельскіе парохода были взяты на буксиръ. Бой продолжался около двѣнадцати часовъ и въ седьмомъ часу вечера непріятельскіе линѣйные корабли потянулись къ своей позиціи. Непріятельская артиллерія, не смотря на превосходство калибровъ, не имѣла удачи. Батареи наши, отлично устроенныя, нисколько не потерпѣли, исключая 6-й.»

Въ маѣ явился другой союзный флотъ и въ Балтійскомъ морѣ.

8-го мая подошли къ Гангеуду и стали на якорь 17 англійскихъ двухдечныхъ винтовыхъ кораблей, а за день предъ тѣмъ приблизились къ проливу Витсандъ у входа къ Экнесу два англійскіе же винтовые фрегата и пароходъ, которые открыли огонь по батареѣ, устроенной у пролива Витсандъ.

До 9-го мая противъ Гангеуда флотъ еще ничего не предпринималъ. Флотилія же, появившаяся близъ Экнеса, мужественно встрѣченная нашими войсками подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Рамзая, была отражена съ урономъ и не отважилась атаковать Экнесъ.

10-го мая французская эскадра сдѣлала нападеніе на передовыя Гангеудскія укрѣпленія. Не смотря на усиленный огонь, гарнизонъ нашъ, подъ начальствомъ подполковника Моллера, дѣйствовалъ съ такимъ хладнокровіемъ, что атаковавшіе пароходы, послѣ пятичасоваго боя, принуждены были отступить съ большимъ поврежденіемъ.

Наконецъ открылись непріятельскія дѣйствія и въ Бѣломъ морѣ. 6-го іюля два непріятельскіе парохода, подойдя къ Соловецкому Монастырю, открыли по немъ канонаду ядрами и бомбами. Въ пятомъ часу канонада замолкла и къ монастырю явился парламентеръ, съ требованіемъ безусловной сдачи какъ монастыря, такъ и команды въ немъ находящейся. Настоятель, архимандритъ Александръ, отказалъ, и на другой день непріятельскіе пароходы возобновили бомбардированіе монастыря. Не смотря на десятичасовое бомбардированіе, убитыхъ и раненыхъ въ монастырѣ не оказалось. Прекративъ пальбу, пароходы снялись съ якоря и отправилисъ въ Онежскій заливъ. 9-го іюля послали десантъ на островъ Кій, вошли въ монастырь, сняли мѣдный колоколъ и увезли его на пароходѣ Миранда вмѣстѣ съ вещами, захваченными въ таможенномъ домѣ.

9-го августа къ городу Колѣ приблизился англійскій паровой фрегатъ, и 11-го числа съ разсвѣта непріятель началъ осыпать городъ бомбами и калеными ядрами. Нижняя часть города вскорѣ загорѣлась и въ короткое время сгорѣли 92 дома, 2 церкви, соляной, винный и хлѣбный магазины; но верхняя часть города осталась невредима, несмотря на продолжительное бомбардированіе, прекратившееся только въ десять часовъ вечера. На другой день англійскій фрегатъ ушелъ въ море. При

этомъ нападеніи съ нашей стороны не было ни одного убитаго, ни раненаго. Все казенное имущество и суммы были заблаговременно вывезены.

26-го мая, въ три часа по полудни, показались въ виду города Гамле-Карлебю два англійскіе парохода-фрегата. Одинъ изъ баркасовъ подошелъ къ самому берегу; бургомистръ, встрѣтившій прибывшаго на баркасѣ англійскаго офицера, объявилъ, что не можетъ допустить его ближе къ городу. Англійскій офицеръ удалился, угрожая, что войдетъ въ городъ силою.

Дѣйствительно въ исходѣ 11-го часа всѣ девять непріятельскихъ баркасовъ двинулись къ берегу. Два орудія гарнизонной артиллеріи, двѣ роты Финляндскаго баталіона и до ста вооруженныхъ жителей встрѣтили непріятеля пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ, на который отвѣчали съ баркасовъ тоже изъ пушекъ и ружей. Перестрѣлка продолжалась почти до полуночи, и непріятель принужденъ былъ удалиться. Одинъ баркасъ достался въ добычу побѣдителей съ 22-мя матросами, которые и взяты въ плѣнъ.

Этимъ кончились въ 1854 году подвиги огромнаго англо-французскаго флота въ Балтійскомъ морѣ.

Въ августѣ привезенъ былъ въ Балтійское море французскій корпусъ Бараге д'Илье (12,000 человѣкъ) и вмѣстѣ съ содѣйствіемъ флотовъ началась бомбардировка и осада укрѣпленной казармы Бомарзундъ на Аландскихъ островахъ.

Аландскія укрѣпленія состояли изъ оборонительной казармы, занимавшей восточную оконечность большаго острова и пролива Бомарзундъ и трехъ башень подъ буквами *C*. *V*. и *Z*. Гарнизонъ состоялъ изъ одного финляндскаго баталіона съ командою гарнизонной артиллеріи; кромѣ того къ нимъ присоединились двѣ роты гренадерскаго стрѣлковаго баталіона, подъ начальствомъ полковника Фуругельма. Первыя свои усилія непріятель направилъ на

башню *C*, и 2-го августа, послѣ усиленнаго бомбардированія, овладѣлъ ею. Храбрые защитники башни рѣшились на отчаянную вылазку и произвели смятеніе въ рядахъ непріятеля, а потомъ взорвали башню, когда французы въ нее уже вошли. 3-го августа непріятель обратился къ башнѣ *V* и также овладѣлъ ею; 4-го числа онъ устремилъ всѣ свои усилія съ моря и съ сухаго пути противъ оборонительной казармы, которая была засыпана бомбами и ядрами. Наконецъ, послѣ часа пополудни, непріятель занялъ и послѣднее укрѣпленіе. Комендантъ, генералъ-маіоръ Бодиско и полковникъ Фуругельмъ съ частью гарнизона остались въ живыхъ и были взяты въ плѣнъ.

10-го августа пять непріятельскихъ паровыхъ судовъ, войдя въ Абоскія шхеры, направились противъ 17-ти канонирскихъ лодокъ, которыя съ нѣсколькими небольшими буксирными пароходами стояли у острова Рунсала, преграждая фарватеръ, идущій къ Або. Непріятель открылъ сильный огонь въ разстояніи болѣе двухъ тысячъ саженъ. Ядра его, гранаты и бомбы перелетали чрезъ лодки, которыя спокойно ожидали приближенія непріятеля на прицѣльный выстрѣлъ и тогда уже начали сами пальбу. Перестрѣлка продолжалась болѣе двухъ съ половиною часовъ, и въ это время съ нашей стороны убито трое и ранено восемь человѣкъ.

Непріятель удалился, имѣя одинъ изъ пароходовъ на буксирѣ.

Между тѣмъ готовилась другая, сильнѣйшая экспедиція въ Черномъ морѣ. Еще въ іюлѣ привезена была въ Галлиполи и Константинополь значительная Англо-французская армія, и нѣсколько отрядовъ даже двинулись къ Силистріи, на помощь этой крѣпости, которой паденія всѣ ожидали. Другіе отправились въ Шумлу, для защиты Балкановъ, иные въ Андріанополь, ожидая тамъ русскихъ, по примѣру 1829 года. Мы уже выше видѣли, что политика Австріи

измѣнила весь ходъ войны. Русскіе сняли осаду Силистріи и начали очищать Дунайскія княжества. На минуту думали было французы черезъ Добруджу остановить русскихъ на Прутѣ. Но корпусъ, пустившійся въ эту область, потерялъ въ нѣсколько переходовъ до 12,000 человѣкъ отъ холеры, и съ ужасомъ возвратился въ Варну.

Крымская кампанія.

Тогда союзнымъ кабинетамъ предстояло избрать себѣ путь для наступательной кампаніи противъ русскихъ. Англійскія газеты настоятельно требовали нападенія на Севастополь, для истребленія русскаго Черноморскаго флота. Англійское министерство радостно ухватилось за эту мысль, и Лудовикъ-Наполеонъ послалъ приказаніе маршалу своему Сентъ-Арно отправиться къ Севастополю.

Англо-французскія силы на Востокѣ простирались тогда до 100,000, но какъ онѣ были не сосредоточены, то Сентъ-Арно двинулся къ Крыму имѣя до 70,000 человѣкъ.

Сперва послана была рекогносцировка, для избранія мѣста высадки. 14-го іюля подъѣзжало нѣсколько пароходовъ къ Севастополю, къ Евпаторіи, къ Балаклавѣ, и донесенія убѣдили французскаго маршала, что удобнѣйшее мѣсто высадки—въ Евпаторіи.

Высадка.

1-го сентября появился наконецъ союзный флотъ со всею высадною арміею у Евпаторіи, между городомъ и деревнею Катукаемъ. Жители, при приближеніи ихъ, разбѣжались. Войска тутъ не было, чтобъ противиться высадкѣ. Русскій корпусъ князя Меншикова стоялъ у Севастополя, зная, что нападеніе произведено будетъ на него. У него было въ строю до 33,000 человѣкъ.

Не смотря на это неравенство силъ, едва онъ узналъ о высадкѣ непріятелей, какъ двинулся къ нимъ навстрѣчу, и 8-го сентября произошелъ знаменитый Алмскій бой противъ вдвое сильнѣйшаго непріятеля.

Сраженіе при Альмѣ.

Князь Меншиковъ занималъ, 8-го сентября, позицію за рѣкою Алмою съ 42 баталіонами, 16-ю эскадронами и

34 орудіями. Въ полдень непріятельскія войска двинулись къ рѣкѣ Алмѣ и рѣшительно атаковали нашу позицію. Правое крыло составляли Французы, лѣвое Англичане. Тѣ и другіе наступали стройно, подъ прикрытіемъ густой цѣпи штуцерныхъ стрѣлковъ. Наши стрѣлки встрѣтили непріятеля меткимъ огнемъ и вскорѣ на всемъ протяженіи завязалась жаркая перестрѣлка. Съ самаго начала боя дѣйствіе непріятельскихъ стрѣлковъ произвело сильное опустошеніе въ нашихъ рядахъ. Первыми жертвами пали многіе изъ начальствующихъ лицъ. Занявъ виноградники праваго берега Алмы, непріятельскіе баталіоны свернулись въ колонны, перешли чрезъ рѣчку и снова развернулись на лѣвомъ берегу ея. Князь Меншиковъ приказалъ первой линіи встрѣтить противника штыками, чтобы сбросить его снова къ рѣкѣ. Баталіоны наши нѣсколько разъ брали ружье на руку и бросались впередъ, но каждый разъ, встрѣчаемые жестокимъ батальнымъ огнемъ, отражаемы были съ большею потерею. Въ одномъ изъ нашихъ дивизіоновъ вся прислуга и лошади легли на мѣстѣ. Между тѣмъ лѣвый флангъ нашъ, не смотря на отдаленность свою отъ морскаго берега, поражаемъ былъ выстрѣлами непріятельскаго флота. Одна французская колонна перешла близъ морскаго берега чрезъ долину рѣки Алмы и по едва замѣтной тропинкѣ быстро взобралась на возвышеніе. Появленіе этихъ войскъ заставило князя Меншикова выдвинуть изъ резерва Минскій и Московскій пѣхотные полки; но французы успѣли выставить батарею. Оба полка принуждены были отступить. Тогда князь Меншиковъ, видя, что войска наши, послѣ понесеннаго ими тяжкаго урона, не въ силахъ болѣе держаться, началъ отводить всѣ войска къ рѣкѣ Качѣ. Эта мѣра остановила непріятеля. Онъ остался на рѣкѣ Алмѣ, а наши войска уже послѣ полуночи перешли за Качу. Въ этомъ кровопролитномъ боѣ обѣ стороны сильно пострадали. У насъ убито 1,762 человѣка, ранено 2,315,

контужено 405 (въ послѣдующихъ донесеніяхъ потеря эта опредѣлена до 9,000 убитыми и ранеными.)

Такъ кончилось первое сраженіе, и не въ нашу пользу. Превосходство силъ дало непріятелю слишкомъ сильный перевѣсъ, но еще болѣе убѣдились мы, что вооруженіе штуцерныхъ стрѣлковъ далеко превосходитъ наше. Этотъ недостатокъ спѣшили по возможности исправить. Но князь Меншиковъ убѣдился, что въ открытомъ полѣ ему нельзя держаться, а потому рѣшился итти къ Севастополю и защитаться тамъ подъ оградою стѣнъ.

Непріятель послѣдовалъ за нимъ, и 18-го сентября приблизился къ сѣвернымъ укрѣпленіямъ Севастополя, тогда какъ князь Меншиковъ занималъ южную часть. Тутъ съ обѣихъ сторонъ произошли два знаменитые фланговые марша. Русскій главнокомандующій чувствовалъ, что заперпись въ южной части Севастополя, онъ будетъ отрѣзанъ отъ сообщеній съ Перекопомъ и подкрѣпленіями, а потому скрытнымъ и искуснымъ движеніемъ перешелъ на сѣверную часть къ хутору Макензи, оставя въ городѣ достаточный гарнизонъ противъ внезапнаго нападенія.

Французскій маршалъ также съ своей стороны видѣлъ, что городъ надобно брать съ южной стороны, а потому скрытно перешелъ около того же хутора на югъ и расположился тутъ, чтобъ начать правильную осаду.

Севастополь, превосходно укрѣпленный со стороны моря, имѣлъ самыя слабыя фортификаціи съ сухопутной стороны. Незначительная каменная стѣна и сухой ровъ, давно уже заросшій, окружали его. Въ видѣ передоваго укрѣпленія находилась одна деревянная башня, называемая Малаховскою. Но и у непріятеля не было еще осадной артиллеріи, и князь Меншиковъ съ геніяльною рѣшимостью принялся создавать изъ этого открытаго города первоклассную крѣпость. Черноморскій флотъ былъ уже осужденъ на бездѣйствіе, а потому онъ, снявъ съ линейныхъ кораблей и парусныхъ фрегатовъ всѣ орудія, потопилъ

самыя суда у входа въ гавань, чтобъ непріятельскій флотъ не могъ туда ворваться, а орудія употребилъ на вооруженіе батарей, которыхъ фортификаціонную систему представилъ ему полковникъ Тотлебенъ (съ той минуты управлявшій всѣми осадными работами и обезсмертившій свое имя).

Началась знаменитѣйшая въ лѣтописяхъ военной исторіи осада,— и взоры всей Европы устремлены были на нее цѣлый годъ. Вѣроятно, наши военные писатели воспользуются ею, чтобъ составить полную и подробную исторію ежедневныхъ дѣйствій и подвиговъ русскихъ. Мы же обязаны ограничиться только главными событіями.

Бомбардированіе.

Въ теченіе ночи съ 4-го на 5-е октября, непріятель прорѣзалъ амбразуры въ устроенныхъ имъ траншеяхъ, и въ шесть часовъ утра открылъ сильный огонь противъ нашихъ батарей, которыя отвѣчали усиленно и довольно успѣшно. Орудія на башнѣ Малахова кургана къ полудню были сбиты, батареи же и всѣ бастіоны не переставали дѣйствовать и столь удачно, что подъ вечеръ у англичанъ осталось только два орудія. Французскія батареи замолкли гораздо прежде, вслѣдъ за взорвавшимся у нихъ пороховымъ складомъ. Потеря наша къ истинному сожалѣнію велика тѣмъ, что генералъ-адъютантъ Корниловъ, раненый ядромъ въ ногу, вскорѣ умеръ.

Съ 5-го на 6-е число, огонь непріятельскихъ батарей и судовъ былъ не такъ разрушителенъ, какъ мы ожидали. Александровская батарея, а также батарея № 10, за которую болѣе всего должно было опасаться, повреждены были весьма мало. Въ Константиновской оказалось болѣе поврежденій. Изъ бастіоновъ пострадалъ одинъ только № 3, котораго почти всѣ 33 орудія были сбиты и гдѣ понесли мы главнѣйшую потерю.

8-го числа, весь непріятельскій огонь устремленъ былъ противъ башни на Малаховомъ курганѣ. Огонь англійскихъ батарей сталъ по немногу уменьшаться, вѣроятно,

въ слѣдствіе того, что генералъ-маіоръ Семякинъ съ ввѣреннымъ ему отрядомъ двинулся изъ деревни Чоргунъ на Балаклавскія высоты и показавшись въ тылу англійскаго лагеря, произвелъ тамъ нѣкоторое замѣшательство, такъ что войско выступило по направленію къ Балаклавѣ.

13-го октября, поручено было генералъ-лейтенанту Липранди, съ ввѣренною ему дивизіею атаковать отдѣльный непріятельскій лагерь, прикрывающій дорогу изъ Севастополя въ Балаклаву. Предпріятіе это исполнено имъ того же утра блестящимъ образомъ. Въ рукахъ нашихъ находились четыре редута, съ которыхъ взято 11 орудій. Главный редутъ непріятельскій взятъ штурмомъ Азовскимъ полкомъ, подъ начальствомъ генерала Семякина. Одновременною атакою на нашихъ гусаръ англійская кавалерія наскакала на донскую батарейную батарею, въ которой нѣсколько канонировъ были изрублены. Потеря наша въ этомъ дѣлѣ не превышала 300 человѣкъ. Потерю непріятеля полагаютъ до 500.

Инкерманское сраженіе.

24-го октября произведена была вылазка изъ Севастополя со стороны бастіона № 1. Командованіе войсками поручено было генералу Данненбергу. Первый натискъ нашъ на высоты былъ весьма удаченъ: англійскія укрѣпленія взяты и 11 орудій заклепаны. Между тѣмъ французскія силы прибыли на подкрѣпленіе. Осадная артиллерія англичанъ выведена была ими въ поле и наша полевая не могла уже выгодно съ нею состязаться. Числительное превосходство непріятельскихъ штуцерныхъ наносило значительный уронъ. По этому не возможно было безъ пожертвованія войскъ довершить начатыя нами во время боя редуты на мѣстности, которою командовала непріятельская позиція до самаго Севастополя. Отступленіе совершилось въ порядкѣ въ Севастополь и чрезъ Инкерманскій мостъ, а подбитыя орудія свезены съ поля сраженія въ городъ. Великіе Князья Николай и Михаилъ Николаевичи находились въ этомъ жестокомъ огнѣ, подавая примѣръ

мужества и хладнокровія въ бою и удостоились получить за это орденъ Св. Георгія 4-й степени. Этотъ бой продолжавшійся восемь часовъ безпрерывно съ такимъ упорствомъ и ожесточеніемъ съ обѣихъ сторонъ, не могъ обойтись безъ значительныхъ жертвъ. Съ нашей стороны число убитыхъ простиралось до 2,969 человѣкъ, раненыхъ до 5,791, въ томъ числѣ два генерала и 206 офицеровъ.

Зимняя осада.

Послѣ Инкерманскаго дѣла началась зима, и страданія союзной арміи. Болѣе всего потерпѣли Англичане; потери ихъ были чрезвычайны. Не смотря на это, осада продолжалась съ неутомимою дѣятельностью, равно какъ и оборона. Подступы шагъ за шагомъ, дюймъ за дюймомъ подвигались впередъ. Началась подземная война и русскіе были и въ ней непобѣдимы. По всѣмъ правиламъ фортификаціи, осажденные послѣ 3-й паралели коронуютъ гласисъ, дѣлаютъ проломъ и берутъ крѣпость. Тутъ дошли до семи паралелей, и русскіе съ такою же геройскою стойкостью защищались, какъ въ первый день. Декабрь, январь прошли безъ видимыхъ успѣховъ непріятеля, котораго уронъ отъ холеры и другихъ болѣзней былъ неисчислимъ.

5-го февраля произошелъ довольнс значительный бой у Евпаторіи.

Послѣдняя реляція о боѣ при Евпаторіи.

Предписано было генералъ-лейтенанту Хрулеву произвести рекогносцировку, дабы узнать силы непріятеля въ Евпаторіи. Предназначенныя для сего войска приблизились къ Евпаторіи на разстояніи 250-ти саженъ и открыли по ней перекрестный огонь. Непріятель отвѣчалъ сильною канонадою, но не смотря на это, дѣйствіе нашей артиллеріи было такъ удачно, что у непріятеля въ короткое время взорвало пять зарядныхъ ящиковъ и подбито нѣсколько орудій. Увлеченные симъ успѣхомъ, войска наши подошли къ самому городу и завязали съ непріятелемъ живую перестрѣлку, но генералъ Хрулевъ, удостовѣрившись, что въ Евпаторіи находится до 40,000 войскъ при ста

орудіяхъ, приказалъ войскамъ выйти изъ-подъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Потеря наша въ этомъ дѣлѣ простиралась до 500 человѣкъ убитыми и ранеными. Уронъ непріятеля по всей вѣроятности былъ гораздо значительнѣе.

ГЛАВА XI.

Последнія минуты жизни Императора Николая I.— Завѣщаніе.

Дѣло подъ Евпаторіею было послѣднимъ военнымъ извѣстіемъ, полученнымъ Государемъ Императоромъ. Готовился ужасный, неотвратимый, неожиданный ударъ для Россіи!

Вдругъ разнеслась вѣсть, что Императоръ нездоровъ; никто не воображалъ, чтобъ могла быть какая либо опасность. Простуда, гриппъ, это такіе недуги, отъ которыхъ едвали одинъ изъ тысячи умираетъ; одна любовь подданныхъ только произвела всеобщій страхъ. Всѣ бросились ко дворцу узнавать о здоровьи Государя и получали успокоительные отвѣты. Бюллетеней не издавалось. Слѣдственно всѣ опасенія казались неосновательными. Февраля 16-го числа изданъ былъ первый бюллетень, а 18-го Его уже не стало. Невозможно вообразить всеобщихъ чувствъ народа. Мы, бывшіе свидѣтелями столь же внезапной и неожиданной кончины Александра I-го, могли вполнѣ понять всю любовь народа къ преемнику Его, бывшему тридцать лѣтъ царемъ-отцемъ Россіи. Странное стеченіе великихъ міровыхъ событій! Александръ I-й скончался тогда, когда начинался разгаръ революціонныхъ идей въ Европѣ, вспыхнувшихъ черезъ пять лѣтъ. Николаю I-му суждено было подавить ихъ и при восшествіи своемъ 14-го декабря, и при бунтѣ Польши 1830—

1831 г., и при еще сильнѣйшемъ взрывѣ ихъ въ 1848—1849 годахъ. Онъ могъ назваться истиннымъ геркулесомъ изъ царей, отсѣкающимъ главы революціонной гидры, безпрестанно возраждавшіяся. Совершивъ всѣ эти подвиги, подъятые за все человѣчество, онъ внезапно палъ, когда чудовищный, противу-христіанскій союзъ запада съ исламизмомъ возсталъ на Россію за то, что она требовала у Турціи исполненія прежнихъ договоровъ. Николай І-й отошелъ въ вѣчность, когда колебаніе политики спасенной имъ Австріи заставило его потерять всѣ плоды цѣлой кампаніи и когда, вмѣсто того, чтобъ принудить Порту къ обязательству прежнихъ договоровъ, онъ долженъ былъ помышлять о защитѣ собственныхъ своихъ границъ противъ нашествія Англіи, Франціи, Піемонта, Турціи, подкрѣпленныхъ всѣми легіонами европейскихъ демагоговъ. Николай І-й скончался въ ту минуту, когда Россіи готовились испытанія несчастій, которыхъ она никакъ не ожидала, а еще менѣе заслуживала отъ всѣхъ европейскихъ державъ, будучи столько лѣтъ оградою ихъ и спасеніемъ. Но завѣтъ будьбы неисповѣдимъ. Можетъ быть, ей нуженъ былъ новый Александръ, для новаго и ужаснѣйшаго 1812 года. Нужна была, можетъ быть, новая жертва, подобная Москвѣ, въ стѣнахъ Севастополя.

Остается сохранить для исторіи послѣднія минуты жизни Великаго Государя.

Въ теченіе всего 1854 года состояніе здоровья его было разстроено. Кажется, это разстройство началось послѣ трехъ кончинъ любезныхъ его сердцу особъ: друга и брата Михаила Павловича, ангело-подобной дочери Александры Николаевны и племянницы Елисаветы Михаиловны.

Повелитель 60-ти милліоновъ подданныхъ жилъ, конечно, умѣреннѣе и скромнѣе всѣхъ, употребляя самую простую пищу, безъ вина, пряностей, не куря и не нюхая табаку. И однако же исполинскіе труды, заботы, попе-

ченія, великія думы мало по малу истощили крѣпкій организмъ его. Пищеварительные органы его слабѣли отъ излишней умственной дѣятельности, и онъ почти ежедневно принималъ англійскую соль, для содѣйствія натурѣ.

Въ 1853—1854 годы возникшая неожиданно война увеличила его заботливость и вседневные труды. Неблагодарная политика иныхъ державъ должна была сильно его тронуть. Будущія событія этой начатой борьбы наполняли думы его. Здоровье неминуемо должно было болѣе и болѣе разстроиваться. Но какъ вседневные его занятія оставались тѣже, то никто изъ окружающихъ его государственныхъ людей и немогъ видѣть никакой въ немъ перемѣны. Развѣ одни вѣрные служители его догадывались о слабѣющихъ силахъ царственнаго исполина. Но они всю жизнь молчали и повиновались.

До конца января простудное разстройство перемежалось съ нѣкоторыми измѣненіями. Въ первыхъ числахъ февраля почувствовалъ онъ себя гораздо лучше и думалъ, что всякая болѣзнь миновала. Въ этотъ день рѣшился онъ выѣхать на смотръ войскъ, выступавшихъ въ походъ. Зная всю искреннюю любовь къ нему солдатъ, онъ чувствовалъ, что его слово, взглядъ, ободреніе и благословеніе необходимы воинамъ, отправляющимся на грозный бой. А потому онъ непремѣнно хотѣлъ выѣхать. Врачи, недовѣрявшіе временному улучшенію здоровья Императора, противились его выѣзду.

— «Вы не посмотрѣли бы на мою болѣзнь, сказалъ онъ имъ шутя, еслибъ я былъ простой солдатъ.

— «Нѣтъ, Ваше Величество, отвѣчалъ ему одинъ изъ врачей: въ такомъ положеніи какъ Вы, я бы не позволилъ и послѣднему солдату выписаться изъ госпиталя.

— «Вы исполнили бы свой долгъ, возразилъ Государь, а я иду исполнить свой.» И онъ поѣхалъ.

Вотъ характеристика всей его жизни, всего царствованія, всѣхъ правилъ его сердца! Исполнять долгъ!—Онъ

для него жилъ, царствовалъ; Онъ его внушалъ всѣмъ подданнымъ: Онъ для него и умеръ!

На другой день Онъ повторилъ свой выѣздъ при жестокомъ морозѣ—и болѣзнь его усилилась. Оказался даже упадокъ дѣятельности въ лѣвой сторонѣ легкихъ.

По долгу христіанина, Онъ въ эту же недѣлю началъ говѣть, но въ пятницу, 11-го февраля, когда долженъ былъ исповѣдаться, Государь слегъ въ постель, и уже не вставалъ.

И тутъ не прекращалъ онъ однако же своихъ многотрудныхъ занятій; казалось, что онъ хотѣлъ своими всегдашними работами побѣдить болѣзнь; увы! она его побѣдила.

17-го февраля болѣзнь до того усилилась, что врачи предупредили Наслѣдника. Пораженный этимъ ужаснымъ извѣстіемъ, Цесаревичъ рѣшился объявить обо всемъ обожаемой своей матери, которой высокій духъ онъ зналъ. Ни съ чѣмъ нельзя сравнить скорбь ея. Царственная подруга, 38 лѣтъ раздѣлявшая съ нимъ бремя высокаго сана и попеченія о подданныхъ, при величайшей тѣлесной слабости, одарена была непоколебимою твердостью. И въ эту ужасную минуту, одушевляясь чувствомъ вѣры, какъ супруга и христіанка, явилась она у изголовья больнаго. (*)

Государь нѣсколько удивился приходу ея. Съ кроткою нѣжностью склонилась она къ нему и сказала: «Другъ мой! Ты не могъ окончить начатаго тобою говѣнія и пріобщиться вмѣстѣ съ нами Св. Таинъ, какъ всегда бывало. Почему бы не исполнить этого теперь? Ты знаешь, что для христіанина нѣтъ лекарства лучше, и многіе страждущіе получали облегченіе отъ принятія Св. Таинъ.

— «Какъ? Въ постели! быстро возразилъ Государь:

(*) Почерпнуто изъ книги: «Послѣдніе часы жизни Императора Николая 1-го.»

невозможно! Я радъ и желаю исполнить эту обязанность, но когда буду на ногахъ, когда Богъ дастъ мнѣ облегченіе. Лежа и неодѣтый, могу ли приступить къ такому великому дѣлу?»

Императрица умолкла, заливаясь слезами. «Развѣ я въ такой опасности? спросилъ Государь.» Императрица нѣжно обняла его и сказала:

— «Любишь ли ты меня, какъ прежде?

— «Люблю ли? отвѣчалъ онъ. Могу ли не любить тебя? Когда мы впервые увидѣлись, сердце мое сказало мнѣ: вотъ твой ангелъ-хранитель на всю жизнь, и пророчество сердца сбылось.»

Растроганная Государыня продолжала проливать слезы.

— «Ты плачешь?» продолжалъ Государь.

— «Нѣтъ!»—отвѣчала она, и предложила ему вмѣстѣ съ нею прочесть высокую молитву: Отче-нашъ. Въ полголоса начала она читать ее, и Государь слѣдовалъ за нею. При словѣ: «да будетъ воля твоя! онъ прибавилъ: «да! во всемъ и всегда.»

Послѣ этого Государь просилъ ее удалиться и успокоиться.

Послѣ полуночи всѣ члены Императорской фамиліи собрались въ малой церкви Зимняго дворца для совершенія молитвы.

Въ два часа ночи лейбъ-медикъ Мандтъ, побужденный особами, искренно преданными и близкими, рѣшился объявить Государю о положеніи его. Войдя къ нему, началъ онъ ему говорить, что сейчасъ встрѣтилъ своего стараго хорошаго знакомаго, оберъ-священника Бажанова.

«Да! онъ почтенный и добрый человѣкъ, сказалъ Государь. А когда вы съ нимъ познакомились?»

— «Въ самыхъ прискорбныхъ обстоятельствахъ. Въ послѣднюю болѣзнь Великой Княгини Александры Николаевны. Мы вспоминали съ нимъ объ этомъ времени... Тутъ была и Государыня Императрица. Какъ бы она же-

лала, чтобъ Вы позволили ей вмѣстѣ съ духовникомъ Вашимъ помолиться у Вашей постели о скорѣйшемъ возвращеніи вамъ здравія.

Государь понялъ все. Выразительно, но ясно и спокойно спросилъ онъ:

«Скажите, чтожъ, умираю ли я?»

Почти задыхающимся голосомъ произнесъ медикъ грозное: да!

Въ эту минуту держалъ онъ руку Императора, наблюдая за біеніемъ его пульса. Ни одинъ ударъ не ускорился отъ роковаго извѣстія. Онъ жилъ и царствовалъ такъ, что могъ ежеминутно предстать предъ вѣчнаго Судію. И теперь, сбрасывая съ себя земной покровъ, чтобъ возлетѣть душею къ источнику вѣчнаго свѣта, Онъ не обнаружилъ ни малѣйшаго усилія въ борьбѣ съ земною привязанностью къ жизни.

Прошло нѣсколько минутъ въ торжественномъ молчаніи. Государь возвелъ свои взоры къ небу, и съ тѣмъ же спокойствіемъ и простотою началъ распрашивать доктора.

— «Что вы нашли во мнѣ своимъ стетоскопомъ? каверны?»

— Нѣтъ, Ваше Величество, отвѣчалъ врачъ, но начало паралича.

— «И у васъ достало духу такъ рѣшительно объявить мнѣ мой смертный приговоръ?»

— Государь! я имѣлъ многія къ тому причины: первая и главная та, что исполняю данное мною вамъ обѣщаніе. За полтора года тому назадъ вы говорили мнѣ: требую, чтобъ вы сказали мнѣ *всю правду и во время*, когда представится надобность. Къ несчастію, эта надобность предстала нынѣ. Во-вторыхъ я исполняю священную обязанность къ монарху и отцу семейства. Предъ вами еще нѣсколько часовъ жизни. Вы въ полной памяти; вы знаете, что уже нѣтъ никакой надежды, и

конечно захотите воспользоваться этими часами для последней беседы съ Наследникомъ вашего престола. Наконецъ я объявилъ вамъ правду, *всю правду*, потому что знаю васъ и люблю.

Государь слушалъ все это совершенно спокойно; врачъ залился слезами. Императоръ подалъ ему руку и сказалъ:

— «Благодарю.»

После несколькихъ минутъ молчанія, продолжалъ онъ: «Позовите старшаго моего сына....Не забудьте послать и за другими детьми моими, за сыномъ Константиномъ... Но поберегите Императрицу.»

Когда явился Цесаревичъ, онъ объявилъ ему о близкой своей кончине, но прибавилъ:

— «Надеюсь, что ты ничего не сказалъ и не скажешь матушке.»

Но она все уже знала и явилась вместе съ духовникомъ и со святыми дарами. При исповеди все вышли изъ комнаты.

— «Молю Бога, чтобъ онъ принялъ меня въ свои объятія,» сказалъ Государь по совершеніи таинствъ. Съ этой минуты онъ хладнокровно занялся последними земными заботами; велелъ дать знать по телеграфу въ Москву, Варшаву и Кіевъ, что *Государь умираетъ и прощается съ Москвою*. Онъ велелъ положить подле гроба своего образъ Богородицы Одигитріи, полученный при святомъ крещеніи отъ Екатерины Великой; назначилъ въ нижнемъ этаже зимняго дворца залу, въ которой велелъ поставить гробъ со своими смертными останками, и место для могилы въ Петропавловскомъ соборе. Погребеніе свое приказалъ онъ совершить съ наименьшею роскошью, безъ пышнаго катафалка, безъ великолепныхъ убранствъ въ зале и церкви. Срокъ траура по немъ определилъ онъ самый кратчайшій.

После всехъ распоряженій, началось трогательное про-

шаніе умирающаго съ августѣйшимъ своимъ семействомъ. Онъ благословилъ всѣхъ и даже отсутствующихъ. Всякому сказалъ онъ также слово, которое на вѣкъ запечатлѣвается въ сердцѣ.

— «Служи Россіи!» сказалъ онъ преемнику своего престола,—и это слово служитъ Россіи ручательствомъ за ея будущее счастіе и величіе.

Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, нѣжной подругѣ любимаго своего друга и брата, сказалъ онъ:

— «Теперь и мнѣ пришло время. Скажите мой сердечный поклонъ Катѣ (Великой Княгинѣ Екатеринѣ Михаиловнѣ), Ей и Ему (супругу ея), имъ обоимъ.

Но болѣе всего его ласки обращались къ вѣнценосной подругѣ своей.

— «За чѣмъ я не могу умереть съ тобою?» сказала она.

— «Ты должна жить для нихъ, отвѣчалъ онъ, указывая на дѣтей, которымъ указывая на мать, продолжалъ: живите всегда какъ нынѣ въ тѣсномъ союзѣ любви семейной.»

Нѣсколько часовъ продолжалъ жить еще Государь, сохраняя все присутствіе ума, всю твердость духа. Пріѣхалъ курьеръ изъ арміи, съ письмомъ отъ Великихъ Князей Николая и Михаила Николаевичей.

— «Здоровы-ли они? спросилъ Государь. Все прочее теперь не касается до меня; я весь въ Богѣ.»

Послѣ того призвалъ онъ генералъ-адъютанта графа Орлова, министровъ двора и военнаго, благодарилъ ихъ за службу и поручилъ Цесаревичу благодарить отъ его имени всѣхъ другихъ министровъ, гвардію, армію флотъ и въ особенности геройскихъ защитниковъ Севастополя. Онъ не забылъ и ближнюю свою прислугу, старыхъ дворцовыхъ гренадеръ, всѣхъ благословилъ, всѣмъ и каждому сказалъ нѣсколько ласковыхъ словъ.

Наконецъ онъ спросилъ врача съ улыбкою:

— «Скороли вы дадите мнѣ отставку? Скороли все будетъ кончено?»

— «Не такъ еще скоро, отвѣчалъ медикъ.

— «Не лишусь-ли я памяти?»

— «Надѣюсь, Ваше Величество, что все будетъ тихо и спокойно.

Обнимая Наслѣдника престола, сказалъ онъ: «Мнѣ хотѣлось, принявъ на себя все трудное, все тяжкое, оставить тебѣ царство мирное, устроенное и счастливое. Провидѣніе судило иначе. Теперь иду молиться за Россію и за васъ. Послѣ Россіи, я васъ любилъ болѣе всего на свѣтѣ.»

Въ послѣдней фразѣ не вся ли исторія Николая I-го?

Духовникъ началъ, по желанію его, читать молитвы на исходъ души, Государь слушалъ ихъ съ благоговѣйнымъ вниманіемъ и осѣнялъ себя знаменіемъ креста. Вскорѣ силы измѣнили ему, языкъ коснѣлъ, онъ не могъ уже говорить, но указывалъ духовнику Императрицу и Наслѣдника, какъ бы прося утѣшать ихъ и за нихъ молиться. Долго онъ не покидалъ рукъ ихъ и часто пожималъ... Вдругъ прекратилось это пожатіе, замолкло біеніе сердца.... Великаго не стало!

Было двадцать минутъ перваго, въ пятницу, 18-го февраля 1855 года.

Какія слова могутъ изобразить чувства свидѣтелей этой кончины, и всей Россіи! Безсильны всѣ выраженія. Только чувства души могутъ постигнуть ихъ, и Онъ тамъ, на лонѣ Господа, видитъ всю искренность любви къ нему, и возрадуется въ селеніи праведныхъ о своихъ русскихъ дѣтяхъ.

Вотъ завѣщаніе, писанное Государемъ, 4-го мая 1844 года, въ день Вознесенія, собственноручно, съ прибавленіемъ, что хотя оно и черновое, но онъ *проситъ все исполнить по сей бумагѣ*.

Конечно, въ завѣщаніи этомъ нѣтъ ни слова о

политикѣ (выдумали же иностранцы завѣщаніе Петра I, успѣли уже сочинить и за Николая I-го); кромѣ нѣкоторыхъ распоряженій о собственномъ, личномъ его имуществѣ, все завѣщаніе составляетъ бесѣду великаго Государя и христіанина съ самимъ собою; онъ даже не назвалъ его *послѣднею волею*, а скромно, смиренно: *своими послѣдними желаніями*.

Освятивъ, по обычаю христіанскому, начало сего завѣщательнаго акта именемъ Божіимъ: Отца и Сына и Святаго Духа, Государь продолжаетъ:

«Въ 1831 году іюня 21-го, при самомъ развитіи холеры написалъ Я наскоро послѣднія мои желанія. Милосердому Богу угодно было не только сохранить тогда жизнь всему нашему семейству, но по благодати Божіей Оно съ тѣхъ поръ получило значительное приращеніе. Счастливыя сіи событія должны измѣнить отчасти первыя мои намѣренія; почему нужнымъ считаю постановить слѣдующее, какъ изрѣченіе послѣднихъ моихъ желаній.»

Статья 1-я завѣщательнаго акта посвящена вполнѣ той, которая всю жизнь въ Бозѣ почившаго Императора занимала первое мѣсто въ Его сердцѣ, послѣ чувства монаршихъ къ Россіи обязанностей. Означивъ недвижимыя имѣнія разнаго рода, дворцы, дачи, мызы и деревни, составляющія личную собственность Государыни Императрицы Александры Θеодоровны, Онъ прибавляетъ: «желаю однако, чтобъ женѣ моей предоставлено было пользоваться покоями Ея въ Зимнемъ дворцѣ, на Елагиномъ острову и въ новомъ дворцѣ въ Царскомъ-Селѣ.

Кромѣ того, хотя по праву наслѣдства Николаевскій (Аничковъ) дворецъ, принадлежать долженъ старшему Моему сыну, но по жизнь предоставляю пользоваться онымъ женѣ Моей, ежели Ей сіе угодно.

Завѣщая всѣмъ дѣтямъ и внучатамъ моимъ любить и чтить Ихъ Родительницу и пещись объ Ея успокоеніи,

предупреждать Ея желанія и стараться утѣшать Ея старость нѣжною ихъ попечительностію. Никогда и ничего важнаго во всю ихъ жизнь не предпринимать, не испрося предварительно Ея совѣта и материнскаго благословенія.

Младшимъ моимъ сыновьямъ быть до совершеннолѣтія въ полной ея зависимости.»

Въ статьяхъ 2, 3, 4 и 6, упомянувъ, что подаренный Ему Императоромъ Александромъ первымъ Николаевскій, (Аничковъ), дворецъ, со всѣми въ разное время къ нему прикупленными домами и мѣстами, а равно и оставленное Императрицею Маріею Ѳеодоровною гатчинское имѣніе, на основаніяхъ и условіяхъ въ Ея духовной постановленныхъ, должны принадлежать Наслѣднику престола, котораго онъ, по вдохновенію отеческаго предчувствія и какъ будто уже считая себя вышедшимъ изъ здѣшняго міра, вездѣ называетъ Императоромъ, Государь предназначалъ ему и собственный свой въ Царскомъ-Селѣ арсеналъ, а Великому Князю Константину Николаевичу всѣ морскія модели, телескопы и рупоры, медальный кабинетъ и собственную свою библіотеку въ Аничковомъ дворцѣ.

Статьи 5, 7 и 8-я заключаютъ въ себѣ распредѣленіе оставленнаго Императрицею Маріею Ѳеодоровною особаго капитала между Великими Князьями: Константиномъ, Николаемъ и Михаиломъ Николаевичами, съ означеніемъ сдѣланнаго изъ частей ихъ употребленія, покупкою Стрѣлинскаго имѣнія для Великаго Князя Константина Николаевича, мызы Знаменской для Великаго Князя Николая Николаевича и Малой Знаменской для Великаго Князя Михаила Николаевича.

Въ статьѣ 7-й, говоря о мызѣ, принадлежащей Великому Князю Николаю Николаевичу, и находящейся въ пожизненномъ владѣніи Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, Государь прибавляетъ: «отъ жены моей зависѣть будетъ, когда дачу угодно будетъ предо-

ставить въ пользу Моего сына; Я бы желалъ, чтобы сіе послѣдовало тогда, когда вступитъ онъ въ бракъ.»

Не забывая ничего, Императоръ предоставляетъ Великимъ князьямъ, сыновьямъ своимъ, раздѣлить собственную конюшню его поравну и по жребію (ст. 9.), а Великому князю Михаилу Павловичу выбрать изъ большой конюшни тѣхъ лошадей, которыхъ пожелаетъ себѣ взять (ст. 10). Но и посреди сихъ семейныхъ, можно сказать хозяйственныхъ распоряженій, мы встрѣчаемъ движенія, и какъ бы порывы чувства попечительной, нѣжной внимательности Государя и къ бѣднымъ, получавшимъ отъ него пособія, и къ ближней комнатной и прочей прислугѣ его, и къ живымъ старикамъ инвалидамъ. Сказавъ въ статьѣ 11-й, что весь наличный его капиталъ подъ разными наименованіями, хранимый въ вѣдѣніи Собственной Его Величества конторы, долженъ быть раздѣленъ поравну между тремя Великими Княгинями: Маріею, Ольгою и Александрою Николаевнами, онъ тотчасъ присовокупляетъ: «но какъ на проценты сего капитала платились многіе пенсіоны, то прошу таковые принять на Государственное казначейство, или на кабинетъ, какъ Императору угодно будетъ» (*); въ слѣдующей, 12-й статьѣ: «желаю, чтобъ всей моей комнатной прислугѣ, вѣрно и усердно мнѣ служившей, обращены были ихъ содержанія въ пенсіоны. Къ сей же прислугѣ причитаю лейбъ-рейткнехтовъ и кучера моего Якова;» а въ ст. 15-й: «прошу Императора милостиво призрѣть стариковъ инвалидовъ, у меня жившихъ по разнымъ мѣстамъ, подъ названіемъ Арсенальныхъ. Желаю, чтобъ они доживали

(*) О сихъ капиталахъ въ той же 11-й статьѣ Государь постановляетъ, что они должны оставаться всегда въ Россіи; что Великія княгини могутъ только пользоваться процентами съ оныхъ, развѣ пожелаютъ на капиталы свои пріобрѣсти въ Россіи же недвижимую собственность.

свой вѣкъ на прежнемъ положеніи, развѣ угодно ему будетъ улучшить ихъ содержаніе.»

Государь также проситъ Наслѣдника своего (ст. 13), обратить вниманіе на вѣрную и долговременную службу тайнаго совѣтника Блока, пожаловавъ ему пенсію, равняющуюся содержанію, которое онъ получалъ.

Статья 14-я особенно замѣчательна трогательнымъ выраженіемъ чувства долговременной дружбы. Императоръ говоритъ о товарищахъ первыхъ лѣтъ своихъ языкомъ сердца, и въ словахъ его какъ будто исчезаетъ всякое разстояніе между Государемъ и подданными. «Съ моего дѣтства два лица были мнѣ друзьями и товарищами; дружба ихъ ко мнѣ никогда не измѣнялась. Генералъ-Адъютанта Адлерберга любилъ я, какъ роднаго брата, и надѣюсь по конецъ жизни имѣть въ немъ неизмѣннаго и правдиваго друга. Сестра его Юлія Ѳедоровна Баранова воспитала трехъ моихъ дочерей, какъ добрая и рачительная родная. Обоимъ имъ прошу назначить въ мою память пенсіоны сверхъ получаемыхъ, по 15-ти тысячь руб. сер. Въ послѣдній разъ благодарю ихъ за братскую любовь.»

Въ слѣдующихъ статьяхъ (16 и 17), Государь, изъявляя благоволеніе и признательность всѣмъ бывшимъ при воспитаніи Великихъ Князей и Великихъ Княгинь дѣтей его, завѣщая любить и уважать ихъ и предоставляя Наслѣднику престола упрочить ихъ благосостояніе, благодаритъ и бывшаго въ то время духовникомъ его, отца Музовскаго и лейбъ-медиковъ Арендта, Маркуса, Мандта и Рейнгольта, за ихъ труды и попеченіе; *благодарить душевно*,—таковы собственныя слова Его Императорскаго Величества,—тѣхъ, которые имѣли счастіе служить ему и быть къ нему болѣе или менѣе близкими по своему званію и его довѣренности, именуя въ особенныхъ пунктахъ (ст. 18 21 и 22), князя Петра Михайловича Волконскаго, «который не смотря на преклонныя лѣта, съ неизмѣннымъ усердіемъ и привязанностью пекся, какъ обо

мнѣ, такъ и обо всемъ моемъ семействѣ и о моихъ собственныхъ дѣлахъ;» князя Илларіона Васильевича Васильчикова, о коемъ онъ говоритъ: «я началъ службу подъ его начальствомъ; онъ былъ мнѣ всегда другомъ, наставникомъ и въ послѣдствіи первымъ помощникомъ въ государственныхъ дѣлахъ; и генералъ-фельдмаршала князя Варшавскаго, какъ за его искреннюю привязанность и дружбу, такъ и за геройскіе подвиги, коими онъ возвеличилъ славу нашего оружія и попралъ измѣну.» Изъ всѣхъ, находившихся при немъ безотлучно или употребленныхъ имъ въ дѣлахъ управленія, коихъ онъ такъ милостиво благодаритъ за труды и точное исполненіе порученій его и за вѣрную службу, столь полезную государству (ст. 19 и 20), многіе упредили своего монарха смертію: оставшіеся, уже въ небольшомъ числѣ, будутъ свято сохранять въ сердцѣ своемъ, сіе послѣднее его какъ бы изъ другаго, лучшаго міра ниспосылаемое имъ одобреніе. Счастливы, если они могутъ оправдать его усерднымъ служеніемъ державному сыну незабвеннаго.

Государь изъявляетъ также благоволеніе и признательность всѣмъ бывшимъ при немъ генералъ-адъютантамъ, генераламъ свиты Его и флигель-адъютантамъ (ст. 23), завѣщая имъ съ тою же любовію и преданностію служить Его Сыну. И переходя отъ частныхъ лицъ при немъ служившихъ, къ любезнымъ своимъ войскамъ вообще, говоритъ: «Благодарю славную, вѣрную гвардію, спасшую Россію въ 1825 году, а равно храбрые и вѣрные армію и флотъ; молю Бога, чтобъ сохранилъ въ нихъ навсегда тѣже доблести, тотъ же духъ, коими при мнѣ отличались: покуда духъ сей сохранится, спокойствіе государства и внѣ, и внутри обезпечено отъ враговъ его. Я ихъ любилъ, какъ дѣтей своихъ: старался, какъ могъ, улучшить ихъ состояніе; ежели не во всемъ успѣлъ, то, не отъ недостатка желанія, но отъ того, что или лучшаго не умѣлъ придумать, или не могъ болѣе сдѣлать (ст. 25).

За симъ онъ обращается снова къ членамъ Августѣйшаго семейства своего и къ другимъ близкимъ ему по крови или союзамъ брачнымъ, благодаря за дружбу родственниковъ и свойственниковъ своихъ и Государыни Императрицы (ст. 28, 29 и 30). О старшей сестрѣ своей, Великой Княгинѣ Маріи Павловнѣ, Онъ говоритъ: «Я питалъ къ ней съ дѣтства особую привязанность за всегдашнія Ея ко мнѣ милости. Позднѣе, Ея дружба для меня сдѣлалась еще драгоцѣннѣе, и ни къ кому на свѣтѣ не имѣлъ Я толикаго довѣрія. Я чтилъ Ее, какъ мать, и Ей исповѣдывалъ всю истину изъ глубины Моей души. Здѣсь въ послѣдній разъ повторяю Ей Мою душевную благодарность за отрадныя минуты, которыя проводилъ въ Ея бесѣдѣ. О Великомъ Князѣ Михаилѣ Павловичѣ, который предназначался Имъ въ семъ завѣщаніи душеприкащикомъ, съ генералъ-адъютантами: княземъ Волконскимъ и графомъ Адлербергомъ, — Онъ говоритъ: «Государю и всему семейству Моему завѣщаю любить и уважать брата Моего и вѣрнаго друга Михаила Павловича; Онъ имъ живой примѣръ, какъ Имъ брату служить должно. При семъ случаѣ душевно благодарю Михаила Павловича за его братскую любовь и всегдашнія услуги: прошу его не оставлять добрыми совѣтами Моихъ дѣтей, которыхъ поручаю Его благорасположенію.»

Онъ также завѣщаетъ, или, по словамъ Его: «заклинаетъ дѣтей и внуковъ любить и чтить своего Государя отъ всей души, служить Ему вѣрно, неутомимо, безропотно, до послѣдней капли крови, до послѣдняго издыханія, и помнить, что Имъ надлежитъ примѣромъ быть другимъ, какъ служить должно вѣрноподданнымъ, изъ которыхъ Они первые (ст. 26).»

«Я увѣренъ, продолжаетъ Государь (ст. 27), что Сынъ Мой Императоръ Александръ Николаевичъ будетъ всегда почтительнымъ, нѣжнымъ Сыномъ, какимъ всегда умѣлъ быть съ Нами; долгъ этотъ еще священнѣе съ тѣхъ

поръ, когда мать Его одна! Въ Его любви и нѣжной привязанности, также и всѣхъ дѣтей и внучатъ, Она должна обрѣсти утѣшеніе въ Своемъ одиночествѣ. Въ обхожденіи съ братьями Своими, сынъ Мой долженъ умѣть соединять снисходительность къ ихъ молодости съ необходимою твердостью, какъ отецъ-семейства и никогда не терпѣть ни семейныхъ ссоръ, ни чего либо могущаго быть вреднымъ пользѣ службы, тѣмъ паче государства, а въ подобныхъ случаяхъ, отъ чего Боже насъ сохрани, помнить наистрожайше, что Онъ Государь, а всѣ прочіе члены семейства подданные.»

Все сіе, столь замѣчательное духовное завѣщаніе нынѣ почившаго въ Бозѣ Императора, писано Имъ безъ всякаго приготовленія и начертаннаго заранѣе плана, единственно по вдохновенію чувствъ, наполнявшихъ Его душу. Но потому жъ вдохновенію, Онъ, какъ будто съ намѣреніемъ, сберегъ для послѣднихъ статей черты всего болѣе и вѣрнѣе изображающія всѣ движенія, все состояніе чистой Его души, просвѣщенной, согрѣтой вѣрою, исполненной непритворнаго христіанскаго смиренія.

«Благодарю, говоритъ Государь (ст. 31), всѣхъ Меня любившихъ, всѣхъ Мнѣ служившихъ. Прощаю всѣхъ Меня ненавидящихъ».

«Прошу (ст. 32) всѣхъ, кого могъ неумышленно огорчить, Меня простить. Я былъ человѣкъ со всѣми слабостями, коимъ люди подвержены; старался исправиться въ томъ, что за собой худаго зналъ. Въ иномъ успѣвалъ, въ другомъ нѣтъ; прошу искренно Меня простить.»

«Я умираю (ст. 34) съ благодарнымъ сердцемъ за все благо, которымъ Богу угодно было семъ въ преходящемъ мірѣ Меня наградить, съ пламенною любовію къ нашей славной Россіи, которой служилъ по крайнему моему разумѣнію вѣрой и правдой; жалѣю, что не могъ произвести того добра, котораго столь искренно желалъ. Сынъ Мой Меня замѣнитъ. Буду молить Бога, да благословитъ

Онъ его на тяжкое поприще, на которое вступаетъ, и сподобитъ Его утвердить Россію на твердомъ основаніи страха Божія, давъ ей довершить внутреннее ея устройство, и отдаля всякую опасность извнѣ. На тя Господи уповахомъ, да не постыдимся во вѣки!»

«Прошу (ст. 34 и послѣдняя) всѣхъ меня любившихъ молиться объ успокоеніи души Моей, которую отдаю милосердому Богу, съ твердою надеждой на Его благость и предаваясь съ покорностію Его волѣ.—Аминь.»

Въ отдѣльной при завѣщаніи запискѣ, послѣ распоряженій о нѣкоторыхъ, соединенныхъ съ особенными воспоминаніями иконахъ, Государь назначаетъ членамъ своего Августѣйшаго дома и разнымъ частнымъ лицамъ, въ томъ числѣ и комнатнымъ своимъ служителямъ, подарки изъ принадлежащихъ Ему вещей. Почти всѣ они маловажны по цѣнѣ. Онъ зналъ, какъ сіи вещи, не смотря на ихъ большее или меньшее внутреннее достоинство, будутъ драгоцѣнны для тѣхъ, кои получатъ ихъ, такъ сказать, еще изъ рукъ Государя, хотя и послѣ кончины Его. Въ заключеніе сей записки Онъ проситъ настоятельно велѣть устроить Его похороны какъ можно проще и сократить время траура, изъявляя съ тѣмъ вмѣстѣ «быть похороненному за Батюшкою у стѣны, такъ чтобы осталось мѣсто для жены подлѣ Меня.»

Сверхъ сего къ завѣщанію, или по выраженію Государя, къ изъявленію Его послѣднихъ желаній, приложена особая, составленная уже въ 1845 году (*) статья

Выписываемъ ее отъ начала до конца:

«29-го іюля 1844 года Богу угодно было отозвать къ себѣ любезнѣйшую дочь Нашу Александру. Смиряясь предъ неисповѣдимой волей, Мы не ропща сносимъ жестокій сей ударъ съ твердымъ упованіемъ, что ежели

(*) 3-го марта.

такъ сбылось по волѣ Его, то сбылось къ лучшему, и что Ей при Создателѣ Ея отраднѣе, чѣмъ здѣсь въ суетахъ жизни.

Молимъ Господа, да сохранитъ Намъ другихъ дѣтей, Намъ милыхъ.

Назначавшійся 11 статьею къ дѣлежу между трехъ Моихъ дочерей наличный собственный капиталъ, раздѣлить нынѣ дочерямъ моимъ Маріѣ и Ольгѣ по равну.

Вещи, предназначавшіяся дочери Моей Александрѣ, оставляю сыну Александру къ распредѣленію по его усмотрѣнію. Медальонъ и печать, которыя покойная дочь мнѣ подарила на одрѣ смерти, завѣщаю женѣ Моей, а послѣ Ея сыну Александру.

Портретъ дочери Александры, что у меня на столѣ, госпиталю строящемуся въ ея память.»

Вездѣ и во всемъ видна великая душа Николая. Счастливы тѣ Государи, которымъ не нужно другаго панегирика, кромѣ дѣлъ ихъ и словъ. Счастливы народы, которые въ чистой своей преданности къ престолу видятъ на немъ истинныхъ отцевъ и благодѣтелей своихъ подданныхъ! Господь воззвалъ Государя въ лоно вѣчности въ самую тяжкую минуту всего его Царствованія, какъ бы указуя преемнику его, какъ велико бремя верховной власти. Оставя сыну своему величайшую имперію въ свѣтѣ, съ 60-ю милліонами подданныхъ, одушевленныхъ непоколебимою вѣрностью и преданностью къ трону, Николай I-й оставилъ ему и тягость величайшей и опаснѣйшей войны. И однако же ни самъ преемникъ его, ни подданные, конечно, не упали и не упадутъ духомъ. Господь и правое дѣло должны восторжествовать. И Александръ I-й былъ въ тяжкомъ положеніи, когда двадцать племенъ ринулись на Россію съ грознымъ своимъ предводителемъ. Но до вступленія его, онъ писалъ, что дорого продастъ свое существованіе, а послѣ вторженія объявилъ, что дотолѣ невложитъ меча въ ножны,

*

доколѣ хотя одинъ непріятельскій воинъ останется въ предѣлахъ Русскихъ. Палъ Смоленскъ, пала Москва, но Русскіе *боялись* одного, чтобъ Государь, соболѣзнуя о нихъ, не заключилъ мира, противнаго чести и достоинству Россіи. Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ, и съ пѣвцомъ Экклезіаста можно было сказать: «мимо идохъ и се не бѣ!

Да будетъ такъ и нынѣ.

ГЛАВА X-я.

Обзоръ внутренняго состоянія Россіи.—Характеръ Николая I-го.— Чувства души. — Просвѣщеніе. — Военно-учебныя заведенія. — Армія. — Безсрочные. — Артиллерія. — Флотъ. — Торговля.— Крестьяне: удѣльные, государственные, помѣщичьи. —Исторія. — Сословіе чиновниковъ.—Обзоръ литературы.—Музыка.—Живопись.—Архитектура.—Театръ.—Заключеніе.

Окончивъ описаніе политической исторіи великаго и достославнаго царствованія Императора Николая I-го, долгомъ считаемъ сдѣлать обзоръ внутренняго развитія государственныхъ и народныхъ средствъ въ это тридцатилѣтіе. Пріобрѣтеніе новыхъ областей въ этотъ періодъ времени было не значительно. Послѣ персидской и турецкой кампаніи 1827—1829 годовъ, присоединено было нѣсколько азіятскихъ провинцій на юго-восточныхъ нашихъ границахъ, для обезпеченія ихъ отъ нападеній дикихъ ордъ. Но въ самомъ дѣлѣ, къ чему было Россіи расширеніе предѣловъ? Это уже цѣлая, отдѣльная часть свѣта, которой ежегодно возрастающее народонаселеніе требовало только развитія въ матеріяльномъ благосостояніи и умственномъ преуспѣяніи, въ упроченіи повсюду силы и уваженія законовъ, въ усиленіи средствъ къ внѣшней оборонѣ и въ присвоеніи русскому быту всѣхъ со-

вершающихся на западѣ открытій и усовершенствованій въ наукахъ, художествахъ и ремеслахъ.

Все это было постояннымъ предметомъ высокихъ попеченій Императора Николая I-го. Болѣе всего заботился Онъ о нравственномъ улучшеніи своего народа и о вкорененіи въ немъ непоколебимаго *чувства долга*. Періодъ его царствованія можно назвать *законодательнымъ*. Всѣ государи всемірной исторіи стараются дать своимъ народамъ хорошіе законы, но Императоръ Николай видѣлъ, что наилучшіе кодексы безполезны тамъ, гдѣ нравственностъ исполнителей не поддерживаетъ ихъ силу, и потому Онъ болѣе всего старался объ очищеніи моральнаго состоянія всѣхъ сословій. Для этого усиливалъ онъ всѣ средства къ воспитанію и образованію юношества, зная, что просвѣщеніе наилучшее ручательство за нравственность и порядокъ обществъ и семействъ.

Главный недостатокъ былъ въ русскихъ преподавателяхъ и воспитателяхъ. По неволѣ прибѣгали къ иностраннымъ: но тѣ, при всей благонамѣренности, не могли внушать юношамъ главнаго и необходимаго качества каждаго гражданина: любви къ родинѣ. Институтъ профессорскій и главный педагогическій помогъ этому недостатку. Составился разсадникъ русскихъ профессоровъ, и питомцы, кромѣ познаній въ наукахъ, учились быть *русскими*.

Спеціальныя училища по всѣмъ частямъ приготовляли способныхъ людей ко всѣмъ отраслямъ администраціи или общественной промышлености; гимназіи и второстепенныя заведенія умножены были для достаточнаго приготовленія дѣтей всѣхъ сословій (которымъ дозволено вступать въ службу) къ университетскому образованію. Дѣйствія самыхъ университетовъ усилены, и такимъ образомъ въ послѣдніе годы царствованія Николая I-го было 6 университетовъ, 1 педагогическій институтъ, 2 лицея,

2 ветеринарныя училища, 79 гимназій, 440 уѣздныхъ училищъ, 1125 приходскихъ школъ, 633 частныхъ пансіона, 70 еврейскихъ казенныхъ училищъ. Въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ было 4110 учащихся, а въ прочихъ 101,193. Сверхъ того, въ Царствѣ Польскомъ 1547 ебныхъ заведеній съ 83,114 учащихся.

Въ послѣднее время заведены были многія сельскія училища, которыя не входятъ въ эти цифры.

Можетъ быть, для полнаго, высшаго образованія недостаточно число 4100 человѣкъ учащихся для такой обширной имперіи, но надобно вспомнить, что нѣтъ еще и столѣтія, какъ Россія вступила въ состязаніе съ Европою въ просвѣщеніи. И по этому краткому періоду времени результатъ удивительный! Можетъ быть, настанетъ скоро время, что мы и въ этомъ отношеніи догонимъ Европу.

Но въ особенности Императоръ Николай обратилъ самое попечительное вниманіе на военно-учебныя заведенія. И въ этомъ отношеніи можно утвердительно сказать, что Россія превзошла почти всѣ европейскія державы. Здѣсь государь лично наблюдалъ надъ воспитаніемъ и слѣдилъ за всѣми успѣхами. Великими и усерднѣйшими его содѣйствователями въ этомъ важномъ трудѣ были Великіе Князья Михаилъ Павловичъ, а послѣ кончины его Цесаревичъ Наслѣдникъ (нынѣ царствующій Императоръ). И теперь, въ минуту всеобщей европейской войны, пріятно видѣть отзывы враговъ—иностранцевъ, что русскіе офицеры могутъ служить образцемъ по образованію и духу дисциплины всѣмъ европейскимъ арміямъ. Главное достоинство всѣхъ этихъ заведеній состоитъ въ томъ, что молодыхъ людей, посвящающихъ себя высокому военному званію, приготовляютъ быть не только отличными офицерами, но и добрыми гражданами, честными людьми и твердыми христіанами. Это оттого, что начальники ихъ, внушаемые свыше, служатъ имъ не только временными

командирами, но болѣе осуществляютъ родительскою властью.

Съ подобными разсадниками отличныхъ офицеровъ, русская армія сдѣлалась, разумѣется, тоже образцовою, и если въ мирное время была наилучшею въ Европѣ по составу и выправкѣ, то въ военное доказываетъ, что не уступаетъ другимъ въ мужествѣ, стойкости, перенесеніи всѣхъ нуждъ и въ дисциплинѣ

Числительная сила арміи доведена при Императорѣ Николаѣ I-мъ до высшей цифры, противъ всѣхъ европейскихъ государствъ, и если нынѣ оказалось, что многочисленность была на сторонѣ непріятелей, то только потому, что протяженіе нашихъ границъ слишкомъ обширно, и защищая предѣлы свои на Балтійскомъ, на Черномъ моряхъ и на Тихомъ океанѣ, мы не можемъ оградить каждый пунктъ, куда огромные флоты западныхъ державъ захотѣли бы произвести нападеніе. При этомъ невольномъ разъединеніи силъ, первые періоды войны всегда почти бываютъ неблагопріятны, но когда силы наши могутъ сосредоточиться, едва-ли какая иноземная армія одолѣетъ насъ.

Система безсрочно-отпускныхъ много оказала пользы въ мирное время для финансовъ военнаго бюджета, но еще болѣе въ военное, когда отслужившіе и отставные солдаты вторично явились добровольно на службу, на зовъ отца—царя. Всѣ сознаются, что это были лучшіе воины нашей арміи.

Вооруженіе арміи оказалось, въ первый періодъ послѣдней войны, слабѣе англо-французскаго, и мы терпѣли большія потери; но не прошло и года, какъ уже мы почти сравнялись въ числѣ и искусствѣ штуцерныхъ, по свидѣтельству самихъ непріятелей. Бомбы ихъ 7 и 10-ти пудовыя производили тоже, по новости своего огромнаго калибра, губительное дѣйствіе. Ланкастерскія пушки, ракеты дальняго полета, всѣ истребительныя средства но-

ваго изобрѣтенія вводятся и у насъ. И Великій Петръ началъ учиться подъ Нарвою, а кончилъ подъ Полтавою.

Вообще, что касается до артиллеріи нашей, сами враги отдаютъ ей преимущество предъ собственною своею. Лучше этой похвалы не нужно. И этимъ превосходствомъ обязаны мы то же Великому Князю Михаилу Павловичу.

Въ послѣднее время сдѣлано было Государемъ много измѣненій въ одеждѣ арміи, для большей свободы и удобства въ движеніяхъ; даже въ самыхъ ружейныхъ пріемахъ много упрощено и улучшено, чтобъ придать болѣе живости солдату.

Русскій флотъ всѣмъ почти обязанъ попеченіямъ Императора Николая. Александръ I-й, при континентальныхъ войнахъ своихъ, долженъ былъ устремить всѣ усилія на сухопутную армію, и составъ флота нашего былъ довольно слабъ. Преемникъ его тотчасъ же занялся этою важною отраслью государственнаго могущества и довелъ ее до небывалой дотолѣ степени силы и числительности. Но по самому географическому положенію Россіи, не могла она имѣть такихъ флотовъ, какъ Англія и Франція. Не имѣя, какъ тѣ, отдаленныхъ колоній, русскій сильнѣйшій флотъ не имѣлъ бы простора для движенія въ мирное время; въ военное же онъ долженъ былъ оставаться подъ защитою своихъ крѣпостей. Въ нынѣшнюю войну онъ оказался чрезвычайно слабъ противъ ста судовъ, выставленныхъ союзниками въ каждомъ морѣ. Паровая же система, примѣненная ко всѣмъ англо-французскимъ судамъ, давала имъ и въ равномъ числѣ превосходство надъ нашими парусными судами. Мы еще не успѣли превратить ихъ въ винтовые; наши канонирскія лодки были гребныя и давно уже почитались безполезными; однимъ словомъ мы съ первой же минуты должны были отказаться отъ всякой морской борьбы. Но защита Севастополя доказала, что русскіе моряки не уступаютъ въ храбрости никому въ свѣтѣ. Первоначальная оборона этого города произво-

дилась наиболѣе экипажами съ разснащенныхъ и потопленныхъ кораблей. Стойкость этой обороны удивила всю Европу.

Душа Великаго Императора, конечно, скорбитъ въ надзвѣздномъ своемъ жилищѣ, видя печальный конецъ нашего прекраснаго черноморскаго флота. Но Александръ Благословенный вѣрно укажетъ ему на сожженную Москву, отмщенную въ Парижѣ. Много будетъ труда и заботъ преемнику Императора Николая для возстановленія этой части въ видѣ, достойномъ величія Россіи. Но исторія уже знаетъ, что чѣмъ больше препонъ для русскихъ царей, тѣмъ вѣрнѣе достигаютъ они, своей цѣли.

Торговля Россіи, внѣшняя и внутренняя, получила въ царствованіе Николая I-го сильное развитіе. Самое сословіе купечества пріобрѣло вѣсъ и вліяніе въ государственномъ составѣ, какихъ дотолѣ не имѣло. Имена многихъ русскихъ негоціантовъ сдѣлались европейскими, а кредитъ ихъ всемірнымъ.

Къ сожалѣнію, самая заграничная торговля болѣе производилась у насъ до сихъ поръ на иностранныхъ судахъ и черезъ третьи руки. Русскихъ банкировъ до сихъ поръ нѣтъ у насъ. Торговыхъ компаній нѣтъ, и коммерческій кредитъ очень слабъ еще. Вообще купеческое сословіе только начинаетъ еще образовываться и понимать высокое значеніе своего званія. Какъ издревле слово *судья* и *секретарь* означали лихоимство, такъ *купецъ* значилъ *обманъ*. Запрашивать въ три-дорога, сбывать съ клятвами бракъ за хорошій товаръ, стараться разбогатѣть поскорѣе посредствомъ обмановъ, объявлять себя банкрутомъ, отложивъ въ сторону забранныя деньги и товары, вступать въ подряды и торги, не имѣя ничего, чтобъ барышами дѣлиться съ лицами, заключающими контракты и съ блюстителями за исполненіемъ поставки или работы: — вотъ какъ дѣлалось встарину, во вредъ государству, всеобщей нравственности, порядку и самому

сословію купечества, которое теряло всякое довѣріе своими обманами. Теперь все это измѣняется годъ отъ года. Купечество съ малолѣтства получаетъ образованіе, знаетъ языки, науки, политическія и торговыя связи всего свѣта, и теперь добросовѣстность почитается уже первымъ и необходимымъ качествомъ истиннаго негоціанта. Прежняя система обмановъ осталась большею частію въ однихъ низшихъ слояхъ купечества, и то съ большими исключеніями, такъ что съ распространеніемъ образованности, нѣтъ сомнѣнія, со временемъ слово *русскій купецъ* будетъ означать *честность, умъ* и *прямодушіе*. Тогда въ Россіи откроются обильные и безчисленные источники промышлености и торговли, которыхъ теперь не разработываютъ, по неимѣнію общихъ капиталовъ (компаній) и общей довѣренности (кредита). Тогда Россія именно составитъ отдѣльную часть свѣта, которой не нужны будутъ ни чьи, ни сырые, ни обдѣланные матеріялы и которая будетъ ими снабжать другихъ на *своихъ* карабляхъ и чрезъ *своихъ* банкировъ. И это не мечта, не утопія; время исполненія этого не такъ далеко; можетъ быть, оно совершится въ нынѣшнее же поколѣніе.

Крестьянскій бытъ во многомъ улучшился въ царствованіе Императора Николая. Не говоря о прекрасномъ управленіи удѣльными крестьянами, которое вѣроятно можетъ назваться образцовымъ для всей Европы, положеніе государственныхъ крестьянъ, благодаря попечительности министерства государственныхъ имуществъ, сдѣлалось самымъ благонадежнымъ и много обѣщающимъ въ будущемъ. Полезныя усовершенствованія не любятъ крутыхъ переломовъ и внезапныхъ мѣръ. Но при *пауперизмѣ* Англіи, при невѣжественномъ состояніи *пролетаріевъ* въ другихъ странахъ, нѣтъ сомнѣнія, что русскіе крестьяне стоятъ гораздо выше по благосостоянію, правамъ своимъ и общественной дѣятельности.

Европа упрекаетъ всегда Россію за ея *невольничество*, называя такъ помѣщичьихъ крестьянъ. Но мы уже привыкли видѣть, что Европа всегда судитъ о Россіи съ самой превратной точки зрѣнія и не знаетъ существа дѣла. Не понимая, напримѣръ, нашей системы самодержавія, она твердитъ, что мы подъ игомъ *деспотизма* и *абсолютизма*. Она никакъ не можетъ постигнуть святой и патріархальной власти Государя, который въ своемъ народѣ видитъ одну общую, огромную *семью*, къ которой онъ принадлежитъ, какъ *глава* и *отецъ*. Европа не чувствуетъ этой высокой и таинственной связи между *отцемъ-монархомъ* и *подданными-дѣтьми*. Между ними нѣтъ условій, договоровъ, конституцій, но законъ природный, семейный, переданный древними патріархами и самимъ Богомъ. Этою властію управлялъ Моисей цѣлымъ народомъ Израиля въ пустынѣ. Этотъ законъ, эта власть основаны на православной нашей вѣрѣ и на чувствѣ дѣтей къ отцу.

Точно также не понимаютъ въ Европѣ и состоянія помѣщичьихъ крестьянъ. На западѣ воображаютъ, что это феодальные рабы, какіе у нихъ были столько вѣковъ. Нѣтъ! Въ славянскихъ племенахъ никогда не было ни рабовъ, ни невольниковъ. Со временъ Рюрика преемники его раздавали своимъ военнымъ дружинамъ удѣлы, помѣстья, отчины; но люди этихъ имѣній, платя своему господину тоже, что платили бы Государю, всегда принадлежали государству, а не составляли личной собственности временнаго или наслѣдственнаго владѣльца.

Владычество монголовъ внесло въ наши славянскіе обычаи много восточно-азіятскихъ плевелъ. Слово *рабъ* было уже принадлежностью людей, подвластныхъ татарамъ. Князья ходили въ орду на поклонъ ханамъ; деньгами и униженіемъ покупали они право владычествовать, и много тогда переняли дурнаго и несвойственнаго нашимъ нравамъ. Наконецъ Россія свергла съ себя это

постыдное иго и начала составлять *свое* государство, *свой* народъ, *свою* исторію.

При Борисѣ Годуновѣ обнаружилось много замѣшательствъ между помѣщиками. Богатые переманивали къ себѣ крестьянъ отъ бѣдныхъ, которые рѣшительно дѣлались бѣднѣе самихъ крестьянъ. Землю нѣкому было воздѣлывать. Цѣлые округи превратились въ пустыри. Чтобъ прекратить эти переходы крестьянъ и проистекающія отъ того разстройства, царь приказалъ тогда, чтобъ крестьяне оставались навсегда на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ кто жилъ, то есть *крѣпкими къ землѣ* (крѣпостными). Но это узаконеніе вовсе не отдавало людей въ неволю, въ рабство. Они по прежнему принадлежали государству, платя помѣщику за получаемую отъ него землю, или работая ему три дня въ недѣлю, вмѣсто платы. Вотъ вся перемѣна отъ закона прикрѣпленія Бориса Годунова.

Въ послѣдствіи, когда помѣщики стали перепродавать другъ другу свои земли, крестьяне, разумѣется, переходили съ землею къ другому владѣтелю, и это правило сохранилось до сихъ поръ. Отдѣльная продажа людей никогда не была основана на государственныхъ законахъ, а ввелась частными сдѣлками и злоупотребленіемъ. Она давно уже прекращена въ Россіи, и помѣщикъ представляетъ только владѣтеля своей земли, къ которой прикрѣплено извѣстное число душъ, платящихъ ему оброкъ, или работающихъ на него три дня въ недѣлю. Если Европа видитъ въ этомъ рабство, она ошибается. Это скорѣе родъ римскихъ кліентовъ, пользующихся покровительствомъ своихъ господъ. Помѣщики-землевладѣльцы есть вездѣ въ Европѣ, и вассальство крестьянъ ихъ гораздо хуже и тяжелѣе русскаго. Сгорятъ ли отъ пожара домы европейскихъ крестьянъ, сдѣлается ли у нихъ голодъ отъ неурожая, падетъ ли скотъ отъ чумы, помѣщику нѣтъ до этого дѣла, онъ требуетъ своей условной платы, или работы. Въ Россіи же помѣщикъ спѣ-

шитъ выстроить изъ своего лѣса опять избы, даетъ крестьянину хлѣбъ для посѣва и пропитанія, снабжаетъ его скотомъ, и потому *пауперизмъ* и *пролетаріатъ* у насъ неизвѣстны. Помѣщикъ *долженъ* кормить крестьянъ, покуда у самого есть что нибудь. Конечно, бываютъ случаи злоупотребленія власти, бываютъ злые помѣщики, но гдѣ же нѣтъ дурныхъ людей, гдѣ нѣтъ злоупотребленій? Исключеніе не составляетъ правила, и еслибъ европейскіе писатели поглядѣли на большую часть нашихъ хорошихъ помѣщичьихъ имѣній, они осыпали бы упреками *свое* управленіе, а не русское; они увидѣли бы, что эти вѣчные возгласы о рабствѣ и невольничествѣ—однѣ фразы, а не истина.

Въ царствованіе Императора Николая весьма много послѣдовало улучшеній въ крестьянскомъ быту помѣщичьихъ имѣній, и если что осталось довершить, то болѣе въ формѣ, нежели въ сущности, для разъясненія закона Бориса Годунова.

Сословіе служащихъ лицъ (чиновниковъ) также многимъ обязано отеческимъ попеченіямъ Николая I. До Петра I дворянство наше не любило служить, и только военные подвиги вызывали его на служебное поприще. Великій преобразователь Россіи видѣлъ, что это тунеядство на долго отстрочитъ дѣло просвѣщенія и присоединенія къ Европѣ; онъ велѣлъ всѣмъ служить, такъ что недоросли, или неслужащіе лишались права дворянства при второмъ поколѣніи. Эта мѣра была тогда необходима. Въ наше время число служащихъ становится уже чрезмѣрнымъ. Всѣ хотятъ служить, но не всѣ могутъ имѣть мѣста. Безъ службы же нѣтъ и правъ дворянства. Для отвращенія этихъ неудобствъ Императоръ Николай I издалъ много прекрасныхъ узаконеній, и нѣтъ сомнѣнія, что Августѣйшій преемникъ его довершитъ полезныя мѣры, остающіяся по этой части.

Перейдемъ теперь къ литературѣ. Она всегда соста-

вляетъ въ исторіи мѣрило народной славы и силы. Времена Августа были апогеемъ римскаго могущества, когда Горацій, Виргилій, Овидій возвели римскую литературу на высшую степень. Вѣкъ Людовика XIV далъ Корнеля, Расина, Мольера. Вѣкъ Елисаветы — Шекспира. У Екатерины былъ Державинъ. У Александра Карамзинъ со всею плеядою отличныхъ писателей, прославившихъ его царствованіе. Екатерина II обратила первая вниманіе на литературу. Но Александру принадлежитъ вся честь основанія нашей народной славы въ этомъ отношеніи. Поздно, конечно, вступила Россія на это поприще, и трудно ей догонять Европу, но за то намъ приготовлены и разработаны всѣ стихіи. Остается выбирать хорошее и освоивать его съ нашими нравами, обычаями и правилами. Первая половина царствованія Императора Николая была самая блистательная въ отношеніи къ литературной нашей славѣ. Пушкинъ, Жуковскій, начавшіе свое прекрасное поприще при Александрѣ I, достигли своего апогея и полной зрѣлости дарованій при Николаѣ I. Это были два великіе свѣтила нашей литературы, которые имѣли величайшее вліяніе на нашъ языкъ, а въ особенности на поэзію. Къ несчастію, Пушкинъ погибъ безвременно въ самыхъ мужественныхъ силахъ своего дарованія. Рука чужеземца, какъ бы изъ зависти запада къ нашей славѣ въ литературѣ, поразила его. Это была безвозвратная потеря, потому что дальнѣйшія его услуги вѣрно были бы еще важнѣе оказанныхъ до той минуты. Сравнивъ первые его опыты съ первою поэмою «Русланъ и Людмилла», видимъ мы уже молодаго поэта, много обѣщающаго въ будущемъ. Бакчисарайскій фонтанъ, Кавказскій плѣнникъ слѣдуютъ все еще по той же стезѣ, но уже съ большею зрѣлостью таланта и силою лиризма. Евгеній Онѣгинъ открываетъ новый характеръ поэзіи Пушкина. Это Донъ-Жуанъ Бейрона со всею русскою юмористикою, со всею философіею, дозволенною поэту, со

всѣмъ глубокимъ чувствомъ великаго дарованія. Съ этой минуты Пушкинъ сталъ уже на первую ступень въ нашей литературѣ. Но дальнѣйшія его произведенія доказывали, что онъ все еще идетъ впередъ и вовсе не намѣренъ остановиться. «Бородинская годовщина» и «Клеветникамъ Россіи» были высшимъ выраженіемъ его лирическаго таланта. Судя по этому, можно вообразить себѣ, до какой бы высоты достигло его дарованіе. Великій трудъ Исторіи Петра І-го, конечно, доставилъ бы ему вѣнокъ нашего лучшаго исторіографа, но все это погибло съ его кончиною. И теперь, будетъ ли скоро другой Пушкинъ? Самыя условія поэзіи теперь уже другія. Самыя требованія публики не тѣ. Пушкинъ былъ первымъ и единственнымъ представителемъ русской литературы со временъ Державина. Имя его принадлежитъ исторіи и потомству.

Оцѣнка критическая всѣхъ его сочиненій составитъ великій трудъ для будущихъ нашихъ литераторовъ, но мы должны указать на біографію его при послѣднемъ изданіи сочиненій. Она написана по возможности подробно и добросовѣстно.

Жуковскій менѣе его имѣлъ вліянія на языкъ и современную литературу, потому что, обладая отличнѣйшимъ дарованіемъ версификатора (стихотворца), онъ болѣе подражалъ, нежели создавалъ и болѣе вводилъ въ нашу литературу хорошіе иностранные элементы, нежели творилъ свое, русское. Однакоже заслуги его велики и имя его принадлежитъ къ блистательнѣйшимъ въ нашей литературѣ.

Крыловъ принадлежалъ тоже къ блистательному періоду царствованія Александра І-го и довершилъ при Николаѣ І-мъ свое знаменитое поприще. Воздвигнутый ему памятникъ (въ лѣтнемъ саду) доказываетъ, какъ Императоръ цѣнилъ его заслуги для славы Россіи. Крыловъ былъ исключительно русскій, народный поэтъ и философъ.

Его горькія истины—уроки всѣмъ и каждому, скрытыя подъ флеромъ аллегоріи, были иногда рѣзки, но всегда вѣрны и справедливы. Конечно, басни его не исправили современниковъ, но открыли глаза на многое и многихъ, и стихи его сдѣлались народными поговорками.

Изъ литераторовъ, собственно принадлежащихъ къ царствованію Николая, болѣе всѣхъ прославился Гоголь. Юношескія его произведенія подавали блистательнѣйшія надежды видѣть въ немъ беллетриста. Его повѣсти дышали простодушіемъ, чувствомъ, юморомъ и занимательностью. Но потомъ онъ составилъ себѣ особый родъ литературы, совершенно юмористическій. Представителемъ этого рода былъ романъ: *Мертвыя души*. Кромѣ юмора, много въ немъ философскихъ идей и познанія человѣческаго сердца. Къ сожалѣнію, кончилъ онъ жизнь преждевременно, въ крайнемъ разстройствѣ души и тѣла. А потому дарованіе его и не получило полнаго своего развитія, ни самое лицо его полной опредѣлительности въ нашей литературѣ. У него было много приверженцевъ и порицателей, и какъ всегда, одни слишкомъ превозносили его, другіе унижали. Первые ставили его выше Гомера, другіе сравнивали съ Польдекокомъ. Онъ ни то, ни другое. Онъ просто Гоголь, создавшій свой родъ и обладавшій неотъемлемымъ, неоспоримымъ, высокимъ дарованіемъ. Безъ дарованія нельзя было бы составить себѣ ни такой партіи друзей, ни такой толпы враговъ. Если подражатели его исказили родъ своего учителя, то это всеобщая участь всякаго *подражанія*. Чтобъ подѣлаться, схватываютъ болѣе всего недостатки, а не красоты оргинала.

Н. Полевой былъ тоже весьма замѣчательнымъ лицемъ этого литературнаго періода. Лучшій журналъ въ Россіи былъ, безспорно «Телеграфъ», издаваемый Полевымъ. Попытка его къ написанію ***Исторіи Русскаго народа*** (она къ сожалѣнію не кончена), была геніальною

мыслію. Драматическое его поприще было блистательно, и никто изъ современныхъ писателей такъ хорошо не зналъ вкуса публики.

Кукольникъ началъ свое литературное поприще самымъ блистательнымъ образомъ. Его *драматическія фантазіи* возбудили всеобщее вниманіе. Его піеса: *Рука всевышняго отечество спасла* — сдѣлала его вдругъ первымъ современнымъ драматургомъ. Повѣсти его (въ особенности изъ временъ Петра I-го) исполнены занимательности и тонкаго, вѣрнаго взгляда на описываемыя событія. Къ сожалѣнію, послѣднія его творенія не обнаружили возрастающей постепенности въ развитіи таланта. И однакоже, имя его неоспоримо принадлежитъ къ самымъ почетнымъ въ нашей литературѣ.

Грибоѣдовъ прославился своею неподражаемою комедіею: *Горе отъ ума*. Это одно его произведеніе (серьозное), и его довольно для вѣчной славы Грибоѣдова. Онъ, какъ Крыловъ, превратилъ свои стихи въ народныя поговорки. Это лучшее доказательство популярности писателя.

Князь Одоевскій, князь Вяземскій, первый повѣстями, а второй поэзіею, снискали себѣ тоже прекрасную извѣстность въ исторіи русской словесности.

Прекрасные труды трехъ путешественниковъ: Муравьева, Норова и Чихачева обратили тоже всеобщее вниманіе въ литературномъ мірѣ этого періода.

Изъ историческихъ трудовъ заслужилъ себѣ Устряловъ почетное имя прекрасными произведеніями.

Замѣчательно, что послѣднее десятилѣтіе этого періода литература становилась все бѣднѣе и слабѣе.

Завистливо слѣдя за каждымъ движеніемъ Россіи, Европа упрекала въ этомъ строгость нашей цензуры, будто бы подавляющей всякую мысль. Мы никогда не отвѣчали на эти обвиненія, но скажемъ только, что съ

этою же цензурою были у насъ: Пушкинъ, Жуковскій, Крыловъ, Гоголь, Кукольникъ, Полевой, Грибоѣдовъ; отъ чего же вдругъ изсякъ источникъ нашей словесности? Не отъ того ли, что событія Европы 1848 года оледенили всякую мысль и обратили всеобщее вниманіе на грозный разливъ революціонныхъ идей. Матеріяльно онъ не коснулся до насъ. Православная вѣра и преданность къ престолу оградили насъ отъ этой язвы. Но литературное развитіе могло остановиться, потому что это же дѣйствіе замѣчено было и во всей Европѣ. Вездѣ царствовала одна полемика, бѣснующаяся, изступленная, огнедышащая. Конечно, противъ этого разлива и этой заразы должны были принять у насъ нѣкоторыя оградительныя мѣры въ книгопечатаніи, но здравыя и благонамѣренныя идеи никогда не были стѣснены; по крайней мѣрѣ на это никогда не было ни воли, ни желанія правительства.

Изъ музыкальныхъ композиторовъ прославились въ царствованіе Николая I-го Глинка (операми: *Жизнь за Царя, Русланъ и Людмила*), Львовъ (обезсмертившій себя народнымъ гимномъ), Даргомыжскій, графъ Мих. Ю. Віельгорскій, Верстовскій, Варламовъ.

По части живописи эпоха эта произвела знаменитаго русскаго художника Брюлова, а также Бруни и др.

Театръ составляетъ отдѣльную часть литературы и исскуства. Россія поздно начала догонять прочую Европу на этомъ поприщѣ, хотя можетъ гордиться многими знаменитыми именами, но еще далеко не достигла эпохи Шекспировъ, Шиллеровъ, Корнелей, Расиновъ, Мольеровъ и др. Самымъ блистательнымъ періодомъ русскаго театра и въ литературѣ и въ искусствѣ было царствованіе Александра I-го, и первая половина царствованія Николая I-го.

Съ тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія упалъ французскій классицизмъ, по стезямъ котораго до тѣхъ поръ

шли наши авторы. Съ Дюма и Гюго воцарился романтизмъ, со всею поэзіею истинныхъ талантовъ и со всею неурядицею и безобразіемъ писателей, воображающихъ, что литература не должна имѣть ни какихъ законовъ. Къ сожалѣнію, русскіе авторы повѣрили этому новому направленію условій на западѣ, бросились въ романтизмъ, и театръ упалъ. Классицизмъ Корнеля, Расина, Мольера поддерживалъ сценическое искусство своими правилами и условіями. При новомъ родѣ піесъ вздумали и актеры, что правила не нужны, а довольно одного вдохновенія. Отъ этого упало драматическое искусство. Нѣтъ сомнѣнія, что съ возрожденіемъ драматургіи воскреснетъ и оно. Главное направленіе нашей драматической литературы состоитъ въ составленіи національнаго репертуара. Начиная съ Фонъ-Визина, многіе старались на этомъ прекрасномъ поприщѣ. Князь Шаховской, Грибоѣдовъ, Гоголь, Полевой, Кукольникъ пріобрѣли почетныя имена въ исторіи нашей чисто-народной драматургіи. Если эта цѣль когда либо будетъ достигнута, то и сценическое искусство, опираясь на нее, почувствуетъ, что безъ правилъ, ученья и условныхъ формъ нѣтъ изящества, нѣтъ художническихъ заслугъ и славы. До тѣхъ поръ едвали русскій театръ въ состояніи будетъ поправиться. Въ первые годы царствованія Николая I существовали еще классическая трагедія, высокая комедія, драма, опера. Мало по малу первые два рода совершенно исчезли, осталась драма и полукомедія (то есть комедія нравовъ и интригъ). Авторы писали, что имъ легче, досужіе и бенефисные писатели вытѣснили своимъ наводненіемъ водевилей старый репертуаръ, исказили вкусъ публики и истребили искусство. Къ этому присоединились и безвозвратныя потери, понесенныя въ послѣднее время театромъ. Лучшіе, первоклассные актеры умерли, или оставили сцену, такъ что если бы вдругъ теперь захотѣлось публикѣ возвратиться

къ прежнимъ требованіямъ, то уже хорошихъ піесъ и играть не кому.

Была нѣкогда и русская опера, блиставшая первоклассными талантами. Лучшій и любимѣйшій родъ *комической оперы* славился въ началѣ этого періода и держался до тридцатыхъ годовъ; потомъ, съ появленіемъ оперъ Глинки, блеснулъ еще на мигъ *большою оперою* и скрылся. Существованіе въ С. Петербургѣ лучшей въ Европѣ италіянской оперы довершило изгнаніе русской. Одинъ балетъ, издревле славившійся въ С. Петербургѣ, не измѣнилъ своей славѣ и можетъ считаться изъ лучшихъ въ Европѣ. Чрезвычайно много выигралъ театръ съ тридцатыхъ годовъ въ роскоши, изяществѣ и великолѣпіи монтировокъ. Въ прежнія времена считались бы онѣ баснословными; теперь публика почти привыкла требовать этого ежедневно. Пріѣзжіе иностранцы не могутъ надивиться этой роскоши.

Изъ сценическихъ знаменитостей нашихъ въ продолженіе этого періода можно назвать: Каратыгина, Брянскаго, Сосницкаго, В. М. Самойлова, Каратыгину, Сосницкую, Асенкову, четырехъ Самойловыхъ: Марію, Вѣру, Надежду и В. В. Самойлова.

Заключивъ общій обзоръ о состояніи разныхъ сословій въ Россіи, исторія можетъ предоставить потомству ясную и вѣрную картину, до какой степени развилась она въ достопамятный періодъ тридцатилѣтія Николая I. Отеческія попеченія Его видны вездѣ. Ни одна часть не избѣгла прозорливой его заботливости и усовершенствованій. Видя эти великіе государственные труды и подвиги, невольно обращаемъ взоръ на перваго преобразователя Россіи Петра I, и находимъ разительное сходство между ними. Петръ I хотѣлъ сдѣлать свой народъ *европейскимъ*, и провелъ всю жизнь въ исполинскихъ трудахъ, для достиженія этой цѣли.—Николай I хотѣлъ уже,

чтобъ народъ его былъ не только европейскій, но болѣе всего *русскій*, со всѣми доблестями души, съ непоколебимою вѣрою христіанина, съ неодолимымъ мужествомъ воина, съ неуклоннымъ исполненіемъ долга.

Одинъ поэтъ сказалъ недавно, что глядя на подвигъ и труды Петра, надобно бы назвать Россію *Петровіей*. Теперь, исчисливъ всѣ дѣла Николая I и видя вездѣ на всемъ печать его высокой души и любви къ Россіи, можно бы тоже именовать ее *Николаевіею*.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Стр.

ГЛАВА I. 1848-й годъ.—Иностранныя происшествія: Франція. Революція 22—24 февраля. Отреченіе Лудовика Филиппа. Отъѣздъ его. Временное правленіе. Республика. Созваніе конституціоннаго собранія. Возстаніе 18-го мая. Битва четырехъсуточная въ іюнѣ. Кавеньякъ, диктаторъ и временный президентъ. Италія. Возстаніе Сициліи. Происки Англіи. Революція въ Вѣнѣ. Возстаніе въ Миланѣ. Піемонтъ объявляетъ войну Австріи. Венеція-республика. Кампанія графа Радецкаго. Сраженіе при Сомма-Кампаньи. Перемиріе. Германія. Гейдельсбергское собраніе. Пріуготовительный парламентъ. Собраніе Франкфуртскаго сейма. Избраніе намѣстника. Эрцгерцогъ Іоаннъ. Дѣйствія парламента. Познань. Шлезвигъ-Голстейнъ. Бунтъ во Франкфуртѣ. Пруссія. Бунтъ 17-го и 18-го марта. Прокламація короля. Германское знамя, кокарда и цвѣта 5

ГЛАВА II. 1848-й годъ. — Продолженіе иностранныхъ происшествій: Австрія. Пражская революція. Новая Вѣнская революція 15-го мая. Возстаніе въ Прагѣ. Бомбардированіе ея княземъ Виндишгрецемъ. Венгрія. Пріобрѣтеніе ею политическихъ правъ. Протестъ славянскихъ племенъ. Іелашичъ. Бунтъ въ Пестѣ. Разрывъ съ Австріею. Бунтъ въ Вѣнѣ. Отъѣздъ императора. Прокламація его. Отреченіе отъ престола. Императоръ Францъ Іосифъ. Взятіе Вѣны. Кампанія Виндишгреца и Іелашича противъ Венгерцевъ. Англія. Россія. Приказъ военному министру. Манифестъ. Декларація. Нота къ германскимъ дворамъ. Состояніе умовъ въ

Стр.

Европѣ. Дѣйствія Россіи. — Внутреннія происшествія: Холера. Бракосочетаніе Великаго Князя Константина Николаевича. Война на Кавказѣ. Пожары. Новыя узаконенія. Александровскій Лицей 39

ГЛАВА III. 1849-й годъ.—Европейскія событія: Франкфуртскій парламентъ. Избраніе прусскаго короля. Отвѣтъ его. Конституція имперіи. Волненія. Отъѣздъ виртембергскаго короля. Дрезденскія кровопролитія. Увольненіе намѣстника. Окончаніе парламента. Италія. Война Піемонта съ Австріею. Разбитіе Карла Альберта. Отреченіе его. Отъѣздъ. Австрія. Венгерская война. Опасное положеніе Австріи. Просьба о помощи русскому императору. Ходъ военныхъ дѣйствій. Побѣды русской арміи. Гергей положилъ оружіе. Италія. Данія. Франція въ Римѣ. Россія. Манифестъ о венгерской войнѣ. Декларація. Свиданіе Монарховъ въ Варшавѣ. Государь провожаетъ войска до границъ. Манифестъ объ окончаніи войны. Кончина Великаго Князя Михаила Павловича. Манифестъ. Приказъ по военно-учебнымъ заведеніямъ. Заговоръ тайнаго общества. Дѣйствія на Кавказѣ. Кончина Великой Княжны Александры Александровны. Замѣчательные законы 72

ГЛАВА IV. 1850-й годъ. Франція. Италія. Данія. Германія. Англійскій флотъ въ Греціи. Требованія Англіи. Посредничество Франціи и Россіи. Требованія Англіи въ Неаполѣ и Тосканѣ. Россія. Свиданіе съ императоромъ австрійскимъ. Путешествіе Цесаревича. Участіе его въ дѣлѣ на Кавказѣ. Пожалованіе орденомъ Св. Георгія 4 степени. Открытіе постояннаго моста на Невѣ. Открытіе императорскаго музеума. Дѣла на Кавказѣ. Законы . . 121

ГЛАВА V. 1851-й годъ. Европа. Англія. Революціонныя ея происки. Ссора съ Папою. Ссора съ Австріею. Ссора съ Неаполемъ. Франція. Борьба Собранія съ президентомъ республики. Переворотъ 2-го декабря. Избраніе Людовика Наполеона президентомъ на 10 лѣтъ. — Внутреннія событія: Поѣздка Императорской Фамиліи въ Москву по желѣзной дорогѣ. Утвержденіе постройки Варшавской желѣзной дороги. Военныя дѣйствія на Кавказѣ. Путешествіе. Замѣчательные законы 134

ГЛАВА VI. 1852-й годъ. — Европейскія происшествія: Франція. Англія. Титулъ Наполеона III. Гер-

стр.

манія. Таможенный союзъ. Черногорія. Война съ Турціею. Данія. Престолонаслѣдіе. Россія. Кавказская война. Поѣздка Императорской фамиліи. Смерть князя П. М. Волконскаго. Кончина герцога Лейхтенбергскаго. Указъ о потомствѣ его. Столѣтіе Морскаго корпуса. Замѣчательныя узаконенія . . 148

ГЛАВА VII. 1853—1854-й годъ.—Восточный вопросъ въ этнографическомъ, историческомъ и религіозномъ отношеніяхъ. Современная политика Европы. Вопросъ о святыхъ мѣстахъ. Посольство графа Лейнингна въ Константинополь.—Посольство князя Меншикова. Офиціяльные документы. Дѣйствія западныхъ державъ. Переходъ чрезъ Прутъ. Вѣнскія конференціи. Первоначальная нота. Измѣненія Согласіе Россіи на общую ноту. Отказъ Турціи. Лордъ Редклифъ. Объявленіе войны Турками. Свиданіе въ Ольмюцѣ. Описаніе военныхъ дѣйствій 163

ГЛАВА VIII. 1854—1855-й годъ. — Переворотъ войны. Вмѣшательство Англіи и Франціи. Синопская побѣда. Лордъ Сеймуръ. Возстаніе Грековъ. Политика западныхъ державъ. Историческіе документы. Война. Внезапная политика Австріи. Объявленія ея. Договоръ съ Турціею. Трактатъ 2-го декабря. Четыре пункта гарантій. Описаніе военныхъ дѣйствій. Крымская кампанія. Высадка. Сраженіе при Алмѣ. Бомбардированіе. Инкерманское сраженіе. Зимняя осада. Послѣдняя реляція о боѣ при Евпаторіи. Болѣзнь Императора. Описаніе послѣднихъ часовъ Его жизни. Завѣщаніе Его. Заключеніе 224

ГЛАВА IX. — Послѣднія минуты жизни Императора Николая I. Завѣщаніе.

ГЛАВА X. — Обзоръ внутренняго состоянія Россіи. Характеръ Николая I. Чувства души. Просвѣщеніе. Военно-учебныя Заведенія. Армія. Безсрочные. Артиллерія. Флотъ. Торговля. Крестьяне: удѣльные, государственные, помѣщичьи История. Сословіе чиновниковъ. Обзоръ литературы. Музыка. Живопись. Архитектура. Театръ. Заключеніе.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Списокъ особъ, подписавшихся на книгу: Тридцатилѣтіе Европы въ царствованіе НИКОЛАЯ I-го.

(По хронологическому порядку).

	экзем.
Генералъ отъ кавалеріи *Л. В. Дубельтъ.*	
Актеръ *И. И. Сосницкой.*	
Генералъ-лейтенантъ *А. А. Полѣновъ.*	
Смирдинъ (книгопродавецъ)	5
Лонгиновъ (книгопродавецъ).	
Купцы: *П. Т. Слезкинъ.*	
А. В. Андринъ.	
А. А. Кокушкинъ.	
И. И. Зотовъ.	
А. Ф. Алексѣевъ.	
Оберъ-камергеръ графъ *Г. А. Строгоновъ.*	
Отставной полковникъ *П. В. Смирницкій.*	
Дѣйствительный статскій совѣтникъ *С. Н. Аладовъ.*	
Севастопольскаго адмиралтейскаго собора протоіерей *Антоній Демьяновичъ,* что нынѣ настоятель военнаго собора въ крѣпости Бобруйскѣ.	
П. А. Кузнецовъ.	
Книгопродавецъ *В. И. Григорьевъ.*	2
С. Ф. Клининъ.	
Коллежскій совѣтникъ *Е. А. Галкинъ.*	
Подполковникъ *В. А. Щолковъ.*	
Маіоръ *Н. А. Щолковъ.*	
Поручикъ гв. артил. *Я. И. Овандеръ.*	
Штабсъ-капитанъ гв. арт. *П. Н. Красюкъ.*	

Иногородные.

Ржевъ. *Воулинъ-Чупятовъ.*
Устюжна. Купеч. сынъ *И. И. Шишовъ* (нов. губ.)
Бобруйскъ. Протоіерей *Антоній Демьяновичъ.*
Варшава. *П. А. Рихманъ.*

экзем.

Шавли. Командиръ Ревельскаго пѣхотнаго полка генералъ-маіоръ *Фарафонтовъ*.

Симбирскъ. Штабсъ-капитанъ князь *В. И. Баюшевъ*.

Москва. Гражданскій Губернаторъ *Синельниковъ*.

Генералъ губернаторъ западной Сибири *Гасфортъ*.

Городъ Чернь (Тульской губерніи) *И. Н. Молчановъ*. . 2

Архангельская Казенная палата.

Полковникъ *А. Е. фонъ-Винклеръ*, Херсонской губерніи городъ Григоріополь. 2

Исправникъ Казан. губ. города Спаска *Шишкинъ*.

Священникъ собора *І. Ѳ. Лебедевъ*, въ Енотаевскъ, Астраханской губерніи.

Вятской губерніи Котельническаго уѣзда Некрасовскій волостной писарь *И. А. Лугининъ*.

Семипалатинской области письмоводитель градской полиціи *А. С. Доманевскій*.

Галичскій земскій судъ, для князя *А. А. Вяземскаго* и подполковника *І. К. Салена*. 2

Омскъ. Командиръ сибирскаго линѣйнаго баталіона № 6, подполковникъ *И. Ф. Гурскій*. 2

Тоб. губ. въ Омскъ, бухгалтерія главнаго управленія западной Сибири.

Черниговск. губ. Стародубскаго уѣзда въ заштатный городъ Почаръ, коллежскій секретарь *И. С. Роговичъ*.

Дирекція училищъ Тобольской губерніи 10 экземпляровъ и 1 экземпляръ старшему учителю *Доброхотову*.

Bayerische StaatsBibliothek
Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Zotov, Rafail Michajlovič,

Tridcatilětie Evropy v carstvovanie imperatora Nikolaja I

Bd.: 2

S.-Peterburg 1857

Eur. 1025 f-2
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10409605-9